

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Факультет «Экстремальная психология»

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. ТАНКА**

Кафедра социальной и семейной психологии
(Республика Беларусь)

**ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени С. АМАНЖОЛОВА**

Кафедра психологии и коррекционной педагогики
(Республика Казахстан)

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ

19 декабря 2024 года

г. Москва
2025

УДК 159.9

ББК 88.4

Э41

Рецензенты:

▪ **Колябин С.В.**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Института современного образования и информационных технологий;

▪ **Мальцева Т.В.**, доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Э41 Экстремальная психология: интеграция науки и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. М.И. Марьина, В.Е. Петрова. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – 295 с.

ISBN 978-5-94051-324-7

В настоящем издании представлены материалы выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экстремальная психология: интеграция науки и практики», проведенной 19 декабря 2024 года на базе факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

В сборник включены статьи и тезисы выступлений участников, посвященные наиболее актуальным проблемам экстремальной психологии в условиях современных вызовов обществу и государству, психологического обеспечения профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля, а также проблемам оказания психологической помощи различным субъектам в кризисных и трудных жизненных ситуациях.

Материалы предназначены для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов вузов, специалистов органов управления образованием, руководителей и психологов силовых ведомств.

ББК 88.4

ISBN 978-5-94051-324-7

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарное заседание

<i>Деулин Д.В.</i> Психологическое содержание современных экстремальных видов увлечений молодежи.....	7
<i>Крук В.М.</i> Надёжный подход к морально-политическому и психологическому состоянию специалиста силовых структур.....	12
<i>Стельмах С.А., Керимова Я.А.</i> Особенности игровой зависимости у студентов.....	18
<i>Круглова Е.А.</i> Психологические детерминанты профессионального выгорания сотрудников специальных подразделений Росгвардии.....	30

Секция 1.

Экстремальная психология в условиях современных вызовов обществу и государству

<i>Дегтярева И.В.</i> Взаимосвязь новостной информации, связанной с терроризмом, с психологическим состоянием населения.....	36
<i>Карпинская В.Ю., Скотникова И.Г., Егорова П.И., Апанович В.В., Сафонов П.А.</i> Исследование когнитивной деятельности при изменении состояния человека в особо сложных условиях (пилотаж).....	42
<i>Кочкина С.П.</i> Обсуждение методики по изучению причин склонности личности ко лжи у лиц юношеского возраста.....	49
<i>Лаас К.С.</i> Экстремальный досуг современной молодежи как социальный вызов обществу.....	54
<i>Марьян М.И., Полушина М.Д.</i> Особенности социально-психологического состояния молодежи как фактор формирования экстремистских идей (на материале Северного Кавказа).....	60
<i>Мунтян А.Е., Поздняков В.М.</i> Личностные предикторы профессиональной бдительности сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России.....	68
<i>Петров В.Е.</i> Психодиагностическая оценка проявлений профессиональной деформации личности у экстремальных добровольцев.....	75
<i>Ратушкина Е.А., Анцибор Ю.А.</i> Взаимосвязь уровней готовности к профессиональному самоопределению и мотивов выбора профессии «пожарный» у кадет.....	86
<i>Утюганов А.А., Караяни Ю.М., Голубева Н.С.</i> Самодетерминация как ресурс личностного выбора и жизнеспособности представителей профессий особого риска.....	91
<i>Христенко В.В., Землянкина А.И.</i> Посттравматическое расстройство как последствие экстремальной ситуации.....	100
<i>Щербинина А.С.</i> Субъективная экстремальность как феномен личности специалистов профессий особого риска.....	106

Секция 2.

Прикладные аспекты психологического обеспечения профессий особого риска с учетом глобальных вызовов

<i>Абдрахманова Д.В., Кокурин А.В.</i> Взаимосвязь стратегий совладания со стрессовыми ситуациями и психологического благополучия у сотрудников МЧС России.....	113
<i>Булгаков В.В.</i> Ценностно-смысловые предпосылки патриотизма у воспитанников суворовского училища.....	121
<i>Егоров А.А.</i> О развитии у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации навыков произвольной психической саморегуляции.....	126
<i>Ермолаева А.В.</i> Особенности психологического консультирования военнослужащих – участников (ветеранов) специальной военной операции и членов их семей.....	131
<i>Ефимкина Н.В., Чеснокова И.А.</i> Психологические особенности использования тактики «когнитивное интервью».....	137
<i>Нестерова П.С.</i> Социально-психологические факторы профессионального самоопределения суворовцев в процессе обучения.....	142
<i>Николаева П.А., Кокурин А.В.</i> Взаимосвязь социально-психологической адаптации пожарных с локусом контроля и устойчивостью к стрессу.....	149
<i>Петров В.Е., Мухина Е.С.</i> Особенности профессиональной мотивации кандидатов к прохождению военной службы по контракту в экстремальных условиях.....	157
<i>Петровская И.А.</i> Психологические детерминанты формирования компьютерной зависимости.....	165
<i>Попель Н.В.</i> Психологические детерминанты стрессоустойчивости лиц летного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.....	173
<i>Попова О.Б., Михайловский М.Н.</i> Оценка эффективности деятельности специалистов МЧС России в экспертизе профессиональной психологической пригодности.....	178
<i>Сечко А.В.</i> Установка и пилотирование летательным аппаратом в сложных условиях.....	186
<i>Тарасова А.А.</i> Проявление негативных психологических последствий у личного состава МЧС России, участвующего в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.....	194

Секция 3.

Теория и практика экстренной и кризисной психологической помощи

<i>Голик Т.Ю., Екимова В.И., Левченко А.В.</i> Самоотношение подростка как интерпсихическая репрезентация родительских установок.....	203
<i>Даниска М.В.</i> Особенности проявления эмоционально зависимых отношений у подростков.....	211

<i>Ефремова Ю.С.</i> Развитие эмпатии и эстетических представлений как средство психологической помощи подросткам с неблагоприятным семейным опытом.....	217
<i>Зинатуллина А.М.</i> Влияние развития стрессоустойчивости на биологический возраст взрослых обучающихся.....	226
<i>Иордан А.А., Остапенко А.О., Петров В.Е.</i> Влияние склонности к эгалитарному поведению у женщин на благополучие в семейных отношениях.....	232
<i>Лагунова А.С., Аганина М.О.</i> Психоэмоциональное состояние обучающихся после вооруженного нападения на образовательную организацию (опыт Брянской области).....	239
<i>Семида Н.Б.</i> Особенности эмоционального благополучия младших подростков из разных регионов.....	246
<i>Степанова А.В.</i> Ценностные установки подростков, склонных к девиантному поведению.....	253
<i>Степанова О.С., Иванова А.О.</i> Особенности эмоциональной сферы младших школьников.....	259
<i>Финогенова Т.А., Берко А.А.</i> Психологическая безопасность и переживание террористической угрозы: исследование среди студентов колледжа.....	267
<i>Худякова М.Г., Деулин Д.В.</i> Теоретические подходы к феноменологии межличностных конфликтов у подростков.....	274
<i>Шарпе И.Е.</i> Адаптация и дезадаптация подростков: гендерный и социально-психологический аспекты.....	278
<i>Ширяшкина С.С.</i> Индивидуально-психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению.....	284
<i>Щеколова Н.С., Деулин Д.В.</i> Влияние дисфункциональной семьи на проявление психологического благополучия младших школьников.....	288

* * *

Проведение факультетом «Экстремальная психология» МГППУ совместно с Институтом психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка (Республика Беларусь) и Восточно-Казахстанским государственным университетом им. С. Аманжолова (Республика Казахстан) Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Экстремальная психология: интеграция науки и практики» показало растущий интерес ученых, специалистов, педагогов и психологов-практиков к исследованию и обсуждению различных проблем экстремальности, имеющих ключевое значение для современного общества. В рамках мероприятий Конференции, прошедшей 19 декабря 2024 года, заслушано более 80 докладов и выступлений, приняло участие более 120 специалистов.

В настоящий Сборник вошли доклады, которые вызвали широкую дискуссию среди участников, в том числе на Пленарном заседании, а также в рамках трех секций и трех «круглых столов».

Материал сгруппирован в три раздела. Первый раздел «Экстремальная психология в условиях современных вызовов обществу и государству» посвящен актуальным проблемам экстремальной психологии, вызовам и угрозам современному обществу. Раздел «Прикладные аспекты психологического обеспечения профессий особого риска с учетом глобальных вызовов» ориентирован на проблематику профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля, а также обоснование направлений совершенствования психологической подготовки и сопровождения представителей опасных профессий. В разделе «Теория и практика экстренной и кризисной психологической помощи» размещены материалы по проблемам оказания психологической помощи при переживании трудной жизненной ситуации, кризисов и психологической травмы.

Отдельные материалы, представленные участниками Конференции, не вошедшие в настоящий сборник, размещены в депозитарии на сайте факультета «Экстремальная психология».

М.И. Марьин, В.Е. Петров

Пленарное заседание

Деулин Дмитрий Владимирович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
декан факультета экстремальной психологии,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: ddeulin@yandex.ru

Deulin Dmitry Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Dean of the Faculty of Extreme
Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ УВЛЕЧЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

PSYCHOLOGICAL CONTENT OF MODERN EXTREME TYPES OF HOBBIES AMONG YOUNG PEOPLE

Аннотация. На основе анализа отечественных и зарубежных публикаций формируется представление о психологическом содержании современных экстремальных видов увлечений у молодежи. Представлен обзор подходов к оценке экстремальных увлечений, их причинам и последствиям. Анализируются социальные и биологические предикторы, предопределяющие вовлечение в экстремальную деятельность молодых людей. Представленная картина различных подходов демонстрирует противоречивые взгляды на рассматриваемую проблематику.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, экстремальные увлечения, зацепинг, бейсджампинг, антивитальное поведение.

Abstract. Based on the analysis of domestic and foreign publications, an idea is formed about the psychological content of modern extreme types of hobbies among young people. An overview of approaches to assessing extreme hobbies, their causes and consequences is presented. The social and biological predictors that determine the involvement of young people in extreme activities are analyzed. The presented picture of different approaches demonstrates contradictory views on the issue under consideration.

Keywords: extreme situation, extreme hobbies, train surfing, base jumping, anti-vital behavior.

В последнее десятилетие в молодежной среде набирают популярность экстремальные увлечения. Актуальность темы исследования определяется высокой статистикой участия несовершеннолетних в опасных экстремальных соревнованиях, имеющих летальные последствия. На основе анализа научной литературы под экстремальными увлечениями можно подразумевать такие увлечения, которые сопряжены с экстремальной ситуацией, характеризующейся, прежде всего, обстановкой, связанной с давлением на человека угрожающих и неблагоприятных факторов (угроза жизни и здоровью), а также наличием риска и эмоционального напряжения в условиях осуществления какой-либо деятельности. Экстремальный дословно обозначает «крайний», «предельный». Некоторые профессии сопряжены с «экстремальной практикой», например, представителя силовых ведомств и др. Сотрудники проявляют мужество, демонстрируют решимость в решении служебных задач. Подобные риски для здоровья и жизни являются во многом

оправданными, поскольку часто выполняется миссия, направленная на спасения жизней других людей. Однако бывают ситуации неоправданного риска, когда вне профессионального долга абсолютно неподготовленный человек неожиданно для себя открывает различные виды «экстремального досуга».

В одном из отечественных исследований проводился опрос среди студентов, целью которого было выяснение содержания их досуга. На основе анализа было установлено, что в большинстве случаев молодежь предпочитает рискованные виды развлечений: скейтбординг; паркур (преодоление препятствий с использованием акробатических трюков без страховки); кайуокинг (покорение самых высоких точек в городе без специального снаряжения); диггерство (спуск и изучение подземных коммуникаций); сталкерство (посещение и изучение заброшенных мест); зацепинг (проезд вне салона транспортного средства общественного пользования); бейскламбинг (подъем на большую высоту без страховки); «собачий кайф» (намеренное перекрытие доступа кислорода к мозгу для получения удовольствия) [5, С. 99]. Риск получения травм или смертельного исхода от такого досуга колоссальный. Например, увлечения бейсджампингом (прыжки со специальным парашютом) связан с пяти-восьмикратным риском летального исхода или травм по сравнению с обычными прыжками с парашютом [3, С. 1114].

В некоторых научных исследованиях «экстремальные увлечения» рассматриваются как разновидность аддитивного поведения, распространению которых способствуют следующие факторы: массовая западная культура; негативное воздействие молодежной субкультуры; низкий уровень доходов; неблагоприятная социальная ситуация развития (дисфункциональные семьи); эндогенные факторы (наследственность, перенесенные соматические заболевания); индивидуальная предрасположенность (тип акцентуации, личностные качества); низкий уровень культуры и образования и др. [1, С. 35-36; 2 и др.].

В настоящее время формированию экстремального досуга способствует его агрессивная популяризация через социальные сообщества Интернета, организация челленджей (соревнований). Т.В. Черкасова называет «экстрим-досуг» субкультурой с летальной ориентацией. По ее мнению, такая группа молодежи является носителями «особых спортивных качеств личности» (смелость, ловкость, выносливость, стремление к неформальной организации и др.) и поэтому у них имеется включенная психологическая профориентация к профессиям особого риска. Здесь предлагается рациональная политика институтов государства с целью селекции и отбора молодых людей, трансформации их способностей в социально-приемлемые и общественно-полезные формы деятельности [4, С. 349]. Как правило, такое резкое изменение в направленности деятельности, сопряженное с риском для здоровья и жизни может свидетельствовать о наличии неблагоприятного психического статуса. Тем более вызывает сомнения, что такое увлечение, как пишут в популярной

литературе и средствах массовой информации, может способствовать «личностному росту». Обычно, когда человек становится заложником негативных эмоций, которые возникают на частные жизненные ситуации, решение находится в попытках кардинально переформатировать вектор своего развития. Современная жизненная ситуация развития общества с непрекращающимися военными конфликтами, эпидемиями, стихийными бедствиями, социально-экономическими кризисами оказывает колоссальное давление на психику человека. Переживания, беспокойства, стресс могут способствовать тому, что в поисках выхода из кризиса, человек пренебрегает привычными методами саморегуляции и обращается к неординарным, вульгарным способам коррекции негативных эмоциональных состояний. К этому может подталкивать различного рода «рекомендации знакомых», ложное представление, которое формируется при просмотре сцен, связанных с занятием экстремальными видами спорта, искаженным ореолом романтики, сопровождаемым такого рода приключения и др. Несомненно, повлиять на выбор могут индивидуально-психологические особенности личности, предрасположенности к риску и опасности, сниженное чувство страха, подавленный инстинкт самосохранения. В некоторых работах упоминается о том, что глубинным драйвером такого поведения может выступать неосознаваемое влечение к самоубийству. Еще З. Фрейд писал о танатосе – некой бессознательной субстанции, в рамках которой происходит формирование деструктивной психической структуры личности, склонной к саморазрушению.

Иногда, с помощью экстремальных развлечений человек пытается спастись от безрадостной жизни и здесь даже могут возникать антивитаальные установки. Можно вспомнить слова известного философа А. Шопенгауэра о том, что умный человек в одиночестве найдет отличное развлечение в своих мыслях и воображении, тогда как даже непрерывная смена собеседников, спектаклей, поездок и увеселений не оградит человека со слабым умом от терзающей его скуки. Поэтому, прежде всего, в качестве профилактической меры, нужно развивать в себе интеллектуальный и духовный потенциалы, оказывать помощь близким, становиться эмпатийным человеком, а не замыкаться в себе. Кроме того, такое неоправданное увлечение экстремальными практиками может приводить к травмам, гибели, наносить ущерб общественным отношениям.

Подобная практика может быть результатом эскапизма – определенным бегством от травмирующей реальности. Неожиданный поворот человека к экстремальным занятиям является маркером тревоги, депрессии, экзистенциального кризиса. Но если разновидность такого экстремального досуга все-таки не угрожает жизни человеку или предпринимаются серьезные меры для обеспечения безопасности, то это может способствовать снижению уровня тревожности и стресса; формирования копинг-совладающего поведения с травмирующими воспоминаниями; преодоление негативных эмоций; поиску новых знакомств и др. Так, в этой связи интерес вызывает организация и проведение

практически естественного эксперимента, связанного с помещением группы студентов в условия военного конфликта. Программа исследования носила название «Приключенческий туризм». По итогам исследования у участников эксперимента, которые были в зонах, связанных с ведением боевых действий, наблюдалось снижение тревожности, стресса и риска ПТСР (посттравматического стрессового расстройства). По мнению авторов, это может стать профилактикой подобных расстройств в условиях, связанных с вовлеченностью в экстремальные виды деятельности [7, С. 418-419].

Вместе с тем, стоит помнить, что все-таки затяжной характер такой деятельности повышает риски. Подобным образом человек получает «психологическую анестезию», иллюзию решение проблем.

В некоторых зарубежных исследованиях (англоязычных) активно предлагается распространять экстремальные виды спорта, включать их в различного рода мероприятия, направленные на улучшение здоровья. Также авторы сообщают о необходимости поощрения научных исследований в области экстремальных видов спорта. Вовлечение молодых людей в экстремальные виды спорта решают проблемы социального взаимодействия, неформального обучения и социокультурной интеграции. Eric Bruyer, Francesco Feletti, Erik Monasterio и другие называют опасные виды экстремальных увлечений настоящей революцией в спорте и даже предлагают преодолеть традиционное представление о них как об отклонении. Единственное что их беспокоит в этом, так это многочисленный мусор, который оставляют после себя альпинисты, покоряя непреступные горы. Исследователи пытаются оправдать существование опасных видов спорта, снижая при этом значимость многочисленных несчастных случаев и даже смертельных последствий [8]. В других исследованиях показано, что предрасположенности к занятиям экстремальными видами спорта способствуют четыре основных фактора: импульсивность, социальная нечувствительность, планирование действий и поиск острых ощущений. Поиск новых и сильных впечатлений в сочетании с отсутствием контроля над собственным поведением являются основными детерминантами вовлеченности в экстремальные виды спорта [6, С. 8].

Обзор современных отечественных и зарубежных исследований характеризуется различного рода противоречиями в оценках психологического содержания экстремальных видов увлечений молодежи и их последствий. Вместе с тем, в зарубежных исследованиях наблюдается тенденция на исключительно биологизаторское понимание природы экстремального досуга и осуществление поиска научного обоснования поддержки таких увлечений молодежи. На наш взгляд, актуальным все-таки остается разработка мероприятий превенции и самопревенции. Для снижения рисков негативного влияния «экстремальных увлечений», необходимо развивать в себе интеллектуальный и духовный потенциалы, оказывать помощь близким, становиться эмпатийным человеком, а не замыкаться в себе.

Список литературы:

1. Вакула И.М., Загутин Д.С. Экстремальный спортивный досуг и транспортные девиации как проявление аддиктивного поведения в среде современной российской молодежи // Юрист – правовец. 2018. № 3 (86). С. 32-37.

2. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Сорейде К., Эллинген Л., Кнутсон В. Насколько опасен бейсджампинг? Анализ нежелательных явлений при 20 850 прыжках с массива Кьераг, Норвегия // Журнал травматологии: травма, инфекция и интенсивная терапия. 2007. № 62 (5). С. 1113-1117. DOI: 10.1097/01.ta.0000239815.73858.88.

4. Черкасова Т.В. Экстремальные молодежные субкультуры с летальной ориентацией: конфликтологический анализ // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 346-350.

5. Юдина А.И. Экстремальные увлечения современной молодежи: социальный вызов обществу и поиск альтернатив // Ученые записки (АГАКИ). 2017. № 2 (12). С. 97-100.

6. Próchniak P/, Próchniak A. Dark Side of Personality and Extreme Sports. Case of skydivers // Archives of Psychiatry and Psychotherapy. 2024/ September. № 26 (3). P. 7-16. DOI:10.12740/APP/183675.

7. The potential of adventure tourism as a means of preventing stress-related states in students during wartime / O. Andrieieva, N. Byshevets, V. Kashuba [ect.] // Physical rehabilitation and recreational health technologies. 2024. September. № 5 (9). P. 418-430. DOI:10.15391/prrht.2024-9(5).08.

8. Understanding Extreme Sports: A Psychological Perspective / E. Brymer, F. Feletti, E. Monasterio [ect.] // Frontiers in Psychology. 2020. January. DOI:10.3389/fpsyg.2019.03029.

References:

1. Vakula I.M., Zagutin D.S. Extreme sports leisure and transport deviations as a manifestation of addictive behavior among modern Russian youth // Jurist – pravoved. 2018. № 3 (86). pp. 32-37.

2. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the conditions of organizing creative work of students // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. pp. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Soreide K., Ellingsen L., Knutson V. How dangerous is base jumping? Analysis of adverse events during 20,850 jumps from the Kjerag massif, Norway // Journal of Traumatology: trauma, infection and intensive care. 2007. № 62 (5). pp. 1113-1117. DOI: 10.1097/01.ta.0000239815.73858.88.

4. Cherkasova T.V. Extreme youth subcultures with lethal orientation: conflictological analysis // Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2017. Vol. 6. № 2 (19). pp. 346-350.

5. Yudina A.I. Extreme hobbies of modern youth: a social challenge to society and the search for alternatives // Scientific notes (AGAKI). 2017. № 2 (12). pp. 97-100.

6. Próchniak P/, Próchniak A. Dark Side of Personality and Extreme Sports. Case of skydivers // Archives of Psychiatry and Psychotherapy. 2024. September. № 26 (3). P. 7-16. DOI:10.12740/APP/183675.

7. The potential of adventure tourism as a means of preventing stress-related states in students during wartime / O. Andrieieva, N. Byshevets, V. Kashuba [ect.] // Physical rehabilitation and recreational health technologies. 2024. September. № 5 (9). P. 418-430. DOI:10.15391/prrht.2024-9(5).08.

8. Understanding Extreme Sports: A Psychological Perspective / E. Brymer, F. Feletti, E. Monasterio [ect.] // Frontiers in Psychology. 2020. January. DOI:10.3389/fpsyg.2019.03029.

Крук Владимир Михайлович,

Военный университет имени князя А. Невского
Министерства обороны Российской Федерации
(г. Москва, Россия), профессор кафедры военно-
политической работы в войсках (силах), доктор
психологических наук, профессор
e-mail: krukvladim@yandex.ru

Kruk Vladimir Mikhaylovich,

Military university of a name of the prince A. Nevsky
Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow,
Russia), professor of department of military-political work
in troops (forces), doctor of psychological sciences,
professor

НАДЕЖНОСТНЫЙ ПОДХОД К МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ СОСТОЯНИЮ СПЕЦИАЛИСТА СИЛОВЫХ СТРУКТУР

NADEZHNOTNY APPROACH TO MORAL AND POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL TO CONDITION OF THE SPECIALIST OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Аннотация. В статье на основе рассмотрения некоторых теоретико-нормативных и практикоприменительных противоречий, связанных с обеспечением безусловного выполнения специалистом силовых структур задач по предназначению и определяемого, в частности, морально-политическим и психологическим состоянием, предлагается надежностный подход к пониманию данной проблемы, основанный на разрабатываемых в его рамках межведомственных и междисциплинарных психологических моделях личности.

Ключевые слова: морально-политическое состояние, психологическое состояние, надежность специалиста, модель личности.

Abstract. In article on the basis of consideration of some teoretiko-standard and praktikoprimitelny contradictions connected with ensuring unconditional performance by the specialist of law enforcement agencies of tasks of purpose and determined, in particular, by moral and political and psychological state, the nadezhnostny approach to understanding of this problem based on the interdepartmental and cross-disciplinary psychological models of the personality developed in its framework is offered.

Keywords: moral and political state, psychological state, reliability of a specialist, personality model.

Современная военно-политическая обстановка в мире, характеризующаяся Президентом Российской Федерации как непростая и нестабильная, обязывает заинтересованных исследователей объединять усилия в теоретическом обосновании и продвижении в практику консолидированных подходов к обеспечению безусловного соответствия специалиста силовых структур предъявляемым требованиям. Этот феномен в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) более века определяется понятием «состояния»: с 1917 года – политико-морального, с 1991 года – морально-психологического, с 2018 года – морально-политического и психологического (далее – МППС) [6].

В Стратегии национальной безопасности страны МППС характеризуется относящимся к ней и требующим особого внимания в контексте достижения целей обороны Российской Федерации.

Накопилось немало противоречий в терминологическом обозначении данного феномена, понимании его сущности и содержания, подходах к оценке и определению путей достижения и т.д., нуждающихся в осмыслении и обосновании путей их разрешения. Так, МППС военнослужащего, как представителя одной из групп специалистов силовых структур (далее – специалиста), в ведомственных документах рассматривается с социологических позиций, а терминологически определяется понятиями психологии личности как совокупность личностных идейно-политических установок, морально-нравственных ценностей, поведенческих мотивов и настроений, складывающихся под воздействием системы социально-политических и психологических факторов, влияющих на моральную готовность и психологическую способность личного состава выполнять поставленные задачи. Однако теоретического обоснования такого конструкта в ведомственной психологии нет, МППС в ней не рассматривается.

Ответственность за его МППС нормативно возложена на субъектов военно-политической работы (далее – ВПР), институт которой нацелен на его формирование, поддержание и восстановление на уровне, обеспечивающем выполнение задач по предназначению в любых условиях обстановки. Количественно-качественно определяемый уровень МППС является основным интегрированным показателем состояния ВПР. Однако функция его оценки с 2020-х годов возложена на выведенную из системы ВПР психологическую службу, представители которой в воинских частях и соединениях подчинены их командирам и только им доводят результаты оценки МППС.

Существуют две нормативно утвержденные для применения в определенных обстоятельствах методики оценки МППС, однако психологическая служба их не использует, как и понятие МППС, применяя для оценки обозначаемого этим понятием феномена другие понятия и методики, теоретическое обоснование которых субъектам ВПР неизвестно. В то же время заместителям командира по ВПР вменены в обязанность знание МППС специалистов и доклады о нем по команде и т.д.

В практике жизнедеятельности войск (сил) стал распространяться и известный истари конструкт боевого духа, в том числе с приданием ему подобия идее МППС. В одной из ведомственных методических разработок он характеризуется моральной и физической готовностью военнослужащих, подразделения, части, соединения, объединения и вооруженных сил к противостоянию, тяготам и лишениям воинской службы, постоянной нацеленностью на победу; совокупностью моральных и психологических качеств, которые, помимо других факторов, определяют боеспособность вооруженных сил [11, С. 4]. В связи с последним целесообразно учитывать, что исторически фактор успешности прогнозируемого и (или) реализуемого применения войск (сил) по предназначению обозначался двумя типами

понятий: религиозно-мистическими и светскими, с тенденцией к научному осмыслению. Первыми выражалась высшая, непреодолимая врагом и обстоятельствами сила, приводящая, несмотря на препятствующие условия, к социально значимым результатам: Божий Промысел («молись Богу, от Него победа», богатырство (Чудо-богатыри); Дух (Божий, моральный, нравственный, русский и т.д.). Вторые определялись свойствами (духовными, человека как бойца); сознанием (революционным, политическим); состоянием и т.д. Однако их типология не подменяла одна другую и даже взаимодополнялась. При этом очевидна несводимость любых понятий к их буквальному толкованию. Так, А.В. Суворов неизменно подчеркивал Божий Промысел, заступничество Высших сил, наличие Русского Духа войск («дух укрепляй в ВЕРЕ ОТЕЧЕСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ: безверное войско учить, что железо перегорелое точить») и т.д. Но при этом неустанно соединял это с: демонстрирующей преимущество перед противником боевой выучкой и высокой дисциплинированностью войск («Войско необученное, что сабля неотточенная... закаляй и береги богатырское здоровье, особливо от распутства. Обучай с разумом: от ржавчины да от плохой точки больший оружию вред, нежели от рубления»); новаторской стратегией и тактикой применения войск; совершенствованием боевых управленческих навыков и умений командиров всех степеней и многим другим, выходящим за рамки буквальной трактовки исходного понятия [8].

В этом же контексте одни из основоположников отечественной ведомственной психологии, М.И. Дьяченко и Н.Ф. Феденко, еще на заре ее современного становления подчеркивали, с одной стороны, важность целостного изучения психики воинов в условиях войны и боя с целью обоснования методов и средств воздействия на нее; с другой – важность этого для поднятия и укрепления боевого духа, побуждения их к самоотверженным боевым действиям [2, С. 111].

В связи с этим проблематика МППС, будучи практикоориентированной и междисциплинарной, рассматривается в военно-теоретических источниках соответственно духу времени, воззрениям конкретных авторов и развитию военно-политической теории и практики [1, 3, 7 и др.]. Она исследуется также в межведомственной научной школе военно-политического и психологического обеспечения надежности специалиста силовых структур [4, 5 и др.]. В ряде работ ее представителей рассматривается конструктивность осмысления МППС в рамках известных в профессиональном сообществе структур личности специалиста.

Одной из распространенных из них является элементаристская, т.е. представленная структурными элементами по терминологии Н.Ф. Феденко модель, предложенная им в монографии 1966 года. В ней он обосновал, что единство психических процессов, состояний, свойств и образований составляет психологическую структуру личности, практическая ценность элементов которой заключается в том, что они являются как бы схемой изучения подчиненных [9, С. 51]. МППС относится к одному из них.

В межведомственной научной школе обеспечения надежности специалиста силовых структур МППС определяется рядоположным надежностью (являющейся, в самом общем смысле, соответствием установленным требованиям) феноменом и рассматривается в нескольких взаимосвязанных моделях личности, каждая из которых является определенным уровнем ее исследования (кстати, в начале XX века этот феномен неоднократно определялся известным военным теоретиком и психологом Н.Н. Головиным, среди прочего, надежностью).

С позиций системно-ситуативного надежностного подхода МППС специалиста проявляется в его конкретной деятельности и поведении, единицей анализа которых является ситуация. Ее структурными составляющими в исходном виде (Б.Я. Шведин) являются: выполняемая им задача; условия; сам специалист (в элементаристском конструкте), выполняющий конкретную задачу в конкретных условиях [4].

В надежностном понимании МППС выделяется три особенности, отличающиеся от социологического подхода. Во-первых, это не психологический (в смысле ограничения только сферой сознания), а психический феномен (т.е. относящийся и к сфере бессознательного). Во-вторых, это также психофизический феномен в смысле необходимости его рассмотрения в неразрывной связи с профессионально-исполнительской моторной составляющей (ловкостью, выносливостью и др.), развитостью соответствующих физических качеств по предназначению в целом (работоспособностью и др.) военнослужащего. В-третьих, применительно к военнослужащему это еще и специфическая составляющая структуры его личности: МППС выражает весь потенциал личности в конкретной ситуации деятельности и поведения.

Системно-ситуативный надежностный подход к пониманию МППС целесообразен при первичном изучении специалиста полномочным командным и военно-политическим составом. В дальнейшем он дополняется профессионально-деятельностным надежностным подходом, основанным на конструкте профессиональной надежности специалиста силовых структур А.Ю. Федотова [10]. В нем концептуальная модель профессиональной надежности (суть МППС) специалиста представлена результирующей несколько структурных компонентов: профессионализма, психологической устойчивости и психической готовности (еще один в данном случае не рассматривается) в конкретной ситуации деятельности. В предметно-содержательном отношении каждый из них включает мотивационную, профессионально-исполнительскую, профессионально-аналитическую и саморегуляционную составляющие.

Показателями профессионализма специалиста являются профессиональный опыт, квалификация, компетентность; профессиональные алгоритмы действий и способы решения профессиональных задач; профессиональные навыки и умения; диспозиционные (долговременные) компоненты профессиональной мотивации и др.

Показателями психологической готовности выступают настроенность, желание предпринять профессиональные действия по выполнению конкретной задачи в сложившихся условиях; сформированность образов профессиональных действий, их операциональное соответствие конкретной ситуации, возможность быстрой и гибкой адаптации и т.д.

Показателями психической устойчивости выступают сформированность, понимание и принятие Я-образа, определяющие его стабильность в различных ситуациях жизнедеятельности; определяемая способностью к самоконтролю и саморегуляции; стандартизованность и вариативность профессиональных действий; развитость сознательного контроля и др.

Внешними критериями компонентов профессионально-деятельностной надежностной модели МППС специалиста выступают:

- для профессионализма – объем и разноплановость задач и условий, в которых может быть достигнута необходимая эффективность действий конкретным специалистом;

- для психологической готовности – усредненный временной показатель перехода от предшествующего действия к целесообразным действиям по выполнению другой задачи с заданной эффективностью;

- для психической устойчивости – длительностью промежутка времени, в течение которого специалист может удерживать или целесообразно трансформировать динамику психических состояний, обеспечивающих заданный уровень эффективности реализуемых действий.

Таким образом, надежностный подход в работе с личным составом силовых ведомств позволяет достичь наивысших показателей служебной деятельности.

Список литературы:

1. Баранов Е.Г., Морев А.В. Обучение курсантов приемам оценки морально-политического и психологического состояния военнослужащих и психогенных потерь в подразделении // Военная мысль. 2024. № 5. С. 141-150.

2. Дьяченко М., Феденко Н. Из истории военной психологии в России // Военно-исторический журнал. 1961. № 9. С. 111-118.

3. Крук В.М. и др. Оценка морально-политического и психологического состояния военнослужащих: перспективы надежностного подхода / Оценка морально-политического и психологического состояния военнослужащих: методология и современные практики. Материалы междунар. научно-практ. конф. (г. Москва, 12.01.2022). М.: Изд-во «Спутник+», 2022. С. 125-129.

4. Крук В.М., Федотов А.Ю. Системно-ситуативный анализ в практической деятельности должностных лиц психологической службы: учебно-метод. пособие. М.: Изд-во Научно-учебный комплекс «Информатика и системы управления» МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016. 120 с.

5. Крук В.М., Федотов А.Ю., Васильева М.С. Военно-профессиональная направленность личности: от истоков к надежностному подходу // Военный академический журнал. 2024. № 1. С. 19-30.

6. Певень Л.В. «Закон главенствующего значения духовного элемента для победы в бою». Отечественный опыт исследования и оценки морально-политического и

психологического состояния военнослужащих // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 66-79.

7. Петров В.Е. Целостность мировоззрения как предиктор личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 2-6.

8. Суворов А. Наука побеждать. (с рисунками великого полководца А. Суворова). Репринтное издание 1913 года. М.: Изд. Центр «Анkil-Воин», 1996. 64 с.

9. Феденко Н.Ф. Очерки по психологии личности советского воина. Монография. М.: ВПА, 1966. 228 с.

10. Федотов А.Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2020. 47 с.

11. Формирование и поддержание боевого духа. Метод. рекомендации. Для заместителей командиров по военно-политической работе и должностных лиц, ответственных за организацию военно-политической работы. М.: ГВПУ ВС РФ, 2024. 36 с.

References:

1. Baranov E.G., Morev A.V. Teaching cadets techniques for assessing the moral, political and psychological state of military personnel and psychogenic losses in the unit. // Military thought. 2024. № 5. P. 141-150.

2. Dyachenko M., Fedenko N. From the history of military psychology in Russia // Military Historical Journal. 1961. № 9. P. 111-118.

3. Kruk V.M. and others. Assessment of the moral, political and psychological state of military personnel: prospects for a reliable approach / Assessment of the moral, political and psychological state of military personnel: methodology and modern practices. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, 12.01.2022). Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2022. P. 125-129.

4. Kruk V.M., Fedotov A.Yu. System-situational analysis in the practical activities of officials of the psychological service: educational method. the manual. Moscow: Publishing house of the Scientific and educational complex «Informatics and control systems» of the Bauman Moscow State Technical University, 2016. 120 p.

5. Kruk V.M., Fedotov A.Yu., Vasilyeva M.S. Military-professional orientation of personality: from the origins to a reliable approach // Military Academic Journal. 2024. № 1. P. 19-30.

6. Pevenj L.V. «The law of the predominant importance of the spiritual element for victory in battle». Russian experience of research and assessment of the moral, political and psychological state of military personnel // Military Historical Journal. 2023. № 4. P. 66-79.

7. Petrov V.E. The integrity of the worldview as a predictor of personal choice of participation in extreme volunteerism // Legal Psychology. 2024. № 3. P. 2-6.

8. Suvorov A. Science to win. (with drawings by the great commander A. Suvorov). Reprint edition of 1913. Moscow: Publishing Center «Ankil-Warrior», 1996. 64 p.

9. Fedenko N.F. Essays on the personality psychology of the Soviet soldier. Monograph. Moscow: VPA, 1966. 228 p.

10. Fedotov A.Y. Psychological support of professional reliability of a specialist in law enforcement agencies: abstract of the dissertation. ... Doctor of Psychological Sciences, Moscow, 2020. 47 p.

11. Formation and maintenance of morale. Method. recommendations. For deputy commanders for military and political work and officials responsible for organizing military and political work. Moscow: GVPU of the Armed Forces of the Russian Federation, 2024. 36 p.

Стельмах Светлана Александровна,
Восточно-Казахстанский университет имени
С. Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Казахстан),
профессор кафедры психологии и коррекционной
педагогике, кандидат психологических наук
e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Stelmakh Svetlana Alexandrovna,
East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk,
Kazakhstan), Professor of the Department of Psychology
and Correctional Pedagogy, PhD in Psychology

Керимова Ясмен Азадин кызы,
Восточно-Казахстанский университет имени
С. Аманжолова (г. Усть-Каменогорск, Казахстан),
студентка
e-mail: svbvbb@mail.ru

Kerimova Yasmen Azaddin kizi,
East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk,
Kazakhstan), student

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ У СТУДЕНТОВ

FEATURES OF GAMING ADDICTION IN STUDENTS

Аннотация. В статье рассматривается такая актуальная для современного информационного общества тема, как зависимость от компьютерных игр. Проведено определение масштабов проблемы игровой зависимости у студентов, в том числе определение частоты и продолжительности игровой деятельности, а также проявления агрессии и депрессии при наличии игровой зависимости. Использовались методы: авторский опросник «Зависимость от компьютерных игр» (шкалы агрессии, аддикции и депрессии), φ^* критерий Фишера. Испытуемые: студенты от 1 до 4 лет Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (возраст от 17 до 35 лет) – 198 человек, из них 77 % – женщины. Имеются данные о связи компьютерной игровой зависимости и агрессии, свидетельствующие о большей агрессивности у людей с высоким уровнем игровой зависимости. Полученные результаты позволяют предположить, что мужская выборка более подвержена игровой зависимости и связанные с ней симптомы агрессии могут перекинуться и в реальную жизнь.

Ключевые слова: игровая зависимость, компьютерные игры, депрессивность, агрессивность, студенты, стресс.

Abstract. The article considers such a topical issue for the modern information society as computer game addiction. The scale of the problem of gaming addiction in students was determined, including the frequency and duration of gaming activity, as well as manifestations of aggression and depression in the presence of gaming addiction. The following methods were used: the author's questionnaire «Addiction to computer games» (scales of aggression, addiction and depression), φ^* Fisher criterion. Subjects: students from 1 to 4 years of age of the East Kazakhstan University named after S. Amanzholov (age from 17 to 35 years) – 198 people, of which 77 % are women. There is data on the relationship between computer gaming addiction and aggression, indicating greater aggression in people with a high level of gaming addiction. The results obtained suggest that the male sample is more susceptible to gaming addiction and the associated symptoms of aggression can spill over into real life.

Keywords: gaming addiction, computer games, depression, aggression, students, stress.

В современном мире цифровые технологии и высокие технологии стали частью повседневной жизни. Проблема игровой зависимости среди

студентов очень интересна и актуальна. Это значит, что даже преподаватели работают за компьютером, учат и учатся в удовольствие. Студенческие годы – это время больших перемен и испытаний, и в этом контексте многие молодые люди используют видеоигры как средство релаксации, снятия стресса и как виртуальный мир, в котором они могут реализовать свои фантазии и взаимодействовать, чтобы удовлетворить свои потребности в учебе, приключения и коммуникабельность.

Согласно DSM-5, расстройство, связанное с интернет-играми, является настоящим клиническим диагнозом и определяется при соответствии пяти (или более) из девяти предложенных критериев. 1) страсть к онлайн / оффлайн играм; 2) появление неприятных симптомов перед прекращением игры; 3) необходимость проводить все больше времени за играми; 4) предпринимать попытки контроля участия в играх; 5) потеря интереса к прежним увлечениям и развлечениям посредством игр и исключения игр; 6) постоянные чрезмерные игры, несмотря на знание психосоциальных проблем; 7) обман родственников, терапевтов или других лиц относительно масштабов игры; 8) используйте игры, чтобы отвлечься или снять негативное настроение; 9) угроза или потеря важных отношений, работы, образования или карьерных возможностей из-за игр [11]. Эта рекомендация является отличной решением проблемы и для решения проблем и неотложных действий.

Результаты исследования М.А. Акопова позволили выявить личностно-эмоциональные особенности студентов, которые проявляются в более высоком уровне тревожности и агрессивности, более низких значениях компонентов психоэмоционального состояния и более выраженных типов эмоциональной окраски личностных акцентуаций, они могут быть выражены сильнее, чем у студентов, не имеющих компьютерной игровой зависимости [1]. Результаты данного исследования свидетельствуют о возможном негативном влиянии компьютерной игровой зависимости на личностно-эмоциональные характеристики студентов.

В своем исследовании А.В. Гришина выделяет психологические факторы, которые могут способствовать развитию компьютерной игровой зависимости, – индивидуально-личностные факторы, факторы социальной среды [4].

Исследование компьютерной зависимости среди студентов, проведенное китайскими учеными, выявило ряд показателей, связанных с интернет-игровым расстройством (ИГР) – большее время, проводимое за играми, снижение успеваемости, отказ от других видов деятельности, потеря контроля, абстинентный синдром и т.д. [12]. Исследование студентов Тюменского государственного университета показало, что наиболее выраженные негативные характеристики, связанные с низкой надежностью обработки информации, низкой выносливостью и дифференцирующей способностью центральной нервной системы, а также снижением избирательности восприятия информации, наблюдаются у респондентов с выявленными признаками интернет-зависимости [8]. Схожие результаты

отмечаются в исследовании игровой зависимости у представителей профессий особого риска [6].

В своем аналитическом обзоре исследований в области психологии интернет-зависимости и компьютерной игровой зависимости Н.В. Кочетков. определили, что интернет-пользователям, интернет-зависимым и геймерам свойственны негативные психологические характеристики, которые выражаются в языковом упрощении, изоляционизме, трудностях общения, склонности к негативизму, отсутствию самооценки, копинг-стратегиях, ценностных ориентациях, планировании и немотивированных действиях [7].

Исследования последних лет показывают тревожные тенденции компьютерной зависимости среди студентов. Пристрастие к компьютерным играм представляет серьезную угрозу здоровью и благополучию учащихся. Последствия затрагивают различные аспекты их жизни: от академических успехов до физического и психического здоровья и до социальных взаимодействий. В то же время существуют противоречивые мнения о том, что компьютерные игры являются не вредным, а полезным явлением, если к процессу организации игр подходить с правильных позиций [9]. Систематическое исследование влияния киберспорта на стресс дает представление о проблемной стороне киберспорта и предполагает, что будущие исследования должны быть сосредоточены на поиске способов предотвращения игровой зависимости [14].

Вышеизложенные положения послужили основой для исследования особенностей компьютерной игровой зависимости среди студентов Университета С. Аманжолова.

Цель исследования – выявить личностные особенности студентов, связанных с компьютерной и игровой зависимостью.

Методы исследования.

1. Авторская анкета «Зависимость от компьютерных игр» включала три шкалы: агрессия, зависимость и депрессия. Опрос проводился онлайн с использованием программной платформы Qualtrics. Опрос проводился анонимно. Этическая экспертиза и одобрение исследования были получены от комитетов по этике Высшего педагогического факультета Университета С. Аманжолова.

2. Изучение среднего значения, процентного распределения по группам.

3. Метод преобразования углов по Фишеру (критерий ϕ^*).

В исследовании приняли участие 198 человек, студенты ВКУ им. С. Аманжолова в возрасте от 17 до 35 лет. Число женщин составило 153, количество мужчин – 45. Исследование проводилось с ноября по декабрь 2023 года.

Результаты исследования. После анализа результатов опроса респонденты были разделены на три категории в зависимости от уровня мотивации к занятиям спортом. К фаворитам коротких игр относятся те, кто набрал 4-6 баллов. Эта группа, т.е. те, кто менее активен в занятиях спортом, может демонстрировать лучшую способность распределять свое время и

балансировать различные аспекты своей жизни. Они могут быть больше заинтересованы в различных видах деятельности и досуга за пределами онлайн-компьютерных игр.

В высокоспортивную группу входят те, кто набрал от 7 до 9 баллов. Их характеристики включают следующее: Они немного увлекаются компьютерными играми, что может повлиять на то, как они управляют своим временем и приоритетами в своей повседневной жизни. Эта группа может быть оторвана от виртуального мира и реального мира, но игры по-прежнему занимают большую часть их свободного времени.

Учащиеся в возрасте 10-12 лет, которые относятся к группе с высокой игровой зависимостью, могут иметь много показателей того, что компьютерные игры оказывают значительное влияние на их поведение и жизнь. Другими словами, они проводят много времени за компьютерными играми. Симптомы личности сопровождаются снижением активности в реальной жизни, включая обучение и социальные ресурсы. Зависимость от упражнений также может влиять на психологическое состояние человека, заставляя его впадать в депрессию, гнев или подавленность, когда он не может заниматься спортом или когда упражнения идут не так хорошо (рис. 1).

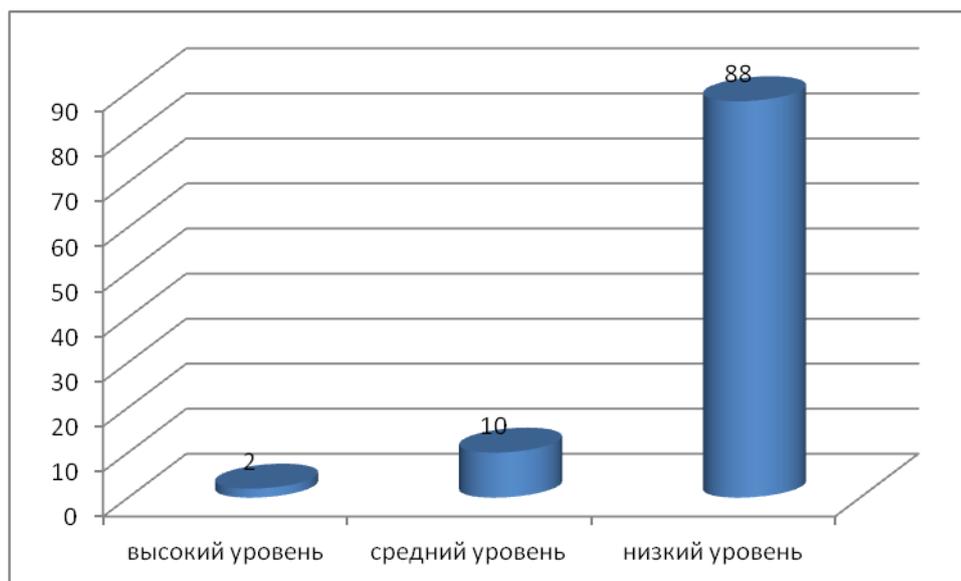

Рисунок 1 – Гистограмма процентного распределения респондентов по уровням игровой зависимости

Большинство респондентов (88 %) имели низкий уровень самооффективности. В эту группу вошли студенты, неправильно ответившие на следующие вопросы: «Я провел больше времени за компьютерными/мобильными играми, чем планировал», «Мне трудно контролировать время, которое я провожу за компьютерными / мобильными играми», «Компьютерные/мобильные игры мешают мне выполнять свои задачи и обязанности», «Компьютерные / мобильные игры влияют на мои отношения с другими людьми». 2 % респондентов были отнесены к группе

высокого риска. У остальных испытуемых был средний уровень игровой зависимости.

Было исследовано влияние пола респондента на ценности. Анализ респондентов мужского и женского пола по группам курения (рис. 2) показал, что распространенность курения выше среди мужчин, чем среди женщин с наркотической зависимостью (24 %) и высокой распространенностью наркозависимости (7 %). Это подтверждают исследования М.Е. Елютина и А.А. Неруша, которые установили, что распространенность длительного увлечения компьютерными играми выше среди мужской доли молодых зрителей компьютерных игр. Новичков, занимающихся спортом менее одного-трех лет, нет [5].

По значению ϕ^* значимой разницы между мужчинами и женщинами не наблюдалось ($\phi^* - 1,415$). Исследование Newzoo [16] выявило глобальную тенденцию к использованию видеоигр среди женщин, что противоречит результатам этого исследования – респонденты-женщины чаще говорили, что любят компьютерные игры. Это означает, что у женщин больше разнообразных хобби (не только спортивных), чем у мужчин.

Рисунок 2 – Гистограмма процентного распределения респондентов по уровням игровой зависимости с учетом гендера

Следующий этап исследования подразумевал изучение особенностей личностных характеристик (агрессивность, депрессивность) у респондентов с разными уровнями игровой зависимости.

Анализ результатов опроса позволил разделить всех респондентов по трем уровням агрессивности. В группу с низким уровнем агрессивности вошли респонденты, набравшие 2 и менее балла. Респонденты данной группы склонны к более спокойному и невраждебному поведению в различных ситуациях. Респонденты, вошедшие в группу со средним уровнем агрессивности, набравшие 3 балла, демонстрируют умеренное проявление агрессивного поведения в определенных ситуациях. Респонденты, вошедшие в группу с высоким уровнем агрессивности и набравшие 4-5 баллов,

проявляют определенные черты, связанные с интенсивным уровнем агрессивного поведения. Студенты с высоким уровнем агрессивности, играющие в компьютерные игры, могут проявлять агрессивное поведение не только в виртуальном мире, но и в реальной жизни, особенно в ситуациях повышенного напряжения или конфликта.

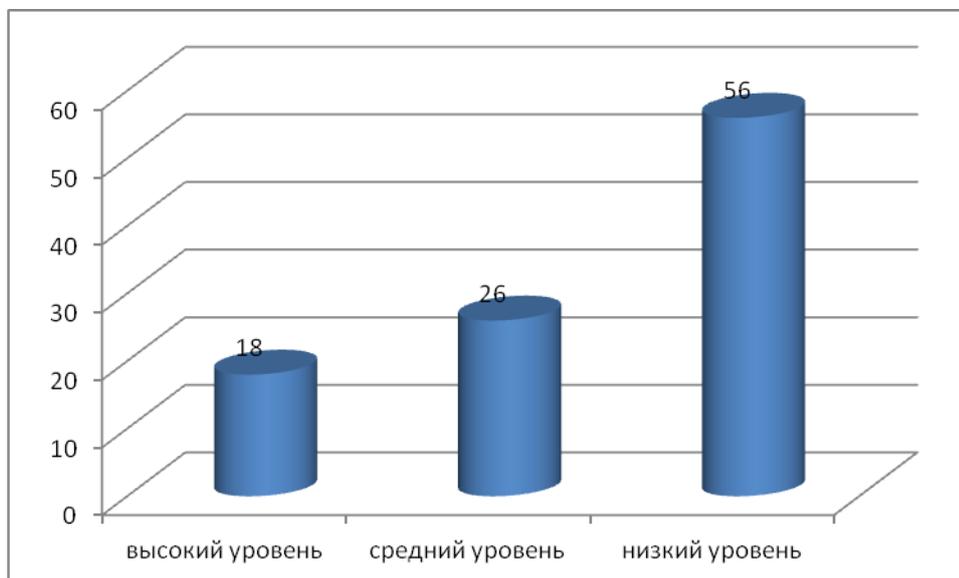

Рисунок 3 – Гистограмма процентного распределения всех респондентов выборки по уровням агрессивности

Большинство студентов (56 %) были отнесены к группе с низкой агрессивностью (рис. 3). В эту группу вошли студенты, которые ответили отрицательно на следующие вопросы: «Я склонен быть агрессивным в компьютерных / мобильных играх», «Влияет ли агрессивное поведение в компьютерных / мобильных играх на ваше поведение в реальной жизни?». 18% респондентов были отнесены к группе с высокой агрессивностью.

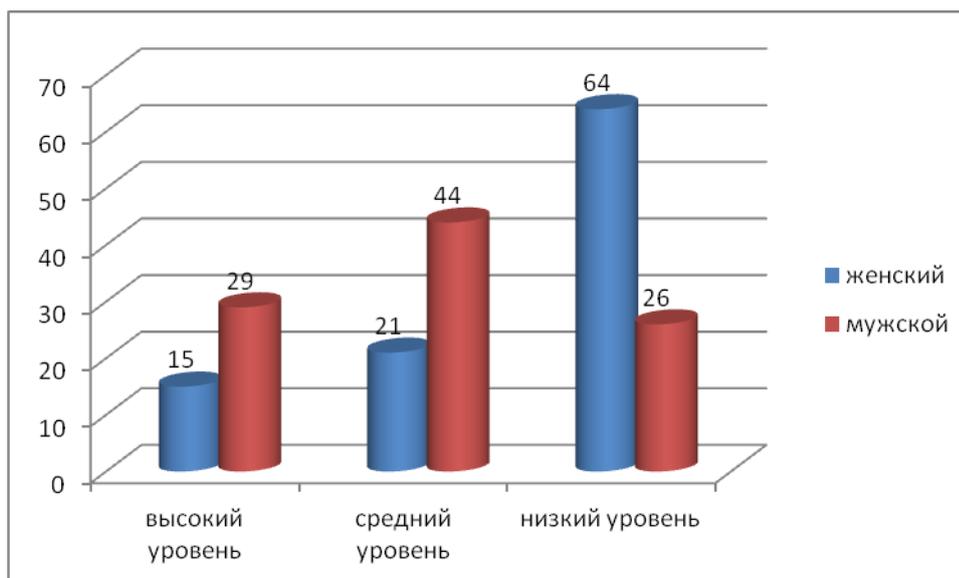

Рисунок 4 – Процентное распределение респондентов по уровням агрессивности с учетом гендера

Анализ гендерного распределения респондентов по группам агрессивности (рис. 4) показал, что мужская выборка больше представлена в группах со средним (44 %) и высоким (29 %) уровнем агрессивности.

В частности, высокая доля мужчин в группах со средней и высокой агрессивностью может свидетельствовать о возможном влиянии компьютерных игр на проявление агрессивного поведения у мужчин в реальной жизни. По критерию ϕ^* наблюдается значимая разница между мужчинами и женщинами – критерий ϕ^* ($p < 0,05 = 2,005$). Анализ распределения респондентов с разным уровнем агрессивности в трех группах аддиктивного поведения дал следующие результаты (рис. 5).

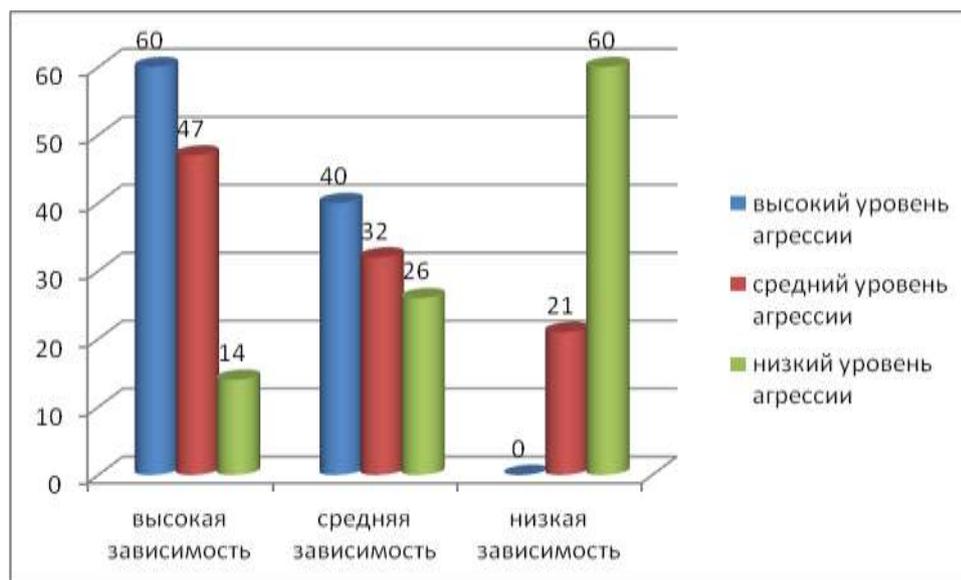

Рисунок 5 – Процентное распределение респондентов по уровням зависимости (в зависимости от уровня агрессии)

Для людей с низким уровнем зависимости характерно отсутствие высокой агрессивности, что кардинально отличает их от выборки респондентов с высоким уровнем зависимости (60%). По критерию ϕ^* наблюдается значимая разница между высоким уровнем агрессии и высоким уровнем зависимости – критерий ϕ^* ($p < 0,01 = 2,625$). Данный факт подтверждается исследованиями Г.Ф. Голубевой и др. о том, что существует связь между уровнем компьютерной зависимости, имеющей негативные последствия, и косвенной агрессией, физической агрессией и недоверием [2]. Таким образом, представленные данные подтверждают гипотезу о связи компьютерной игровой зависимости с агрессией и свидетельствуют о более выраженной агрессивности у людей с высоким уровнем игровой зависимости.

На следующем этапе исследования основное внимание уделяется изучению связи компьютерной игровой зависимости с уровнем депрессии у респондентов (рис. 6). Большинство студентов (80 %) были отнесены к группе с низким уровнем депрессии. Группа респондентов с низким уровнем депрессии, оцененная в 3-4 балла, представляет собой подгруппу с более благоприятным эмоциональным состоянием. В эту группу вошли студенты,

которые ответили отрицательно на следующие вопросы: «Я чувствую себя подавленным после длительных сеансов компьютерных / мобильных игр», «Компьютерные / мобильные игры могут ухудшить мое настроение», «Я заметил, что у меня бывают периоды грусти после компьютерных / мобильных игр».

Рассмотрим черты, которые могут характеризовать эту группу: У них более стабильная эмоциональная устойчивость, что может влиять на их общее эмоциональное благополучие, позитивное восприятие жизни и способность быть социально активными. 1 % респондентов были отнесены к группе с высоким уровнем депрессии.

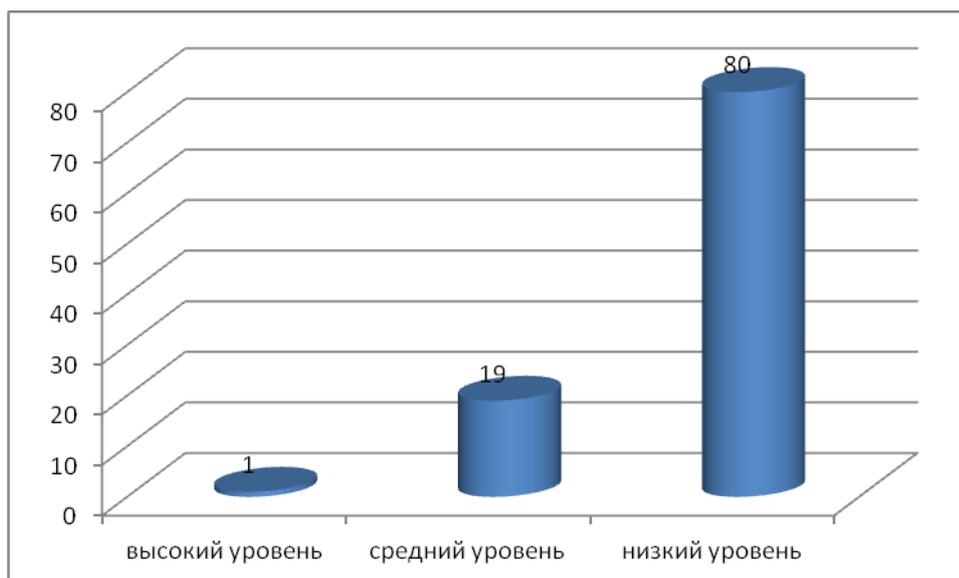

Рисунок 6 – Гистограмма процентного распределения всех респондентов выборки по уровням депрессивности

Анализ гендерного распределения респондентов по группам депрессивности (рис. 7).

Рисунок 7 – Процентное распределение респондентов по уровням депрессивности (юношей и девушек)

Анализ показал, что в мужской выборке больше представлены группы со средним (47 %) и высоким (6 %) уровнем депрессии. Такое распределение между мужчинами и женщинами весьма интересно, поскольку большинство научных исследований в области депрессии свидетельствуют о том, что депрессивное состояние более характерно для женского населения. В то же время имеются данные о том, что мужчины реже обращаются за помощью и что их депрессивные расстройства характеризуются выраженностью ауто- и гетероагрессивного поведения, импульсивностью и склонностью к употреблению психоактивных веществ [3, 10 и др.].

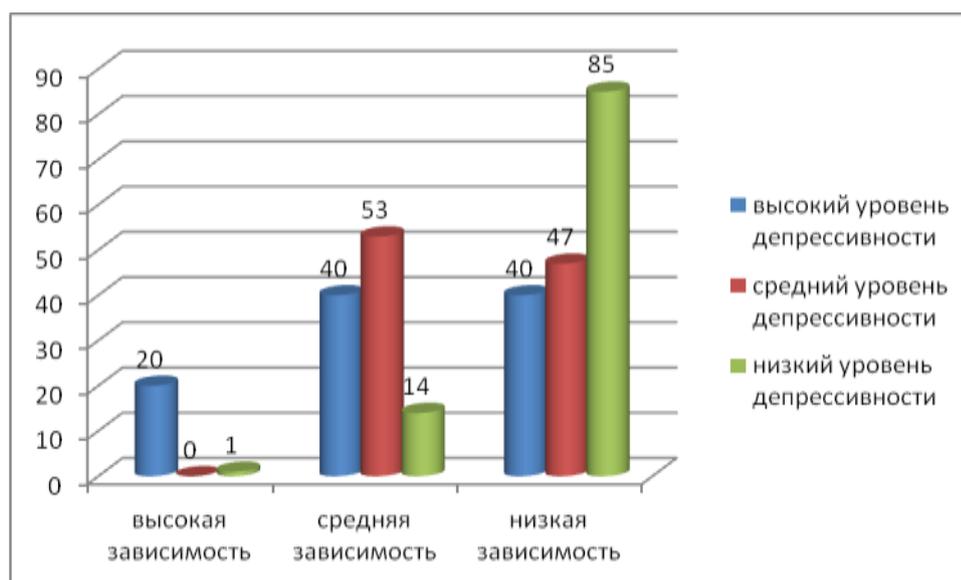

Рисунок 8 – Процентное распределение респондентов по уровням зависимости (в зависимости от уровня депрессивности)

Для респондентов с высоким уровнем зависимости чаще характерен высокий уровень депрессии. По критерию ϕ^* достаточно значима значимость различий между респондентами с высоким уровнем депрессии и зависимости и низким уровнем депрессии и зависимости – критерий ϕ^* ($p < 0,01 = 5,14$).

Респонденты с высоким уровнем зависимости могут использовать компьютерные игры как средство саморегуляции и компенсации, чтобы справиться со стрессом или негативными эмоциями. Однако это может стать проблемой кровообращения, поскольку азартные игры в конечном итоге могут ухудшить симптомы депрессии. 85 % респондентов с низким уровнем депрессии оказались в группе с низкой зависимостью от компьютерных игр. В исследовании Д. Каура, С. Кумара, С. Барауха статистический анализ данных также выявил относительно высокий уровень агрессии, депрессии и суицидальных мыслей среди студентов, чрезмерно игравших в онлайн-игры, по сравнению со студентами, которые не играли [13]. С.М. Койн, Л.А. Стокдейл, У. Уорбертон, Д.А. Джентиле, К. Янг и Б.М. Меррилл обнаружили, что депрессия, агрессивность, застенчивость, проблемы с использованием мобильных телефонов и тревога были более распространены, чем в группах с низкой зависимостью от видеоигр [15]. Можно предположить, что к азартным играм приводит эмоциональное

состояние человека (депрессия). Однако эта гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании.

Компьютерная игровая зависимость среди студентов колледжей является серьезной проблемой, заслуживающей внимания и дальнейшего изучения. Результаты анализа показывают, что мужчины более подвержены игровой зависимости, а сопутствующие ей проявления агрессивности могут распространяться и на реальную жизнь. Данный аспект требует дальнейшего изучения и разработки мер профилактики и лечения игровой зависимости.

Важно осознать масштабы этой проблемы и предпринять шаги по ее профилактике и лечению. Это включает в себя повышение осведомленности, разработку профилактических программ, помощь студентам в формировании здоровых компьютерных привычек. Это единственный способ обеспечить гармоничное развитие и успешное будущее молодежи в цифровую эпоху.

Кроме того, необходимо уделять внимание формированию здоровых возможностей для досуга и развлечений среди студентов, чтобы не допустить перерастания увлечения компьютерными играми в патологическую зависимость. Образовательные учреждения, родители и общество в целом могут сыграть ключевую роль в создании баланса между игровой деятельностью и другими аспектами жизни студента.

Список литературы:

1. Акопова М.А. Исследование влияния игровой компьютерной зависимости на личностные особенности студентов // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10. № 2. DOI: 10.12731/2658-4034-2019-2-74-85.
2. Взаимосвязь игровой компьютерной зависимости и агрессивности подростков / Г.Ф. Голубева [и др.] // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2023. № 6 (220).
3. Гагай В.В., Быкова Ю.Н. Компьютерная зависимость подростков как социально-психологическая проблема современности. 2014. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 160 с.
4. Гришина А.В. Психологические факторы формирования игровой компьютерной зависимости в младшем подростковом возрасте // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 88. С. 77-81.
5. Елютина М.Э., Неруш А.А. Гендерные аспекты игровых практик у молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр // *Известия Саратовского университета*. 2023. Т. 23. № 1. С. 4-13. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-4-13.
6. Кокурин А.В., Петров В.Е. Методика психологической диагностики игровой зависимости у сотрудников органов внутренних дел // *Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: Сб. научн. трудов межд. конф. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя*, 2017. С. 341-345.
7. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11. № 1. С. 27-54. DOI: 10.17759/sps.2020110103.
8. Психофизиологические особенности молодых людей с признаками интернет-зависимости / С.Н. Толстогузов [и др.] // *Экспериментальная психология*. 2024. Т. 17. № 1. С. 61-75. DOI: 10.17759/exppsy.2024170104.
9. Соболев Н.А., Игумнов С.А. Зависимость от компьютерных игр у подростков, проблемы диагностики и коморбидности // *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2021. Т. 21. № 2. С. 105-112.
10. Яцина А.Т. Депрессии у мужчин (особенности клиники, факторы патогенеза,

закономерности формирования) // Клиническая психиатрия и психофармакотерапия. 2014. Т. 18. № 2 (67).

11. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Fifth Edition. Text Revision. DSM-5-TR™ URL: <https://www.mredscircleoftrust.com/storage/app/media/DSM%205%20TR.pdf> (дата обращения: 30.06.2024).

12. Diagnostic Contribution of the DSM-5 Criteria for Internet Gaming Disorder / T. Luo [et al.] // *Frontiers*. 2022. Vol. 12. 20-21. DOI: 10.3389/fpsy.2021.777397.

13. Kaur Dr., Kumar S., Baruah S. Effect of excessive online gaming on the aggression, depression, and suicidal ideation of senior secondary schoolstudents of assam // *International Journal of Early Childhood Special Education*. 2023. № 13 (02). DOI: 10.48047/INT-JECSE/V13I2.211257.

14. Palanichamy T., Kumar Sh.M., Sahu M. Influence of Esports on stress: A systematic review // *Industrial Psychiatry Journal*. 2020. № 29 (2). P. 191-199. DOI: 10.4103/ipj.ipj_195_20.

15. Pathological video game symptoms from adolescence to emerging adulthood: A 6-year longitudinal study of trajectories, predictors, and outcomes / S.M. Coyne [et al.] // *Developmental Psychology*. 2020. № 56 (7). p. 1385-1396. DOI: 10.1037/dev0000939.

16. Women Account for 46 % of All Game Enthusiasts: Watching Game Video Content and Esports Has Changed How Women and Men Alike Engage with Games // *Newzoo*. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/women-account-for-46-of-all-game-enthusiasts-watching-game-video-content-and-esports-has-changed-how-women-and-men-alike-engage-with-games> (дата обращения: 26.05.2024).

References:

1. Akopova M.A. A study of the influence of computer gaming addiction on the personal characteristics of students // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2019. Vol. 10. № 2. DOI: 10.12731/2658-4034-2019-2-74-85.

2. The relationship between computer gaming addiction and adolescent aggression / G.F. Golubeva [et al.] // *Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University*. 2023. № 6 (220).

3. Gagai V.V., Bykova Yu.N. Computer addiction of adolescents as a socio-psychological problem of our time. 2014. Surgut: Surgut State Pedagogical University, 160 p.

4. Grishina A.V. Psychological factors of the formation of computer gaming addiction in early adolescence // *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2008. № 88. P. 77-81.

5. Elyutina M.E., Nerush A.A. Gender aspects of gaming practices among the youth segment of the Russian audience of computer games // *Proceedings of the Saratov University*. 2023. Vol. 23. № 1. P. 4-13. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-4-13.

6. Kokurin A.V., Petrov V.E. Methods of psychological diagnosis of gambling addiction among employees of internal affairs bodies // *Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of professional activity: state and prospects: Collection of scientific papers of the International Conference*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 341-345.

7. Kochetkov N.V. Internet addiction and dependence on computer games in the works of domestic psychologists // *Social psychology and the society*. 2020. Vol. 11. № 1. P. 27-54. DOI: 10.17759/sps.2020110103.

8. Psychophysiological features of young people with signs of Internet addiction / S.N. Tolstoguzov [et al.] // *Experimental psychology*. 2024. Vol. 17. № 1. P. 61-75. DOI: 10.17759/expppy.2024170104.

9. Sobolev N.A., Igumnov S.A. Dependence on computer games in adolescents, problems of diagnosis and comorbidity // *Issues of mental health of children and adolescents*. 2021. Vol. 21. № 2. P. 105-112.

10. Yatsina A.T. Depression in men (clinical features, pathogenesis factors, patterns of formation) // *Clinical psychiatry and psychopharmacotherapy*. 2014. Vol. 18. № 2 (67).
11. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Fifth Edition. Text Revision. DSM-5-TR™ URL: <https://www.mredscircleoftrust.com/storage/app/media/DSM%205%20TR.pdf> (access date: 30.06.2024).
12. Diagnostic Contribution of the DSM-5 Criteria for Internet Gaming Disorder / T. Luo [et al.] // *Frontiers*. 2022. Vol. 12. 20-21. DOI: 10.3389/fpsy.2021.777397.
13. Kaur Dr., Kumar S., Baruah S. Effect of excessive online gaming on the aggression, depression, and suicidal ideation of senior secondary schoolstudents of assam // *International Journal of Early Childhood Special Education*. 2023. № 13 (02). DOI: 10.48047/INT-JECSE/V13I2.211257.
14. Palanichamy T., Kumar Sh.M., Sahu M. Influence of Esports on stress: A systematic review // *Industrial Psychiatry Journal*. 2020. № 29 (2). P. 191-199. DOI: 10.4103/ipj.ipj_195_20.
15. Pathological video game symptoms from adolescence to emerging adulthood: A 6-year longitudinal study of trajectories, predictors, and outcomes / S.M. Coyne [et al.] // *Developmental Psychology*. 2020. № 56 (7). p. 1385-1396. DOI: 10.1037/dev0000939.
16. Women Account for 46 % of All Game Enthusiasts: Watching Game Video Content and Esports Has Changed How Women and Men Alike Engage with Games // *Newzoo*. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/women-account-for-46-of-all-game-enthusiasts-watching-game-video-content-and-esports-has-changed-how-women-and-men-alike-engage-with-games> (access date: 26.05.2024).

Круглова Елена Александровна,
Ивановский государственный медицинский
университет (г. Иваново, Россия),
доцент кафедры психиатрии и клинической
психологии, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: kruglo-e@mail.ru
Kruglova Elena Alexandrovna,
Ivanovo State Medical University
University (Ivanovo, Russia), Associate Professor
of the Department of Psychiatry and Clinical Psychology,
PhD in Psychology, Associate Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РОСГВАРДИИ

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF PROFESSIONAL BURNOUT OF EMPLOYEES OF SPECIAL UNITS OF THE RUSSIAN GUARD

Аннотация. В статье рассматривается проблематика профессионального психического выгорания сотрудников специальных подразделений Росгвардии. В результате проведенного эмпирического исследования установлено, что данная проблема актуальна для изучаемой категории профессионалов. Установлено, что существуют индивидуально-типологические и мотивационные факторы, повышающие вероятность и препятствующие возникновению и развитию симптомов выгорания у сотрудников Росгвардии.

Ключевые слова: профессиональное психическое выгорание, психическое здоровье, личность, индивидуально-типологические особенности личности, мотивационно-ценностная сфера, карьерные ориентации.

Abstract. The article deals with the problems of professional mental burnout of employees of special units of the Russian Guard. As a result of the conducted empirical research, it was found that this problem is relevant for the studied category of professionals. It has been established that there are individual typological and motivational factors that increase the likelihood and prevent the occurrence and development of burnout symptoms among employees of the Russian Guard.

Keywords: professional mental burnout, mental health, personality, individual typological features of personality, motivational and value sphere, career orientations.

В настоящее время на личный состав специальных подразделений Росгвардии возложены ответственные оперативно-служебные задачи. Среди них на первый план выдвигается задача охраны общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и деятельность в режиме чрезвычайного положения [6].

Служба в целом и многие виды профессиональной деятельности, в частности, требуют от личного состава специальных подразделений высокого уровня самообладания, дисциплинированности, умения быстро принимать правильные решения в меняющейся обстановке, а также сохранения работоспособности при больших физических и нервно-психических нагрузках. Поэтому среди профессионально-важных качеств сотрудников Росгвардии важное место занимают мотивационные, волевые, коммуникативные, интеллектуальные свойства, а также стрессоустойчивость

и психологическая готовность к деятельности в экстремальных условиях [1, 2, 5 и др.]. В связи с этим, одной из наиболее важных проблем сотрудников спецподразделений Росгвардии является проблема профессионального психического выгорания личного состава, симптомы которого могут возникнуть вследствие постоянной психической напряженности, угрозы жизни и здоровью сотрудников, неблагоприятного режима труда и отдыха [1, 3, 4 и др.].

Целью данного исследования стало изучение вопроса о личностной детерминации возникновения и развития симптоматики профессионального психического выгорания сотрудников Росгвардии, что является особо актуальным в плане сохранения физического и психического здоровья личного состава, а также грамотного профотбора в спецподразделения данной службы [6].

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что уровень и проявления профессионального психического выгорания сотрудников спецподразделений Росгвардии детерминированы особенностями их мотивационно-ценностной сферы, степенью склонности к риску, а также индивидуально-типологическими характеристиками.

Выборку исследования составили сотрудники спецподразделений Росгвардии в количестве 40 респондентов. Методики исследования: опросник психического выгорания Б.А. Фарбер (адаптация А.А. Рукавишников), методика диагностики ценностных ориентаций в карьере Э.Шейна («Якоря карьеры»), методика диагностики степени склонности к риску А.М. Шуберта, индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик (ИТО).

Первым этапом исследования стало изучение общего уровня и проявлений профессионального психического выгорания респондентов (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты исследования профессионального психического выгорания сотрудников спецподразделений Росгвардии

Шкалы	Средний балл по выборке
Психоэмоциональное истощение	30,4
Личностное отдаление	27,7
Профессиональная мотивация	29,9
Индекс психического выгорания	90,1

Результаты показали, что для сотрудников спецподразделений Росгвардии характерен средний уровень выгорания по всем шкалам. У них периодически присутствуют симптомы психического истощения (раздражительность, агрессивность, тревожность, эмоциональное и физическое утомление), личностного отдаления (нежелание контактировать с людьми, снижение включенности в работу), а также снижение уровня профессиональной мотивации и общая неудовлетворенность работой. Данные симптомы пока не являются хроническими, однако интегральный показатель психического выгорания, соответствуя средним значениям,

близок к высокому уровню. Следовательно, профессиональное выгорание сотрудников спецподразделений Росгвардии является актуальной проблемой, требует контроля и работы по его коррекции и профилактике.

Следующим этапом стало изучение личностных характеристик респондентов. Результаты исследования индивидуально-типологических особенностей сотрудников Росгвардии (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты диагностики типологических особенностей сотрудников Росгвардии

Шкалы	Средний балл по выборке
Ложь	3,0
Аггравация	2,9
Экстраверсия	5,7
Спонтанность	5,1
Агрессивность	6
Ригидность	4,9
Интроверсия	4,4
Сензитивность	3,2
Тревожность	3,6
Лабильность	4,2

Согласно результатам исследования, большинство индивидуально-типологических характеристик сотрудников спецподразделений Росгвардии находятся на среднем уровне, что соответствует норме. Однако наблюдается умеренно выраженный уровень экстраверсии, спонтанности и агрессивности, что проявляется в общительности, открытости, стремлении к активной самореализации, упорстве в достижении цели и отстаивании своих интересов, а также некоторой непродуманности в высказываниях и поступках.

Исследование степени готовности респондентов к риску показало наличие среднего уровня по выборке в целом. При этом для 40 % респондентов изучаемой группы характерен высокий уровень склонности к риску, что объясняется спецификой профессиональной деятельности, связанной с участием в боевых действиях и борьбой с преступностью.

Проведен анализ карьерных ориентаций сотрудников Росгвардии (табл. 3).

Таблица 3 – Карьерные ориентации сотрудников Росгвардии

Карьерные ориентации	Средний балл по выборке
Профессиональная компетентность	8,6
Менеджмент	5,2
Автономия	4,8
Служение	7,4
Вызов	8,0
Предпринимательство	4,1
Стабильность	4,6
Интеграция стилей жизни	6,8

Исследование показало, что ведущими карьерными ориентациями респондентов являются «профессиональная компетентность», «вызов» и «служение». Сотрудники спецподразделений Росгвардии стремятся быть мастерами своего дела, для них важно добиваться успеха в своей профессиональной деятельности, они ориентированы на процесс борьбы и достижение победы, на преодоление препятствий и решение трудных задач, что вполне соотносится со спецификой данной профессиональной деятельности. Кроме того, сотрудники Росгвардии хотят служить и помогать людям, стремятся «сделать мир лучше», служение обществу для них – одна из главных ценностей жизни.

Изучение уровня и проявлений профессионального психического выгорания, а также личностных характеристик сотрудников спецподразделений Росгвардии позволило осуществить проверку гипотезы об их взаимосвязи. Для этого был использован метод корреляционного анализа по критерию К. Пирсона (табл. 4).

Таблица 4 – Взаимосвязь уровня и проявлений профессионального психического выгорания и личностных характеристик сотрудников Росгвардии

Характеристика	Психо-эмоциональное истощение	Личностное отдаление	Профессиональная мотивация	Общий уровень выгорания
Аггравация	0,421*			
Экстраверсия		- 0,352*		- 0,422*
Спонтанность				
Агрессивность	0,428*			
Ригидность		0,372*		
Интроверсия	- 0,395*			
Сензитивность			- 0,365*	
Тревожность				
Лабильность			- 0,382*	
Склонность к риску			0,398*	- 0,412*
Профессиональная компетентность			0,618**	- 0,654**
Менеджмент				
Автономия				
Служение				
Вызов			0,388*	
Предпринимательство				
Стабильность				
Интеграция стилей жизни	0,356*			

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$.

Анализ взаимосвязи уровня и проявлений профессионального психического выгорания и личностных характеристик сотрудников Росгвардии показал следующее.

Возникновение и развитие психоэмоционального истощения детерминировано наличием у сотрудников Росгвардии склонности к аггравации, т.е. стремлением подчеркнуть имеющиеся личностные проблемы и сложность собственного характера. Кроме того, к психоэмоциональному

истощению способна привести агрессивность, как стремление не только к агрессивным действиям, но и к активной самореализации, самоутверждению, чрезмерному отстаиванию своих интересов.

Усиливает вероятность появления симптомов эмоционального истощения склонность к уравниванию потребностей семьи и карьеры («интеграция стилей жизни»). Однако специфика работы сотрудника спецподразделений Росгвардии предполагает большее внимание именно профессиональной деятельности, срочности и четкости выполнения приказов и, в определенных случаях, жертвы другими интересами ради исполнения профессионального долга. Следовательно, попытки уделить одинаково большое внимание всем сторонам жизни могут привести к утомлению и эмоциональному истощению.

К психоэмоциональному истощению менее склонны сотрудники с интровертированным типом личности, который предполагает наличие эмоциональной устойчивости, сосредоточенности, сдержанности и относительной независимости.

Личностное отдаление, как симптом профессионального психического выгорания, проявляющийся в негативном отношении к другим людям, повышении раздражительности и нетерпимости, детерминирован ригидностью. В процессе развития симптомов выгорания происходит усиление ригидности, т.е. инертности, склонности к педантизму, подозрительности, что в свою очередь ведет к уменьшению количества контактов с окружающими людьми и негативизму по отношению к ним, в том числе к собственным коллегам и близким. Снижает вероятность личностного отдаления экстравертированность личности, т.е. общительность, энергичность, активность, умение быстро приспосабливаться к меняющимся условиям.

Уровень профессиональной мотивации сотрудников Росгвардии детерминирован сензитивностью, лабильностью и такими карьерными ориентациями, как «профессиональная компетентность» и «вызов». Продуктивность профессиональной деятельности, заинтересованность в работе с развитием выгорания снижается у чувствительных и эмоционально неустойчивых личностей. Усиливает профессиональную мотивацию и заинтересованность в работе склонность сотрудников Росгвардии повышать свою профессиональную компетентность и развивать свои профессиональные способности, а также ориентация на преодоление препятствий, выполнение сложных задач и склонность к риску.

Общий уровень профессионального психического выгорания сотрудников спецподразделений Росгвардии, согласно результатам исследования, снижает экстраверсия, склонность к риску и ориентация на профессиональную компетентность в своей службе.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что уровень и проявления профессионального психического выгорания сотрудников спецподразделений Росгвардии детерминирован особенностями их

мотивационно-ценностной сферы, степенью склонности к риску, а также индивидуально-типологическими характеристиками, подтвердилась.

Результаты исследования дают возможность прогнозирования в процессе профотбора успешности профессиональной деятельности потенциальных сотрудников спецподразделений Росгвардии, а также вероятности возникновения и развития у них симптомов профессионального психического выгорания.

Список литературы:

1. Березенцева Е.А. Профессиональный стресс как источник профессионального выгорания // Управление образованием: теория и практика. 2014. № 4 (16). С. 162-170.
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
3. Кнатова У.С. Профессиональное выгорание как негативный фактор влияния на профессиональную деятельность // Экономика и социум. 2022. № 3-1 (94). С. 287-290.
4. Круглова Е.А., Попель Н.В. Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 34-47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3.
5. Петров В.Е. Эмоциональное выгорание (vs стагнация) профессионально-личного развития представителей силовых ведомств // Теория и практика психологической работы и профессионального обучения психологов силовых структур. М., 2024. С. 146-150.
6. Хримли Т.В. Взаимосвязь мыслительных профессионально важных качеств и профессионального выгорания сотрудников МВД // Личностное развитие: социокультурные и образовательные аспекты. Сборник научных статей Национальной научно-практической конференции. Новокузнецк. 2023. С. 520-527.

References:

1. Berezentseva E.A. Occupational stress as a source of professional burnout // Education management: theory and practice. 2014. № 4 (16). P. 162-170.
2. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Peter, 2009. 336 p.
3. Knatova U.S. Professional burnout as a negative influence factor on professional activity // Economics and Society. 2022. № 3-1 (94). P. 287-290.
4. Kruglova E.A., Popel N.V. A systematic approach to the study of professional destructions of teachers' personality // Systemic psychology and sociology. 2020. № 4 (36). P. 34-47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3.
5. Petrov V.E. Emotional burnout (vs stagnation) of professional and personal development of representatives of law enforcement agencies // Theory and practice of psychological work and professional training of psychologists of law enforcement agencies. Moscow, 2024. P. 146-150.
6. Khrimli T.V. Interrelation of mental professionally important qualities and professional burnout of employees of the Ministry of Internal Affairs // Personal development: socio-cultural and educational aspects. Collection of scientific articles of the National Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk. 2023. P. 520-527.

Секция 1. Экстремальная психология в условиях современных вызовов обществу и государству

Дегтярева Ирина Владимировна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент
e-mail: degtyareva-irinka@bk.ru
Degtyareva Irina Vladimirovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

ВЗАИМОСВЯЗЬ НОВОСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СВЯЗАННОЙ С ТЕРРОРИЗМОМ, С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ

THE INFLUENCE OF NEWS ABOUT TERRORISM ON THE PSYCHOLOGICAL STATE OF CITIZENS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния новостей террористической тематики на психическое состояние граждан, раскрыты особенности восприятия фейковых новостей, рассмотрена связь между потреблением информации и возникновением «травмы свидетеля».

Ключевые слова: терроризм, психологическое влияние, новости, травма свидетеля, фейковые новости.

Abstract. This article presents the results of a study on the impact of terrorism-related news on the psychological state of citizens, reveals the peculiarities of the perception of fake news, and discusses the relationship between information consumption and the occurrence of «witness trauma».

Keywords: terrorism, psychological influence, news, witness trauma, fake news.

Жизнь современного человека вряд ли можно представить без информационных технологий и современных гаджетов. Смартфон сегодня является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни – у маленьких детей для общения с родителями, у подростков для коммуникации со сверстниками, старшее поколение также все чаще прибегает к использованию современных устройств для поддержания связи.

К сожалению, современные технологии не только позволяют оставаться на связи со своим окружением, но и способствуют возрастанию информационного давления, так как к уже имеющимся ранее средствам (радио, газеты и телевидение) добавляются новые каналы распространения информации. В больших потоках информации все чаще встречаются негативные новости – о совершенных преступлениях, случившихся чрезвычайных происшествиях, растет и количество новостей о террористических актах. Все это однозначно оказывает влияние на людей, потребляющих данную информацию. Но как именно?

Целью данной статьи является выделение некоторых аспектов психологического влияния сообщений СМИ о событиях, связанных с терроризмом. Актуальность этой проблемы подтверждаются в работах М.И. Марьина, Ю.Г. Касперович, которые пишут, что сегодня терроризм стал

опаснейшим глобальным вызовом современному обществу [8]. Интерес к данной проблеме есть и у научного сообщества - только за предыдущий 2023 год было написано более трех тысяч научных работ, связанных с терроризмом (по данным eLibrary). По данным СКАН-ИНТЕРФАКС понятие «терроризм» упоминается в сообщениях СМИ более трехсот восемьдесят одной тысячи раз. Приведенные данные свидетельствуют о том, что терроризм вызывает ажиотаж у научного сообщества, так же у массового потребителя информации.

Сосредоточенность средств массовой информации вокруг событий, связанных с терроризмом, обусловлена с тем, что именно такие шокирующие, жестокие новости вызывают наибольший интерес у читателей и зрителей, расширяя возможности для средств массовой информации (СМИ) повышать рейтинг и обеспечить материальную выгоду для себя. К сожалению, негативные события чаще всего считаются лучшими новостями для СМИ [1 С. 2]. Информацию, связанную с подобными негативными событиями, динамично размещают и различные телеграмм-каналы, группы и сообщества в социальных сетях, а также сами пользователи данных платформ.

Постоянное потребление новостей может оказывать отрицательное влияние на психологическое и психофизиологическое состояния человека. Чрезмерное внимание к негативу в СМИ и социальных сетях создает условия для появления агрессии, панических настроений, страха и общего развития стресса [6, 12 и др.].

Что же касается именно новостей, связанных с терроризмом?

Совершение самого террористического акта изначально имеет цель вызвать у населения страх, ужас, панику и другие негативные эмоции. Достигнуть всех этих целей можно только через общее информационное поле, создаваемое средствами массовой информации и социальными сетями. Если до общества не будет донесена информация о произошедшем жестоком событии, о возможности рецидива террористического акта, оно не сможет ощутить ни опасности, ни страха.

Как подчеркивает М.И. Еникеев, одним из самых разрушительных последствий терроризма является пагубное воздействие на состояние психологического баланса в обществе, стремительное возрастание тревожности людей, опасение вести привычный размеренный образ жизни, постоянное ожидание угрозы, что приводит в целом к ощутимой дестабилизации общественной жизни [4, С. 639].

При освещении подобных событий распространяются и изображения с ранеными людьми, трупами, кровью, кадры со звуковым сопровождением: криками, звуками взрывов или выстрелов, воем сирен экстренных служб. Ко всему перечисленному выше добавляются и комментарии очевидцев, которые могут находиться в разных состояниях и не скрывать своих чувств и отношения к произошедшему.

Все это приводит к возникновению отрицательных эмоций, которые воздействуют на когнитивные процессы, нацеленные на формирование

общего мнения. После удивления и оцепенения эти эмоции нарастают до появления спонтанных чувств сострадания жертвам, гнева по отношению к террористам, аффективной поддержки полиции и спасателей, обретения спокойствия от действий служб экстренного реагирования и эмоционального единения, в первую очередь, с пострадавшими [6]. Из проанализированного выше виден обширный эмоциональный спектр, который вызывается при прочтении и просмотре новостей, связанных с терроризмом.

В момент ознакомления с подобным материалом у большинства возникает страх, ужас, оцепенение и удивление, что в дальнейшем переходит в сострадание жертвам, успокоение от оперативной работы сотрудников специальных структур и эмоциональное единение с пострадавшими, вызывающие так называемую «травму свидетеля». «Травма свидетеля» – это вред, нанесенный психологическому состоянию человека в результате опосредованного воздействия стрессовых событий, свидетелем которых он стал. Чаще всего это явление обнаруживается в условиях аварий, катастроф, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [7].

Если в более ранние времена, до появления телевидения и Интернета, для получения подобной травмы нужно было присутствовать на месте происшествия, то сегодня достаточно посмотреть шокирующее видео с жестокими кадрами, содержание которых может быть именно таким, о котором говорилось выше (окровавленные тела, трупы, звуки сирен, крики, эмоциональные комментарии от ведущих репортажей) [2, С. 369]. К примеру, в октябре и декабре 2013 года в Волгограде было совершено три террористических акта в местах массового скопления людей: на железнодорожном вокзале, в автобусе и в троллейбусе. В этих ужасных событиях погибло 33 человека, 29 из которых скончались на месте, более восьмидесяти человек стали пострадавшими, получив ранения различной степени тяжести. Четыре человека были экстренно доставлены в больницы и умерли в условиях стационара. В 56 % случаев у самих пострадавших, их родственников и свидетелей наблюдались остро выраженные стрессовые реакции. Самыми распространенными проявлениями стали страх, чувства безнадежности, подавленности, отчаяния, плач, которые усиливались от угрозы повторения теракта [3, С. 40-41].

В числе последствий, связанных с тем, что человек стал свидетелем травмирующих событий, также фигурируют острое стрессовое и посттравматическое стрессовое расстройства, проявлением которых являются: паника, тревожные состояния, рост вегетативно-соматических симптомов и агрессии, появление ступора, отчаяния, ощущения потери связи с реальностью, отгороженности, дереализации, бесчувствия, диссоциативной амнезии и деперсонализации. Помимо этого, наблюдаются повторные переживания ранее травмировавших событий, напоминания о них избегаются [3, С. 42].

Подчеркнем, что не вся информация является правдивой, создаются и так называемые «фейковые новости». В последнее время участились случаи сообщений о заминированных зданиях школ, аэропортов, торговых центров

и других местах массового скопления граждан. В связи с подобными сообщениями происходят эвакуации граждан, оцепления территорий, на место потенциального террористического акта выезжают сотрудники силовых ведомств и структур. Подобные кадры также активно распространяются в средствах массовой информации и социальных сетях.

Некоторые сообщества в социальных сетях регулярно публикуют неправдивую информацию, прикладывая к эмоциональному тексту фото-видео - и аудиоматериалы, никак не связанные между собой. Все это создает дополнительное эмоциональное влияние на граждан, так как далеко не все потребители информации будут в дальнейшем ее проверять, искать первоисточники материалов и отслеживать дальнейшее развитие событий. Вот что об этом говорится в одной из научных статей А.И. Парамонова, М.В. Малышенко, В.В. Лысенко: «Психологическими аспектами восприятия и распространения фейковых новостей являются: доверие и подтверждение предвзятых мнений: люди зачастую склонны верить информации, которая соответствует их предварительным убеждениям или стереотипам; фейковые новости, представленные в соответствии с уже существующими у людей мнениями, могут встречать более широкое признание; социальная поддержка и влияние общественных групп: в распространении фейковых новостей играет важную роль социальная динамика; люди склонны доверять информации, которую распространяют их друзья, коллеги или члены определенной социальной группы; эмоциональная реакция и запоминаемость: фейковые новости зачастую способны вызвать сильные эмоциональные реакции у людей, что делает их более запоминаемыми и повышает вероятность их распространения» [9, С. 157].

Фейковые новости имеют схожее с правдивыми новостями психологическое влияние на граждан, за исключением того, что дальнейшее их опровержение вызывает в людях недоверие и подозрительность. Фейковые новости, которые ориентированы на поддержку конкретной идеологической или политической позиции, способны углублять разделение общества, усиливая противоборство между различными категориями групп населения. В связи с этим особую актуальность приобретают меры поддержки людей в условиях ведения информационно-психологической войны [10, 11 и др.].

Таким образом, из приведенного материала можно сделать вывод, что с увеличением количества новостей, связанных с терроризмом в информационном поле, растет и количество людей с симптоматикой «травмы свидетеля», проявлениями которой являются паника, тревожные состояния, рост вегетативно-соматических симптомов и агрессии, появление ступора, отчаяния, ощущения потери связи с реальностью, отгороженности, бесчувствия, диссоциативной амнезии и деперсонализации [5, 13 и др.]. Распространение фейковых новостей о терроризме в свою очередь вызывают подозрительность, недоверие, вражду в обществе. Все это нельзя назвать позитивным влиянием, скорее это проблема, с последствиями которой общество уже столкнулось и учится ее решать, что делает актуальными

проведение научных исследований по разработке мер профилактики негативных влияний новостной информации о событиях, связанных с терроризмом, на психическое состояние граждан.

Список литературы:

1. Акиф М. Терроризм и социальные медиа – стратегия взаимодействия / Актуальные научные исследования в современном мире // ISCIENCE.IN.UA. Выпуск 5 (61). ч. 5. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11923.
2. Березина Н.Н. Психологическая безопасность потребления негативного новостного контента // Язык и коммуникация в контексте культуры: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Ростов-на-Дону, 20 апреля 2022 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2022. 461 с.
3. Дубинкин В. А., Ивченко В.А. Медицинская реабилитация пострадавших при террористических актах // Вестник восстановительной медицины. 2016. № 3 (73). С. 40-43.
4. Еникеев М.И. Юридическая психология: с основами общей и социальной психологии: учеб.: 2-е изд., перераб. М., 2012. 639 с.
5. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
6. Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vozddeystvie-terrorizma> (дата обращения: 11.11.2024).
7. Лесина П.А. Травма Свидетеля. [Электронный ресурс]: <https://www.all-psy.com/stati/detail/7371> (дата обращения 11.11.2024).
8. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Организация психологического обеспечения деятельности по освобождению заложников в условиях совершения террористического акта // Российский психологический журнал, 2005. № 2.
9. Парамонов А.И., Малышенко М.В. Лысенко В.В. Фейковые новости и его влияние на информационное пространство: использование фейковых новостей в политических целях // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства: Материалы XI международной научно-практической конференции, Ялта, 26-29 марта 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 155-158.
10. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.
11. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
12. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.
13. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

References:

1. Akif M. Terrorism and social media as a strategy of interaction / Actual scientific research in the modern world // ISCIENCE.IN.UA. Issue 5 (61). Part 5. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11923.
2. Berezina N.N. Psychological safety of consumption of negative news content // Language and communication in the context of culture: Proceedings of the international scientific and practical online conference, Rostov-on-Don, April 20, 2022. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics «RINH», 2022. 461 p.
3. Dubinkin V.A., Ivchenko V.A. Medical rehabilitation of victims of terrorist acts // Bulletin of Restorative Medicine. 2016. № 3 (73). P. 40-43.
4. Enikeev M.I. Legal psychology: with the basics of general and social psychology: textbook: 2 nd ed., revised M., 2012. 639 p.
5. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
6. Krok L. The psychological impact of terrorism // National interests: priorities and security. 2007. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-vozdeystvie-terrorizma> (date of request: 11.11.2024).
7. Lesina P.A. Trauma of the Witness. [Electronic resource]: <https://www.all-psy.com/stati/detail/7371> (accessed 11/11/2024).
8. Maryin M.I., Kasperovich Yu.G. Organization of psychological support for hostage rescue activities in the context of a terrorist act // Russian Psychological Journal, 2005. № 2.
9. Paramonov A.I., Malysenko M.V. Lysenko V.V. Fake news and its impact on the information space: the use of fake news for political purposes // Economics of sustainable development of the region: innovations, financial aspects, technological drivers of development in the field of tourism and hospitality: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, Yalta, March 26-29, 2024. Simferopol: Publishing House Printing House «Arial», 2024. P. 155-158.
10. Petrov V.E., Filipenkova N.Y. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.
11. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
12. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.
13. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

Карпинская Валерия Юльевна,
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург, Россия),
доцент, доктор психологических наук,
e-mail: karpinskaaya78@mail.ru

Karpinskaia Valeriia Julievna,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia), associated professor,
Doctor of Psychology

Скотникова Ирина Григорьевна,
Институт психологии РАН (г. Москва, Россия),
главный научный сотрудник,
доктор психологических наук
e-mail: iris236@yandex.ru

Skotnikova Irina Grigor'evna,
Institute of Psychology Russian Academy of
Sciences (Moscow, Russia), Chief Researcher,
Doctor of Psychology

Егорова Полина Ивановна,
Государственный академический университет
гуманитарных наук, (г. Москва, Россия),
магистр психологии
e-mail: 21akson@mail.ru

Egorova Polina Ivanovna,
State Academic University of Humanities,
(Moscow, Russia), Master of Psychology

Апанович Владимир Викторович,
Государственный академический
университет гуманитарных наук (г. Москва, Россия),
доцент, кандидат психологических наук
e-mail: aranovitschvv@yandex.ru

Apanovich Vladimir Viktorovich,
State Academic University of Humanities,
(Moscow, Russia), associated professor,
Doctor of Psychology

Сафонов Павел Александрович,
Институт психологии РАН (г. Москва, Россия),
лаборатория психологии развития субъекта
в нормальных и посттравматических состояниях,
аспирант
e-mail: 2525320@inbox.ru

Safonov Pavel Alexandrovich,
Institute of Psychology of the Russian Academy of
Sciences (Moscow, Russia), Laboratory of Psychology
of the development of the subject in normal
and post-traumatic states, PhD courses

**ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ
СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОСОБО СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ (ПИЛОТАЖ)**

**STUDY OF COGNITIVE ACTIVITY WHEN THE HUMAN STATE CHANGES IN
PARTICULARLY DIFFICULT CONDITIONS (PILOTATING)**

Аннотация. Отражено пилотажное экспериментальное изучение выполнения зрительных когнитивных задач в обычных условиях и в особых (на плавучем стенде), вызываемых гравитоинерционными воздействиями (нерегулярной волновой качкой). Обнаружены индивидуальные различия в динамике показателей состояния и зрительной деятельности: как их ухудшение, так и улучшение, видимо, за счет баланса ослабления (в силу кинетоза – укачивания) и усиления (в силу мобилизации в сложных условиях) активационных ресурсов человека.

Ключевые слова: зрительная деятельность, когнитивные показатели, кинетоз, индивидуальная динамика, функциональное состояние, адаптационный синдром.

Abstract. The pilot experimental study (on a floating stand) is reflected of visual cognitive tasks performance under normal conditions and in special conditions generated by gravitoinertial effects (irregular wave rolling). Individual differences in the dynamics of human state and visual activity indices are found: both their decline and improvement, apparently because of the balance of weakening (due to epy kinetosis – motion sickness) and strengthening (due to the mobilization in difficult conditions) of human activation resources.

Keywords: visual activity, cognitive indices, kinetosis, individual dynamics, functional state, adaptation syndrome.

Пилоты космических аппаратов работают в часто экстремальных условиях гравитоинерционных воздействий при невесомости. Сходным воздействием на человека является волновая качка, вызывающая аналогичный синдром укачивания, изменяющий функциональное состояние человека. Институт психологии АН СССР в 1979-1992 гг. проводил комплексное междисциплинарное экспериментальное исследование деятельности оператора на плавучем стенде при волновой качке на Ладожском озере с оценками степени его помехоустойчивости, динамики и успешности приема и переработки входной информации, принятия решения, работоспособности в этих особых условиях [2]. В частности, когнитивные стили операторов вносили существенный вклад в динамику и результаты решения сенсорно-перцептивных задач при таких повышенных нагрузках на психику [7].

В продолжение этих работ летом 2023 г. под руководством И.Г. Скотниковой проведен новый, пока пилотажный этап исследований, организованных Институтом психологии РАН, с использованием современных технических и методических средств, с участием шести экспериментаторов и шести испытуемых – мужчин 17-71 года, сотрудников ИПРАН, СПбГУ, НИИНФ, МГППУ. Испытуемые не были подвержены вестибулопатии, но и не имели специальной подготовки к условиям качки. Исследование проводилось на том же плавучем стенде (морской яхте «Дружба») в условиях волновой качки, вызывающей интенсивные гравитоинерционные воздействия, адаптация к которым затруднена в силу уникальных природных особенностей акватории, где проходил эксперимент. Это скалистые берега, отражающие волну, которая сталкивается со вновь приходящей волной, особая роза ветров и рельеф дна. Все эти условия в совокупности в штормовую погоду порождают короткую ненаправленную треугольную волну, адаптация к которой практически невозможна, за счет чего состояние испытуемого может существенно ухудшаться. Такие условия и использование в них плавучего стенда выгодно отличает наше

исследование от большинства работ по изучению поведения человека в экстремальных условиях тем, что экспериментатор способен моделировать экстремальную ситуацию и управлять переменными воздействия (судно может войти в зону шторма, выйти из нее, пройти по краю шторма и т.п.).

Рисунок 1 – Крен плавучего стенда «Дружба» во время качки (виден по наклону мачты)

В обычных условиях (на берегу) и в особых условиях: в процессе трех выходов плавучего стенда в регион волновой качки апробированы девять новых аппаратурных психологических методик по выполнению сенсорно-перцептивных и когнитивных заданий.

Таблица 1 – Значения скорости ветра и силы волны в дни экспериментальных выходов на яхте

Параметр	1-ый выход	2-ой выход	3-ий выход
Скорость ветра, м/сек	9,6	7,7	8–10
Волна, балл	3	3	4–5

В ходе космических полетов меняются соотношения длин, нарисованных космонавтами горизонтальных и вертикальных отрезков [8]. По-видимому, при изменении функционирования мультисенсорных вестибулярных ядер в условиях «сухой» иммерсии (наземной модели гравитационной разгрузки) снижается точность движений руки в ходе воспроизведения наклонных линий [4].

В.Ю. Карпинская исследовала на Ладоге влияние гравитоинерционных воздействий на сенсомоторную оценку линий разной длины и наклона, (подобных применявшимся Lipshits, McIntyre [9]). Для запоминания испытуемые вели ведущей рукой по линии на сенсорном экране, а затем повторяли это движение на пустом экране.

Данные экспериментальной группы испытуемых ($n = 6$) сравнивались с данными контрольной группы ($n = 22$), подвергавшейся укачиванию, вызванному «сухой» иммерсией в бассейне. В обеих группах при

запоминании ошибка в оценке длин и ориентаций линий была небольшой и почти не имела динамики; при воспроизведении же получен «motor oblique effect» – моторное «отталкивание» отрезков разных направлений от вертикали и горизонтали. В ходе качки длина линий оценивалась менее точно (движения становились все более гиперметрическими). Точность воспроизведения длин линий снижалась при качке, которая избирательно влияла на точность кодирования длины, а не на направление движения ведущей руки. По данным испытуемых экспериментальной группы возрастом 17-71 года, величина oblique эффекта не зависела от возраста, аналогично данным Pantes et al. [10], и оценка ими длины линий была более подвержена ошибкам, чем оценка их наклона. Это свидетельствует в пользу теории векторного кодирования цели движения (когда кодируется направление и амплитуда движения), а не позиционного (когда кодируются координаты точки), причем амплитуда и направление движения кодируются отдельно и независимо друг от друга (подробнее см. [5]).

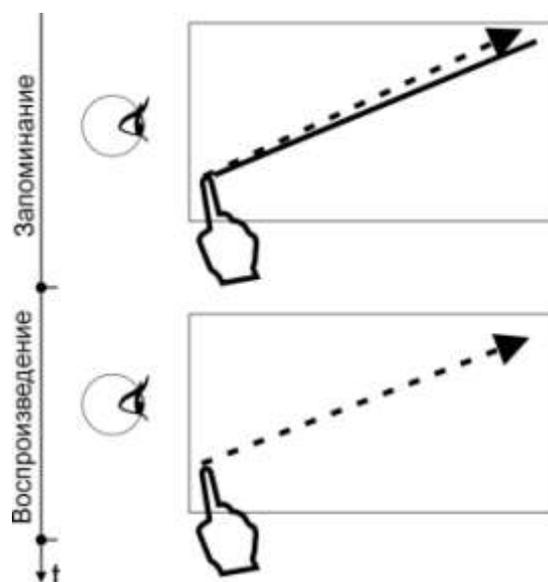

Рисунок 2 – Схема эксперимента по запоминанию и воспроизведению наклонных линий

В.В. Апанович и П.А. Сафонов исследовали эффективность сенсорной и прогностической деятельности в условиях гравитоинерционных воздействий. В первом случае испытуемые различали длительности коротких зрительных временных интервалов (подробнее о методике см. [1]). Во втором случае они выполняли зрительные задания программного пакета «Ягуар» для оценки точности восприятия времени (антиципации, временного и пространственного упреждения), скорости простой сенсомоторной реакции, работоспособности при дефиците времени, бдительности и уровня внимания. Кроме того, исследовались процессуальные особенности и этапы развития психологического состояния в соответствии с разрабатываемой Единой моделью кризисных состояний (подробнее см. [6]). Полученные обоими авторами результаты позволили на уровне тенденции выделить в группе испытуемых два общих психотипа: лиц, улучшающих и ухудшающих показатели деятельности в сложных экстремальных условиях.

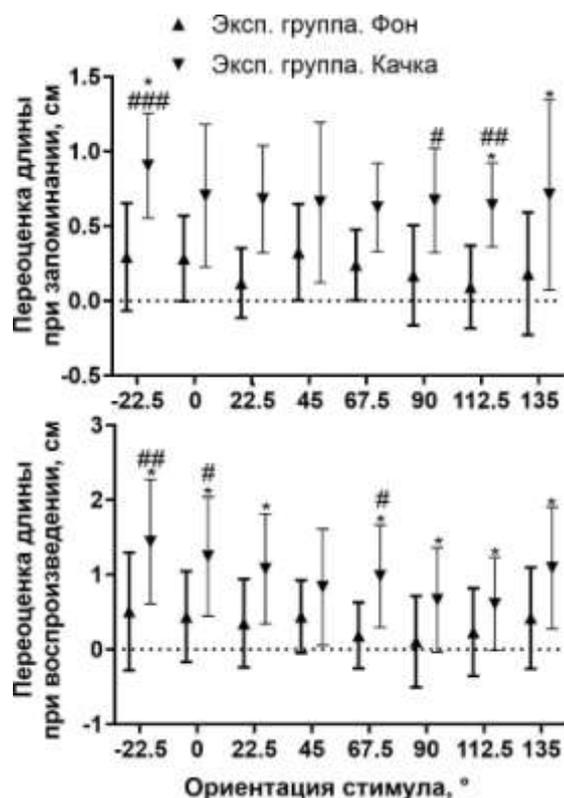

Рисунок 3 – Оценка длин линий испытуемыми экспериментальной группы в фоне и в качке при запоминании и воспроизведении (среднее \pm стандартное отклонение). * - значимые различия с фоном, # - значимые различия с контрольной группой. # - $p < 0.05$, ## - $p < 0.01$, ### - $p < 0.001$.

Сходные данные получены П.И. Егоровой при выполнении испытуемыми имитации зрительной задачи стыковки космического корабля с Международной космической станцией (различение наличия либо отсутствия смещения сигнального белого креста относительно центра круглой черной мишени). При качке доли верных ответов (РС – Proportion Correct) изменялись в разных направлениях: у двоих испытуемых они стали выше, чем на берегу, у одного ниже и у одного остались на том же уровне. Показатели САН тоже менялись в разных направлениях: в двух случаях в тех же самых, что и РС, в одном случае в обратном направлении и в одном независимо (табл. 2). Время как правильных, так и ошибочных ответов значимо не различалось в обычных и особых условиях (подробнее см. [3]).

Таблица 2 – Показатели шкал САН и доли верных ответов (РС) перед качкой и после нее.

	Испытуемый 1. 1-ый выход.				Испытуемый 2. 2-ой выход			
	Самочувствие	Активность	Настроение	РС	Самочувствие	Активность	Настроение	РС
До*	2,0	3,8	3,2	0,96	6,0	5,6	6,4	0,83
После**	1,8	5,2	5,1	1,00	2,0	3,6	4,1	0,88
	Испытуемый 3. 3-ий выход				Испытуемый 4. 3-ий выход			
	Самочувствие	Активность	Настроение	РС	Самочувствие	Активность	Настроение	РС
До*	3,9	5,3	6,4	0,81	4,9	4,5	5,6	0,91
После**	2,4	3,7	6,2	0,73	6,2	4,6	6,0	0,91

Результаты В.В. Апановича, П.И. Егоровой, П.А. Сафонова можно объяснить возможным механизмом адаптационного синдрома при гравитоинерционных воздействиях: они приводят к индивидуально-различным изменениям характеристик решения человеком сенсорно-перцептивных и когнитивных задач в зависимости от специфичного для него изменения функционального состояния: сочетания снижения уровня психической активации из-за укачивания и повышения этого уровня как механизма мобилизации в особых условиях [2].

Полученные нами результаты комплексного экспериментального исследования (продолжение которого запланировано в 2025 г. с расширением выборки испытуемых и статистики измерений) когнитивной деятельности и состояний человека при волновой качке, определения физиологической цены деятельности в этих условиях могут быть использованы в практических целях разработки психологических рекомендаций по коррекции деятельности и состояния операторов космических систем в сложных условиях гравитоинерционных воздействий в ходе полета с целью сохранения необходимого уровня эффективности и надежности их работы, а также в целях профотбора специалистов для работы в условиях повышенных психических нагрузок. Кроме того, поскольку экспериментаторы представляли различные психологические дисциплины, регистрируя когнитивные и психофизические показатели, сделан шаг в апробации и сравнении исследовательских методик. Наиболее удобными для интерпретации и чувствительными к изменению параметров состояния и эффективности когнитивной деятельности оказались психофизические методы, а также опросник САН, тогда как психофизиологическая регистрация вегетативных параметров (не отраженная в статье) и психологические тесты пока дали противоречивые результаты.

Список литературы:

1. Апанович В.В., Арамян Э.А., Гладилин Д.Л. и др. Разработка и апробация психофизической методики исследования приобретения и совершенствования навыка // Экспериментальная психология, 2022. Т. 15. № 3. С. 222-238.
2. Дикая Л.Г. Психологические исследования функциональных состояний космонавтов: достижения и перспективы // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 37-50.
3. Егорова П.И. Оценка влияния гравитоинерционных воздействий на решение человеком сенсорно-перцептивных задач // Психология – наука будущего: Материалы X Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 16–17 ноября 2023, г. Москва / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 170-173.
4. Ляховецкий В.А., Зеленская И.С., Карпинская В.Ю. и др. Влияние «сухой» иммерсии на характеристики циклических точностных движений руки // Физиология человека. 2022. Т. 48. № 6. С. 57-64.
5. Ляховецкий В.А., Скотникова И.Г., Карпинская В.Ю. Восприятие пространственных характеристик объектов в условиях волновой качки // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 4-16.

6. Сафонов П.А. Единая модель кризисных и неравновесных состояний в микро и онтогенезе // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 4. С. 33-42. DOI 10.38098/proceedings. 2023.03.04. EDN RHAVJK.

7. Скотникова И.Г. Когнитивно-стилевые особенности зрительной деятельности операторов космических систем в обычных и особых условиях // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 10 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева, Ю.В. Бессоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 170-188. DOI: 10.38098/ ISBN 978-5-9270-0446-1.

8. Clément G., Skinner A., Richard G., Lathan C. Geometric illusions in astronauts during long-duration spaceflight // Neuroreport. 2012. Vol. 23. № 15. P. 894-899.

9. Lipshits M., McIntyre J. Gravity affects the preferred vertical and horizontal in visual perception of orientation // Neuroreport. 1999. Vol. 10. P. 1085-1089.

10. Pantes G., Mantas A., Evdokimidis I., Smyrnis N. Memory pointing in children and adults: dissociations in the maturation of spatial and temporal movement parameters // Experimental Brain Research. 2009. Vol. 196. P. 319-328.

References:

1. Apanovich V.V., Aramyan E.A., Gladilin D.L., etc. Development and testing of a psychophysical methodology for studying the acquisition and improvement of a skill // Experimental Psychology. 2022. Vol. 15. № 3. P. 222-238 (in Russian).

2. Dikaya L.G. Psychological studies of the functional states of astronauts: achievements and prospects // Psychological Journal. 2014. Vol. 35. № 5. P. 37-50 (in Russian).

3. Egorova P.I. Assessing the influence of gravitoinertial effects on human performance in sensory-perceptual tasks // Psychology – the science of the future: Proceedings of the Xth International Conference of Young Scientists "Psychology – the science of the future", November 16–17, 2023, Moscow / Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Publishing house «Institute of Psychology Russian Academy of Sciences», 2023. P. 170-173 (in Russian).

4. Lyakhovetsky V.A., Zelenskaya I.S., Karpinskaya V.Yu., etc. The influence of «dry» immersion on the characteristics of cyclic precision hand movements // Human Physiology. 2022. Vol. 48. № 6. P. 57-64 (in Russian).

5. Lyakhovetskiy V.A., Skotnikova I.G., Karpinskaya V.Yu. Perception of spatial characteristics of objects in conditions of wave rolling // Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. № 1. P. 4-16 (in Russian).

6. Safonov P.A. A Unified Model of Crisis and Nonequilibrium States in Micro-genesis and Ontogenesis // Proceedings of the Institute of Psychology RAS. 2023. Vol. 3. № 4. P. 33-42. DOI: 10.38098/proceedings. 2023.03.04. EDN RHAVJK.

7. Skotnikova I.G. Cognitive styles features of visual activity of space systems operators under normal and special conditions // Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 10 / Ed. by A.A. Oboznov, A.L. Zhuravlev, Yu.V. Bessonova. Moscow: Publishing house «Institute of Psychology Russian Academy of Sciences», 2021. P. 170-188. DOI: 10.38098/ ISBN 978-5-9270-0446-1 (in Russian).

8. Clément G., Skinner A., Richard G., Lathan C. Geometric illusions in astronauts during long-duration spaceflight // Neuroreport. 2012. Vol. 23. № 15. P. 894-899.

9. Lipshits M., McIntyre J. Gravity affects the preferred vertical and horizontal in visual perception of orientation // Neuroreport. 1999. Vol. 10. P. 1085-1089.

10. Pantes G., Mantas A., Evdokimidis I., Smyrnis N. Memory pointing in children and adults: dissociations in the maturation of spatial and temporal movement parameters // Experimental Brain Research. 2009. Vol. 196. P. 319-328.

Кочкина Софья Павловна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: soff721@gmail.com
Kochkina Sofia Pavlovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН СКЛОННОСТИ ЛИЧНОСТИ КО ЛЖИ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

DISCUSSION OF THE METHODOLOGY FOR STUDYING THE CAUSES OF THE PROPENSITY TO LIE IN ADOLESCENT MALES

Аннотация. В статье представлена стандартизация авторской методики по изучению склонности юношей и девушек ко лжи на основе анализа ее компонентов и ценностно-смысловых детерминант. Испытуемые: курсанты пожарно-спасательного колледжа в количестве 50 человек. В ходе исследования была доказана валидность, ретестовая надежность и внутренняя согласованность авторской методики.

Ключевые слова: склонность личности к лжи, компоненты лживости, ценностно-смысловые детерминанты, стандартизация авторской методики.

Abstract. The article presents the standardization of the author's methodology to study the propensity of young men and girls to lie on the basis of the analysis of its components and value and semantic determinants. Test subjects: cadets of the fire-rescue college in the number of 50 people. In the course of the study the validity, retest reliability and internal consistency of the author's methodology were proved.

Keywords: personality tendency to lie, components of deceitfulness, value-semantic determinants, standardization of the author's methodology.

Склонность ко лжи, по мнению В.В. Знакова, – это закрепившееся сознательное предъявление личностью утверждений, не соответствующих истине. Этим они отличаются от ситуативных заблуждений. Исследователь считает, что проявление человеком лжи – один из способов обмана другого, то есть, выдвигание полуправды, ориентированной на искажение понимания ее другим с целью сообщения ошибочных представлений о достоверных фактах. При этом психологическая структура лжи основана на сочетании личностью трех факторов: высказывание утверждения, не соответствующего истине; осознание того, что утверждение является искаженным; выдвигание цели введения другого в заблуждение [4]. Таким образом, можно говорить о представленности в определениях трех основных аспектов, указывающих на специфику искажения личностью информации: фактическая ее ложность; вера адресанта в значимость искажения; наличие намерения определенными средствами ввести в заблуждение адресата лжи.

В настоящее время в психологической науке представлен широкий ряд диагностических методик, позволяющих изучать разнообразные параметры склонности личности ко лжи. Большинство разработанных авторами диагностических процедур направлены на выявление у респондентов особенностей склонности ко лжи в аспекте использования различных ее видов. В частности, И.П. Шкуратова исследовала взаимосвязи между

отношениями респондентов со своим значимым окружением и их индивидуальными особенностями самопредъявления [10]. С.М. Гайдуллина, С.А. Башкатов разработали процедуру по определению взаимосвязей склонности личности к определенным видам лжи и предикторами личностных особенностей [2]. Другие исследователи – М.Г. Чухрова, О.А. Белобрыкина, В.В. Колыхневич – изучали взаимосвязь лживости и симптома комплекса коммуникативных особенностей личности [9]. И.А. Церковная наиболее подробно исследовала личностные детерминанты лжи [8]. Исследователем был выявлен сложный характер взаимосвязей лживости как индивидуально-психологической особенности с психофизиологическими, психологическими, социально-психологическими характеристиками личности.

В качестве компонентов склонности ко лжи разные авторы выделяют: экстраверсию, сотрудничество, нейротизм, добросовестность (С.М. Гайдуллина, С.А. Башкатов); качество коммуникации, ценностных ориентаций, эмпатических способностей, психологических защит (М.Г. Чухрова, О.А. Белобрыкина, В.В. Колыхневич); динамический, эмоциональный, регуляторный, мотивационный, когнитивный, результативный компоненты (И.А. Церковная). В след за И.А. Церковной, для нас в конструировании опросника наиболее важными обозначились три причины выражения молодыми людьми склонности ко лжи: проявления соответствующих психологических свойств (устойчивых интегральных образований); ценностные ориентации содержательной сферы лживости (мотивационный, когнитивный, результативный компоненты); ценностные ориентации операциональной сферы лживости (динамический, эмоциональный, регуляторный компоненты). Интересную для нас связь обнаружила Т.Н. Березина: ценностно-смысловые факторы ожидаемого молодыми людьми профессионального долголетия вступают в противоречие с личностным психологическим старением, что замедляет последнее в снижении степени преобладания в иерархии ценностей наслаждения и отдыха [1].

Все компоненты, выступая как причины склонности личности ко лжи, задают следствия, которые выражаются в виде предпосылок, факторов, условий, оказывающих влияние на причины, «ускоряя или замедляя их возникновение, усиливая или ослабляя, изменяя их в том или ином направлении» [7]. Предпосылки предполагают опору личности на сформированные негативные качества как на «почву» для действия других компонентов. Факторы – универсальные обстоятельства, оказывающие влияние на проявление склонности личности ко лжи. Условия – особенности внешней и внутренней среды, определяющие специфику ее искажения.

При конструировании опросника, опираясь на возрастные особенности проявления склонности ко лжи юношей и девушек, мы соотнесли негативность детерминант с их позитивными характеристиками. Например, подчиняемость, как предпосылка, предполагает вероятность проявления позитивного свойства личности – самоуважения. Его дефицит влечет за

собой действие фактора безынициативности – негативного полюса терминальных ценностей общественного признания и интересной работы. Соответственно, закрепляется нерешительность как условие, не допускающее применение инструментальной ценности независимости. Факторы и условия в конструкте процедуры мы соотнесли с предлагаемыми Д.А. Леонтьевым перечнями ценностей-целей и ценностей-средств [5].

Цель исследования – стандартизация методики по изучению склонности личности ко лжи лиц юношеского возраста. Методы исследования [3, 6]: 1) авторский опросник (респондентам предлагался индивидуальный бланк методики с перечнем 36 утверждений, в котором необходимо обозначить степень своего согласия/несогласия с каждым из утверждений); 2) показатель самооценки склонности ко лжи (испытуемым предлагалось по 10-ти бальной шкале оценить, насколько часто они используют ложь для проверки субъективной валидности); 3) методика диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна [6] (испытуемые выражают свое согласие/несогласие на каждое из 20 утверждений; с помощью данной методики оценивается перекрестная валидность авторского опросника). Методы математической статистики: 1) Коэффициент корреляции Спирмена (для оценки валидности (перекрестной и субъективной) и надежности методики (проверка ретестовой надежности проводилась с промежутком в 5 месяцев)); 2) Альфа Кронбаха (использовался для оценки внутренней согласованности характеристик, изучаемых в авторской методике). Испытуемые: 50 курсантов пожарно-спасательного колледжа в возрастных границах 18-19 лет (28 юношей и 22 девушки).

Этапы исследования: 1) Инструктирование. Проведение исследования; 2) Оценка субъективной и перекрестной валидности методики; 3) Повторное проведение методики для оценки ретестовой надежности. 4) Сообщение результатов; 5) Вычисление статистики.

Общий показатель по шкалам разработанного нами опросника соотносился с методикой диагностики самооценки мотивации одобрения (шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна. Выявлена сильная положительная корреляционная связь между общей шкалой авторского опросника и выбранной методикой ($P=0,736$; $p=0,01$). Следовательно, мы можем говорить о статистически доказанной валидности авторской методики.

При выявлении субъективной надежности мы обнаружили стойкое несоответствие самооценочных баллов и результатов респондентов по авторской процедуре и по шкале лжи Д. Марлоу и Д. Крауна. Респонденты, чьими результатами по авторской методике и по шкале лжи Д. Марлоу и Д. Крауна является «высокая склонность ко лжи», оценивают свою склонность ко лжи как низкую (от 0 до 3 баллов из 10). При этом, у респондентов, уровень лживости которых оценивался как средний или низкий, самооценивание чаще совпадало с полученным результатом по обеим методикам. С одной стороны, такое противоречие указывает на приоритет социально одобряемых выборов, а с другой, – не позволяет

обозначить субъективную надежность. Данное противоречие не влияет на общий показатель надежности авторской методики, так как самооценка в равной степени не согласована с данными шкалы лжи Д. Марлоу и Д. Крауна (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты оценки субъективной валидности методики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Шкалы	Авторская методика		Шкала лжи Д. Марлоу и Д. Крауна	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Самооценка склонности ко лжи	-0,009	0,232	-0,029	-0,100

Проведение анализа надежности методики с помощью коэффициента альфа Кронбаха свидетельствует о высоком уровне внутренней согласованности характеристик, описывающих склонность личности ко лжи ($\alpha=0,856$). Проверка ретестовой надежности методики проводилась через 5 месяцев после первичной диагностики. Общая корреляция составила $R=0,984$, $p=0,01$ (юноши: $R=0,984$, $p=0,01$; девушки: $R=0,981$, $p=0,01$).

Исходя из анализа полученных результатов, перекрестной, внутренней согласованности характеристик, мы можем зафиксировать четкую направленность авторской методики на выявление у респондентов причин склонности личности ко лжи. Анализ ретестовой надежности позволяет сделать вывод о надежности разработанной процедуры, выраженной достаточной стабильностью исследуемого качества.

Проведенное пилотное исследование авторской методики, направленной на изучение склонности ко лжи лиц юношеского возраста, показало, что она может использоваться для выявления данного психологического феномена в психолого-педагогической практике. Доказана ее перекрестная валидность, ретестовая надежность и внутренняя согласованность характеристик.

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Ценностно-смысловые факторы ожидаемого профессионального долголетия магистрантов образовательной программы «Психология профессий особого риска» // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 5-21.
2. Гайнуллина С.М., Башкатов С.А. Статистические зависимости между личностными особенностями и характеристиками лживости (на примере студентов ВУЗа) // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 3 (107). С. 51-58.
3. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.
4. Знаков В.В. Индивидуальные различия понимания обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51-52.
5. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
6. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред. и сост. Райгородский Д.Я. Самара, 2001. С. 635-636.
7. Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2003. 424 с.

8. Церковная И.А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук, 2005. 20 с.

9. Чухрова М.Г., Белобрыкина О.А., Колыхневич В.В. Лживость как компонент симптомокомплекса коммуникативных особенностей личности // МНКО. 2012. № 3. С. 186-189.

10. Шкуратова И.П. Самопроявление личности в общении: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 192 с.

References:

1. Berezina T.N. Value-semantic factors of expected professional longevity of undergraduates of the educational program «Psychology of professions of special risk» // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 5-21.

2. Gainullina S.M., Bashkatov S.A. Statistical dependencies between personal characteristics and characteristics of deceit (on the example of university students) // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. № 3 (107). P. 51-58.

3. Yelbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

4. Znakov V.V. Individual differences in understanding deception in small business // Psychological Journal. 1994. № 6. P. 51-52.

5. Leontiev D.A. Methodology of studying value orientations. Moscow: Smysl, 1992. 17 p.

6. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Study guide / Ed. and comp. Raygorodsky D.Ya. Samara, 2001. P. 635-636.

7. Consistency in psychology: Selected psychological works / Edited by V.A. Barabanshchikov, D.N. Zavalishina, V.A. Ponenko. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK, 2003. 424 p.

8. Tserkovnaya I.A. Multidimensional-functional study of deceit as an individual-psychological personality trait: abstract of the dissertation. ... kand. Psychology of Sciences, 2005. 20 p.

9. Chukhrova M.G., Belobrykina O.A., Kolykhnevich V.V. Deceit as a component of the symptom complex of communicative personality traits. 2012. № 3. P. 186-189.

10. Shkuratova I.P. Self-expression of personality in communication: monograph. Rostov n/A: SFU Publishing House, 2009. 192 p.

Лаас Кира Сергеевна,

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Санкт-Петербург, Россия), студентка
e-mail: kiralaas@yandex.ru

Laas Kira Sergeevna,

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint Petersburg, Russia), student

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ДОСУГ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ОБЩЕСТВУ

EXTREME LEISURE OF MODERN YOUTH AS A SOCIAL CHALLENGE TO SOCIETY

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы распространения среди молодежи экстремальных увлечений. Проведен анализ причин и факторов формирования позитивного отношения современной молодежи к этому явлению. Выявлены основные направления работы социальных институтов в целях снижения распространения экстремального досуга среди молодых людей.

Ключевые слова: экстремальные увлечения, молодежь, рискованное поведение, самореализация, досуг.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the spread of extreme hobbies among young people. The analysis of the causes and factors of the formation of a positive attitude of modern youth to this phenomenon is carried out. The main directions of the work of social institutions in order to reduce the spread of extreme leisure among young people have been identified.

Keywords: extreme hobbies, youth, risky behavior, self-realization, leisure.

Социальные вызовы в любом обществе определяют те проблемы, которые на современном этапе являются доминирующими. Одной из таких проблем в настоящее время является заметное возрастание интереса несовершеннолетних к экстремальным увлечениям. По данным различных социологических опросов около пятнадцати процентов несовершеннолетних предпочитают самостоятельно устраивать свой досуг, ориентируясь на те виды занятий, которые приводят к выбросу адреналина. Актуальность данной проблемы еще заключается в том, что возрастает роль молодежи в общественной жизни, что в свою очередь способствует видоизменению социальных отношений [2, 7, С. 98].

Особенностью современного общества является большое количество негативных факторов, влияющих на молодежь. В силу специфики психологических черт и потребностей этой возрастной группы, таких как бесстрашие, неуравновешенная психика, стремление к независимости, несформированность навыков коммуникации, попытки выделиться среди сверстников, зачастую приводят к тому, что молодые люди примыкают специфической молодежной субкультуре [4, С. 205]. Такие процессы происходили всегда, но в настоящее время процессы глобализации и развитие цифровизации оказывают значительное влияние на изменение досуговой деятельности молодежи. С одной стороны, позитивные тенденции

онлайн форматов досуговых занятий могут охватить большее количество детей и подростков, а с другой стороны, цифровизация способствует распространению информации и различных субкультурах. Следует отметить, что выбор увлечения зависит не только от психологических особенностей, но и от финансовых возможностей для реализации своих потребностей и влияния социума [3, С. 109].

Самоуверенность и отсутствие навыков определения допустимых и законных действий зачастую приводит к тому, что молодые люди фактически, «играя со смертью», придумывают новые опасные для жизни увлечения. При этом любовь к острым ощущениям перевешивает тот факт, что они могут погибнуть.

В настоящее время существует большое количество неформальных объединений, привлекающих тех, кто стремится к экстремальным увлечениям. Среди всех экстремальных видов увлечений, молодых людей привлекают те, на которые не нужно тратить деньги и время для подготовки. Некоторые из них, появившись еще на заре технического прогресса, такие как зацепинг (трейнсерфинг) и диггерство, из безобидного способа передвижения и деятельности по археологическим исследованиям переросли в опасное увлечение молодежи. На сегодняшний день все большую популярность приобретают такие виды экстремальных увлечений как:

- Сталкерство – обследование заброшенных зданий, которое наряду с вероятностью обрушения несет в себе и риск встречи с асоциальными элементами и стаями бродячих животных.

- Руфинг – онлайн трансляции или фото акробатических трюков с крыш домов вызывают восторг среди друзей и сторонников этого вида увлечений. И чем сложнее рельеф крыши, поза на фотографии, тем сильнее поражающий эффект.

- Скайуокинг – одно из самых новых увлечений по покорению высоты без использования специального снаряжения. Делается это с их слов ради красивых снимков, захватывающих дыхание. Однако на этих фотографиях скайуокеры балансируют на большой высоте, подвергая себя огромному риску, когда малейшее нескоординированное движение приводит к неминуемой гибели.

Менее распространенными явлениями в нашей стране являются паркур и планкинг. Первый – в силу необходимости определенной физической подготовки, что резко снижает интерес к такому виду увлечения со стороны молодежи. Планкинг же названный паркуром для ленивых предполагает нахождение человека в позе лежа лицом вниз. Фотографии в наиболее опасных локациях, где есть риск получения травм и смерти, пользуются большой популярностью у аудитории [8].

Одно из опасных увлечений молодежи – «собачий кайф», являющийся, по сути, проявлением суицидальных наклонностей, когда происходит намеренное прекращение кислорода в организм в целях получения эйфории после снятия удушьяющего инструмента и прилива крови к мозгу.

На фоне этих, явно несущих опасность увлечений, такое современное хобби как квадробинг воспринимаются многими как детская шалость. Однако, говоря об опасности, следует отметить то, увлечение квадробингом и полное погружение в мир животных может привести к агрессии к окружающим и нарушению ментального здоровья.

В научной среде существуют разные мнения относительно причин экстремальными увлечениями, но при этом все сходятся во мнение, что на выбор увлечения влияет комплекс факторов, сочетающих в себе личностные характеристики и биологические особенности:

- генетическая предрасположенность, связанная с особенностями механизма нервной системы и требующая периодического выплеска адреналина, гиперактивность;

- стремление к независимости и познание окружающего мира через переживание страха способствуют тому, что молодые люди доказывают свою самостоятельность и ответственность путем выбора экстремальных видов увлечений;

- повышение самооценки через освоение чего-то нового и непредсказуемого, того, что не могут другие, что позволяет им быть высоко оцененными сверстниками и выделиться среди них;

- заниженная оценка риска и вероятности травматизма и смерти, гиперуверенность в своих возможностях и непонимание опасности мероприятия;

- уверенность в своей уникальности и исключительности приводит к появлению «мифа бессмертия», а примеры неоправданного риска только усиливают желание поучаствовать в рискованном [5].

Большое влияние на увлечения молодежи оказывает социальная среда, социальные институты и стремительное развитие цифровых технологий.

Несомненно, главную роль на формирование увлечений играет система сформированных в семье ценностей и моделей поведения, передаваемых будущим поколениям. Конструктивные модели поведения в некоторой степени являются механизмом, способствующим удержанию молодых людей от рискованных поступков. Однако среди них можно встретить те, что увеличивают вероятность вовлечения в экстремальные ситуации. Если в качестве примера ребенок видит, что родители занимаются экстремальными видами спорта, то велика вероятность увлеченности экстримом и у ребенка. Но в большей степени экстремальные увлечения наблюдаются у молодежи, воспитывающейся среди безразличия, отсутствия внимания и уважения внутри семьи. Это является главным мотивом, заставляющим молодых людей обратить на себя внимание любыми способами.

Фактором, оказывающим влияние на экстремальные увлечения среди молодежи, является низкий уровень правосознания, как у молодых людей, так и у социума. Примеры поведения других людей, безнаказанность, несовершенство законодательства, отсутствие понимания ответственности перед законом создает среду для роста экстремальных увлечений среди молодежи. Ну а кроме того, такое увлечение может стать и своеобразным

билетом для вступления в субкультуру, которая, по мнению самих подростков, может позволить им стать уважаемой личностью.

В то же время следует отметить значительное снижение роли такого социального института, как «школа» в вопросах воспитания молодежи. Гонка за показателями успеваемости и демократизация отношений в образовательной среде привела к искажению морально-нравственных ценностей, формируемых в процессе социализации в подростковый период. В совокупности с вышеперечисленными факторами это становится опасной тенденцией для развития будущих поколений, воспитанных на необходимости доказывать свое мнение и независимость через экстремальные увлечения [1, С. 34].

Несомненно, большую роль в широком распространении различных экстремальных движений сыграли процессы глобализации и цифровизации. Возможность быстро находить единомышленников в интернете и конкретные примеры таких же экстремалов дают возможность для развития негативного творчества в этом направлении. Социальные сети и мессенджеры позволяют создавать закрытые группы, вступление в которые может происходить по результатам некоторого экзамена, доказывающего смелость и отвагу в экстремальной ситуации. В дальнейшем в таких группах разрабатываются маршруты, локации для фото и видеосъемок, обсуждаются способы и методы реализации экстремальных действий, выкладываются наиболее эффектные фотографии. При этом как похвала, так и негатив со стороны участников таких групп могут вызвать новое желание совершить рискованный поступок [6]. Многочисленные экстремальные челленджи в интернете вовлекают в этот процесс все больше и больше участников и поклонников. Таким образом, помимо активных действующих лиц, появляются и пассивные субъекты, поддерживающие или осуждающие данные мероприятия. На фоне общественного ажиотажа возрастает число непосредственных участников, стремящихся оказаться в центре всеобщего влияния, что фактически сейчас и происходит в ситуации с квадробингом.

Обобщая все сказанное выше, нужно признать, что проблема экстремальных увлечений среди молодежи существует и ее актуальность подтверждается появлением все новых видов. Изучение факторов и причин этого явления не дают однозначного ответа, однако большинство специалистов склоняются к мнению, что в основе привлекательности таких видов занятий лежит глубокая трансформация общественных ценностей наряду с физиологической потребностью в получении чувства эйфории после выброса в кровь адреналина. Высокая скорость распространения информации еще больше усиливает негативный эффект от таких увлечений.

Невозможность самореализоваться, выделиться среди сверстников, неумение выстраивать конструктивные отношения с окружающими, низкий уровень эмоционального интеллекта и правосознания заставляют задуматься о необходимости создания позитивной среды для реализации личного потенциала через альтернативные увлечения. Современное общество может предложить большое количество вариантов активного технически

подготовленного и организованного отдыха для молодежи. Большое внимание к фото и видео экстремальных ситуаций с молодежью затмевают информацию о различных официальных сообществах, членство в которых может быть и бесплатным, а общность интересов позволяет обеспечить необходимыми средствами тех, у кого отсутствуют финансовые средства. В связи с этим, возможно стоит переключить внимание на позитивный активный отдых и сформировать условия для его развития среди молодежи [7, С. 100.].

Наиболее актуальными на сегодняшний момент являются вопросы воспитательной работы с молодежью в рамках образовательной системы. Через какие-то десять-пятнадцать лет нынешние подростки станут инициаторами тех идей и решений, воплощение которых должно формировать позитивные условия для самореализации и развития личного потенциала через социально приемлемое отношение к собственной жизни и жизни окружающих людей.

Список литературы:

1. Вакула И.М, Загутин Д.С. Экстремальный спортивный досуг и транспортные девиации как проявление аддиктивного поведения в среде современной российской молодежи // Юрист – правовец. 2018. № 3 (86). С. 32-37.

2. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Жилиева А.А. Досуг как неотъемлемая часть жизни современной молодежи // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 109-110.

4. Лебедева Л.Н. Психологические особенности подросткового возраста // Теория и практика современной науки. 2015. № 3 (3). С. 207-213.

5. Рябова А. Увлечение экстримом все чаще ставит подростков на грань жизни и смерти // Московский комсомолец. 2017. 18 сентября. № 38.

6. Сафонова Е. Экстремальное увлечение подростков // Я-родитель: [сайт]. 2022. URL: <https://www.ya-roditel.ru/parents/base/experts/ekstremalnoe-uvlechenie-podrostkov/> (дата обращения: 29.10.2024).

7. Юдина А.И. Экстремальные увлечения современной молодежи: социальный вызов обществу и поиск альтернатив // Ученые записки (АГАКИ). 2017. № 2 (12). С. 97-100.

8. Ярошевич А. Подростковый экстрим: каким он бывает, чем опасен и какими хобби его заменить? // Корпорация «Российский учебник»: [сайт]. 2022. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/podrostkovyyu-ekstrim-kakim-on-byvaet-chem-opasen-i-kakimi-khobbi-ego-z/>(дата обращения: 29.10.2024).

References:

1. Vakula I.M., Zagutin D.S. Extreme sports leisure and transport deviations as a manifestation of addictive behavior among modern Russian youth // Jurist – pravoved. 2018. № 3 (86). P. 32-37.

2. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Zhilyaeva A.A. Leisure as an integral part of the life of modern youth // Young Scientist. 2021. № 5 (347). P. 109-110.

4. Lebedeva L.N. Psychological features of adolescence // Theory and practice of modern science. 2015. № 3 (3). P. 207-213.
5. Ryabova A. Fascination with extreme sports increasingly puts teenagers on the brink of life and death // Moskovsky Komsomolets. 2017. September 18. № 38.
6. Safonova E. Extreme fascination of teenagers // I am a parent: [website]. 2022. URL: <https://www.ya-roditel.ru/parents/base/experts/ekstremalnoe-uvlechenie-podrostkov/> / (date of access: 29.10.2024).
7. Yudina A.I. Extreme hobbies of modern youth: a social challenge to society and the search for alternatives // Scientific notes (AGAKI). 2017. № 2 (12). P. 97-100.
8. Yaroshevich A. Teenage extreme sports: what is it like, what is dangerous, and what hobbies can replace it? // Russian Textbook Corporation: [website]. 2022. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/podrostkovyy-ekstrim-kakim-on-byvaet-chem-opasen-i-kakimi-khobbi-ego-z/> (date of request: 29.10.2024).

Марьин Михаил Иванович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доктор психологических наук, профессор
e-mail: marin_misha@mail.ru

Maryin Mikhail Ivanovich,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Doctor of Psychological Sciences,
Professor

Полушина Мария Дмитриевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент
e-mail: m.bezmedvedya@mail.ru

Polushina Maria Dmitrievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ИДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

FEATURES OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF YOUTH AS A FACTOR IN THE FORMATION OF EXTREMIST IDEAS (BASED ON THE MATERIAL OF THE NORTH CAUCASUS)

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа характерных черт молодежного экстремизма. Проведено сравнение данных эмпирического исследования особенностей социально-психологического состояния молодежи и факторов формирования экстремистских идей.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские установки, экстремистские идеи, группа риска, молодежь, социально-психологическое состояние, социальная идентичность.

Abstract. The article presents the results of a theoretical analysis of the characteristic features of youth extremism. The data of an empirical study of the characteristics of the socio-psychological state of youth and the factors of the formation of extremist ideas are compared.

Keywords: extremism, extremist attitudes, extremist ideas, risk group, youth, socio-psychological state, social identity.

Экстремизм – явление далеко не новое, но постоянно изменяющееся в ответ на изменения социальной среды. Это приводит к необходимости ставить в основу анализа оценку современного статуса ситуации, и, в связи с тем, что в последнее время на Северном Кавказе произошло несколько вспышек общественных волнений, мониторинг социально-психологического состояния молодежи данного региона и соотнесение его особенностей с факторами формирования экстремистских идей актуальны [2, 5, 8 и др.].

Поскольку на данный момент в социальных науках нет единого определения экстремизма, в настоящей статье отдается предпочтение определению А.В. Круглански и соавторов: «экстремизм – это мотивированное отклонение от общих поведенческих норм, являющееся результатом перехода от умеренности (сбалансированного удовлетворения

основных человеческих потребностей) к мотивационному дисбалансу, при котором данная потребность доминирует над другими» [10, С. 219]. Опасность экстремизма как социально-психологического явления выражается в дезорганизации общественного порядка, угрозе жизненно важным интересам гражданина и общества, охраняемым законом ценностям. Учитывая, что молодежь является одной из наиболее многочисленных общественных групп, напрашивается вывод о том, что молодежная преступность, и, в частности, экстремизм, является одним из самых значимых криминальных факторов дестабилизации общественной системы.

Социально-психологическое состояние личности – это ее основные характеристики и качества, позволяющие выполнять определенные социальные роли и занимать положение среди других членов общества. Экстремист культурно-исторически определен, на него накладываются отпечаток особенности его жизнедеятельности. Платформой для утверждения экстремистских идей в молодежной среде выступают: с объективной стороны – аноμία в обществе, недоверие к власти, авторитету и ведущей роли старшего поколения, выраженность социального протеста; а с субъективной – амбивалентность внутренних переживаний, характерная для юности. Специфическими чертами экстремизма у молодежи являются: протестный характер, преобладание групповых форм, нарастающая неумеренность и эскалация насильственных форм проявления, их многообразие.

Личность, предрасположенная к принятию экстремизма, переживает кризис идентичности, и ее неспособность жить в неравновесной социальной среде субъективно воспринимается не как ресурс для развития, а как дефект самой среды, что приводит к стремлению разорвать социальную коммуникацию. Оказавшись в ситуации кризиса социальной самоидентификации, человек все равно, зачастую неосознанно, старается это компенсировать, что может привести к вступлению в субкультурную группу, в которой социализация, чей вектор направлен от общества, продолжается, но рассогласуется с процессом индивидуализации. Важными признаками экстремистской группы являются массовизация и унификация сознания, что делает субъектом экстремизма не конкретную личность, а определенную массу людей, которая объединена общей идеей и деструктивным стремлением. И это стремление, эта борьба за идею, на неосознанном уровне является продолжением борьбы за интеграцию собственной личности.

Экстремистские установки имеют двойную функцию для молодежи. С одной стороны, они служат сохранению иерархии, в которой стабилизируется собственная позиция: в случае проблемной интеграции в общество конформистское поведение закрепляет принадлежность к определенной группе, и тогда, любая «инаковость» воспринимается как угроза устоявшейся системе. С другой стороны, экстремистские идеи являются альтернативой распространения на все общественные связи авторитарных отношений, которые обычно сочетаются с личным состоянием несвободы, страхом открытости миру и стремлением следовать правилам.

Неустойчивая часть молодежи стремится к обретению безопасности на основе иерархии и тесной включенности в группу, достигая, таким образом, определенности и ясности в кажущемся ей враждебным социальном мире [6].

Гипотезой эмпирического исследования стало основанное на анализе теоретических источников предположение о том, что для личности, имеющий риск быть подверженной воздействию экстремистских идей характерны:

- повышенная личностная тревожность,
- уровень развития идентичности средний и ниже среднего,
- допустимость использования агрессии для достижения целей,
- восприятие внешнего мира как угрожающего,
- неадаптивные способы выражения недовольства и конформизм.

Диагностический инструментарий представлен следующими методиками: Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов [1], Методика изучения социальной идентичности (МИСИ [7]), Шкала самооценки тревоги Шихана (SPRAS), Социально-демографический опросник, включающий вопросы о таких характеристиках как пол, возраст, семейный статус («свободен», «в отношениях»), занятость («учусь», «работаю», «учусь и работаю», «не учусь и не работаю»), в какой сфере преимущественно осуществляется деятельность («Человек-человек», «Человек – природа», «Человек – художественный образ», «Человек – техника», «Человек – знак»). Данные собирались дистанционным способом, через Google Формы. Для обработки результатов были применены частотный анализ и непараметрический корреляционный анализ. Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась посредством программ IBM SPSS Statistics 27 и Microsoft Excel. В исследовании приняли участие 27 человек: 12 девушек и 15 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 20,3).

Значимых связей не выявлено между тревожностью SPRAS и шкалами методики Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова и между тревожностью и уровнем развития социальной идентичности. Согласно методике диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова для того, чтобы попасть в группу риска по показателю, необходимо получить по нему 23 и более балла.

Наиболее «заселенным» параметром оказалось «Конвенциональное принуждение» – в группу риска по нему попало 14,8 % выборки. По 11,1% попало в группы риска по диспозициям «Культ силы» и «Интолерантность». 7,4% составляют группу риска «Конформизма»; по 3,7 % для диспозиций «Деструктивность и цинизм» и «Антиинтрацепция».

Помимо группы риска также можно выделить тенденцию – показатели выше среднего по выборке (табл. 1).

Корреляция мужского пола и «Допустимости агрессии» во многом объяснима менталитетом выходцев с Северного Кавказа и отражается в

элементах национальной культуры, сохранившихся устоях, ценностях и особенностях воспитания.

Таблица 1 – Выявленные тенденции по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова

№	Диспозиция	Ср. знач.	Станд. откл.	Кол-во человек	%
1	Культ силы	14,63	5,805	11	40,7
2	Допустимость агрессии	15,56	3,320	13	48,1
3	Интолерантность	13,04	5,065	12	44,4
4	Конвенциональное принуждение	18,63	3,845	15	55,5
5	Социальный пессимизм	16,59	2,531	15	55,5
6	Мистичность	14,93	3,496	10	37,0
7	Деструктивность и цинизм	17,04	3,216	12	44,4
8	Протестная активность	15,15	3,097	12	44,4
9	Нормативный нигилизм	13,81	2,632	10	37,0
10	Антиинтрацепция	16,44	3,178	15	55,5
11	Конформизм	16,26	3,957	11	40,7

Большое количество людей попадает в тенденцию к группе риска по показателям «Конвенциональное принуждение», «Социальный пессимизм» и «Антиинтрацепция». По большинству параметров (8 из 11) тенденция к группе риска преобладает у представителей мужского пола (табл. 2).

Таблица 2 – Корреляционные связи для диспозиций насильственного экстремизма

№	Корреляционная диада	Rs	p
1	Пол – допустимость агрессии	0,559	0,002
2	Пол – мистичность	-0,421	0,029
3	Пол – конформизм	0,682	0,034
4	Сфера деятельности: «Человек – человек» - конформизм	0,450	0,019
5	Сфера деятельности: «Человек – природа» - культ силы	0,468	0,014
6	Сфера деятельности: «Человек – символ» - мистичность	0,565	0,002
7	Сфера деятельности: «Человек – художественный образ» - культ силы	-0,488	0,010
8	Сфера деятельности: «Человек – техника» - протестная активность	-0,483	0,011
9	Уровень развития социальной идентичности: средний – социальный пессимизм	0,421	0,029
10	Уровень развития социальной идентичности: средний – деструктивность и цинизм	0,448	0,019
11	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный – конвенциональное принуждение	-0,456	0,017
12	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный – антиинтрацепция	-0,549	0,003
13	Уровень развития социальной идентичности: завышенный - конвенциональное принуждение	0,517	0,006

Связь «Мистичности» и женского пола также можно объяснить особенностями культуры (приобщенность к религиозной и обрядовой традициям, умение трактовать разные явления, согласно поверьям и пр.) и воспитанием в условиях меньшей свободы, большего количества правил и ограничений, что сказывается на формировании определенных особенностей

личной ответственности (в каких-то вопросах касаясь себя девушка не имеет решающего голоса), что может способствовать, в том числе, и снятию напряжения путем перекаладывания ответственности на внешние силы. Связь мужского пола и «Конформизма» объясняется ценностями семьи, близкого окружения, соблюдения правил, важностью общественной оценки и порицания, формированием крепких, «братских», сообществ на основе схожести мировоззрения и идеалов.

Средний уровень развития социальной идентичности, имеющий статус «Мораторий», характеризуется состоянием кризиса идентичности и попытками к его разрешению. Личность, находящаяся в таком состоянии, переживает утрату своей эго-идентичности, неотчетливость временных перспектив, неопределенность собственного положения. Человек чувствует себя неустойчиво и небезопасно, внешний мир кажется ему непредсказуемым и мрачным, что соответствует «Социальному пессимизму», проявления чувств других людей воспринимаются как что-то странное и нестоящее внимания, их поведение под гнетом внутренних переживаний кажется человеку подозрительным, что характерно для диспозиции «Деструктивность и цинизм».

При оптимальном уровне развития идентичности человек обладает определенным набором устоявшихся черт и ориентаций, понимает свою ценность и ценность других. Достигнутая идентичность предполагает стабильную связь с социумом, умение адаптироваться к возникающим в ходе взаимодействия с другими ситуациям, способность к рефлексии и принятию многообразия человеческих проявлений. Вполне логичной выглядит отрицательная корреляционная связь данного вида идентичности с диспозициями «Конвенциональное принуждение» (стремление выискивать и «наказывать» нарушителей общепринятых гуманистических ценностей, заикленность на них за неимением собственных; перенос негативных переживаний о себе на других и формирование, таким образом, иллюзии собственной правильности и значимости) и «Антиинтрацепция» (не принятие субъективных переживаний, акцент на простые идеи и физические, «понятные», вещи, избегание личной свободы). Полученные нами результаты подобны сведениям, опубликованным в ряде работ [3, 4, 9 и др.].

Завышенный уровень развития идентичности, называемый псевдоидентичностью, предполагает тотальное поглощение неким аспектом жизни индивида: статусом, ролью, положением, деятельностью, идеей и так далее. В целом может быть охарактеризован гиперфиксацией на сверхценных идеях со свойственными для этого гипертрофированностью и стереотипией. Что как нельзя лучше объясняет связь с «Конвенциональным принуждением», в основе которого лежат заикленность на идеях справедливости, стереотипия и гипертрофированность.

Связь с диспозицией «Конформизм», подразумевающей потребность нахождения в группе, стремление к групповой сплоченности и совершение действий под воздействием «своей» группы, обнаруживается у представителей сферы «Человек – человек», для которой характерны

потребность в общении с другими, стремление находить общий язык, умение подстраиваться под собеседника.

Человеку, взаимодействующему со знаками, важно уметь абстрагироваться от реальных, физических качеств объекта, но в то же время держать в голове, что за символами стоит определенное явление или предмет. «Мистичность» же подразумевает веру в некие символы, за которыми могут стоять различные объекты, изменяемые в зависимости от желаемой трактовки.

Деятельность в сфере «Человек – природа» предполагает не только наблюдение и описание природных объектов, но и уход за ними, прогнозирование их изменений, проведение манипуляций, направленных на их преобразование. Все это, так или иначе, подразумевает контроль. «Культ силы» также связан с контролем, но не тем, что достигается через рассудительность и планирование, а тем, что реализуется силой и образами, воплощающими силу.

Отрицательные связи зафиксированы между сферой «Человек – художественный образ» и «Культом силы», а также сферой «Человек – техника» и «Протестной активностью». В первом случае это может быть объяснено тем, что творческое мышление и воображение мало сопоставимо с контролем, особенно контролем силой. А во втором – тем, что деятельность, связанная с техникой, подразумевает приверженность четким алгоритмам, в то время как «Протестная активность» подразумевает риск, бессистемность и беспорядочность.

Установлена значимая корреляционная связь между некоторыми шкалами: «Допустимость агрессии» связана с «Интолерантностью» ($r = 0,835$; $p = 0,001$), «Социальным пессимизмом» ($R = 0,643$; $p = 0,001$), «Протестной активностью» ($R = 0,742$; $p = 0,001$) и «Нормативным нигилизмом» ($R = 0,684$; $p = 0,001$); полученные данные можно объяснить стремлением индивида к одновариантному мировоззрению, которое может проявляться в неадаптивном поведении, сопровождаемом немотивированной жестокостью, неприятием инаковости, которая может выступать объектом для переноса своих внутренних агрессивных импульсов, отрицанием возможности существования отличной от собственной точки зрения и стремлением навязать окружающим свои взгляды любой ценой, даже если для этого придется переступить через общепринятые нормы и существующее законодательство.

«Мистичность» связана с «Культом силы» ($R = 0,677$; $p = 0,001$) поскольку индивид, испытывающий дискомфорт от объективной реальности, стремится объяснить явления окружающего мира через простые, не требующие специальных интеллектуальных знаний, способные охватить множество аспектов, эмоционально яркие схемы, и вероятно будет придерживаться самой понятной категории – «слабость – сила».

Исследование позволило прийти к следующим выводам:

- для молодых людей, чья идентичность находится на оптимальном уровне, минимален риск быть подверженными воздействию экстремистских

идей; не велик он и у тех, кому свойственна псевдоидентичность, а вот для представителей среднего уровня подобный риск возрастает; к сожалению, на данной выборке не представляется возможным оценить низкий уровень развития идентичности ввиду малого числа его обладателей;

- чем выше значения по шкале «Допустимость агрессии», тем выше будут значения по шкалам, подразумевающим неадаптивные способы взаимодействия с социальной реальностью и восприятие внешнего мира как угрожающего («Интолерантность», «Социальным пессимизм», «Протестная активность» и «Нормативный нигилизм»), также вероятно, что изменения по шкале «Мистичность» будут пропорциональны изменениям «Культы силы»;

- связь сферы деятельности с диспозициями скорее указывает на то, какие проявления экстремистского поведения могут быть характерны для молодежи, предпочитающей ту или иную направленность деятельности;

- риск подвергнуться влиянию экстремистских идей выше у юношей и сопровождается тенденциями к допустимости агрессии и конформизму;

- значимых корреляций между уровнем тревожности и диспозициями насильственного экстремизма не обнаружено.

Приведенные сведения требуют дальнейшего изучения на большей по численности выборке, а перспективу подобного исследования составляют включение в изучение большего количества влияющих переменных и построение психодиагностического инструментария с преимуществом косвенных вопросов и ассоциаций.

Список литературы:

1. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78-97.

2. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия», 25-27 апреля 2018 / Министерство образования и науки Российской Федерации и др. Уфа: Мир печати, 2018. С. 140-146.

3. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии / В.Е. Петров, А.В. Кокурин, В. И. Екимова [и др.] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 69-83. DOI: 10.17759/psylaw.2019090205.

4. Петров В.Е., Савельев А.В., Сплендер В.В. Методы факторного анализа оценки влияния не военнослужащих экстремисткой идеологии // Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы применения и подготовки кадров: Мат. XX Всерос. научн. конф. Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2019. С. 501-510.

5. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

6. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

7. Шнейдер Л.Б., Хрусталева В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. 2014. № 3. С. 83-96.

8. Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Логос, 2010. 285 с.

9. Rechtsextremismus von Jugendlichen. Zur Erklärungskraft verschiedener theoretischer Konzepte // Kölner Ztschr. für Soziologie und Sozialpsychologie. Köln, 2003. Jg. 55. H. 4. S. 654-678.

10. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance / A.W. Kruglanski, K. Jasko, M. Chernikova, M. Dugas, D. Webber // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 3. P. 217-230.

References:

1. Davydov D.G., Khlomov K.D. Methods of diagnosing dispositions of violent extremism // Psychological diagnostics. 2017. Vol. 14. № 1. P. 78-97.

2. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Youth Extremism: current state and methods of counteraction», April 25-27, 2018 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, etc. Ufa: Mir printa, 2018. P. 140-146.

3. Assessment of military personnel's tolerance to extremist ideology / V.E. Petrov, A.V. Kokurin, V.I. Ekimova [et al.] // Psychology and Law. 2019. Vol. 9. № 2. P. 69-83. DOI: 10.17759/psylaw.2019090205.

4. Petrov V.E., Savelyev A.V., Splender V.V. Methods of factor analysis of assessing the influence of non-military extremist ideology // Modernization of Russian society: management strategies, issues of application and personnel training: Mat. XX All-Russian Scientific Conference. Taganrog: Publishing house of CHOU VO TIUE, 2019. P. 501-510.

5. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

6. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

7. Schneider L.B., Khrustaleva V.V. Associative test as a basis for constructing a methodology for studying social identity // Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences. 2014. № 3. P. 83-96.

8. Extremism and its causes: a monograph / Yu.M. Antonyan [et al.]; edited by Yu.M. Antonyan. Moscow: Logos, 2010. 285 p.

9. Rechtsextremismus von Jugendlichen. Zur Erklärungskraft verschiedener theoretischer Konzepte // Kölner Ztschr. für Soziologie und Sozialpsychologie. Köln, 2003. Jg. 55. H. 4. S. 654-678.

10. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance / A.W. Kruglanski, K. Jasko, M. Chernikova, M. Dugas, D. Webber // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 3. P. 217-230.

Мунтян Анастасия Евгеньевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент

e-mail: nastya.evtushenko.02@bk.ru

Muntyan Anastasia Evgenievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

Поздняков Вячеслав Михайлович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доктор психологических наук, профессор

e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Pozdnyakov Vyacheslav Mikhailovich,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Doctor of Psychological Sciences,
Professor

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЖАРНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСЧЕТОВ МЧС РОССИИ

PERSONAL PREDICTORS OF PROFESSIONAL VIGILANCE OF EMPLOYEES OF FIRE AND RESCUE CREWS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования по проблеме личностных предикторов профессиональной бдительности сотрудников пожарно-спасательных расчетов. Участниками исследования стали 40 сотрудников МЧС России в возрасте от 25 до 38 лет. В качестве методического инструментария использовались: Мельбурнский опросник принятия решений (Т.В. Корнилова); тест антиципационной состоятельности (В.Д. Менделевич); 16-факторный личностный опросник (Р. Кеттел); опросник «Склонность к риску» (А.Г. Шмелев); Опросник «Контроль поведения» (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, И.И. Ветрова). Выявлено, что ключевыми личностными предикторами профессиональной бдительности выступают антиципационная состоятельность, склонность к риску, контроль поведения, эмоциональная стабильность.

Ключевые слова: антиципационная состоятельность, профессиональная бдительность, склонность к риску, самоконтроль, эмоциональная стабильность, экстремальный профиль личности.

Abstract. The article presents the results of an empirical study on the problem of personal predictors of professional vigilance of fire and rescue crews. The study participants were 40 employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia aged 25 to 38 years. The following methodological tools were used: the Melbourne Decision Questionnaire. (T.V. Kornilova); test of anticipatory consistency (V.D. Mendelevich); 16-factor personality questionnaire (R. Cattell); Questionnaire «Propensity to Risk» (A.G. Shmelev); Questionnaire «Behavior Control» (E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya, I.I. Vetrova). It was revealed that the key personal predictors of professional vigilance are anticipatory viability, risk appetite, behavior control, and emotional stability.

Keywords: anticipatory consistency, professional vigilance, propensity to risk, self-control, emotional stability, extreme personality profile.

Успешная профессиональная деятельность предполагает наличие у субъектов труда комплекса психологических свойств личности, которые

традиционно называют «профессионально важные качества личности». Учеными одним из ключевых качеств у представителей профессий особого риска признается профессиональная бдительность [3, 4, 5 и др.]. Однако при этом отмечается, что особенности ее развития и проявления у сотрудников пожарно-спасательных расчетов изучены в недостаточной мере [11].

Бдительность как специфичный психологический феномен в контексте профессиональной деятельности изучается с середины XX века. Можно отметить, что в работах Н. Макворта бдительность рассматривается как готовность индивида выявлять даже малые изменения и адекватно на них реагировать [6]. Согласно исследованию Р.А. Бьянта и А.Г. Харвея, бдительность представляет собой совокупность важных для профессии личностных качеств, которые помогают распознавать случайные сигналы в окружающем пространстве и поддерживать концентрацию на задаче на протяжении продолжительного времени [14]. В методическом руководстве Американской психиатрической ассоциации (1994) бдительность применительно анализа стрессогенной деятельности специалистов профессий экстремального профиля рекомендуется рассматривать с учетом параметров и характеристик, признаков, имеющих непосредственное отношение к категории «способность к обеспечению бодрствования» [13]. В связи с этим многие зарубежные ученые рассматривают бдительность как психологическое явление, соответствующее достаточно высокому уровню бодрствования, которое предоставляет человеку «дозорное» поведение, что и позволяет вовремя выявлять значимые сигналы и реагировать на них [15].

Анализ отечественных публикаций свидетельствует, что профессиональная бдительность определяется способностью человека вовремя замечать важные и значимые факторы и обстоятельства, имеющие значение для профессиональной деятельности. Также она выражает и готовность психофизиологических систем к обеспечению адекватного реагирования на внешние и внутренние стимулы. В.А. Демарева говорит о том, что в настоящее время исследуется множество явлений, которые понятийно близки с феноменом «бдительность», а именно: антиципация, профессиональное внимание, наблюдательность, активация [2]. По мнению Д.В. Уланова, бдительность представляет собой особое специфическое состояние, обладающее относительно устойчивым и стабильным характером и отражающее настороженность по отношению к тем переменным, которые могут представлять угрозу. Бдительность связана с намерением человека контролировать происходящую ситуацию, чтобы предотвратить возможные угрозы его здоровья и жизни [12].

Нами разделяется позиция К.И. Белова, считающего, что у специалистов профессий экстремального профиля бдительность проявляется как специфичная способность вовремя обнаруживать и минимизировать влияние потенциально опасных факторов профессиональной деятельности. Эта способность не обусловлена какой-либо одной психологической характеристикой специалиста. Она представляет собой совокупность психических процессов, состояний, качеств и свойств, которые отражают

особенности потребностно-мотивационной, интеллектуально-эмоциональной, а также поведенческо-волевой сфер личности [1].

Немаловажное значение имеет изучение факторов повышения бдительности. В.А. Демарева предложила выделять две категории факторов – эндогенные и экзогенные. По мнению ученого, эндогенные факторы, влияющие на бдительность, заключаются в психологических и психофизиологических характеристиках личности, тогда как экзогенные факторы бдительности представляют собой внешние условия, такие как режим труда, уровень нагрузки в рамках трудовой деятельности, а также степень нормированности / ненормированности длительности рабочего дня [2].

Учитывая, что личностная надежность пожарно-спасательных расчетов МЧС России и их профессиональная успешность связана не с отдельными индивидуально-психологическими качествами, а симптомокомплексами личностных свойств [9, 10, 11 и т.п.], нами для изучения роли личностных предикторов профессиональной бдительности был подобран комплекс валидных методик и реализовано эмпирическое исследование.

Цель эмпирического исследования заключалась в определении личностных предикторов профессиональной бдительности сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России и разработке рекомендаций по совершенствованию профессионально-психологической подготовки данной категории субъектов труда.

В исследовании проверялась следующая гипотеза: личностными предикторами профессиональной бдительности сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России выступает ряд их характеристик, среди которых весомую роль вносят такие свойства, как антиципационные способности, склонность к риску, уровень контроля поведения, эмоциональная стабильность.

Исследование проводилось на базе пожарной части № 33 г. Москвы. Выборка состояла из: 40 сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России. В исследовании приняли участие лица в возрасте от 25 до 38 лет (средний возраст 31 год), мужского пола, имеющие стаж профессиональной деятельности более трех лет. Для психодиагностики были использованы: Мельбурнский опросник принятия решений (Т.В. Корнилова); Тест антиципационной состоятельности (В.Д. Менделевич); 16-факторный личностный опросник (Р. Кеттел); опросник «Склонность к риску» (А.Г. Шмелев); опросник «Контроль поведения» (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, И.И. Ветрова).

На основе применения «Мельбурнского опросника принятия решений» было выявлено, что для большинства участников исследования характерен повышенный уровень бдительности, причем с тенденцией к формированию сверхбдительности. Данные исследования также позволяют говорить, что для участвовавших в исследовании сотрудников пожарно-спасательных расчетов характерен сниженный уровень проявлений избегания и прокрастинации.

Результаты обследования по «Тесту антиципационной состоятельности» показали, что специалистам пожарно-спасательных расчетов характерен достаточно высокий уровень антиципационной состоятельности, причем по показателям ее личностно-ситуативной и пространственной составляющих. В отношении временной антиципационной состоятельности показатели на среднем уровне, что может говорить о наличии определенной тревожности.

Применение опросника 16-PF Р. Кеттела показало, что общительность, интеллект, самоконтроль, эмоциональная стабильность, высокая нормативность поведения и смелость являются развитыми личностными характеристиками у специалистов пожарно-спасательных расчетов.

Учитывая ориентированность обследованных нами респондентов на смелость, интерес представляли данные, полученные с применением ряда других психодиагностических методик. На основе опросника «Склонность к риску» (разработчик А.Г. Шмелев) выявлено, что для большинства участников обследования характерен средний уровень склонности к риску. Это позволяет сделать вывод о том, что большинство респондентов среди не склонны к импульсивным действиям и не проявляют смелость без должного для этого основания. По показателям опросника «Контроль поведения» (разработчики Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, И.И. Ветрова) было установлено, что для большей части участников исследования присущ умеренный уровень когнитивного, эмоционального и волевого контроля.

Представлены результаты корреляционного анализа (с использованием коэффициента корреляции Спирмена) по данным профессиональной бдительности и личностным особенностям сотрудников пожарно-спасательных расчетов (табл. 1).

Выполненное исследование позволяет говорить о том, что существуют взаимосвязи между показателями бдительности и личностными предикторами:

1. Определено, что существуют взаимосвязи между показателями бдительности и показателем высокой нормативности поведения ($r=0,40$), смелости ($r=0,31$), подозрительности ($r=0,36$), волевого контроля ($r=0,39$), а также общего показателя контроля поведения ($r=0,35$).

2. Выявлена корреляционная связь между показателем сверхбдительности и показателем неконформизма ($r=0,43$).

3. Определены корреляционные связи между показателями личностно-ситуативной состоятельности и замкнутости ($r=-0,39$), а также конформизма ($r=-0,33$). Кроме того, выявлены корреляционные связи между показателем пространственной антиципационной состоятельности и данными эмоциональной нестабильности ($r=-0,38$), низкого самоконтроля ($r=-0,45$), когнитивного контроля ($r=-0,32$), волевого контроля ($r=-0,34$), а также общего уровня контроля поведения ($r=-0,47$). Установлено наличие корреляционных связей между показателями временной состоятельности и экспрессивности ($r=0,42$), а также низкого самоконтроля ($r=-0,34$).

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа профессиональной бдительности и личностных особенностей сотрудников пожарно-спасательных расчетов

Показатель	Бдительность	Избегание	Прокрастинация	Сверхбдительность	Личностно-ситуативная антиципация	Пространственная антиципация	Временная антиципация
А: «замкнутость - общительность»	-0,03	-0,02	-0,16	0,15	-0,39	0,07	0,00
В: интеллект	-0,05	0,06	-0,34	0,03	0,06	0,10	-0,12
С: «эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность»	0,14	-0,34	-0,15	0,00	0,00	-0,38	-0,29
Е: «сдержанность - экспрессивность»	0,08	0,13	0,10	-0,10	0,05	0,02	0,42
Г: «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения»	0,40	-0,15	-0,19	-0,20	0,14	-0,31	-0,17
Н: «робость - смелость»	0,31	-0,33	0,22	0,02	-0,12	-0,29	-0,27
І: «жесткость – чувствительность»	0,10	-0,14	0,33	-0,03	-0,27	-0,06	0,00
Л: «доверчивость - подозрительность»	0,36	-0,21	0,07	0,04	-0,21	-0,11	-0,12
Q2: «конформизм - нонконформизм»	-0,17	-0,16	0,01	0,43	-0,33	-0,02	-0,06
Q3: «низкий самоконтроль - высокий самоконтроль»	0,29	-0,31	0,17	-0,06	-0,05	-0,45	-0,34
Искренность	-0,17	0,32	0,00	-0,03	0,12	0,15	0,16
Когнитивный контроль	0,19	-0,13	0,00	0,07	-0,18	-0,32	-0,20
Волевой контроль	0,39	-0,60	-0,04	0,21	-0,06	-0,34	-0,23
Общий уровень контроля поведения	0,35	-0,40	0,03	0,02	-0,17	-0,47	-0,30

В целом, проведенное исследование позволяет констатировать, что в качестве личностных предикторов профессиональной бдительности сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России выступают, прежде всего, такие характеристики личности, как особенности антиципационной состоятельности личности, уровень контроля поведения, эмоциональная стабильность, а также смелость. С учетом обнаружения роли свойства смелости считаем, что выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась лишь частично.

Проведенное исследование, выполненное на небольшой выборке, востребует осуществление дальнейших научных исследований. Перспективным является изучение детерминант поддержания и условий развития профессиональной бдительности у сотрудников пожарно-спасательных расчетов МЧС России, в том числе в аспектах переживания ими субъективного благополучия и удовлетворенности потребности безопасности личности, а также по совершенствованию психологического сопровождения данной категории субъектов труда.

Список литературы:

1. Белов К.И. Обзор системы воспитания воинской бдительности у военнослужащих подразделений военной полиции // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-2. С. 54-56.

2. Демарева В.А. Психофизиологический анализ понятия «бдительность» / В.А. Демарева, И.О. Зайцева, Е.И. Селезнева [и др.] // Вестник психофизиологии. 2022. № 4. С. 31-39.

3. Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих) // Психология и право. 2017. № 4. С. 137-150.

4. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

5. Мальцева Т.В., Петров В.Е. Концептуальная модель психологического тренинга с оперативными сотрудниками полиции // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов правоохранительных органов: сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. / Московский областной филиал Московского университета МВД России. Руза, 2015. С. 103-106.

6. Маралов В.Г., Маралова Т.П. «Бдительность-беспечность» в проблемном поле исследований современной психологии // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сборник избранных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 января 2022 года. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2022. С. 33-41.

7. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы: учебное пособие для вузов для вузов / В.М. Поздняков [и др.]; под общей ред. В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 222 с.

8. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

9. Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб, 2000. 433 с.

10. Савинков С.Н., Коваль Н.А. Надежность в структуре профессиональных и личностных качеств специалиста МЧС России // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2020. Т. 19. № 3 (45). С. 7-17. DOI: 10.20310/1810-231X-2020-19-3(45)-7-17.

11. Симонова Н.Н. Личностная надежность спасателей МЧС и их профессиональная успешность / Н.Н. Симонова, А.С. Мастренко, Ф.Р. Султанова [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 221-250.

12. Уланов Д.В. Роль кадрового потенциала в воспитании бдительности у военнослужащих Ракетных войск стратегического назначения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 256-258.

13. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 4th ed. Washington D.C.: American Psychiatric Association, 1994.

14. Biyant R.A., Harvey A.G. Posttraumatic stress reactions in volunteer firefighters // J. Trauma stress. 1996. Vol. 9. № 1. P. 51-62.

15. Bonnano G.A., Westphal M., Mancini A. Resilience to loss and potential trauma // Annual Review of Clinical Psychology. 2011. № 7. P. 111-125.

References:

1. Belov K.I. Review of the system of education of military vigilance among military personnel of military police units // Problems of modern pedagogical education. 2022. № 77-2. P. 54-56.

2. Demareva V.A. Psychophysiological analysis of the concept of «vigilance» / V.A. Demareva, I.O. Zaitseva, E.I. Selezneva [et al.] // *Bulletin of Psychophysiology*. 2022. № 4. P. 31-39.
3. Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Psychophysiological predictors of mental adaptivity among specialists in dangerous professions (on the example of military personnel) // *Psychology and Law*. 2017. № 4. P. 137-150.
4. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personality traits of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // *Lex Russica*. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
5. Maltseva T.V., Petrov V.E. A conceptual model of psychological training with operational police officers // *Modern educational technologies in the training of law enforcement specialists: collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference / Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Ruza, 2015. P. 103-106.
6. Maralov V.G., Maralova T.P. «Vigilance-carelessness» in the problematic field of modern psychology research // *National Security of Russia: actual aspects: collection of selected articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, January 30, 2022*. St. Petersburg: GNII "National Development", 2022. P. 33-41.
7. Penitentiary psychology: psychological work with convicts serving sentences of imprisonment: a textbook for universities for universities / V.M. Pozdnyakov [et al.]; under the general editorship of V.M. Pozdnyakov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 222 p.
8. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
9. Rybnikov V.Y. Psychological forecasting of the reliability of the activities of extreme specialists: Dis. ... Doctor of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2000. 433 p.
10. Savinkov S.N., Koval N.A. Reliability in the structure of professional and personal qualities of a specialist of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Psychological and pedagogical journal «Gaudeamus»*. 2020. Vol. 19. № 3 (45). P. 7-17. DOI: 10.20310/1810-231X-2020-19-3(45)-7-17.
11. Simonova N.N. Personal reliability of rescuers of the Ministry of Emergency Situations and their professional success / N.N. Simonova, A.S. Mastenko, F.R. Sultanova [and others] // *Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*. 2020. № 4. P. 221-250.
12. Ulanov D.V. The role of human resources in fostering vigilance among military personnel of the Strategic Missile Forces. // *The world of science, culture, and education*. 2019. № 1 (74). P. 256-258.
13. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 4th ed. Washington D.C.: American Psychiatric Association, 1994.
14. Biyant R.A., Harvey A.G. Posttraumatic stress reactions in volunteer firefighters // *J. Trauma stress*. 1996. Vol. 9. № 1. P. 51-62.
15. Bonnano G.A., Westphal M., Mancini A. Resilience to loss and potential trauma // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2011. № 7. P. 111-125.

Петров Владислав Евгеньевич,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология»,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenevich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Associate Professor of the Department
of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty
of Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate
Professor

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРОЯВЛЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ У ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

PSYCHODIAGNOSTIC ASSESSMENT OF THE MANIFESTATIONS OF PROFESSIONAL PERSONALITY DEFORMATION IN EXTREME VOLUNTEERS

Аннотация. В статье представлен авторский опросник оценки проявлений профессиональной деформации личности, ориентированный на использование в диагностической работе с экстремальными добровольцами. Методика реализована на базе семикомпонентной модели из двух уровней. На уровне «личность» влияние экстремальности и профессиональной деятельности находит отражение в гипертрофии следующих характеристик: личностная ригидность; гиперорганизованность; императивность. На уровне «поведение» профессиональная деформация обуславливает появление таких поведенческих паттернов как: редукция профессиональных обязанностей; коммуникативная жаргонизация; деморализация; псевдоактивность. Проведены основные положения новационного диагностического инструментария (стимульный материал, диагностический ключ, нормативные значения), а также его некоторые психометрические характеристики. Материал направлен на совершенствование психологической поддержки экстремальных добровольцев, а также представителей силовых ведомств.

Ключевые слова: профессиональная деформация личности, экстремальное добровольчество, личностный выбор, психодиагностика, императивность, псевдоактивность.

Abstract. The article presents the author's questionnaire for assessing the manifestations of professional personality deformity, aimed at use in diagnostic work with extreme volunteers. The methodology is implemented on the basis of a seven-component model consisting of two levels. At the «personality» level, the influence of extremity and professional activity is reflected in the hypertrophy of the following characteristics: personal rigidity; hyperorganization; imperativeness. At the level of «behavior», professional deformation causes the appearance of such behavioral patterns as: reduction of professional responsibilities; communicative jargonization; demoralization; pseudo-activity. The main provisions of the innovative diagnostic toolkit (stimulus material, diagnostic key, normative values), as well as some of its psychometric characteristics, are presented. The material is aimed at improving the psychological support of extreme volunteers, as well as representatives of law enforcement agencies.

Keywords: professional personality deformation, extreme volunteerism, personal choice, psychodiagnostics, imperativeness, pseudo-activity.

Проблема негативного влияния профессии на персонал издавна ставится в центр внимания ученых и практиков. В профессиях особого риска генерализированы эмоциональное выгорание, профессиональная деформация личности, стагнация профессионально-личностного развития [6, 7 и др.]. Многочисленные исследования заявленной проблематики проводятся в рамках психологии труда, юридической психологии и психологии безопасности, военной и экстремальной психологии, психологии развития и акмеологии (В.В. Бойко, С.Е. Борисова, А.В. Буданов, Н.Е. Водопьянова, А.Ю. Гузенко, А.Г. Караяни, В.М. Крук, В.С. Медведев, В.Е. Орёл, Ю.Ю. Растяпина, С.Л. Рыков, А.В. Степанкова, К.Р. Такасаева, Т.В. Форманюк и др.). Несмотря на проработанность теоретических аспектов феноменологии профессиональной деформации личности, в настоящее время отсутствует диагностический инструментарий оценки проявлений этого явления [5, 8 и др.]. Социальный заказ множится запросом на психологическую поддержку экстремального добровольчества.

На теоретико-методологическом уровне проблематика волонтерства широко представлена психолого-педагогическими, социологическими, юридическими исследованиями (Е.С. Азарова, К.А. Бочко, А.М. Евлегина, Я.В. Латюшин, В.В. Овсий, М.В. Певная, А.А. Шагурова и др.). Однако феноменология личностного выбора экстремального добровольчества и профессиональной деформации её субъекта деятельности в современной психологической науке не представлена [1]. Именно потребность в изучении психологических последствий пребывания добровольцев в экстремальных условиях, оценки выраженности деформационных проявлений послужила основанием для проведения нами в 2023-2024 гг. соответствующего научного исследования.

В результате исследования влияния личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве на продуктивность деятельности и последствия выполнения задач в особых (осложнённых) условиях нами была разработана семикомпонентную модель проявлений профессиональной деформации личности. Семь узловых характеристик представлены на двух уровнях: 1) «личность»; 2) «поведение».

На уровне «личность» влияние экстремальности и профессиональной (служебной) деятельности (службы) находит отражение в гипертрофии следующих характеристик:

- *личностная ригидность* (характеристика, проявляющаяся как неготовность или неспособность добровольца перестроить собственную схему деятельности, инертность установок, стереотипность мыслительных процессов не только в экстремальных, но и в штатных условиях);

- *гиперорганизованность* (качество личности, проявляющееся в сверхнастойчивости, склонности в избыточном объёме планировать свои действия, контролировать себя, сферхпринципиальности в оценивании собственного поведения, запредельном уровне напряжения психики);

▪ *императивность* (качество личности, проявляющееся в форме повелительного, доминирующего, не допускающего выбора поведения, ориентированного на безусловное подчинение окружающих).

На уровне «поведение» профессиональная деформация обуславливает появление таких поведенческих паттернов как:

▪ *редукция профессиональных обязанностей* (изменение поведенческой модели, при которой происходит упрощение профессиональной деятельности, проявляющееся в попытках облегчить или сократить объём выполняемых обязанности даже в ущерб безопасности в экстремальных условиях);

▪ *коммуникативная жаргонизация* (изменение поведения и общения, проявляющиеся в искусственном создании специфического словаря, понятного определённой отдельной социальной группе, или в использовании ненормативной лексики, выражений и отдельных словосочетаний);

▪ *деморализация* (поведенческий паттерн, при котором происходит утрата мотивация к деятельности в осложнённых условиях, дестабилизация или разрушение духовно-нравственных основ жизнедеятельности, неготовность противостоять трудностям или мотивационным кризисам);

▪ *псевдоактивность* (поведенческий паттерн, проявляющийся в бессмысленной, нецеленаправленной, суетливой деятельности как в штатных, так и в экстремальных условиях, имитирующий «бурную» активность).

Оценка модели проявлений профессиональной деформации личности была реализована в виде диагностической методики формы Е-136, которая представляет собой многопараметрический опросник с тремя вариантами ответов («Верно», «Нейтральный ответ», «Неверно»). Разработка авторского подхода охватывала апробацию нескольких параллельных форм (Р-120 и Е-136 [3, 4]). Однако применительно к деятельности экстремальных добровольцев форма Е-136 продемонстрировала более высокие психометрические характеристики. Стимульный материал формы Е-136 приводится ниже.

1. Сочувствие и сострадание к окружающим проявляют только слабые личности.

2. Отвага в деле защиты Отечества должна подкрепляться наградами и деньгами.

3. Можно согласиться с выражением «Лучше синица в руках, чем журавль в небе».

4. Разумный порядок и упорядочение пространства – это принципы, которых следует придерживаться в жизни.

5. Считаю, что во многих ситуациях мои решения единственно верные.

6. Иногда, из-за усталости, можно сократить перечень выполняемых повседневных задач.

7. Порой с помощью ненормативной лексики можно быстро донести до человека необходимую идею (мысль, указание и т.п.).

8. Считаю корректным выражение: «Хочешь жить – умей вертеться».

9. В современной жизни каждый человек должен уметь адаптироваться к изменениям и новым ситуациям.

10. Военнослужащие не ругаются матом, они называют вещи своими именами.

11. Мне довольно легко принять чужую точку зрения.

12. Управление трудовым (служебным, воинским) коллективом должно строиться только на приказах.

13. Считаю, что все вещи должны лежать только на своих местах, иначе будет беспорядок.

14. Руководитель должен быть скорее понимающим, чем строгим.

15. Считаю, что профессиональные трудности стимулируют к развитию.

16. Нецензурные выражения обедняют речь человека.

17. Многие сотрудники лишь делают видимость трудовой деятельности.

18. В любых жизненных ситуациях необходимо следовать установленным нормам и правилам поведения.

19. Отношусь к тем людям, которые точно знают, что, где и когда должно быть сделано.

20. Для достижения наилучшего результата предпочту чёткую стратегию, а не импровизацию.

21. Упрощение рабочих задач может снизить риск возникновения ошибок.

22. С помощью «крепкого» слова можно выразить сразу несколько эмоций.

23. В работе главное результат, а не участие.

24. Ни при каких обстоятельствах человек не должен менять свои взгляды и мнение.

25. Не вижу ничего предосудительного в «творческом беспорядке» на рабочем месте.

26. Могу без колебаний высказать человеку в лицо все, что о нём думаю.

27. В жизни любого человека может быть слово «не могу».

28. Считаю, что нецензурная брань приводит к ограничениям в языковых ресурсах.

29. Чтобы «сберечь нервные клетки», время от времени можно делать вид активной профессиональной деятельности.

30. По принципиальным вопросам не следует соглашаться с чужим мнением.

31. Равнодушие к происходящему – это лучшая защита от стресса.

32. Считаю верным выражение «Пять минут – не опоздание».

33. Допускаю, что во время рабочего дня можно отвлечься на посторонние дела (общение с коллегами, чаепитие, перекур и т.п.).

34. Вне зависимости от рабочей нагрузки следует обязательно выполнять все порученные задачи.

35. Ничто не может заставить человека возненавидеть жизнь.
36. Считаю, что ненормативная лексика – один из самых доступных методов снятия стресса.
37. Чтобы повысить мотивацию у сотрудников (военнослужащих), можно временно ограничить объём задач, возлагаемых на них.
38. Поскольку боль и страдания в экстремальных условиях жизнедеятельности неизбежны, то с ними следует смириться.
39. Считаю верным выражение: «Правила существуют для того, чтобы их нарушать».
40. Чёткое планирование рабочего дня не всегда является залогом успеха.
41. Богатый жизненный опыт даёт возможность контролировать профессиональную деятельность коллег «от и до».
42. Если повседневные профессиональные задачи «бесполезны», то их можно пропустить.
43. Окружающие узнают мою профессию по фразам, которые я говорю.
44. Сотрудники (военнослужащие) в случае крайней необходимости могут заменять качество работы отчётом планируемых мероприятий.
45. Сотрудники (военнослужащие), которые «выходят за рамки» своих профессиональных обязанностей, «подставляют» коллектив.
46. Считаю, что когда человек находится в состоянии отчаяния, то ему невозможно оставаться целостной личностью.
47. Не вижу смысла планировать жизнь, поскольку всё может пойти не так, как хочется.
48. Стараюсь не высказывать своё мнение, противоречащее взглядам окружающих.
49. Многие военнослужащие ориентированы избегать выполнения «бесполезных» задач.
50. Ненормативная лексика скорее выражает личное мнение человека, нежели оскорбляет или унижает окружающих.
51. На работе (службе) многие сотрудники (военнослужащие) порой делают вид, что заняты чем-то важным.
52. Предпочитаю избегать ситуаций, которые могут нарушить устоявшийся порядок жизнедеятельности.
53. Профессиональный жаргонизм – главный индикатор специализации человека.
54. Испытания в жизни – это пустая трата времени и сил.
55. «Стабильность – признак мастерства» – утверждение, не теряющее со временем свою актуальность.
56. Утрата интереса к работе во многом связана с уменьшением объёма профессиональных задач.
57. По возможности человеку следует избегать лишней ответственности.
58. Предложение «Чтобы быть грамотным специалистом, обладающим большим жаргоном слов, надо много читать» согласуется с правилами русского языка.

59. Не считаю предосудительным откладывание исполнения некоторых обязанностей «на потом».

60. Использование профессионального жаргона повышает понимание в коллективе.

61. Хороший специалист всегда должен быть занят работой.

62. Окружающие считают меня скорее личностно-гибким, нежели настойчивым.

63. Сокращение объёма профессиональных обязанностей может привести к демотивации сотрудников.

64. Человек не всегда должен нести ответственность за последствия принятых решений.

65. Мой девиз: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

66. Считаю, что у каждой профессии есть свой специальный жаргон.

67. Привычки должны меняться, как и сам человек.

68. Люди, которые не воспринимают новые идеи, имеют «шоры» на глазах.

69. «Вера в победу сильнее самого современного оружия» – это правильные, но, к сожалению, пустые слова.

70. Соглашусь с утверждением «У каждой вещи должно быть строго свое место».

71. Отклонение от нормы (плана) выполнения профессиональных задач негативно влияет на мотивацию к труду.

72. Порой некоторые профессиональные обязанности кажутся бессмысленными.

73. Использование жаргона в общении часто «разряжает обстановку» в коллективе.

74. Постоянная занятость каким-либо делом становится преимуществом в завоевании авторитета и уважения коллег.

75. На работе (службе) каждый человек должен быть «как рыба в воде».

76. Планирование – пустая трата времени, так как жизнь непредсказуема.

77. Считаю, что в трудовом (служебном, воинском) коллективе все должны быть равны.

78. Высказывание «К сегодняшнему часу нарушений по работе (службе) не допущено» построено верно.

79. Многие современные нововведения сомнительны, поскольку в прошлом создавались более надёжные технологии.

80. Большое количество выполняемых профессиональных задач позволяет стать «мастером своего дела».

81. Некоторым людям объясняй – не объясняй, без «мата» не поймут.

82. В современной жизни качество работы не оказывает существенного влияния на карьерные перспективы сотрудника (военнослужащего).

83. Люди, живущие строго по распорядку дня, предсказуемы.

84. Предпочитаю засыпать и просыпаться в определённое время.

85. Как бы ни разворачивался спор, всё равно стараюсь оставаться при своём мнении.

86. Обилие профессиональных задач представляет возможность самореализоваться.

87. Считаю, что жаргон обогащает язык, но обедняет речь.

88. Повышенная занятость военнослужащего (сотрудника) не всегда говорит о его высокой ответственности и работоспособности.

89. Чтобы гарантированно избежать ошибок, следует дополнительно проинструктировать подчиненного.

90. Моя профессиональная деятельность повышает чувство собственного достоинства.

91. Соглашусь с выражением «порядок на столе – порядок в голове».

92. Сотруднику (военнослужащему) с характером трудно приспособиться к изменениям на рабочем месте (службе).

93. Если нет желания выполнять рутинную работу, её можно поручить коллеге.

94. Нецензурные высказывания – одна из причин конфликтов в коллективе.

95. В целях создания или поддержания профессиональной карьеры необходимо наполнить рабочий день всевозможными задачами, пусть даже и второстепенными.

96. Считаю, что крепкий духом человек нигде и никогда не унывает.

97. В решении рабочих задач лучше использовать новые методы, поскольку они эффективнее старых.

98. Появление дополнительных обязанностей стимулируют сотрудника (военнослужащего) к работе.

99. Возможность переключаться с одной задачи на другую, помогает отвлечься от основной деятельности.

100. Некоторые дела можно отложить «на потом».

101. В предложении «Зачастую начальник всегда прав» нет грамматических или стилистических ошибок.

102. Соглашусь с мнением, что «Страна, защищаемая народом, непобедима».

103. Считаю, что нецензурная лексика может отвлекать от основного смысла высказывания.

104. Неотъемлемая часть имиджа успешного военнослужащего (сотрудника) – это быть постоянно занятым работой.

105. Сотруднику (военнослужащему) проще следовать указаниям руководителя, чем самостоятельно принимать решения.

106. При выполнении всех должностных обязанностей у исполнителя появляется больше уверенности в себе и своей компетентности.

107. Соглашусь с выражением: «На Бога надейся, но сам не плошай».

108. Полагаю, что неопределённость рабочих задач могут вызывать у исполнителя только негатив.

109. Не вижу ничего предосудительного в жаргоне, поскольку он присутствует в каждой профессии.

110. Каждый день стараюсь быть погружённым в работу (службу), чтобы не было замечаний от руководства.

111. В современных условиях невозможно строить какие-либо планы, главное – выжить.

112. Согласен с утверждением «Мир меняется, мы – вместе с ним».

113. Фраза «Порядок в роте – старшина в почёте» актуальна как никогда.

114. Руководителю следует избегать тотального контроля деятельности подчинённых.

115. Сокращение объёма выполняемых задач может способствовать развитию новых профессиональных навыков.

116. Считаю, что в предложении «Умение грамотно писать является показателем профессионализма» имеется ошибка.

117. В домашней обстановке, как и на службе, следует соблюдать распорядок дня.

118. Соглашусь, что «культурный человек никогда не выражается матом на публике».

119. Если в рабочее время не хватает времени на отдых, допустимо заняться малозначительным делом, чтобы отвлечься.

120. Окружающая действительность настолько противоречива и лжива, что жить в таком мире не хочется.

121. Следовать новым тенденциям в жизни, значит быть «приспособленцем» без собственных принципов.

122. Упрощение должностных обязанностей снижает вероятность возникновения ошибок в деятельности.

123. Значимость верных друзей в жизни сильно преувеличена.

124. По моему мнению, перемены в жизни ни к чему хорошему не приведут.

125. Надёжность профессиональной деятельности, в первую очередь, определяется тотальным контролем сотрудников.

126. Неприемлемо, когда некоторые «оптимизируют» свою работу (службу) сокращением объёма выполняемых задач.

127. В экстремальной ситуации человек может спасти свою жизнь, лишь рискуя ей.

128. Считаю, что «матом не ругаются, им разговаривают».

129. Разнообразные обязанности повышают уровень удовлетворённости работой.

130. Считаю, что с помощью «крепкого слова» легче устанавливать контакт с собеседником.

131. К сожалению, моё настоящее вызывает только ощущение внутренней пустоты.

132. Мне нравится исполнять профессиональные обязанности, которые требуют полной погруженности в них.

133. Смена функционала в работе не причинит мне каких-либо неудобств.

134. «Работая на показ», невозможно получить удовлетворение от работы (службы).

135. В условиях постоянно меняющегося мира сотрудник (военнослужащий) должен всегда оставаться самим собой.

136. Считаю, что ненормативная лексика лишь указывает на необразованность человека.

Помимо семи основных шкал опросник имеет шкалу валидности («Понимание стимула» и «Типичность ответов»). После подсчёта сырого балла (совпадение с ключом – 2 балла, нейтральный ответ – 1; табл. 1) в соответствии с нормами определяется вторичное значение (табл. 2).

Таблица 1 – Шкалы и диагностические ключи опросника

Наименование шкалы	«Прямой» ключ	«Обратный» ключ
Личностная ригидность	18, 24, 30, 79, 92, 105, 108, 124, 135	8, 9, 11, 62, 67, 68, 83, 97, 112, 121, 133
Гиперорганизованность	4, 5, 13, 15, 19, 20, 34, 55, 61, 70, 71, 74, 84, 91, 95, 104, 110, 113, 117, 126	25, 32, 40, 42, 52, 57, 59
Императивность	1, 3, 5, 12, 15, 23, 26, 34, 41, 65, 71, 75, 85, 86, 89, 125	14, 27, 48, 64, 114, 119
Редукция профессиональных обязанностей	6, 21, 37, 39, 45, 47, 49, 52, 72, 76, 82, 93, 100, 115, 122	56, 63, 65, 98, 106, 126, 129, 132
Коммуникативная жаргонизация	7, 10, 22, 36, 43, 50, 53, 60, 66, 73, 81, 109, 128, 130	16, 28, 87, 94, 103, 118, 136
Деморализация	1, 2, 31, 38, 46, 54, 69, 111, 120, 123, 131	35, 90, 96, 102, 127
Псевдоактивность	6, 17, 29, 33, 44, 51, 74, 99	23, 77, 80, 86, 88, 107, 126, 134
Понимание стимула	101	58, 78, 116
Типичность ответов	4, 9, 15, 33, 66, 68, 72, 112	-

Таблица 2 – Нормативные данные к диагностическим шкалам

Наименование шкалы	нормы	
	Среднее значение	Стандартное отклонение
Личностная ригидность	16,571	4,157
Гиперорганизованность	30,429	7,253
Императивность	23,921	5,185
Редукция профессиональных обязанностей	24,746	5,08
Коммуникативная жаргонизация	22,889	7,518
Деморализация	13,048	5,499
Псевдоактивность	15,159	3,598
<i>Понимание стимула</i>	3,889	1,867
<i>Типичность ответов</i>	13,349	2,604

В рамках проверки ретестовой надёжности опросника проведены последовательные с интервалом 3-6 месяцев замеры на выборке 206 представителей профессий особого риска (94 военнослужащих, 49 добровольцев, 63 сотрудника полиции; мужчины; возраст – $28,5 \pm 4,7$; стаж службы – $3,4 \pm 1,3$). По всем диагностическим шкалам коэффициент корреляции по Ч. Спирмену между двумя измерениями принимал значения в диапазоне 0,84-0,93, что на уровне $p \leq 0,01$ указывает на устойчивость измерения заявленных психологических характеристик. Подобный частный вывод наряду с подтверждением иных психометрических параметров методики [2, 3] делает опросник оценки проявлений профессиональной деформации личности эффективным инструментарием изучения личности экстремальных добровольцев.

Таким образом, разработанный нами диагностический инструментарий может успешно применяться при психологическом сопровождении экстремального добровольчества, а также для оценки проявлений профдеформаций у представителей силовых ведомств.

Список литературы:

1. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: Автореф. дисс... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008. 20 с.
2. Петров В.Е. Личностный выбор участия в экстремальном добровольчестве как протектор профессиональной деформации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 354-365.
3. Петров В.Е. Прикладная психологическая диагностика: Учебное пособие. М.: Изд-во «Спутник +», 2024. 246 с.
4. Петров В.Е. Психология экстремального волонтерства: субъектная модель, диагностика и подготовка: Монография. М.: ООО «Русайнс», 2024. 118 с
5. Растяпина Ю.Ю. Профессиональная деформация сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 157-162.
6. Федотов А.Ю., Крук В.М., Алексеев Д.Е. Функциональная надежность как самостоятельная междисциплинарная проблема. Современные методы ее оценки, сохранения, укрепления и восстановления // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 88-93. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-1-88-93.
7. Цветков В.Л., Хрусталева Т.А. Основные направления психологической подготовки сотрудников полиции, выполняющих задачи по поддержанию общественного порядка при проведении различных массовых мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 386-390. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-3-386-390.
8. Щербакова В.В. Деформация мотивационной сферы личности военнослужащего // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 372-374.

References:

1. Azarova E.S. Psychological determinants and effects of volunteerism: Abstract. diss... kand. psychological sciences. Khabarovsk, 2008. 20 p.
2. Petrov V.E. Personal choice of participation in extreme volunteerism as a protector of professional deformation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (104). P. 354-365.
3. Petrov V.E. Applied psychological diagnostics: A textbook. Moscow: Sputnik + Publishing House, 2024. 246 p.

4. Petrov V.E. Psychology of extreme volunteerism: a subjective model, diagnosis and training: Monograph. Moscow: Rusains LLC, 2024. 118 p.
5. Rastiapina Yu.Y. Professional deformation of police officers // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 9. P. 157-162.
6. Fedotov A.Yu., Kruk V.M., Alekseev D.E. Functional reliability as an independent interdisciplinary problem. Modern methods of its assessment, preservation, strengthening and restoration // Psychology and pedagogy of professional activity. 2021. № 1. p. 88-93. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-1-88-93.
7. Tsvetkov V.L., Khrustaleva T.A. The main directions of psychological training of police officers performing tasks to maintain public order during various mass events // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. P. 386-390. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-3-386-390.
8. Shcherbakova V.V. Deformation of the motivational sphere of a soldier's personality // Actual problems of humanities and natural sciences. 2013. № 6. P. 372-374.

Ратушкина Елена Андреевна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент
e-mail: elenaratushkina@gmail.com

Ratushkina Elena Andreevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

Анцибор Юлия Анатольевна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
кандидат психологических наук
e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

Antsibor Yulia Anatolyevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Candidate of Psychological Sciences

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЕЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ И МОТИВОВ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ «ПОЖАРНЫЙ» У КАДЕТ

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEVELS OF READINESS FOR PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AND THE MOTIVES FOR CHOOSING A «FIREFIGHTER» PROFESSION AMONG CADETS

Аннотация. В статье представлено исследование взаимосвязи между мотивами выбора профессии, имеющих направленность на внутренние и внешние характеристики трудовой деятельности, и уровнем готовности к профессиональному самоопределению у кадет. На основании выявленной взаимосвязи возможна разработка профориентационных мероприятий для учащихся средних и старших классов.

Ключевые слова: мотивационная готовность, мотивы выбора профессии, профессиональное самоопределение подростков, кадеты, готовность к выбору профессии пожарного.

Abstract. This article presents research on the relationship between the motives for choosing a profession, focusing on internal and external characteristics of work, and the level of readiness for professional self-determination among cadets. Based on the identified relationship, it is possible to develop various career guidance activities for middle and high school students.

Keywords: motivational readiness, motives for choosing a profession, professional self-determination of adolescents, cadets, readiness to choose a firefighter profession.

Выбор профессии является значимым и наиболее волнительным вопросом для подростка, особо остро стоит данный вопрос для учащихся кадетских школ, что обусловлено спецификой учебной организации: строгая направленность на получении военной профессии в будущем, которая накладывает определенные ограничения на процесс профессионального самоопределения школьников [11].

Профессиональное самоопределение – процесс осознания и выбора будущей специальности, базирующийся на направленности мотивов, выраженности интересов, ценностей и других компонентов мотивационной готовности [9]. Большинство психологов разделяют мотивы выбора профессии на два типа: связанные с внешней и внутренней мотивацией.

Однако, как показали современные исследования, у большинства учеников данного возраста практически не развито целеполагание и отсутствует интерес к трудовой деятельности как лично значимому процессу, так как освоение специальности, дальнейшая реализация полученных знаний и навыков являются, в представлении подростков, способом удовлетворения потребностей, связанных с материальными благами, что говорит о преобладании внешней мотивации у учащихся при выборе профессии, что служит основанием для изучения данной проблематики [2, 3, 10 и др.].

Целью исследования являлось изучить взаимосвязь между уровнем готовности к выбору профессии и ее мотивами у учащихся 9-х классов кадетского корпуса. Было выдвинуто предположение, что высокая сформированность готовности к профессиональному самоопределению взаимосвязана с преобладанием направленности мотивов как элементов мотивационной готовности на внутренние характеристики трудовой деятельности, низкая готовность к выбору профессии связана с направленностью мотивов на внешние характеристики.

Исследование проводилось на выборке из 27 человек 14-16 лет, обучающихся в 9 классе в ГБОУ города Москвы «Первый Московский кадетский корпус». Отбор исследуемых основывался на предварительном опросе, критерием которого стало наличие желания у кадета обучаться на профессию пожарного после окончания школы.

Для проведения эмпирической части исследования были использованы следующие психодиагностические методики: для определения степени готовности к профессиональному самоопределению использовался опросник «Готовность подростков к выбору профессии» В.Б. Успенского [1], для диагностики ведущих мотивов при выборе профессии был использован тест-опросник «Методика определения основных мотивов выбора профессии» Е.М. Павлютенкова [7]. Для обработки данных тестирования использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена [4].

Исследование уровня готовности к выбору профессии («Готовность подростков к выбору профессии» В.Б. Успенского) показало, что большинство респондентов имеют средний уровень готовности к выбору профессии: они имеют базовые знания о профессии пожарного, но недостаточно развито понимание своих склонностей и способностей, ограничений выбранной специальности.

Анализируя результаты методики, определяющих мотивы выбора профессии («Методика определения основных мотивов выбора профессии» Е.М. Павлютенкова), было выявлено, что для кадет при выборе профессии пожарного характерно преобладание мотива, связанного с внешней направленностью, а именно – материальное благополучие, стабильная заработная плата (материальный мотив). Однако нельзя однозначно сказать о ведущих мотивах, имеющих внутреннюю направленность. Для учащихся одинаково значимыми является возможность духовно развиваться и самосовершенствоваться в процессе трудовой деятельности (моральный мотив), а также, чтобы будущая профессия приносила пользу обществу и

доставляла удовольствие (социальный мотив), что связано со полимотивированностью деятельности.

В процессе корреляционного анализа была между была установлена прямая значимая связь между уровнем готовности и двумя мотивами, имеющих внутреннюю направленность: творческий мотив и мотив, связанный с содержанием труда, что частично подтверждает первую часть гипотезы: высокая готовность к выбору профессии связана с направленностью мотивов на внутренние характеристики трудовой деятельности (табл. 1).

Другие мотивы, связанные с внутренней мотивацией, имеют прямую связь лишь на уровне тенденции, исключением стал познавательный мотив, так как была обнаружена обратная слабая связь на уровне тенденции, что противоречит гипотезе исследования, и может быть обусловлено низкой значимостью в структуре мотивационной готовности к профессии пожарного у учащихся, что позволяет выявить тематику для разработки мероприятий, связанных с профориентацией учащихся, целью которого будет являться просвещение о важности непрерывного развития специальных профессиональных знаний и навыков для успешной реализации будущей трудовой деятельности – профессии пожарного.

Таблица 1 – Показатели корреляции между уровнем готовности к выбору профессии и мотивами, связанными с внутренней направленностью мотивации

Мотивы, связанные с внутренней мотивацией	Социальные	Моральные	Эстетические
Готовность к выбору профессии	0,300	0,218	0,260
Мотивы, связанные с внутренней мотивацией	Творческие	Познавательные	Связанные с содержанием труда
Готовность к выбору профессии	0,410*	-0,111	0,388*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Значимой связи между уровнем готовности к профессии пожарного и мотивами, имеющей внешнюю направленность, по обеим методикам установлено не было: только между материальным мотивом и уровнем готовности к выбору профессии была обратная связь на уровне тенденции (табл. 2). Обнаруженная слабая прямая связь на уровне тенденции между мотивом престижа утилитарными мотивом и уровнем готовности к выбору 2 профессии противоречит гипотезе, что может быть связано с высокой значимостью данных мотивов в структуре мотивационной готовности к профессии пожарного у кадет. Сведения соответствуют данным, приведенным в ряде публикаций [5, 6, 8 и др.].

По результатам исследования было выявлено, что мотивы, направленные на внутреннюю мотивацию, в частности связанные с интересом к трудовой деятельности и творчеством, положительно влияют на

формирование готовности выбора профессии. Таким образом, удалось установить следующую взаимосвязь: чем сильнее выражено стремление личности при выборе профессии рассматривать трудовую деятельность как процесс создания чего-то нового и оригинального, тем более развита глубина понимания особенностей будущей специальности и себя, которое включает как положительные, так и негативные стороны.

Таблица 2 – Показатели корреляции между уровнем готовности к выбору профессии и мотивами, связанными с внешней направленностью мотивации

Мотивы, связанные с внешней мотивацией	Материальные	Престижные	Утилитарные
Готовность к выбору профессии	-0,234	0,198	0,231

Для повышения значимости мотивов, имеющих внутреннюю направленность, в структуре мотивационной готовности к профессии пожарного у кадет рекомендуется проведения просветительских и практических профориентационных занятий, посвященных развитию познавательных способностей и духовных ценностей в контексте трудовой деятельности выбранной профессии.

Список литературы:

1. Артемова Е.А. Основные технологии профориентационного самоопределения. М.: КНОРУС, 2012. 56 с.
2. Гвоздева А.А. Изменение склонности к девиантному поведению в процессе профессионального становления военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.
3. Данилова Е.Е. Мотивационный портрет современных выпускников девярых классов // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Материалы XXV Международного симпозиума, Москва, 15-16 апреля 2020 года. М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 105-109.
4. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.
5. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
6. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.
7. Профессиональная ориентация учащихся: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / под ред. А.Д. Сазонова. М.: Просвещение, 2012. 223 с.
8. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.
9. Саванин И.А. Проблема готовности к деятельности в психологических исследованиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 4. С. 65-70. DOI: 10.24412/2658-638X-2023-4-65-70.

10. Стрюкова Ю.В. Мотивы выбора профессии военнослужащего обучающимся кадетского училища // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2021. № XVII. С. 142-146.

11. Цыганкова И.В., Потуданская В.Ф., Цзывэй Я. Факторы мотивации молодежи при выборе профессии // Экономика труда. 2019. № 4. С. 1545-1554. DOI: 10.18334/et.6.4.4134.

References:

1. Artemova E.A. Basic technologies of career guidance self-determination. Moscow: KNORUS, 2012. 56 p.

2. Gvozdeva A.A. Changes in the tendency to deviant behavior in the process of professional development of military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 3. P. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.

3. Danilova E.E. Motivational portrait of modern ninth grade graduates // Psychological problems of the meaning of life and acme: Proceedings of the XXV International Symposium, Moscow, April 15-16, 2020. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 105-109.

4. Yelbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

5. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

6. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

7. Professional orientation of students: A textbook for students of pedagogical institutes / ed. by A.D. Sazonov. Moscow: Prosveshchenie, 2012. 223 p.

8. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

9. Savanin I.A. The problem of readiness for activity in psychological research // Psychology and pedagogy of professional activity. 2023. № 4. P. 65-70. DOI: 10.24412/2658-638X-2023-4-65-70.

10. Stryukova Yu.V. Motives of choosing the profession of a serviceman by students of the cadet school // Materials of the All-Russian scientific and practical conference «Science and Society». 2021. № XVII. P. 142-146.

11. Tsygankova I.V., Potudanskaya V.F., Jiwei Ya. Factors of motivation of youth when choosing a profession // Labor economics. 2019. № 4. P. 1545-1554. DOI: 10.18334/et.6.4.4134.

Утюганов Алексей Анатольевич,

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия), заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, доктор психологических наук, доцент

Alexey Anatolyevich Stroganov,

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia), Deputy Head of Scientific Work – Head of the Research and Editorial Publishing Department, Doctor of Psychology, Associate Professor

Караяни Юлия Михайловна,

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой военно-научных исследований, доктор психологических наук, доцент

Karayani Yulia Mikhailovna,

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia), Head of the Department of Military Scientific Research, Doctor of Psychology, Associate Professor

Голубева Наталья Сергеевна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия), магистрант
e-mail: nataliagolbeva0504@mail.ru

Golubeva Natalya Sergeevna,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Master's student

САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ КАК РЕСУРС ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА

SELF-DETERMINATION AS A RESOURCE FOR PERSONAL CHOICE AND VIABILITY OF REPRESENTATIVES OF PROFESSIONS OF SPECIAL RISK

Аннотация. В статье исследуется самодетерминация как ресурс жизнеспособности военнослужащих. Методологическую основу составила концепция жизнеспособности и теория самодетерминации. Применялась батарея методик в составе тестов «Жизнеспособность взрослого человека», «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей», «Шкала осознанного выбора и самосознания», «Опросник профессиональной мотивации», «Виды самодетерминации личности», «Индекс автономного функционирования», «Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана». Респондентами выступили 37 военнослужащих. Показано влияние характеристик самодетерминации на уровень жизнеспособности представителей профессий особого риска. Военнослужащие с выраженной самоконгруэнтностью, целевой самодетерминацией, смысловой самодетерминацией, индексом самодетерминации и компетентностью обладают более высоким уровнем жизнеспособности. Результаты регрессионного анализа показывают разнонаправленную взаимосвязь психологических образований «жизнеспособность» и «самодетерминация». Материал актуализирует

необходимость совершенствования психологической подготовки личного состава силовых ведомств.

Ключевые слова: самодетерминация, жизнеспособность, мотивация, экстремальная психология, осознанность, аутентичность, автономия.

Abstract. The article examines self-determination as a resource for the viability of military personnel. The methodological basis was formed by the concept of viability and the theory of self-determination. A battery of methods was used as part of the tests «Adult viability», «General scale of satisfaction of basic psychological needs», «Scale of conscious choice and self-awareness», «Questionnaire of professional motivation», «Types of self-determination of personality», «Index of autonomous functioning», «Short version of the Kernis-Goldman Authenticity Questionnaire». The respondents were 37 military personnel. The influence of the characteristics of self-determination on the level of viability of representatives of professions of special risk is shown. Military personnel with pronounced self-congruence, targeted self-determination, semantic self-determination, self-determination index, and competence have a higher level of vitality. The results of the regression analysis show a multidirectional relationship between the psychological formations «viability» and «self-determination». The material highlights the need to improve the psychological training of law enforcement personnel

Keywords: self-determination, vitality, motivation, extreme psychology, mindfulness, authenticity, autonomy.

Профессиональная деятельность представителей силовых ведомств связана с многочисленными трудностями и ограничениями, действием психотравмирующих факторов [3, 6, 15 и др.]. В условиях опасных для жизни и здоровья особое значение приобретает паттерн профессионально важных качеств, в первую очередь, обеспечивающих жизнестойкость, стрессоустойчивость личности, готовность выполнять задач по предназначению. Актуальна мотивация, ценности и личностные смыслы служения Отечеству.

В рамках военной психологии, экстремальной психологии и психологии безопасности рассматривается широкий круг вопросов обеспечения психологической готовности к профессиональной деятельности [5, 8 и др.]. Феноменологии жизнеспособности и самодетерминации отводится первостепенное значение [3, 13, 14 и др.]. Однако влиянию личностного выбора и самодетерминации на жизнеспособность военнослужащих отводится недостаточно внимания, чем того требует современная психопрактика.

Теоретико-методологической основой исследования является концепция жизнеспособности А.В. Махнача и теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райаном. В рамках концепции жизнеспособность человека понимается как интегральная психологическая характеристика, подразумевающая способность не только адаптироваться и преодолевать трудные ситуации благодаря психофизиологическим, личностным и социальным ресурсам, но и расширять свои возможности развития [10]. Жизнеспособность включает следующие компоненты: самоэффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, духовная жизнь и религиозная вера, семейные и социальные взаимосвязи [9, С. 301]. Самодетерминация является системной психологической характеристикой. Согласно данному подходу Э. Деси и Р. Райана [цит. по 7],

самодетерминация – это способность человека регулировать свое поведение и делать выбор, основанный на внутренней мотивации и психологических потребностях. Тезис подчеркивает важность того, что кандидат на военную службу, поступая на военную службу, действует по своей воле, а не под внешним давлением. Самодетерминация основывается на удовлетворение трех основных психологических потребностей: в автономии, компетентности и принадлежности [12].

В целях изучения взаимосвязи самодетерминации и жизнеспособности представителей профессий особого риска (военнослужащих) проведено комплексное исследование с участием 37 военнослужащих (возраст $23,7 \pm 2,2$). Применялись методики: «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач [9, 10]), «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» [12], «Шкала осознанного выбора и самосознания» (С.Н. Костромина и др. [1]), «Опросник профессиональной мотивации» (Е.Н. Осин [16]), «Виды самодетерминации личности» (С.Н. Костромина и др. [7]), «Индекс автономного функционирования» (С.Н. Костромина и др. [2]), «Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана» (адаптация С.К. Нартова-Бочавер и др. [11]). При обработке данных использовались корреляция и регрессионный анализ.

Для оценки взаимосвязи самодетерминации и жизнеспособности применялся корреляционный анализ по Спирмену (табл. 1). Парциальные компоненты жизнеспособности коррелируют с индикаторами осознанного выбора «осознание себя» – «самоэффективность» ($R_s=0.377$; $p \leq 0.05$), «совладание-адаптация» ($R_s=0.326$; $p \leq 0.05$), «настойчивость» ($R_s=0.336$; $p \leq 0.05$). Осознанный выбор взаимосвязан с настойчивостью ($R_s=0.404$; $p \leq 0.05$). Можно резюмировать, что осознанность выбора служения Родине предопределяет жизнестойкость личности.

Таблица 1 – Взаимосвязь жизнеспособности и показателей «Шкалы осознанного выбора и самосознания»

Показатель	осознание себя	осознанный выбор
самоэффективность	0,377*	0,216
настойчивость	0,336*	0,404*
локус контроля	0,039	0,177
совладание и адаптация	0,326*	0,133
духовность	0,132	0,211
семейные и социальные взаимосвязи	0,005	0,095
ИПЖ (интегральный показатель жизнеспособности)	0,309	0,298

Примечание: * уровень значимости $p \leq 0.05$; ** уровень значимости $p \leq 0.01$.

Отмечены корреляционные плеяды в системе показателей «Жизнеспособность – Автономное функционирование» (табл. 2). Тесные статистически значимые связи самоконгруэнтности существуют ($p \leq 0.01$) практически со всеми индикатора жизнеспособности (за исключением, духовности). Аналогичная тенденция проявляется по общему индексу автономного функционирования (за исключением, показателя «духовность», «семейные и социальные взаимосвязи»).

Таблица 2 – Взаимосвязь жизнеспособности и показателей методики «Индекс автономного функционирования»

Показатель	I	II	III	IV
самоэффективность	0,522**	0,043	0,183	0,403*
настойчивость	0,501**	0,158	0,067	0,386*
локус контроля	0,451**	-0,066	0,335*	0,480**
совладание и адаптация	0,476**	0,031	0,124	0,335*
духовность	-0,014	0,012	0,016	-0,020
семейные и социальные взаимосвязи	0,449**	0,088	0,062	0,238
ИПЖ (интегральный показатель жизнеспособности)	0,500**	0,038	0,198	0,402*

Примечание: I – авторство и самоконгруэнтность, II – восприимчивость к контролю, III – заинтересованность, IV – общий индекс автономного функционирования.

Жизнеспособность в форме настойчивости коррелирует с характеристиками профессиональной мотивации (табл. 3) – «амотивацией» ($R_s=-0.540$; $p\leq 0.01$) и «контролируемой мотивацией» ($R_s=-0.429$; $p\leq 0.05$).

Таблица 3 – Взаимосвязь жизнеспособности и показателей методики «Опросник профессиональной мотивации»

Показатель	внутренняя мотивация	интегрированная мотивация	идентифицированная мотивация	интроецированная мотивация	экстерналиная мотивация	амотивация	автономная мотивация	контролируемая мотивация	индекс относительной автономии
Самоэффективность	0,097	0,152	0,222	0,020	-0,193	-0,028	0,137	-0,170	0,203
Настойчивость	0,218	0,341	0,228	0,037	-0,411	-0,540**	0,243	-0,429*	0,385
Локус контроля	-0,069	0,012	-0,083	0,151	-0,091	0,105	-0,058	0,013	-0,037
Совладание и адаптация	0,116	0,125	0,201	0,130	-0,001	-0,030	0,129	-0,008	0,092
Духовность	-0,147	-0,070	-0,059	0,308	-0,101	0,108	-0,148	0,070	-0,130
Семейные и социальные взаимосвязи	0,169	0,141	0,135	0,070	-0,269	-0,221	0,080	-0,142	0,196
ИПЖ	0,000	0,107	0,085	0,070	-0,271	-0,188	0,025	-0,235	0,154

Установлена корреляционная взаимосвязь жизнеспособности и видов детерминации на всех уровнях (табл. 4). Большое количество корреляционных плеяд свидетельствует о влиянии личностного выбора и самодетерминации на способность совладать с трудными профессиональными ситуациями.

Существуют некоторые корреляционные связи феноменологии аутентичности и жизнеспособности (табл. 5). Так, «Осознанность» связана с настойчивостью ($R_s=0.572$; $p\leq 0.01$), самоэффективностью ($R_s=0.451$; $p\leq 0.01$), совладанием и адаптацией ($R_s=0.365$; $p\leq 0.05$), общим индексом жизнестойкости. Непредвзятость коррелирует с настойчивостью ($R_s=0.447$;

$p \leq 0.01$). Не выявлено значимых взаимосвязей с компонентом жизнеспособности «духовность».

Таблица 4 – Взаимосвязь жизнеспособности и показателей методики «Виды самодетерминации личности»

Показатель	функциональная самодетерминация	целевая самодетерминация	смысловая самодетерминация	индекс самодетерминации
самоэффективность	0,320	0,620**	0,508**	0,482**
настойчивость	0,424**	0,546**	0,491**	0,503**
локус контроля	0,293	0,581**	0,507**	0,474**
совладание и адаптация	0,428**	0,639**	0,508**	0,542**
духовность	0,202	0,276	0,071	0,230
семейные и социальные взаимосвязи	0,194	0,401*	0,363*	0,268
ИПЖ	0,432**	0,701**	0,519**	0,560**

Таблица 5 – Взаимосвязь жизнеспособности и показателей методики «Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана»

Показатель	осознанность	непредвзятость	поведение	отношения
самоэффективность	0,451**	0,305	0,223	-0,197
настойчивость	0,572**	0,447**	0,304	0,115
локус контроля	0,294	0,155	0,177	0,083
совладание и адаптация	0,365*	0,264	0,152	-0,097
духовность	-0,089	-0,153	-0,053	0,036
семейные и социальные взаимосвязи	0,244	0,070	0,140	0,352*
ИПЖ	0,369*	0,189	0,287	0,077

Изучение взаимосвязи самодетерминации и жизнеспособности осуществлялось в ходе линейного регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной был выбран «Интегральный показатель жизнеспособности», независимыми переменными – индикаторы, отражающие характеристики самодетерминации.

Согласно сводке по модели 100 % дисперсии зависимой переменной ($R^2=1$) объясняется влиянием независимых переменных: осознание себя, осознанный выбор, авторство / самоконгруэнтность, заинтересованность, осознанность, непредвзятость, поведение, интроецированная мотивация, амотивация, компетентность (табл. 1).

Таблица 1 – Параметры апробации регрессионной модели оценки жизнестойкости

Показатель модели	Коэффициент
константа	-2,194
осознание себя	-0,115
осознанный выбор	0,348
авторство/самоконгруэнтность	0,394
заинтересованность	-0,073
индекс самодетерминации	-0,252

осознанность	1,216
непредвзятость	-0,197
поведение	-0,128
интроецированная мотивация	0,079
амотивация	0,117
индекс относительной автономии	-0,070
компетентность	-0,106
принадлежность	0,317

Параметры регрессионной модели оказались противоречивыми. Так, модель подразумевает положительный вклад показателя «амотивация» и отрицательный вклад таких показателей, как «осознание себя» (при наибольшем положительном вкладе «осознанности»), «заинтересованность», «непредвзятость», «поведение» и «компетентность». Полагаем, что такие противоречивые данные объясняются следующим:

1. Амотивация – это состояние, когда у человека нет ни компетенции, ни основания (причины) для деятельности, однако это также может быть осознанным волевым воздержанием от деятельности, то есть контролируемым состоянием [16]. В таком контексте, амотивация может положительно влиять на жизнеспособность военнослужащего [4].

2. «Осознание себя» – это компонент автономии, подразумевающий осознанную рефлексия чувств и ощущений как своих собственных [1]. Автономная рефлексия, может негативно влиять на эмоциональные отношения представителей силовых ведомств с близкими (родными), чрезмерная автономия может обернуться одиночеством, что снижает жизнеспособность личности. В свою очередь, «осознанность» в данном случае является компонентом аутентичности и подразумевает самопринятие и стремление к самопознанию [11].

3. Заинтересованность может пониматься как постоянная включенность военнослужащего в деятельность и жизненные события, в том числе и негативные или экстремальные, что может приводить к психологическому истощению и другим негативным последствиям [2].

4. Непредвзятость рассматривается как «способность человека без искажений воспринимать даже малоприятную информацию о себе, не создавая избыточных психологических защит» [16]. Различные установки, смысложизненные ориентации и вера формируют «предвзятость» военнослужащего. Однако они являются необходимыми компонентами для формирования жизнеспособной личности.

5. В определенном смысле аутентичное поведение может препятствовать налаживанию социальных взаимосвязей, нарушать баланс в семейных отношениях, что будет негативно сказываться на жизнеспособности военнослужащего.

6. Концепция компетентности подразумевает идею контроля над результатами деятельности и жизни в целом [12]. Стремление к контролю никогда до конца не может быть реализовано. Способность делегировать часть компетенций будет положительно сказываться на качестве жизни.

В виду противоречивых описанных результатов была предпринята попытка построить регрессионную модель с включением диагностических показателей, имеющих наибольший вес. В целом прогностичность модели несколько снизилась, оставаясь на очень высоком уровне (98,3 %). Базовыми аргументами выступили: осознанный выбор, авторство / самоконгруэнтность, осознанность, индекс самодетерминации, принадлежность, индекс относительной автономии (табл. 2).

Таблица 2 – Параметры уточненной регрессионной модели оценки жизнестойкости

Показатель модели	Коэффициент	Ст. ошибка	t	Значимость
константа	-1,045	0,857	-1,219	0,262
осознанный выбор	0,170	0,095	1,787	0,117
авторство самоконгруэнтность	0,284	0,222	1,282	0,241
осознанность	0,814	0,203	4,019	0,005
индекс самодетерминации	-0,552	0,116	-4,752	0,002
принадлежность	0,684	0,099	6,879	0,000
индекс относительной автономии	-0,155	0,100	-1,543	0,167

Модель позволяет прогнозировать жизнестойкость военнослужащих на основе характеристик личностного выбора и самодетерминации поведения.

Таким образом, эмпирическое исследование позволило установить влияние характеристик самодетерминации на уровень жизнеспособности представителей профессий особого риска. Военнослужащие с выраженными авторством / самоконгруэнтностью, целевой самодетерминацией, смысловой самодетерминацией, индексом самодетерминации и компетентностью обладают более высоким уровнем жизнеспособности. Результаты регрессионного анализа показывают разнонаправленную взаимосвязь психологических образований «жизнеспособность» и «самодетерминация». Исследование обуславливает необходимость совершенствования психологической подготовки личного состава силовых ведомств.

Список литературы:

1. Адаптация русскоязычной версии «Шкалы осознанного выбора и самосознания» (PCASS – Perceived Choice And Awareness Of Self Scale) / С.Н. Костромина, Г.И. Молодцова, Е.В. Зиновьева [и др.] // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Т. 32. № 1. С. 9-28. DOI: 10.17759/cpp.2024320101.
2. Апробация и валидизация методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) на российской выборке / С.Н. Костромина, Л.А. Даринская, Н.Л. Москвичева [и др.] // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 5. С. 168-183. DOI: 10.17759/pse.2023280513.
3. Герейханов Х.Х., Караяни А.Г. Особенности ценностных ориентаций военнослужащих (сотрудников) национальной гвардии // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 1 (3). С. 146-153.
4. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.
5. Караяни А.Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 98-108.

6. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // *Lex Russica*. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

7. Комплементарная модель самодетерминации личности / С.Н. Костромина, А.Ф. Филатова, Н.Л. Москвичева [и др.] // *Российский психологический журнал*. 2023. Т. 20. № 1. С. 82-99. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.6.

8. Личностные предикторы волонтерства в повседневных и экстремальных условиях / В.Е. Петров, А.В. Кокурин, В.М. Позняков // *Психология и право*. 2023. Т. 4. № 13. С. 164-174. DOI: 10.17759/psylaw.2023130412.

9. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.

10. Махнач А.В., Плющева О.А. Влияние факторов риска и защиты на профессиональную жизнеспособность специалистов помогающих профессий // *Современная зарубежная психология*. 2023. Т. 12. № 2. С. 8-21. DOI: 10.17759/jmfp.2023120201.

11. Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И. Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России // *Консультативная психология и психотерапия*. 2022. Т. 30. № 3. С. 150-171. DOI: 10.17759/cpp.2022300309.

12. Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей. Методическое пособие / И.Ю. Суворова, А.А. Бабий, Н.В. Корзун. М.: МПСУ, 2023. 33 с.

13. Петров В.Е. Психология экстремального волонтерства: субъектная модель, диагностика и подготовка: Монография. М.: ООО «Русайнс», 2024. 118 с.

14. Петров В.Е. Факторная модель личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве и его диагностика // *Прикладная психология и педагогика*. 2024. № 4. С. 75-94. DOI: 10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94.

15. Петров В.Е. Целостность мировоззрения как предиктор личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве // *Юридическая психология*. 2024. № 3. С. 2-6.

16. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е.Н. Осин, А.А. Горбунова, Т.О. Гордеева [и др.] // *Организационная психология*. 2017. Т. 7. № 4. С. 21-49.

References:

1. Adaptation of the Russian-language version of the «PCASS – Perceived Choice And Awareness Of Self Scale» / S.N. Kostromina, G.I. Molodtsova, E.V. Zinovieva [et al.] // *Consultative psychology and psychotherapy*. 2024. Vol. 32. № 1. P. 9-28. DOI: 10.17759/cpp.2024320101.

2. Approbation and validation of the Autonomous Functioning Index (IAF) methodology in a Russian sample / S.N. Kostromina, L.A. Darinskaya, N.L. Moskvicheva [et al.] // *Psychological Science and education*. 2023. Vol. 28. № 5. P. 168-183. DOI: 10.17759/pse.2023280513.

3. Gereikhanov Kh.K., Karayani A.G. Features of the value orientations of military personnel (employees) of the National Guard // *Russian Military Psychological Journal*. 2024. № 1 (3). P. 146-153.

4. Elbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

5. Karayani A.G. Psychological training of military personnel (employees) to perform service and combat tasks, taking into account the surprise factor // *Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. 2024. № 1 (26). P. 98-108.

6. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // *Lex Russica*. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
7. The complementary model self-determination of personality / S.N. Kostromina, A.F. Filatova, N.L. Moskvicheva [et al.] // *Russian Psychological Journal*. 2023. Vol. 20. № 1. P. 82-99. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.6.
8. Personal predictors of volunteerism in everyday and extreme conditions / V.E. Petrov, A.V. Kokurin, V.M. Poznyakov // *Psychology and Law*. 2023. Vol. 4. № 13. P. 164-174. DOI: 10.17759/psylaw.2023130412.
9. Makhnach A.V. *Human and family viability: a socio-psychological paradigm*. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2016. 459 p.
10. Makhnach A.V., Plusheva O.A. The influence of risk and protection factors on the professional viability of specialists in helping professions // *Modern foreign psychology*. 2023. Vol. 12. № 2. P. 8-21. DOI: 10.17759/jmfp.2023120201.
11. Nartova-Bochaver S.K., Korneev A.A., Reznichenko S.I. A short version of the Kernis-Goldman Authenticity Questionnaire: adaptation in Russia // *Consultative psychology and psychotherapy*. 2022. Vol. 30. № 3. P. 150-171. DOI: 10.17759/cpp.2022300309.
12. General scale of satisfaction of basic psychological needs. Methodical manual / I.Y. Suvorova, A.A. Babiy, N.V. Korzun. Moscow: MPSU, 2023. 33 p.
13. Petrov V.E. *Psychology of extreme volunteerism: a subjective model, diagnosis and training: Monograph*. Moscow: Rusains LLC, 2024. 118 p.
14. Petrov V.E. Factor model of personal choice of participation in extreme volunteerism and its diagnosis // *Applied psychology and pedagogy*. 2024. № 4. P. 75-94. DOI: 10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94.
15. Petrov V.E. Integrity of worldview as a predictor of personal choice of participation in extreme volunteerism // *Legal Psychology*. 2024. № 3. P. 2-6.
16. Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and links with well-being and success / E.N. Osin, A.A. Gorbunova, T.O. Gordeeva [et al.] // *Organizational psychology*. 2017. Vol. 7. № 4. P. 21-49.

Христенко Виктория Витальевна,

МПЭК РЭУ имени Г.В. Плеханова

(г. Москва, Россия), студентка

email: vkhristenko080706@gmail.com

Khristenko Victoria Vitalevna,

МРЕК Plekhanov (Moscow, Russia), student

Землянкина Алина Игоревна,

МПЭК РЭУ им Г.В. Плеханова

(г. Москва, Россия), преподаватель

e-mail: zmlnkna@bk.ru

Zemlyankina Alina Igorevna,

МРЕК Plekhanov (Moscow, Russia), teacher

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

PTSD AS A CONSEQUENCE OF AN EXTREME SITUATION

Аннотация. В статье рассматривается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) как психологическая реакция, возникающая в результате экстремальных ситуаций. Особое внимание уделяется последствиям психического здоровья человека, типам ПТСР в зависимости от особенностей личности и лечению. Статья направлена на глубокое понимание ПТСР как серьезной проблемы, требующей комплексного подхода и внимательного отношения со стороны общества и профессионалов.

Ключевые слова: Посттравматическое стрессовое расстройство, экстремальные ситуации, лечение, диагностика, типы, проявление, симптомы.

Abstract. The article discusses post-traumatic stress disorder (PTSD) as a psychological reaction resulting from extreme situations. Special attention is paid to the consequences for human mental health, the type of PTSD depending on personality characteristics and treatment. The article is aimed at a deep understanding of PTSD as a serious problem that requires a comprehensive approach and careful attitude from society and specialists.

Keywords: Post-traumatic stress disorder, extreme situations, treatment, diagnosis, types, manifestation, symptoms.

В современном мире человека на каждом шагу поджидают стрессовые ситуации, поэтому важно знать о существовании посттравматического расстройства.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – психическое расстройство, которое может развиваться после того, как человек подвергается травматическому опыту (например, сексуальное насилие, война, автокатастрофы или другие угрозы в жизни человека). Непосредственным столкновением с травмой считается также известие о гибели близкого человека или о том, что его жизни что-то угрожает. В таком случае ПТСР может развиваться у родственников и близких друзей. Расстройство может также начаться на фоне постоянного возвращения к деталям травмы. Это касается людей, чья работа связана с последствиями военных конфликтов или с людьми, пережившими боевые действия и насилие.

В психологии существует такое понятие как «травма свидетеля», которую часто путают с посттравматическим стрессовым расстройством. В

зоне риска ПТСР находится намного меньше людей, чем в зоне риска травмы свидетеля. Второму состоянию подвержены в разной степени все наблюдающие за страшными или тяжелыми событиями – те, кто следит за новостями, смотрит фотографии и видеоматериалы. У травмы свидетеля нет главного критерия ПТСР – личного контакта с травмирующим событием.

Около 70 % в мире сталкиваются с ПТСР, однако развивается он у небольшого числа из них. На данный момент ПТСР страдают 3,9 % населения мира, что составляет 318,6 миллионов человек. Стоит учитывать тот факт, что на фоне событий, происходящих в мире, людей с ПТСР становится все больше. В 2024 году в России ПТСР у людей, возвращающихся с военных действий, достигло 20 % (рис. 1).

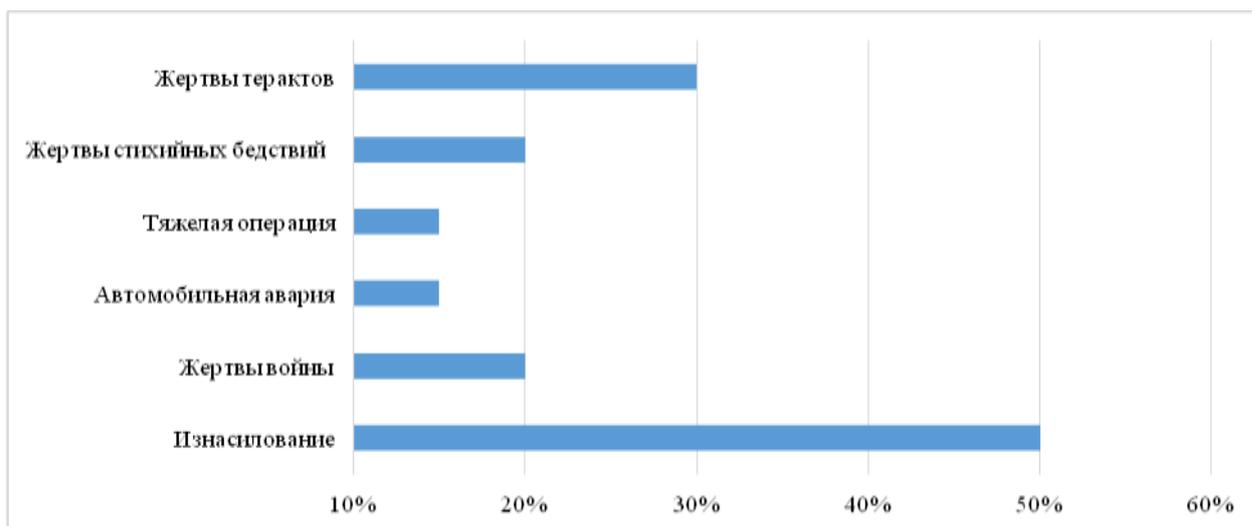

Рисунок 1 – Вероятность развития ПТСР в зависимости от стрессовой ситуации

В соответствии с особенностями проявления и течения различают:

1. Острое, развивающееся в сроки до трех месяцев (основные симптомы включают яркие воспоминания о событии, избегание напоминаний и повышенную бдительность).

2. Хроническое, имеющее продолжительность более трех месяцев (симптомы могут сохраняться годами, могут значительно варьироваться, включая депрессию, тревогу, проблемы со сном).

3. Отсроченное, когда расстройство возникло спустя шесть и более месяцев после травматизации (развивается постепенно после того, как человек повторно переживает травму или живет в условиях постоянного стресса) [2].

В связи с этим посттравматическое стрессовое расстройство может сопровождаться рядом таких заболеваний как:

- депрессия – психическое расстройство, характеризующееся устойчивой потерей удовольствия от любого рода деятельности;
- расстройство пищевого поведения (РПП) – состояние, характеризующееся тяжелыми изменениями пищевого поведения;
- алкоголизм и наркотическая зависимость;
- тревожное расстройство.

Посттравматическое стрессовое расстройство может быть как у взрослых, так и у детей.

Деление ПТСР по возрастным группам:

1. Дети до 3 лет. Проявляется в изменении поведения на раздражительность, плач без видимой причины.

2. Дети от 3 до 7 лет. Как правило, воспроизводят события в форме «игры», избегают ситуаций, напоминающих о травме.

3. Дети от 7 до 11 лет. Можно наблюдать такие эмоциональные нарушения как страх и тревога. Дети невнимательны, отстраняются от сверстников или, наоборот, конфликтуют с ними.

4. Дети подросткового возраста (12-17 лет). Характерна изоляция, снижение интереса к друзьям и занятиям, проблемы со сном, ночные кошмары, потеря аппетита, агрессия.

5. От 18 до 25 лет. Более высокий риск злоупотребления веществами, эмоциональная нестабильность, проблемы с концентрацией.

6. От 25 до 40 лет. Хронические симптомы тревоги и депрессии, усталость и выгорание.

7. От 40 до 60 лет. Усиление проблем с памятью, ощущение безвыходности, проявление физических симптомов, таких как головная боль, ухудшение зрения.

8. От 60 лет и более (рис. 2). Неспособность справляться с последствиями утрат и потерь, более выраженная депрессия и социальная изоляция [5].

Можно выделить основные симптомы ПТСР: повышенная чувствительность к стрессу, проблемы с памятью и концентрацией, негативные мысли и настроение, физические симптомы в виде мигрени, проблем с пищеварением, а также избегание ситуаций, напоминающих о событии и повторное проживание травматичного события.

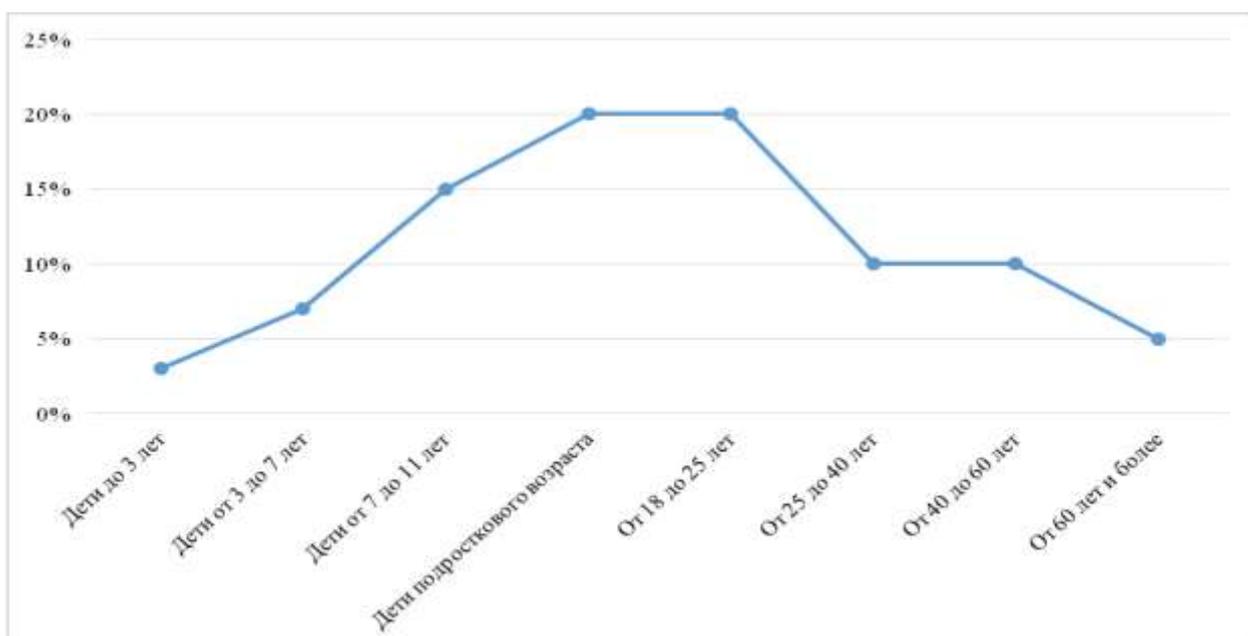

Рисунок 2 – Подверженность ПТСР в зависимости от возраста

ПТСР, помимо деления по скорости возникновения, делится также на деление по особенностям личности. В.М. Волошин в книге «Экстремальные ситуации. Справочник практического психолога», описывает типы ПТСР в зависимости от преобладающих особенностей личности: тревожный, астенический, дисфорический, соматоформный.

Тревожный тип ПСТР характерен постоянной тревогой, которая появляется на уровне мыслей и тела. Тревога появляется несколько раз за день. В основном присутствуют эмоции подавленности, раздражительности. Тревожные мысли не дают спать, страх засыпания дополняется страхом встречи с ночными кошмарами, поэтому вечером или ночью у человека появляется чувство нехватки воздуха, учащенное сердцебиение, жар, озноб и потливость.

Астенический тип ПСТР характеризуется слабостью, вялостью, апатией. Человек теряет интерес к любимым занятиям, становится пассивным, утрачивает способность к длительному умственному и физическому напряжению, не переносит шум, яркий свет и резкие запахи. Равнодушие распространяется не только на самого человека, но и на его близких, работу. Преследуют мысли о собственной никчемности, несостоятельности. Воспоминания не такие яркие, но довольно навязчивые. Человек в таком состоянии много спит, у него нет сил встать с кровати. Эти симптомы напоминают депрессию.

При дистрофическом типе ПТСР человека характеризуют как постоянно недовольного, агрессивного. Агрессия проявляется во вспышках гнева. Часто человек стремится выместить свою злость на окружающих. Иногда боится сам себя, потому что в его мыслях возникают представления о том, как он мстит обидчикам, дерется с кем-то. В повседневной жизни человек может сорваться на окружающих из-за любой мелочи, о чем потом сожалеет. Неспособность контролировать свои эмоции вызывает дополнительные сложные чувства, например, чувство стыда и вины. Человека с дисфорическим типом несложно распознать: замкнутый, угрюмый, немногословный. Такой человек активно жалоб не предъявляет и попадает в поле зрения специалистов в связи с поведенческими расстройствами, замечаемыми близкими.

Для человека с соматоформным типом ПТСР характерны жалобы на телесные симптомы. Часто беспокоит сердце (54 %), пищеварительная система (36 %) и головные боли (20 %). Возможны и другие телесные проявления, также часто встречаются панические атаки. Отличительные черты соматоформного типа ПТСР: ипохондрия, тревога, фобии. Классические симптомы возникают у данных больных спустя 6 месяцев после психотравмирующего события.

Люди с тревожным и аскетическим типом ПТСР обычно сами обращаются к специалисту.

Лечение ПТСР может включать различные подходы, такие как когнитивно-поведенческая терапия, медикаментозное лечение, физическая активность. Для детей предусмотрена игровая терапия [3].

С сентября 2020 года по апрель 2022 года нами проведен эксперимент: в течение пяти недель наблюдали участников, которые в среднем испытывали 15 эпизодов воспоминаний в неделю. В контрольной группе, где в качестве метода лечения использовали прослушивание радио, частота вспышек снизилась до пяти эпизодов в неделю. В игровой группе, где люди играли в «Тетрис», она сократилась до одного эпизода в неделю. Через шесть месяцев участники, которые играли в «Тетрис», сообщали о вдвое меньшем числе воспоминаний, чем те, кто находился в контрольной группе.

Исследование также показало, что «Тетрис» помогает предотвращать повторение навязчивых воспоминаний на длительный срок. Игра развивает пространственное мышление, называемое ментальным вращением, когда вы мысленно поворачиваете объекты, чтобы увидеть их под разными углами.

Следует отметить, что даже если человеку и назначена терапия, ему все равно нужна поддержка, например, индивидуальные или групповые занятия, где он научится регулировать свои эмоции. Поддержка от близких людей наиболее важна для людей с посттравматическим стрессовым расстройством, так как это позволяет им почувствовать свою значимость. Полезно развивать навыки борьбы со стрессом с помощью релаксации, медитации, которые позволяют лучше справляться с эмоциональными трудностями [1, 4 др.].

Нужно понимать, что борьба с ПТСР – длительный процесс, требующий индивидуального подхода к каждому пациенту. В то же время, для того чтобы продвинуться в лечении, безусловно, нужно и участие больного.

Список литературы:

1. Гнездилов Г.В., Шевченко Н.В. Современные методы психологической работы с посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.

2. Мигунова Ю.С., Королев С.В. Психология экстремальных ситуаций // ФГБОУ ВО Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2020. С. 63-70.

3. Одинцова М.А., Самаль Е.В. Психология экстремальных ситуаций: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 244 с.

4. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

5. Хрусталева Н.С. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 350-371.

References:

1. Gnezdilov G.V., Shevchenko N.V. Modern methods of psychological work with post-traumatic stress disorder in military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.

2. Migunova Yu.S., Korolev S.V. Psychology of extreme situations // Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2020. P. 63-70.

3. Odintsova M.A., Samal E.V. Psychology of extreme situations: textbook and workshop for universities. Moscow: Publishing House Yurait, 2024. 244 p.

4. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

5. Khrustaleva N.S. Psychology of crisis and extreme situations: textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2018. P. 350-371.

Щербинина Александра Станиславовна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: shcherbinina.sasha@gmail.com
Shcherbinina Aleksandra Stanislavovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

СУБЪЕКТИВНАЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА

SUBJECTIVE EXTREMITY AS A PHENOMENON OF THE PERSONALITY OF SPECIALISTS IN PROFESSIONS OF SPECIAL RISK

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между субъективной экстремальностью как феноменом личности и стажем профессиональной деятельности у специалистов профессий особого риска. В эмпирическом исследовании приняли участие 30 психологов МЧС, выезжающих на ЧС для оказания экстренной психологической помощи. Выявлены значимые положительные корреляции между показателями стрессоустойчивости и социальной адаптации и стажем работы сотрудников. Психологи МЧС с опытом работы более 5 лет демонстрируют более высокие средние показатели стрессоустойчивости и социальной адаптации по сравнению с теми, чей стаж менее пяти лет. Значительных различий в выборе стратегий совладания со стрессом среди психологов с опытом работы более 5 лет и менее 5 лет не обнаружено. Полученные результаты полезны для разработки программ профессиональной подготовки и психологической поддержки.

Ключевые слова: субъективная экстремальность, стрессоустойчивость, социальная адаптация, личность специалистов профессий особого риска.

Abstract. The article examines the relationship between subjective extremity as a phenomenon of personality and the professional experience of specialists in high-risk professions. The empirical study involved 30 psychologists of the Ministry of Emergency Situations, traveling to emergency situations to provide emergency psychological assistance. Significant positive correlations between indicators of stress tolerance and social adaptation and work experience of employees were revealed. Psychologists of the Ministry of Emergency Situations with more than 5 years of experience demonstrate higher average indicators of stress tolerance and social adaptation compared to those with less than five years of experience. There were no significant differences in the choice of stress management strategies among psychologists with work experience of more than 5 years and less than 5 years. The results obtained are useful for the development of vocational training and psychological support programs.

Keywords: subjective extremity, stress tolerance, social adaptation, personality of specialists in professions of special risk.

Актуальность статьи обусловлена высоким уровнем экстремальности в профессиях особого риска, что предполагает необходимость задействовать различные психические характеристики, которые способствуют успеху выполняемой профессиональной деятельности. К таким личностным ресурсам относятся стрессоустойчивость, быстрое мышление, умение предугадывать реакции, способность к антиципации и многозадачность. Понимание субъективного фактора экстремальности способствует

разработке комплекса мероприятий по сопровождению личности специалистов профессий особого риска.

Экстремальность как характеристику среды можно оценивать, опираясь на внешние аспекты – это «объективная экстремальность», а также на внутренние аспекты – называемые «субъективной экстремальностью», либо на комбинацию этих двух факторов [8].

Жизнь в экстремальных условиях требует повышенный уровень адаптации и вынуждает использовать сложные формы социокультурного поведения. При экстремальных условиях задействуются как внутренние, так и внешние факторы, поэтому для анализа личности в таких ситуациях необходимо использовать биографический, а не ситуационный подход к поведению [2, 3, 5 и др.].

В профессиональной деятельности ценно разрабатывать эффективные стратегии для преодоления стрессовых факторов, поскольку неадаптивное поведение может потенциально снизить эффективность работы, что вероятнее приведет к психологическим нарушениям и выгоранию [4, 6].

Можно выделить основные требования, предъявляемые к личности специалистов профессий особого риска: стрессоустойчивость, развитые морально-волевые качества, физическое и психическое здоровье [9].

Данный перечень можно назвать профессиональным обликом специалиста, а в исследованиях отечественных психологов он упоминается как «профессиональный характер», что делает работу более успешной, особенно в нестандартных ситуациях [1].

Экстремальная деятельность как часть человеческой активности открывает интересные перспективы для научного изучения, поскольку дает возможность идентификации областей с риском неблагоприятных последствий. Этот подход применим к опасным видам спорта и профессиям, которые требуют преодоления сложных условий [5, 7 и др.].

Цель исследования – изучить феномен субъективной экстремальности у специалистов профессий особого риска. Объектом исследования является личность специалистов, работающих в условиях особого риска. Предметом исследования, является субъективная экстремальность как феномен личности специалистов профессий особого риска. В исследовании приняли участие 30 психологов МЧС России, выезжающих на ЧС для оказания экстренной психологической помощи, женского пола, средний возраст – 30 лет, средний стаж работы в должности психолога – 7 лет.

В исследовании использовались следующие методики: методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации (Т. Холмс, Р. Раге), опросник «Инвентаризация симптомов стресса» (В.А. Иванченко и др.), копинг-тест способов совладающего поведения (Р. Лазарус), шкала для самооценки психоэмоционального состояния (Г. Айзенк).

При обработке полученных данных использовались следующие статистические методы: описательная статистика, коэффициент корреляции Пирсона, U – критерий Манна-Уитни.

На начальном этапе все участники исследования были распределены на 2 группы на основе результатов анкетирования, касающегося их рабочего стажа: в первую группу вошли те, чей стаж не превышал 5 лет (36%), а во вторую – те, чей стаж превышал этот срок (64%).

Психологи МЧС со стажем работы более 5 лет демонстрируют более высокие уровни социальной адаптации и устойчивости к стрессу по сравнению с психологами со стажем работы менее 5 лет, что указывает на их большую способность действовать в условиях сложностей и неопределенностей, а также в процессе адаптации к социальной среде. Для определения достоверности различий между двумя группами по стажу работы был использован U – критерий Манна-Уитни. Показатели, отражающие уровень стрессоустойчивости и социальной адаптации попарно, сравнивались в группах со стажем работы менее 5 лет и более 5 лет (табл. 1).

Таблица 1 – Достоверность различий между двумя группами по стажу работы, отражающая уровень стрессоустойчивости и социальной адаптации психологов

Показатель	Стаж работы более 5 лет		Стаж работы менее 5 лет		p – value
	среднее значение	станд. отклонение	среднее значение	станд. отклонение	
Социальная адаптация	4,3	0,72	2,8	0,45	0,005
Стрессоустойчивость	4,4	0,5	3,1	1,32	0,006

Сотрудники со стажем работы более 5 лет и менее 5 лет статистически значимо различаются по показателям социальной адаптации и стрессоустойчивости. Так, группа специалистов со стажем работы более 5 лет по сравнению с группой сотрудников со стажем работы менее 5 лет имеет более высокие показатели средних значений стрессоустойчивости и социальной адаптации, что свидетельствует о более высоком уровне устойчивости к стрессу и успешной адаптации в социальной среде среди испытуемых.

Таким образом, в группе специалистов со стажем работы более 5 лет по сравнению со специалистами со стажем работы менее 5 лет в большей мере выражены: способность эффективно справляться со стрессом и адаптироваться к различным социальным ситуациям. Это указывает на более успешное взаимодействие индивидуумов с окружающей их социальной средой, испытуемые проявляют способность адаптироваться к изменяющимся требованиям и ожиданиям социальной среды, что способствует их успешной адаптации и интеграции.

Для того, чтобы определить, насколько достоверны различия уровня стресса в группах психологов со стажем работы более 5 лет и со стажем работы менее 5 лет был использован U – критерий Манна-Уитни (табл. 2).

Таблица 2 – Достоверность различий между двумя группами по уровню стрессоустойчивости в группах психологов с разным стажем работы

Показатель	Стаж работы более 5 лет		Стаж работы менее 5 лет		p – value
	среднее значение	станд. отклонение	среднее значение	станд. отклонение	
Уровень стресса	23,3	0,72	45,8	0,45	0,006

Сотрудники со стажем работы более 5 лет и менее 5 лет статистически значимо различаются по уровню стресса. В группе сотрудников со стажем работы менее 5 лет отмечается наличие более высокого уровня стресса. Это указывает на то, что проблемы и ситуации, вызывающие стресс, являются значимыми и актуальными для определенной доли испытуемых. Таким образом, результаты опросника позволяют сделать вывод о более высоких показателях уровня стресса у респондентов со стажем работы менее 5 лет, в отличие от респондентов со стажем работы более 5 лет, что указывает на необходимость уделить больше внимания ресурсам, предотвращающим и управляющим стрессом у специалистов особого риска. Это может включать различные методики психологической поддержки, тренинги по управлению стрессом, а также внедрение политики, направленной на создание здоровой и безопасной рабочей среды.

Рассмотрим результаты способов совладающего поведения в двух группах испытуемых (табл. 3).

Таблица 3 – Достоверность различий между двумя группами по способам совладающего поведения в группах психологов с разным стажем работы

Показатель	Стаж работы более 5 лет		Стаж работы менее 5 лет		p – value
	среднее значение	станд. отклонение	среднее значение	станд. отклонение	
Положительная переоценка	55,6	7,69	54,6	4,99	0,123
Планирование решения проблем	71,9	9,51	73	7,24	0,104
Избегание	19,8	5,75	10,3	6,61	1,000
Принятие ответственности	59,3	2,59	55,3	6,94	0,716
Поиск социальной поддержки	19,8	2,86	15,5	3,54	0,688
Самоконтроль	28,5	5,85	21,5	2,87	0,943
Дистанцирование	29,3	3,87	31,3	8,93	0,783
Конфронтация	31,6	5,11	30,5	3,57	0,982

Можно сделать вывод, что значимых различий при выборе способов совладающего поведения в группах психологов со стажем работы более 5 лет и со стажем работы менее 5 лет не выявлено. Различия между психологами со стажем работы более 5 лет и со стажем работы менее 5 лет наблюдаются на уровне тенденции (10 %) в использовании копинг-стратегий, таких как положительная переоценка и планирование решения проблем. Психологи со стажем работы более 5 лет чаще ориентируются на планирование решения проблем и менее используют избегание и поиск социальной поддержки, как способы совладания со стрессом. В свою очередь психологи со стажем работы менее 5 лет также чаще выбирают планирование решения проблем, как способ совладающего поведения, и гораздо реже избегание.

Рассмотрим результаты самооценки психологических состояний личности в двух группах психологов (табл. 4).

Психологи со стажем работы более 5 лет и менее 5 лет статистически значимо различаются по ряду показателей самооценки психологических состояний. У психологов со стажем работы более 5 лет наиболее часто

встречается стабильный интровертированный тип личности, а у психологов со стажем работы менее 5 лет нестабильный экстравертированный тип личности. Значимых различий в нестабильном интровертированном типе личности в двух группах не выявлено.

Таблица 4 – Достоверность различий между двумя группами по типу самооценки психологических состояний в группах психологов

Показатель	Стаж работы более 5 лет		Стаж работы менее 5 лет		p – value
	среднее значение	станд. отклонение	среднее значение	станд. отклонение	
Стабильный экстравертированный тип	2,20	6,10	2,40	7,31	0,054
Нестабильный экстравертированный тип	1,50	7,10	4,40	6,11	0,026
Стабильный интровертированный тип	4,30	5,75	1,80	6,61	0,004
Нестабильный интровертированный тип	1,80	6,55	2,80	11,83	0,487

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Участники с опытом работы более 5 лет демонстрируют более высокие показатели стрессоустойчивости и социальной адаптации по сравнению с теми, чей стаж менее пяти лет. Это свидетельствует о более высокой способности противостоять стрессу и успешно адаптироваться в социальной среде. Данная ситуация означает, что специалисты с более длительным стажем работы проявляют большую склонность к успешному преодолению стрессов и приспособлению к различным социальным условиям. Это указывает на более эффективное взаимодействие этих индивидуумов с социальным окружением, они обладают способностью приспосабливаться к меняющимся требованиям и ожиданиям социальной среды, что в свою очередь способствует их успешной адаптации и интеграции.

2. Респонденты со стажем работы менее 5 лет, в отличие от респондентов со стажем работы более 5 лет имеют более высокие показатели уровня стресса, что указывает на необходимость уделить большее внимание ресурсам, предотвращающим и управляющим стрессом у специалистов профессий особого риска.

3. Значительных различий в выборе стратегий совладания среди психологов с опытом работы более 5 лет и менее 5 лет не обнаружено. Это указывает на то, что участники данного исследования обладают широким набором подходов для управления эмоциями. Их предпочтения и применение стратегий изменяются в зависимости от конкретных ситуаций или проблем, с которыми они сталкиваются.

Полученные в исследовании результаты имеют большую значимость для понимания особенностей субъективной экстремальности психологов, участвующих в экстремальной деятельности. Дальнейшее исследование с увеличением численности выборки и исследуемых показателей поможет

уточнить и расширить тему субъективной экстремальности как феномена личности специалистов профессий особого риска.

Список литературы:

1. Дружилов С.А. Профессиональные деформации и деструкции: феноменология и подходы к изучению // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 12. С. 137-140;

2. Исмаилов Ш.О., Магомедов М.Г. Адаптация личности к экстремальным ситуациям // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 156-158.

3. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

4. Мальцева Т.В., Петров В.Е. Концептуальная модель психологического тренинга с оперативными сотрудниками полиции // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов правоохранительных органов: сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. / Московский областной филиал Московского университета МВД России. Руза, 2015. С. 103-106.

5. Михалькова Е.И., Радченко С.А. Экстремальная спортивная деятельность // Исследования молодых ученых: материалы LXV Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2023. С. 172-185.

6. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

7. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

8. Ширяева О.С. Экстремальная среда жизнедеятельности: субъективные и объективные критерии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2011. № 1. С. 98-105.

9. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М.: Смысл, 2007. 54 с.

References:

1. Druzhilov S.A. Professional deformations and destructions: phenomenology and approaches to study // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2013. № 12. P. 137-140;

2. Ismailov Sh.O., Magomedov M.G. Adaptation of personality to extreme situations // Pedagogy: traditions and innovations: proceedings of the IV International Scientific Conference. Chelyabinsk: Two Komsomol Members, 2013. P. 156-158.

3. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

4. Maltseva T.V., Petrov V.E. Conceptual model of psychological training with operational police officers // Modern educational technologies in the training of law enforcement specialists: collection of mat. All-Russian Scientific and Practical Conference / Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ruza, 2015. P. 103-106.

5. Mikhalkova E.I., Radchenko S.A. Extreme sports activity // Research by young scientists: proceedings of the LXV International Scientific Conference. Kazan: Young Scientist, 2023. P. 172-185.

6. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

7. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: TSOKR of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

8. Shiryayeva O.S. Extreme living environment: subjective and objective criteria // Personality in extreme conditions and crisis situations of life. 2011. № 1. P. 98-105.

9. Shoigu Yu.S. Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters. Moscow: Smysl, 2007. 54 p.

Секция 2. Прикладные аспекты **психологического обеспечения профессий** **особого риска с учетом глобальных вызовов**

Абдрахманова Диана Владиславовна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант

e-mail: diana12dum187@gmail.com

Abdrakhmanova Diana Vladislavovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

Кокурин Алексей Владимирович,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
профессор кафедры научных основ экстремальной
психологии факультета «Экстремальная психология»,
кандидат психологических наук, доцент

e-mail: KokurinAV@mgppu.ru

Kokurin Alexey Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Professor of the Department of
Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of
Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate
Professor

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОВЫМИ СИТУАЦИЯМИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

THE RELATIONSHIP BETWEEN COPING STRATEGIES WITH STRESSFUL SITUATIONS AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AMONG EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Аннотация. Представители опасных профессий в рамках своей деятельности вынуждены постоянно сталкиваться со стрессовыми ситуациями и вырабатывать стратегии их преодоления, однако влияние данных стратегии на психологическое благополучие профессионалов неоднозначно и требует изучения. В данной статье приводятся результаты эмпирического исследования взаимообусловленности стратегий совладания со стрессовыми ситуациями и психологического благополучия у сотрудников МЧС России.

Ключевые слова: психологическое благополучие, стратегии совладания, копинг, профессиональная деятельность, МЧС России, стрессовая ситуация

Abstract. Representatives of dangerous professions in the framework of their activities are constantly forced to face stressful situations and develop strategies to overcome them, however, the impact of these strategies on the psychological well-being of professionals is ambiguous and requires study. This article presents the results of an empirical study of the interdependence of strategies for coping with stressful situations and psychological well-being among employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

Keywords: psychological well-being, coping strategies, coping, professional activity, Ministry of Emergency Situations of Russia, stressful situation

Специалисты, которые работают в сложных условиях, например, пожарные и спасатели, сотрудники полиции, военнослужащие часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями [1, 2, 6, 11 и др.]. Их работа связана с риском для жизни, поэтому им важно уметь эффективно справляться со стрессом. Но как именно стратегии совладания влияют на психологическое благополучие профессионалов? Чтобы это выяснить, было проведено исследование среди сотрудников МЧС России.

В определении Г.В. Солдатова психологическое благополучие описывается как стабильное психическое состояние, которое преобладает в определенный период времени и имеет сложную структуру. Оно отражает отношение человека к жизни [13].

Научные исследования психологического благополучия начались с гедонистического подхода, который переводится с греческого как «удовольствие». Этот подход разрабатывался в рамках поведенческой и когнитивной психологии. Среди его представителей – Н.М. Бредберн, Э. Динер, М. Аргайл и М. Селигман. По их мнению, психологическое благополучие достигается через чувство удовлетворения и отсутствие неудовлетворенности. Удовлетворение не ограничивается только физическими ощущениями, оно также включает в себя эмоции, связанные с реализацией ценностей и успехами в важных для личности областях.

В противовес гедонистическому подходу, который делает акцент на наслаждении и удовольствии, возник эвдемонистический подход (от греческого слова «эвдаймония», что означает «блаженство»). Этот подход тесно связан с идеями и учениями таких психологов, как Г. Олпорт, К. Рифф, К. Роджерс и А. Маслоу, которые придерживались гуманистического направления в психологии. В рамках этого подхода психологическое благополучие понимается как целостная самоактуализация личности в определенной среде [8].

Сторонники эвдемонистического подхода считают, что любой негативный опыт и связанные с ним отрицательные эмоции могут стать основой для повышения уровня психологического благополучия человека. В этом и заключается ключевое отличие данного подхода от гедонистического.

В работах отечественных исследователей можно встретить различные трактовки понятия «психологическое благополучие». В частности, Л.В. Куликов и Р.М. Шамионов рассматривают его как субъективное благополучие или удовлетворенность жизнью [14]. П.П. Фесенко и Т.Д. Шевельникова, в свою очередь, определяют его как высший уровень психологического развития личности. А.В. Воронина видит в нем системное качество человека. Б.С. Братусь, Н.Д. Лакосина и Г.К. Ушаков считают его психическим здоровьем. И.В. Дубровина, С.В. Логинова и О.В. Хухлаева [цит. по 9] рассматривают его как психологическое здоровье. Однако все авторы сходятся во мнении, что психологическое благополучие должно определяться с позиции становления человека активным субъектом своей жизни. С этой точки зрения, практика обретения благополучия направлена на анализ поведения и опыта, который, хотя и не приносит удовольствия сам по

себе, но ведет к достижению психологического благополучия через осмысление жизненных целей, ценностей, потребностей и смыслов.

Также необходимо рассмотреть феномен совладающего поведения.

Копинг-стратегии, или стратегии совладания, представляют собой усилия эмоционального, поведенческого и когнитивного характера, которые человек предпринимает для преодоления стрессовых факторов, возникающих в ситуациях объективной или субъективной угрозы.

Первым, кто заинтересовался этим феноменом и ввел понятие копинга, был Абрахам Маслоу. В работах он выделил несколько основных стратегий преодоления стресса: избегание проблем, решение проблем и поиск социальной поддержки [цит. по 4]. Позже, в рамках своего исследования, этот термин использовала Лаура Мэрфи. Она определила копинг как попытку человека положительно трансформировать ситуацию, чтобы избежать существующей угрозы и одновременно сохранить внутренние ресурсы личности. После этого понятие «копинг» стало рассматриваться как динамичный процесс успешной адаптации человека. Н. Хаан описывал его как качество личности. Р. Моос рассматривал копинг как когнитивные и поведенческие усилия, направленные на снижение влияния стресса. Р. Лазарус и С. Фолкман также изучали стратегии совладания со стрессом.

Для диагностики стратегий совладания со стрессом были разработаны различные методики. Например, Дж. Паркер и Н. Эндлер создали инструмент, основанный на трех стилях совладания. Они связали проблемно-ориентированные стратегии с ориентацией на задачу, эмоционально-ориентированные – с ориентацией на себя, а стратегии, ориентированные на избегание, стали третьим базовым измерением [15].

Обращаясь к сфере опасных профессий, в исследовании С.Д. Диановой, проведенном среди сотрудников МЧС России, было обнаружено, что наиболее распространенные способы совладения со стрессом у пожарных и спасателей – это подавление негативных эмоций, позитивная интерпретация стрессовой ситуации и нахождение в ней потенциальных возможностей для развития и самосовершенствования [3]. Служащим МЧС из-за специфики своей деятельности зачатую нельзя поддаваться эмоциям. Если у специалиста совладение со стрессом вызывает трудности и потерю самоконтроля, закономерным результатом становится низкая эффективность и плохое качество выполняемых обязанностей, что в дальнейшем может привести к деформации личностных качеств, увеличению текучести кадрового состава и снижению удовлетворенности трудом.

Цель данной работы: изучить особенности влияния стратегий совладания со стрессовыми ситуациями на психологическое благополучие у сотрудников МЧС России. Наше предположение состояло в том, что существует положительная взаимосвязь между психологическим благополучием представителей службы МЧС и такими стратегиями совладания со стрессовыми ситуациями, как анализ условий, планирование, принятие мер для изменения ситуации, ориентированных на решение проблем.

Для изучения данной взаимосвязи, нами было проведено исследование на базе «4 Пожарной Части ОФСП по г. Москве». В исследовании приняло участие 20 мужчин в возрасте от 25 до 46 лет. Использовались следующие психодиагностические методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (Ryff Scales of Psychological Well-Being, RPWB-M) в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной [5]; Методика диагностики субъективного благополучия Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой [14]; Опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Coping Inventory for Stressful Situations, CISS) в адаптации Т.Л. Крюковой [7]. Для обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В ходе анализа результатов опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф мы получили следующие данные. У большинства респондентов (55 %) общий показатель психологического благополучия находится на среднем уровне. 35 % опрошенных имеют высокий уровень, а 10 % – низкий. По шкале «Автономность» у большинства респондентов (55 %) средний уровень. По шкале «Компетентность» у большей части испытуемых (60%) средний уровень. По шкале «Личностный рост» у половины опрошенных (50 %) отмечен средний уровень. По шкале «Позитивные отношения» у большинства респондентов (60 %) средний уровень. По шкале «Жизненные цели» у половины опрошенных (50 %) средний уровень. По шкале «Самопринятие» у значительной части респондентов средний уровень. Кроме того, было обнаружено, что 40 % респондентов имеют высокий уровень по шкалам «Компетентность», «Личностный рост» и «Жизненные цели».

Основываясь на результатах применения этой методики, можно сделать предварительное заключение о том, что большинство пожарных и спасателей имеют средний уровень психологического комфорта. Они демонстрируют профессионализм и компетентность в освоении профессиональных навыков, способность выполнять разнообразные задачи, успешно развиваться, реализовывать и развивать свой потенциал. Также у них есть четкие убеждения и цели в жизни, они чувствуют осмысленность своего прошлого и настоящего. Логично предположить, что на формирование и развитие этих качеств влияют экстремальные условия их работы, что совпадает с методологическими положениями профессиональной подготовки сотрудников, указанной М.И. Марьиным, В.М. Поздняковым, В.Е. Петровым и др. [10, 11, 12 и др.].

В ходе анализа данных опросника «Методика диагностики субъективного благополучия» Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой были получены следующие результаты: у 80 % респондентов показатель субъективного благополучия был на высоком уровне, у 20 % – на среднем. Ни у кого из участников исследования не было отмечено низкого уровня показателя.

Для оценки способности справляться со стрессом был использован опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (CISS). Этот инструмент предназначен для измерения трех основных стилей

совладающего поведения: стратегий, направленных на решение проблем, эмоционально-ориентированных стратегий и стратегий, ориентированных на избегание.

Анализ результатов показал, что большинство респондентов (35 %) прибегают к проблемно-ориентированным стратегиям совладания, а 25 % испытуемых имеют средний уровень использования таких стратегий. Эмоционально-ориентированные стратегии применяют меньшее количество участников исследования: 10% имеют высокий уровень, 20 % – средний, а 70 % – низкий. Многие респонденты также продемонстрировали склонность выбирать стратегии, ориентированные на избегание: 20 % имеют высокий уровень, а 50 % – средний.

Шкала копинг-стратегий, ориентированных на избегание, включает в себя субшкалы отвлечения и социального отвлечения, которые диагностируют субстили. Результаты по этим субшкалам также находятся в пределах высоких и средних значений: 30 % респондентов имеют высокий уровень по субшкале отвлечения, а 30 % – средний. 15 % и 55 % респондентов продемонстрировали высокий и средний уровень по субшкале социального отвлечения соответственно. Таким образом, мы видим, что пожарные и спасатели используют различные стратегии совладания, отдавая предпочтение проблемно-ориентированному копингу и реже прибегая к эмоционально-ориентированным стратегиям.

В результате корреляционного анализа (табл. 1) были выявлены статистически значимые взаимосвязи между стратегиями преодоления стресса, которые измерялись с помощью методики CISS, и показателями психологического благополучия, определенными с помощью методики Шкалы психологического благополучия К. Рифф.

Таблица 1 – корреляции между шкалами методики CISS и методики «Шкала психологического благополучия Рифф» у пожарных и спасателей

Шкала психологического благополучия Рифф	Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (CISS)		
	ПОК (n=20)	ЭОК (n=20)	КОИ (n=20)
Автономность	-	-0,417	-
Компетентность	0,439	-0,408	-
Личностный рост	0,457*	-	-
Позитивные отношения	0,454*	-0,552*	-
Жизненные цели	0,467*	-	-
Самопринятие	0,39	-	-
<i>Психологическое благополучие</i>	<i>0,453*</i>	<i>-0,481*</i>	-

Примечание: * корреляция значима на уровне – $p \leq 0,05$; ПОК – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание.

Результаты исследования позволили обнаружить статистически значимые корреляции между проблемно-ориентированным стилем совладания и некоторыми аспектами психологического благополучия: личностным ростом, позитивными отношениями и жизненными целями на

уровне значимости 5 %, а также компетентностью и самопринятием на уровне тенденций. Кроме того, была обнаружена положительная статистическая связь между проблемно-ориентированным копингом и интегральным показателем психологического благополучия.

Стоит отметить, что в ходе анализа также была выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между эмоционально-ориентированным копингом и такими компонентами психологического благополучия, как позитивные отношения (уровень значимости 5%) и автономность, компетентность (уровень тенденций).

Была обнаружена отрицательная корреляция между эмоционально-ориентированными стратегиями совладания и интегральным показателем психологического благополучия. При этом значимых корреляций между копингом, ориентированным на избегание, и компонентами психологического благополучия обнаружено не было.

Для определения связи стилей совладания с показателем субъективного благополучия была проведена корреляция с использованием методики диагностики Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой. В результате была выявлена значимая статистическая взаимосвязь между проблемно-ориентированным копингом и показателем субъективного благополучия ($r = 0,527$ при $p \leq 0,05$).

Результаты свидетельствуют о существовании положительной связи между стратегиями совладания, ориентированными на решение проблемы, и психологическим благополучием у сотрудников МЧС России. Это объясняет, почему пожарные и спасатели чаще всего выбирают проблемно-ориентированный копинг, даже не осознавая этого. С другой стороны, эмоционально-ориентированные стратегии совладания со стрессом, как предполагается, оказывают негативное влияние на психологическое благополучие представителей опасных профессий, особенно в таких аспектах, как автономия, компетентность и позитивные отношения. Это также объясняет, почему эмоционально-ориентированный копинг пожарные и спасатели используют реже всего.

Результаты корреляционного исследования подтверждают гипотезу о существовании положительной взаимосвязи между психологическим благополучием сотрудников МЧС России и стратегиями совладания, ориентированными на решение проблем.

Список литературы:

1. Гвоздева А.А. Изменение склонности к девиантному поведению в процессе профессионального становления военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.
2. Гнездилов Г.В., Шевченко Н.В. Современные методы психологической работы с посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.
3. Дианова С.Д. Индивидуально-психологические особенности и копинг-стратегии сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России // Проблемы современной психологической теории и практики: сборник научных статей. / Отв. ред. Ж.М. Елисеева, Р.В. Осин. М.: Издательство «Перо», 2018. С. 18-23.

4. Ерментаева А.Р. Аналитический обзор зарубежных исследований копинг-стратегии личности // International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy: Collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference. Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2018. С. 55-61.

5. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82-93.

6. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

7. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 61 с.

8. Лахвич Ю.Ф., Леонович О.О. Развитие взглядов на феномен психологического благополучия: по материалам зарубежных исследований // Адукацыя і выхаванне. 2022. № 11 (371). С. 11-17.

9. Лахвич Ю.Ф., Леонович О.О. Развитие взглядов на феномен психологического благополучия в русскоязычной литературе // Адукацыя і выхаванне. 2022. № 12 (372). С. 42-49.

10. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

11. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

12. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

13. Солдатова Г.В. Психологическое благополучие как научный феномен // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2021. № 12. С. 17-30.

14. Шамионов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 8. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>.

15. Stanisławski K. The Coping Circumplex Model: An Integrative Model of the Structure of Coping With Stress. // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00694.

References:

1. Gvozdeva A.A. A change in the tendency to deviant behavior in the process of professional development of military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 3. P. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.

2. Gnezdilov G.V., Shevchenko N.V. Modern methods of psychological work with post-traumatic stress disorder in military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.

3. Dianova S.D. Individual psychological characteristics and coping strategies of employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Problems of modern psychological theory and practice: collection of scientific articles. / Ed. by J.M. Eliseev, R.V. Osin. Moscow: Publishing House «Pero», 2018. P. 18-23.

4. Ermentaeva A.R. Analytical review of foreign studies of the coping strategy of personality // International scientific review of the problems of philosophy, psychology and pedagogy: Collection of scientific articles V International correspondence scientific specialized conference. Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2018. P. 55-61.

5. Zhukovskaya L.V., Troshikhina E.G. K. Riff scale of psychological well-being // *Psychological Journal*. 2011. Vol. 32. № 2. P. 82-93.
6. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // *Lex Russica*. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
7. Kryukova T.L. *Methods of studying coping behavior: three coping scales*. Kostroma: Nekrasov Moscow State University, 2010. 61 p.
8. Lakhvich Yu.F., Leonovich O.O. The development of views on the phenomenon of psychological well-being: based on the materials of foreign research // *Adukacia i vykhavanne*. 2022. № 11 (371). P. 11-17.
9. Lakhvich Yu.F., Leonovich O.O. The development of views on the phenomenon of psychological well-being in Russian-language literature // *Adukatsia i vykhavanne*. 2022. № 12 (372). P. 42-49.
10. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. *Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual*. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.
11. *Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide* / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.
12. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
13. Soldatova G.V. Psychological well-being as a scientific phenomenon // *Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences*. 2021. № 12. P. 17-30.
14. Shamionov R.M., Beskova T.V. Methods of diagnosis of subjective well-being of personality // *Psychological research*. 2018. Vol. 11. № 60. P. 8. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>.
15. Stanisławski K. The Coping Circumplex Model: An Integrative Model of the structure of coping with stress // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00694.

Булгаков Виталий Вадимович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: vitaliy.bulgakov.95@gmail.com
Bulgakov Vitaliy Vadimovich,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПАТРИОТИЗМА У ВОСПИТАННИКОВ СУВОРОВСКОГО УЧИЛИЩА

VALUE AND SEMANTIC PREREQUISITES OF PATRIOTISM OF PUPILS OF THE SUVOROV SCHOOL

Аннотация. В статье исследуются ценностно-смысловые предпосылки патриотизма у воспитанников суворовского училища. В эмпирическом исследовании приняло участие 30 воспитанников суворовского училища в возрасте 14-15 лет, у которых были обнаружены значимые корреляции между степенью выраженности патриотизма и таких ценностей как доброта, универсализм и стимуляция. Результаты исследования можно использовать для организации работы психолога в образовательных учреждениях (школах, кадетских корпусах, суворовских училищах), а также, как основу для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, ценности, смыслы, ценностно-смысловая сфера, патриотические ценности.

Abstract. The article investigates the value-meaning prerequisites of patriotism in the pupils of the Suvorov school. The empirical study involved 30 pupils of the Suvorov school at the age of 14-15 years old, in whom significant correlations between the degree of patriotism expression and such values as kindness, universalism and stimulation were found. The results of the study can be used to organize the work of a psychologist in educational institutions (schools, cadet corps, Suvorov schools), as well as a basis for further research in this area.

Keywords: patriotism, patriotic education, values, meanings, value-meaning sphere, patriotic values.

Актуальность исследования заключается в особом значении изучения патриотизма в рамках формирования единства общества. Патриотизм предполагает приверженность культуре, традициям, истории и другим аспектам и ценностям, характерным для страны. Поскольку воспитанники суворовского училища постоянно находятся в среде, где воспитываются определенные ценности, а патриотическое воспитание является основополагающим, их ценностно-смысловая сфера является важной в контексте изучения ценностей молодежи. Именно эти люди в будущем займут основные слои населения. Текущее воспитание формирует будущее общественное мнение и общественное сознание государства.

Патриотизм можно рассмотреть на двух уровнях: личностном и общественного сознания [3]. На уровне личности патриотизм отмечается как характеристика человека, выраженная в чувстве любви, идеях и переживаниях конкретной личности, которые выступают как мировоззрение личности на историю и культуру страны, а также формирующей воспитанность и ответственность человека, направленную на

патриотическую деятельность. Второй уровень – уровень общественного сознания – представляет настроения и оценки народа, а также формирование его образа в истории и культуре.

Рассматривая патриотизм как социально-культурный феномен, исходящий из опыта личности и ее осознания причастности к государству, нельзя не затронуть вопрос о ценностных ориентациях личности [5, 7, 8 и др.]. Социологи интерпретировали ценностные ориентации, как «более-менее точные формальные правила, с помощью которых группа старается удержать, регулировать, а также сделать распространенными и частыми соответствующие типы действий своих членов» [9].

Исходя из характеристики ценностных ориентаций о динамичности [3], следует отметить, что ценности могут измениться, поменять свое место в иерархии или вовсе из нее пропасть. Система ценностных ориентаций является одним из важнейших факторов становления личности и формирования отношения к себе, окружающим людям и действительности. Однако даже при наличии всех противоречий в постановке четкого определения, характеристик и статуса ценностных ориентаций, многие исследователи сходятся в главной роли ценностных ориентаций, а именно в регулировании человеческого поведения [1, 2, 4 и др.]. Таким образом, система ценностно-смысловых ориентаций имеет в себе ряд важных составляющих, а именно личностные ценности, возникающие в процессе развития и личностного познания окружающего мира; социальные ценности, которые приобретаются в процессе социализации [6], интериоризации ценностей в структуру личности и самоопределения; направленность личности, формируемая за счет взаимодействия с окружающим миром и установление ценностей в структуру ценностных ориентаций.

Объектом нашего эмпирического исследования является патриотизм у воспитанников суворовского училища. Предмет исследования — ценностно-смысловые предпосылки патриотизма у воспитанников суворовского училища. В исследовании участвовали 30 воспитанников суворовского училища, обучающихся в 9 классе в возрасте 14-15 лет.

В исследовании использовались методики: «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (адаптация Н.М. Лебедева), «Тест смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо, Л. Махолик (адаптация Д.А. Леонтьев), методика оценки чувства патриотизма А.В. Сечко. При обработке полученных данных использовались следующие статистические методы: описательная статистика, U – критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Пирсона.

Исследование проводилось в групповом формате. Респонденты получили распечатанные анкеты с вопросами и бланком ответов. После завершения тестирования все анкеты и бланки ответов были собраны для обработки результатов и подсчета баллов по шкалам. По итогу проведения тестирования все результаты были занесены в таблицу и обработаны. Подсчет баллов и выделение итоговых баллов в уровни помогли получить следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь патриотизма и смысложизненных ориентаций воспитанников суворовского училища

		Цели	Процесс	Результат	Локус контроля «Я»	Локус контроля «Жизнь»	Осмысленность жизни
Генетический патриотизм	К.К.* Знач.	0,479** 0,007	0,538** 0,002	0,454* 0,012	0,444* 0,014	0,641** 0,000	0,657** 0,000
Культурно-обусловленный патриотизм		0,431*** 0,017	0,597** 0,000	0,473** 0,008	0,510** 0,004	0,481** 0,007	0,663** 0,000
Общий показатель патриотизма		0,539** 0,002	0,677** 0,000	0,528** 0,003	0,585** 0,001	0,649** 0,000	0,796** 0,000

Примечание: *К.К. – коэффициент корреляции;

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя);

***Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

По результатам статистической обработки (табл. 1) существует сильная связь между типами патриотизма и смысложизненными ориентациями воспитанников суворовского училища. Была обнаружена сильная взаимосвязь между показателями «Генетический патриотизм», «Культурно-обусловленный патриотизм», «Общий показатель патриотизма» и показателями «Цели», «Процесс», «Результат», «Локус контроля-Я», «Локус контроля-Жизнь» и «Осмысленность жизни». Из полученных результатов можно сделать вывод, что уровень патриотизма связан с лучшей осознанностью жизни, а также с нахождением смысла жизни в разных временных отрезках и локусом контроля.

По результатам статистической обработки (табл. 2) можно сделать вывод о том, что существует значимая связь между показателем «Культурно-обусловленный патриотизм» и показателями «Универсализм», «Стимуляция» и «Достижения». Следовательно, при принятии суворовцем культурных аспектов патриотизма, он становится более терпимым и понимающим, а также стремится к поиску новых ощущений и достижению культурно значимых целей и одобрения.

В свою очередь «Общий показатель патриотизма» коррелирует с «Добротой», «Универсализмом» и «Достижением» из чего можно сделать вывод, что чем выше у воспитанника суворовского училища показатель общего патриотизма, тем добрее он относится к своему окружению, стремясь помогать для развития благополучия как собственного, так и группового. Также возрастает ценность благополучия окружающих людей, понимания и терпимости, и ценность достижения культурно одобряемых целей и достижений вместе с ценностью социального одобрения для суворовца.

При этом значимой взаимосвязи между «Генетическим патриотизмом» и ценностями не обнаружена, так же, как и между «Культурно-обусловленным патриотизмом» и «Конформностью», «Традициями», «Добротой», «Самостоятельностью», «Гедонизмом», «Властью» и

«Безопасностью». Связи между «Общим показателем патриотизма» и «Конформностью», «Традициями», «Самостоятельностью», «Стимуляцией», «Гедонизмом», «Властью» и «Безопасностью» также не обнаружено.

Таблица 2 — Взаимосвязь патриотизма и ценностей воспитанников суворовского училища

		Конформность	Традиции	Доброга	Универсализм	Самостоятельность	Стимуляция	Гедонизм	Достижения	Власть	Безопасность
Генетический патриотизм	К.К. Значимость различий	0,153 0,421	-0,123 0,517	0,325 0,080	0,331 0,074	0,212 0,260	0,112 0,554	-0,262 0,162	0,340 0,066	0,196 0,299	0,058 0,760
Культурно-обусловленный патриотизм		0,239 0,204	0,291 0,119	0,310 0,096	0,585** 0,001	0,306 0,100	0,375*** 0,041	-0,0087 0,647	0,532** 0,002	0,163 0,391	0,276 0,140
Общий показатель патриотизма		0,267 0,154	0,212 0,261	0,374*** 0,041	0,585** 0,001	0,318 0,087	0,277 0,138	-0,214 0,256	0,514** 0,004	0,184 0,330	0,225 0,232

Примечание: *К.К. – коэффициент корреляции;

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя);

***Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

По результатам исследования мы обнаружили ряд ценностей, которые взаимосвязаны со степенью выраженности патриотизма у воспитанников суворовского училища, что свидетельствует о подтверждении выдвигаемой гипотезы. Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

1. Выдвигаемая нами гипотеза подтверждается. Существует ряд определенных ценностей, таких как стимуляция, доброта, универсализм и стимуляция, которые взаимосвязаны со степенью выраженности патриотизма у воспитанников суворовского училища.

2. Воспитанники суворовского училища, обладающие высоким уровнем осмысленности жизни, также имеют более высокий уровень генетического, культурно-обусловленного и общего патриотизма.

3. У воспитанников суворовского училища, обладающих более высоким уровнем культурно-обусловленного патриотизма, чаще встречается тяга к новому опыту, ценность в принятии окружающих и стремление к достижению культурно значимых целей.

4. В ходе исследования не было выявлено значимых связей между генетическим патриотизмом и ценностями.

Список литературы:

1. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 5. С. 63-70.
2. Белов В.Ф. Развитие ценностного отношения учащейся молодежи к будущей профессии в социально-культурной среде образовательного учреждения. Кемерово. 2021. 25 с.
3. Быков А.К. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: на стыке двух государственных программ // Педагогика. 2011. №1. С. 14-24.
4. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности. СПб.: Питер, 2015. С. 256-269.
5. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
6. Особенности организационной субкультуры представителей экстремальных профессий / В.Е. Петров, М.И. Марьин, А.М. Зинатуллина, А.В. Сечко // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 31-40. DOI 10.17759/jmfp.2023120303.
7. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.
8. Сечко А.В., Алев Ф.А. Чувство патриотизма как условие безопасности студентов колледжа // Проблемы психологической безопасности личности и образовательной среды / Общая редакция А.В. Литвиновой, А.В. Кокурина, М.И. Марьина. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. С. 22-39.
9. Thamas W., Znanięcki F. *Cholp p liskiw Europe I Ameryce*. Warszawa, 2019. 216 p.

References:

1. Alekseeva V.G. Value orientations as a factor of vital activity and personality development // Psychological Journal. 1984. Vol. 5. № 5. P. 63-70.
2. Belov V.F. The development of the value attitude of students to their future profession in the socio-cultural environment of an educational institution. Kemerovo. 2021. 25 p.
3. Bykov A.K. Patriotic education of citizens of the Russian Federation: at the junction of two state programs // Pedagogy. 2011. № 1. P. 14-24.
4. Golovakha E.I. Life perspective and value orientations of personality. St. Petersburg: Peter, 2015. P. 256-269.
5. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
6. Organizational features Subcultures of representatives of extreme professions / V.E. Petrov, M.I. Maryin, A.M. Zinatullina, A.V. Sechko // Modern foreign psychology. 2023. Vol. 12, № 3. P. 31-40. DOI 10.17759/jmfp.2023120303.
7. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.
8. Sechko A.V., Aleev F.A. A sense of patriotism as a condition for the safety of college students // Problems of psychological security of personality and educational environment / General edition by A.V. Litvinova, A.V. Kokurin, M.I. Maryina. Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2022. P. 22-39.
9. Thamas W., Znanięcki F. *Cholp p liskiw Europe I Ameryce*. Warszawa, 2019. 216 p.

Егоров Артур Алексеевич,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, адъюнкт
Egorov Artur Alekseevich
Moscow University The Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V.Y.Kikot, adjunct

**О РАЗВИТИИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАВЫКОВ ПРОИЗВОЛЬНОЙ
ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ**

**DEVELOPMENT OF ARBITRARY MENTAL SELF-REGULATION SKILLS IN
OFFICERS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к развитию навыков произвольной психической саморегуляции у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые основы, методы и технологии развития саморегуляции, роль психологов и руководителей в данном процессе. Особое внимание уделяется системному подходу и оценке эффективности проводимой работы.

Ключевые слова: психическая саморегуляция, профессиональная деятельность, психологическая подготовка, стрессоустойчивость, морально-психологическое обеспечение.

Abstract. The article discusses modern approaches to the development of arbitrary mental self-regulation skills among officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The article analyzes the regulatory framework, methods and technologies for the development of self-regulation, the role of psychologists and managers in this process. Special attention is paid to the systematic approach and assessment of the effectiveness of the work carried out.

Keywords: mental self-regulation, professional activity, psychological training, stress resistance, moral and psychological support.

Трансформация современного общества и усложнение криминогенной обстановки предъявляют повышенные требования к психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел. Интенсификация служебной деятельности, сопряженная с высоким уровнем эмоционального напряжения, обуславливает необходимость развития навыков произвольной психической саморегуляции как ключевого компонента профессиональной компетентности.

Анализ научной литературы и практического опыта свидетельствует о том, что способность к эффективной саморегуляции психических состояний становится определяющим фактором профессиональной надежности сотрудников ОВД [2, С. 18]. При этом особую значимость приобретает системный подход к развитию данных навыков, учитывающий как индивидуально-психологические особенности сотрудников, так и специфику их служебной деятельности.

Исследования М.С. Киселевой убедительно демонстрируют, что личностная саморегуляция сотрудников ОВД представляет собой сложно организованную систему, включающую когнитивные, эмоциональные и

поведенческие механизмы [3, С. 251]. Данная система обеспечивает не только эффективное выполнение профессиональных задач, но и сохранение психологического здоровья сотрудников в условиях повышенных нагрузок.

Нормативно-правовую основу организации работы по развитию навыков психической саморегуляции составляют ведомственные акты, в частности, приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации», определяющий базовые принципы психологической работы. Приказ МВД России от 27.08.2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» существенно расширяет возможности психологического сопровождения сотрудников, акцентируя внимание на профилактической составляющей.

В современных условиях особую актуальность приобретает интегративный подход к развитию навыков саморегуляции, сочетающий традиционные методы психологической подготовки с инновационными технологиями. Как показывает практика, наибольшую эффективность демонстрируют комплексные программы, включающие как индивидуальные, так и групповые формы работы.

В.В. Вахнина и соавторы отмечают особую роль психологического консультирования в развитии регуляторных способностей руководящего состава ОВД [1, С. 14]. При этом важно подчеркнуть необходимость дифференцированного подхода, учитывающего специфику управленческой деятельности и уровень профессиональной ответственности.

Исследования Л.Г. Дикой [2, С. 23], А.В. Кокурина и В.Е. Петров [4] позволили выявить закономерности формирования системы психической саморегуляции в экстремальных условиях деятельности. Полученные результаты имеют существенное значение для разработки программ психологической подготовки сотрудников ОВД, регулярно сталкивающихся с стрессогенными ситуациями.

Ключевым фактором успешного развития навыков саморегуляции является систематичность и последовательность психологической подготовки. Эпизодические тренинги, не подкрепленные регулярной практикой, не обеспечивают формирование устойчивых навыков совладающего поведения.

Эффективность развития навыков психической саморегуляции существенно повышается при использовании комплексного подхода, включающего теоретическую подготовку, практические занятия и самостоятельную работу сотрудников. В.М. Крук и Ю.М. Пиканина подчеркивают значимость формирования внутренней мотивации к саморазвитию как ключевого фактора профессиональной надежности [5, С. 22].

Особого внимания заслуживает роль психологов подразделений в организации работы по развитию регуляторных способностей. Их деятельность не должна ограничиваться проведением отдельных тренингов,

но предполагает системную работу по психологическому сопровождению сотрудников на всех этапах профессионального становления [7, 8, С. 138].

Анализ практического опыта позволяет выделить несколько ключевых направлений психологической работы: диагностика индивидуально-психологических особенностей и уровня развития регуляторных способностей; разработка и реализация индивидуальных программ развития навыков саморегуляции; групповые тренинги, направленные на освоение конкретных техник и приемов; психологическое консультирование по вопросам преодоления профессиональных стрессов.

Важным аспектом является внедрение современных технологий биологической обратной связи, позволяющих объективизировать процесс обучения навыкам саморегуляции [2, С. 26]. В практике использование таких технологий существенно повышает мотивацию сотрудников и способствует более быстрому формированию необходимых навыков.

Особое значение приобретает организация систематического мониторинга эффективности проводимой работы. А.Ю. Федотов и Д.В. Чубенко предлагают использовать комплексную систему критериев, включающую как объективные показатели результативности служебной деятельности, так и субъективные оценки психологического состояния сотрудников [8, С. 139].

На основании собственного опыта можем утверждать, что наиболее эффективными являются программы, предполагающие поэтапное освоение навыков саморегуляции с обязательной отработкой полученных знаний в условиях, приближенных к реальной профессиональной деятельности. При этом важно обеспечить преемственность различных форм психологической подготовки и их интеграцию в общую систему профессионального развития сотрудников.

В контексте реализации приказа МВД России № 500-2024 особую актуальность приобретает задача создания единой системы морально-психологического обеспечения, в рамках которой развитие навыков саморегуляции рассматривается как неотъемлемый компонент профессиональной подготовки.

Перспективным направлением является разработка дифференцированных программ психологической подготовки, учитывающих специфику служебной деятельности различных подразделений ОВД и индивидуально-психологические особенности сотрудников.

В современных условиях особую значимость приобретает интеграция традиционных методов развития навыков саморегуляции с инновационными технологиями психологической подготовки. Исследования В.В. Вахниной и соавторов подтверждают эффективность использования комплексного подхода в работе с руководящим составом ОВД [1, С. 15].

Принципиально важным является создание в подразделениях ОВД психологически благоприятной среды, способствующей развитию регуляторных способностей сотрудников. Это предполагает не только организацию специальных занятий и тренингов, но и формирование

организационной культуры, поддерживающей стремление к профессиональному и личностному развитию.

Анализируя современные подходы к развитию навыков саморегуляции, можно выделить следующие перспективные направления: внедрение цифровых технологий психологической подготовки; развитие системы дистанционного психологического сопровождения; создание профессиональных сообществ для обмена опытом; разработка индивидуализированных программ развития регуляторных способностей.

М.С. Киселева отмечает, что эффективность формирования навыков саморегуляции существенно повышается при использовании активных методов обучения, моделирующих реальные профессиональные ситуации [3, С. 253]. Полностью разделяя данную позицию, считаем необходимым расширение практики проведения ситуационных тренингов.

Особого внимания заслуживает вопрос подготовки психологов подразделений к работе по развитию регуляторных способностей сотрудников. Необходимо обеспечить систематическое повышение их квалификации, ознакомление с современными методиками и технологиями психологической работы [6, 7 и др.].

На основании проведенного анализа можем сформулировать следующие рекомендации:

1. Обеспечить системный характер работы по развитию навыков саморегуляции, интегрируя ее в общую систему профессиональной подготовки.

2. Использовать дифференцированный подход, учитывающий специфику служебной деятельности и индивидуальные особенности сотрудников.

3. Внедрять современные технологии психологической подготовки, включая средства биологической обратной связи.

4. Развивать систему мониторинга эффективности проводимой работы.

5. Обеспечить преемственность различных форм психологической подготовки.

Таким образом, развитие навыков произвольной психической саморегуляции у сотрудников ОВД представляет собой сложную многоаспектную задачу, решение которой требует комплексного подхода и координации усилий всех субъектов морально-психологического обеспечения. При этом ключевым фактором успеха является систематичность и последовательность психологической работы, основанной на современных научных достижениях и передовом практическом опыте.

Список литературы:

1. Вахнина В.В., Костина Л.Н., Ефимова И.В. Динамика психоэмоционального состояния руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне в процессе развивающего консультирования // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 64-75.

2. Дикая Л.Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 53 с.

3. Киселева М.С. Роль психологической саморегуляции в структуре личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 5А. С. 248-258.

4. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

5. Крук В.М., Пиканина Ю.М. Саморегуляция как один из факторов обеспечения личностной надежности специалиста // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии». СПб., 2018. С. 21-26.

6. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ф. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

7. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

8. Федотов А.Ю., Чубенко Д.В. Развитие способностей к эмоциональному самоконтролю сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 137-139.

References:

1. Vakhnina V.V., Kostina L.N., Efimova I.V. Dynamics of the psycho-emotional state of the heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level in the process of developing counseling // Psychology and Law. 2020. Vol. 10. № 4. P. 64-75.

2. Dikaya L.G. Psychology of self-regulation of the functional state of a subject in extreme conditions of activity: abstract of the dissertation. ... Doctor of Psychological Sciences, Moscow, 2002. 53 p.

3. Kiseleva M.S. The role of psychological self-regulation in the personality structure of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. № 5 A. P. 248-258.

4. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personality traits of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

5. Kruk V.M., Pikanina Yu.M. Self-regulation as one of the factors of ensuring personal reliability of a specialist // Proceedings of the international scientific and practical conference «Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies». St. Petersburg, 2018. P. 21-26.

6. Petrov V.E., Filipenkova N.F. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

7. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

8. Fedotov A.Yu., Chubenko D.V. Development of abilities for emotional self-control of police officers // Psychology and pedagogy of professional activity. 2020. № 4. P. 137-139.

Ермолаева Анна Валериевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации,
заместитель руководителя

e-mail: ermolaevaav@mgppu.ru

Ermolaeva Anna Valerievna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), the Federal Coordination Center for Psychological Service in the Education System of the Russian Federation, Deputy Head

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, УЧАСТНИКОВ (ВETERАНОВ) СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

PSYCHOLOGICAL COUNSELING FOR MILITARY PERSONNEL AND THEIR FAMILY MEMBERS PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Аннотация. Переинтеграция военнослужащих, возвращающихся домой после службы, представляет собой сложный период адаптации как для них, так и для их семей. Важность поддержки со стороны семьи и общества не может быть переоценена в процессе адаптации военнослужащего к мирной жизни. В рамках статьи мы рассмотрим особенности психологического консультирования военнослужащих и членов их семей, сложности в процессе оказания психологической поддержки.

Ключевые слова: военнослужащие, комбатанты, члены семей военнослужащих, специальная военная операция, психологическая помощь.

Abstract. The re-integration of military personnel returning home after service represents a difficult period of adaptation for both them and their families. The importance of support from family and society cannot be overestimated in the process of adapting a serviceman to civilian life. Within the framework of the article, we will consider the features of psychological counseling for military personnel and their family members, difficulties in the process of providing psychological support.

Keywords: military personnel, combatants, family members of military personnel, special military operation, psychological assistance.

Участие в боевых действиях неизбежно сопровождается накоплением психоэмоционального напряжения не только у самих участников специальной военной операции, но также и у членов их семей.

Сложности обращений за психологической помощью в данном контексте обусловлена сразу несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, стигматизация получения психологической помощи среди военных, порой воспринимаемая как признак слабости, существенно затрудняет своевременное обращение за поддержкой. Во-вторых, особую сложность представляют трудности адаптации участников специальной военной операции (далее – СВО) к мирной жизни после возвращения с места ведения боевых действий, что может проявляться в виде посттравматических стрессовых расстройств (далее – ПТСР), депрессивных состояний, тревожности и других психических и поведенческих проблем. Не менее

важной является и обращение за психологической помощью членов семей военнослужащих, для которых длительное отсутствие близких, страх за их жизнь и здоровье, а также стресс от неопределенности последствий нахождения близкого в зоне боевых действий становятся источником серьезных эмоциональных перегрузок. Учитывая данный фактор, критически важным является разработка мер по обеспечению доступности и качества психологической помощи для участников СВО и их семей, а также осознание необходимости психологической поддержки как важного элемента социально-психологической адаптации всех субъектов помощи.

Анализ научной литературы позволяет выделить ключевые запросы комбатантов и членов их семей, среди которых – симптомы посттравматического стрессового расстройства, сложности процесса адаптация к мирной жизни, саморегуляция эмоционального состояния, восстановление утраченных социальных связей и ролей в семье и обществе и другие.

Оказание психологической помощи основывается на индивидуальном подходе. Например, у комбатантов может наблюдаться тревожно-эксплозивный вариант, когда они ощущают повышенную тревогу и склонны к агрессивным вспышкам. Это состояние требует максимального внимания и чуткости со стороны близких и специалистов. С другой стороны, есть те, кто испытывает диссоциативный тип ПТСР [4], который выражается через затрудненную адаптацию и потерю ориентации в повседневной жизни. В этих случаях человек чувствует себя отделенным от реальности, что требует совершенно иной стратегии психологической поддержки. Не менее сложна ситуация с апатическим типом ПТСР, когда обравившийся за психологической помощью погружен в глубокую апатию и может испытывать мысли о бессмысленности возвращения домой. Здесь крайне важно обеспечение чуткой и терпеливой психологической поддержки, направленной на восстановление желания жить и адаптироваться к мирной жизни. Важно только помнить о границах компетенций психолога в коррекции симптомов ПТСР у военнослужащего и выстраивать программу сопровождения только вместе с медицинскими специалистами (клинический психолог, психиатр).

Ветераны боевых действий – это люди, пережившие уникальные и часто трагические обстоятельства, чьи переживания оставляют глубокий отпечаток на их психике. Вследствие этого, важно признать и принять сложность их переживаний, предложить многостороннюю поддержку и комплексный подход к кризисным интервенциям. Содействие в их социальной и психологической адаптации является ключевым для успешного возвращения к функционированию в обществе и счастливой жизни после возвращения домой.

Психологическая работа с участниками (ветеранами) боевых действий составляет значительную часть послевоенной реабилитации и адаптации участников военных действий к мирной жизни. В данной сфере выделяются несколько основных направлений, каждое из которых нацелено на решение

конкретных задач. Ключевые направления работы включают индивидуальную психотерапию, групповую терапию, семейное консультирование и программы социальной адаптации.

Индивидуальная психотерапия фокусируется на решении личностных проблем, с которыми сталкивается комбатант, включая обработку травматических переживаний, борьбу с тревожными расстройствами и депрессией. Исследования показывают, что одним из эффективных методов в этой области является когнитивно-поведенческая терапия, направленная на изменение деструктивных мысленных процессов и поведенческих моделей. Мета-анализ, проведенный Карри (Carri, 2010) и соавторами, демонстрирует значительное уменьшение симптомов ПТСР и депрессии у ветеранов после применения КПТ [5].

Групповая терапия играет важную роль в социальной адаптации военнослужащих, создавая пространство для обмена опытом и эмоциональной поддержки между участниками. Может использоваться широкий спектр методик, в том числе основанные на арт-терапии, телесно-ориентированной терапии и психодраме. Групповое взаимодействие помогает участникам чувствовать себя менее изолированными в своих проблемах и способствует более быстрой социализации.

Семейное консультирование направлено на восстановление и укрепление отношений в семье комбатанта. В условиях послевоенной адаптации часто возникают трудности в коммуникации между ветеранами и членами их семей, что может привести к конфликтам и недопониманию. Работа с семьей помогает обсудить эти проблемы в безопасной обстановке, научиться новым, более эффективным способам взаимодействия. Это направление подчеркивается в исследовании Шепарда и соавторов (Shepard et al., 2012), где отмечается высокая эффективность семейных интервенций в улучшении общего благополучия участников и их семей [5].

Программы социальной адаптации ориентированы на помощь ветеранам в интеграции в общество, включая поиск работы, образование и участие в общественной жизни. Эти программы могут включать профессиональную переподготовку, консультации по вопросам карьеры, а также мероприятия, направленные на укрепление социальных связей ветеранов СВО со средой их проживания. Значимость социальной поддержки и адаптации подтверждают многочисленные исследования, в том числе работа Грина и коллег (Green et al., 2014), подчеркивающая важность интеграции ветеранов в социум для их успешной адаптации к мирной жизни [3, 5 и др.].

Основной эффективной реабилитацией будет выступать и семья, ее поддержка возвращения комбатанта является критически важной для предотвращения возможного семейного кризиса. Ключевым аспектом такой поддержки становится определение и реализация стратегий реинтеграции и социализации, целью которых является восстановление предшествующего уклада жизни и отношений внутри семьи [1]. Это важно вследствие возможного риска ослабления или разрушения прежних социальных связей

из-за тенденции к самоизоляции.

Для успешной социализации семьи в измененных условиях после возвращения одного из ее членов, важно использовать подходы и методы, направленные на постепенное, но уверенное возвращение к привычному образу жизни, которые включают семейные консультации, совместные терапевтические сессии, индивидуальные консультации по вопросам адаптации с каждым членом семьи и другие меры поддержки. Крайне важно, чтобы на этом этапе военнослужащие и их семьи имели доступ к ресурсам и информации о том, как лучше всего облегчить этот переход.

Особое внимание стоит уделить возрождению и укреплению семейных традиций, которые могут способствовать предотвращению возможных проявлений деструктивного поведения со стороны военнослужащего, возвращающегося в гражданскую жизнь. В семейной динамике важно задать основу взаимопонимания и поддержки, особенно в контексте возвращения домой одного из членов семейства, который испытал экстремальное напряжение. Неправильная интерпретация поведения или слов, которые могут показаться непонятными или даже бессмысленными для остальных членов семьи, может вызвать ненужное напряжение. Для предотвращения недопонимания важно членам семьи важно подготовиться и научиться правильно реагировать на порой сложные для восприятия высказывания комбатанта. Они часто требуют не столько словесного анализа, сколько невербальных проявлений сочувствия и поддержки. Создание атмосферы, в которой каждый член семьи чувствует себя услышанным, способствует психоэмоциональной разрядке и снижает риск возникновения конфликтов на почве недопонимания.

В этом контексте ключевую роль играет и психологическая помощь, которая необходима не только возвращающемуся ветерану, но и всем членам его семьи. Психологическое сопровождение способствует лучшему взаимопониманию между членами семьи при семейном консультировании. Стоит учитывать, что семейное консультирование может осуществляться после блока индивидуальной работы по преодолению возможной полученной травматизации комбатанта, после снижения риска развития неблагоприятных эмоциональных состояний, после проработки острых стрессовых реакций.

Одним из первых шагов к возвращению к мирной жизни после пережитых боевых действий является обеспечение спокойной обстановки. Среди психологических рекомендаций будут также направленные на стабилизацию не только эмоционального состояния, но и режима дня. Рекомендуется, чтобы военнослужащий имел возможность проводить время в изолированном пространстве, например, в отдельной комнате, где он мог бы медленно привыкать к привычной тишине, настолько отличной от постоянного шума и стресса боевых действий. Такие моменты тишины способствуют стабилизации состояния и снижению напряжения.

Важно постепенно вводить комбатанта в обычные бытовые процессы. То, что раньше казалось привычным, теперь может требовать у него времени и сил на выполнение.

Понимание воздействия военных конфликтов на семейную систему открывает глубокие аспекты психологической реабилитации военнослужащих. Концепция трансгенерационной травмы подчеркивает значимость наследственного аспекта восприятия военной службы [2]. В семьях, где представления о воинском долге формируются с раннего возраста, и часто существует неписаное правило, что следующее поколение должно продолжить семейную военную традицию может значительно усложняться психологическая работа с военнослужащими, так как в процессе участия в боевых действиях на передний план выходят не только личные стремления и убеждения, но и глубоко укорененные семейные ценности.

Участие в боевых действиях для некоторых военнослужащих становится не только способом исполнения обязанностей перед родиной, но и механизмом восстановления или укрепления связи с семейной системой. Это может рассматриваться как путь к возвращению утраченных или ослабленных семейных связей, где происходит не только физическое, но и эмоциональное, психологическое включение в семейный контекст. Психологическая работа с военнослужащими и их семьями требуют комплексного подхода, учитывающего как личные переживания, так и межпоколенческие аспекты военной службы.

Таким образом, работа психолога с ветеранами войны является многоаспектной и требует комплексного подхода, включающего в себя как индивидуальную, так и групповую работу, а также вовлечение семьи и общества в процесс реабилитации. Успешная интеграция и адаптация участников (ветеранов) СВО требует глубокого понимания специфики военного опыта и тонкого применения психотерапевтических и социальных инструментов.

Список литературы:

1. Быков А. В., Шульга Т.И. Психологическая служба в учреждениях социально-педагогической поддержки детей и подростков: учебное пособие для вузов. М: Издательство Юрайт, 2024.

2. Мотивирование ветеранов боевых действий, принимавших участие в специальной военной операции, и членов семей погибших при выполнении задач в ходе специальной военной операции к обращению за психологической помощью: Методические рекомендации / С.В. Шпорт, А.С. Баева, В.Г. Булыгина [и др.]. М., 2023. 23 с.

3. Организация скринингового обследования участников специальной военной операции и членов их семей в целях раннего выявления у их психических расстройств, в том числе связанных со стрессом: Методические рекомендации / Р.В. Ахапкин, Ю.П. Зинченко, Е.Г. Ичитовкина [и др.]. М., 2024. 27 с.

4. Ульянина О.А., Ермолаева А.В., Волков Д.С., Комолова О.С. Модель психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции / под общей редакцией О.А. Ульяниной. М.: МГППУ, 2024. 40 с.

5. Sinclair R., Britt T.W. Building Psychological Resilience in Military Personnel. American Psychological Association, 2013. 268 p.

References:

1. Bykov A.V., Shulga T.I. Psychological service in institutions of social and pedagogical support for children and adolescents: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024.
2. Motivating combat veterans who took part in a special military operation and family members of those who died while performing tasks during a special military operation to seek psychological help: Methodological recommendations / S.V. Shport, A.S. Bayeva, V.G. Bulygina [et al.]. Moscow. 2023. 23 p.
3. Organization of screening examinations of participants in a special military operation and their family members in order to early detect their mental disorders, including stress-related ones: Methodological recommendations / R.V. Akhapiin, Y.P. Zinchenko, E.G. Ichitovkina [et al.]. Moscow, 2024. 27 p.
4. Ulyanina O.A., Ermolaeva A.V., Volkov D.S., Komolova O.S. A model of psychological support for families of participants (veterans) of a special military operation / edited by O.A. Ulyanina. Moscow: MGPPU, 2024. 40 p.
5. Sinclair R., Britt T.W. Building Psychological Resilience in Military Personnel. American Psychological Association, 2013. 268 p.

Ефимкина Надежда Владимировна,
Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия),
доцент кафедры юридической психологии
кандидат психологических наук
e-mail: e_n_v@inbox.ru

Efimkina Nadezhda Vladimirovna,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after V.Ya. Kikot', associate Professor of
the Department of Legal Psychology, Candidate of
Psychological Sciences

Чеснокова Ирина Алексеевна,
Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), преподаватель
кафедры юридической психологии,
кандидат психологических наук
e-mail: malder1717@yandex.ru,

Chesnokova Irina Alekseevna,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after V.Ya. Kikot', Lecturer of the
Department of Legal Psychology, Candidate of
Psychological Sciences.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАКТИКИ «КОГНИТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ»

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF USING THE TACTICS OF «COGNITIVE INTERVIEW»

Аннотация. Когнитивная психология – одна из активно развивающихся областей современной психологии. В деятельности правоохранительных органов разных стран применяется метод «когнитивное интервью», который опирается на базовые принципы работы человеческой памяти и ориентирован на получение достоверной, исчерпывающей информации об обстоятельствах и деталях преступления как от свидетелей, так и от потерпевших.

Ключевые слова: когнитивное интервью, профайлинг, распознавание лжи, когнитивные искажения.

Abstract. Cognitive psychology is one of the rapidly developing areas of modern psychology. In the activities of law enforcement agencies in different countries, the method of «cognitive interview» is used, which is based on the basic principles of human memory and is aimed at obtaining reliable, comprehensive information about the circumstances and details of the crime from both witnesses and victims.

Keywords: cognitive interviewing, profiling, lie recognition, cognitive distortions.

Практическая психология все активнее вовлекается в процесс расследования преступлений, привнося в него инновационные подходы. Так, в 70-ые годы прошлого столетия в США, в штаб-квартире ФБР, был организован отдел поведенческого анализа. Самыми первыми его сотрудниками стали Г. Тетен и П. Муллани, немного позднее в него вошли М. Дуглас и Р. Рестлер. Данный отдел занимался только теми убийствами, которые отличались особой жестокостью и бесчеловечностью. Зачастую сотрудникам было сложно поверить, что человек действительно способен так

поступить с себе подобным существом: многодневные пытки, содержание в плену, лишение еды и воды, извращенные эксперименты над личностью. Сотрудники ФБР проявляли особое усердие в поимке преступников. В то время анализ ДНК был еще недостаточно усовершенствован и находился на стадии доработок, к тому же стоил немалых финансовых затрат. Именно поэтому для сотрудников силовых ведомств требовались иные способы подтверждения виновности подозреваемых. Полицейские всего мира были крайне заинтересованы в разработке действенной, эффективной техники распознавания лжи и определения скрытых замыслов преступников. Профайлинг становился темой номер один на совещаниях самого высокого уровня. В середине 1980-х годов американским психологам Р. Фишеру и Э. Гезельману удалось сделать существенный прорыв в данной области, они разработали метод когнитивного интервью. Позднее (1992) метода конкретизировали и выпустили специализированное учебное пособие по его применению в работе сотрудниками отдела поведенческого анализа. Был разработан четкий алгоритм действий и даны конкретные инструкции по организации и проведению интервью с подозреваемыми [10, 11, 12 и др.].

М. Дуглас и Р. Рестлер первыми применили данную технику в работе с такими жестокими серийными убийцами как: Тед Банди, Эд Кемпер и Уэйн Уильямс. Сегодня когнитивное интервью, которое в первую очередь опирается на базовые принципы работы человеческой памяти, стало широко применяться и российскими специалистами в целях получения достоверной, исчерпывающей информации об обстоятельствах и деталях преступления как от свидетелей, так и от потерпевших [1, 7, 9 и др.]. Данный метод применяют не только полицейские, но и частные детективы, адвокаты, врачи.

С его помощью сотрудник полиции может получать гораздо больше информации (более чем на 70 %) в сравнении с результатами стандартных полицейских допросов [3]. Но самое главное, конечно же, не количество, а лучшее качество выявляемой с его помощью информации. Данный метод без дополнительных затрат позволяет достаточно быстро устанавливать различия между достоверными и ложными утверждениями интервьюируемого гражданина.

Ключевым понятием данной техники стало «tacit knowledge» (англ.), то есть выявление неявного знания, которое все больше и больше привлекает внимание психологов, занимающихся как практическими, так и теоретическими исследованиями. Этот термин в 1958 году ввел Майкл Полани, после чего его стали широко использовать не только полицейские и психологи, но и философы, политологи и даже экономисты, в тех случаях, когда они ссылаются на наличие у индивида знаний, которые он затрудняется напрямую передать словами, либо же преднамеренно подавляет воспоминания, которые у него существуют в сознании.

Метод «Когнитивное интервью» позволяет сделать явным данное неявное знание, провоцирует человека поделиться им с интервьюером, внести точность и ясность в те события, участником которых он был. Вот, что пишут о данной технике М.В. Осорина и В.А. Устинова: «...когнитивное

интервью – метод экспликации неявного знания, реализуемый в крайне неблагоприятной для такой экспликации ситуации: нехватка времени, стресс от пережитого, нежелание свидетеля вспоминать, иногда – желание утаить часть информации, страх за свою жизнь и т.п. Здесь интервьюер сталкивается со всеми психологическими опасностями, которых хотелось бы избежать в процессе сбора достоверной информации» [4].

Климов И.А. в своей работе указал основные задачи, которые может решить интервьюер, используя данный метод:

- исследовать понятия, слова и концепты обыденного языка или популярные идеологемы;
- вытаскивать смыслы, ассоциации и эмоции, связанные с предметом исследования;
- обнаруживать барьеры, стопперы, зоны умолчания, негативные триггеры, блокирующие изложение своей позиции;
- оценивать уверенность и убежденность в своем мнении, а также готовность корректировать свою точку зрения;
- формировать свое понимание «обыденной теории» изучаемого феномена, выяснять его «бытование» в характерных для него жизненных ситуациях;
- изучать связь представлений и «контекста»;
- разбираться, как человек работает с заданиями того или иного типа («открытые вопросы», работа с цифровыми шкалами, работа с ответом «другое» и пр.);
- спрогнозировать коммуникативные барьеры, которые будут возникать в ситуации взаимодействия интервьюера (или его аналога) и респондента [2].

В настоящей статье бы хотелось выделить ключевые аспекты, которые могут помешать сотруднику правоохранительных органов получить достоверную информацию в процессе применения данного метода.

1. Большинство людей подвержены ошибкам восприятия, которые являются своеобразными фильтрами, не позволяющими давать объективную оценку высказываниям другого человека: иррациональные мысли, склонность к драматизации, маркировка, умаление положительных сторон, чрезмерное обобщение и т.д.

2. Подверженность интервьюера влиянию феномена каузальной атрибуции, которой автоматически возникает в процессе социального взаимодействия в условиях недостаточности имеющейся информации, когда партнер по общению стремится произвольно заполнить данный пробел, исходя из личного опыта. Именно это происходит в работе сотрудников полиции, когда недостаточная информация является неизбежным фактором.

3. Влияние когнитивных искажений, которое является также неизбежным, ибо присуще всем людям без исключения и эволюционно сформировалось в качестве важной для выживания адаптивной функции, способствующей более быстрому принятию решений.

4. Невозможность полного исключения из практики возникновения когнитивного диссонанса, под влиянием которого человек стремится

бессознательно снизить степень несоответствия между двумя своими установками с целью достижения внутреннего баланса.

5. Наличие у большого числа интервьюируемых ложных воспоминаний, которые обусловлены сложным механизмом работы нашего мозга и его отделов, отвечающих за формирование эмоций. Причем в достоверности этих воспоминаний интервьюируемый уверен на сто процентов. До сих пор ученые не могут с точностью назвать причины их появления, но четко связывают появление ложных воспоминаний с самообманом и утверждают, что предотвратить данное заблуждение невозможно.

6. Неподготовленность и недостаточно развитый уровень эмоционального интеллекта у сотрудника, который зачастую имеет весьма приблизительные знания об особенностях применения данной техники.

7. Влияние механизма предвзятости подтверждения. Общеизвестно, что человек лучше и точнее воспринимает информацию, которая соответствует его убеждениям и установкам, наряду с чем игнорирует те сведения, которые противоречат его точке зрения.

Во избежание некачественного или неумелого использования в работе сотрудников полиции данной психотехники, необходимо целенаправленно готовить и обучать специалистов, целенаправленно специализирующихся в области профайлинга [5, 6, 8 и др.]. В настоящее время стала вполне очевидной потребность создания отдела поведенческого анализа и в России.

Список литературы:

1. Аллахвердов В.М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

2. Климов И.А. ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 114-127.

3. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

4. Осорина М.В., Устинова В.А. Как вербализовать «неявное знание» в процессе психологического интервьюирования: продуктивные идеи из смежных практик // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 42-63.

5. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

6. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

7. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского. М., 1985 (1-е изд.), 1995 (2-е изд.).

8. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

9. Устинова В.А. Постэкспериментальное интервьюирование в исследованиях понятийного мышления // Выпускная квалификационная работа (на правах рукописи) / науч. рук. М.В. Осорина. СПб: СПбГУ, 2013.

10. Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

11. Geiselman R.E., Fischer R.P., Cohen G., Holland H.L., Surtes L. Eyewitness responses to leading and misleading questions under the cognitive interview // *Journal of Police Science and Administration*, 1986. № 14. P. 31-39.

12. Geiselman R.E., Fisher R.P., Firstenberg I., Hutton L.A., Sullivan S.J., Avetissain I.V., Prosk A.L. Enhancement of eyewitness memory: An empirical evaluation of the cognitive interview // *Journal of Police Science and Administration*, 1984. Vol. 12. № 1. P. 74-80.

References:

1. Allakhverdov V.M. and others. Experimental psychology of cognition: cognitive logic of conscious and unconscious. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006.

2. Klimov I.A. INTER-encyclopedia: cognitive interview // *The interaction. Interview. Interpretation*. 2021. Vol. 13. № 4. P. 114-127.

3. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personality traits of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // *Lex Russica*. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

4. Osorina M.V., Ustinova V.A. How to verbalize «implicit knowledge» in the process of psychological interviewing: productive ideas from related practices // *St. Petersburg Psychological Journal*. 2016. № 16. P. 42-63.

5. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

6. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

7. Polani M. Personal knowledge: On the way to postcritical philosophy / Translated from English by M.B. Gnedovsky. M., 1985 (1st ed.), 1995 (2nd ed.).

8. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

9. Ustinova V.A. Post-experimental interviewing in the research of conceptual thinking // Final qualifying work (on the rights of a manuscript) / scientific supervisor M.V. Osorina. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2013.

10. Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

11. Geiselman R.E., Fischer R.P., Cohen G., Holland H.L., Surtes L. Eyewitness responses to leading and misleading questions under the cognitive interview // *Journal of Police Science and Administration*, 1986. № 14. P. 31-39.

12. Geiselman R.E., Fisher R.P., Firstenberg I., Hutton L.A., Sullivan S.J., Avetissain I.V., Prosk A.L. Enhancement of eyewitness memory: An empirical evaluation of the cognitive interview // *Journal of Police Science and Administration*, 1984. Vol. 12. № 1. P. 74-80.

Нестерова Полина Сергеевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: p.nesterov22@mail.ru
Nesterova Polina Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СУВОРОВЦЕВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF SUVOРОВ TEENS DURING THE TRAINING PROCESS

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к понятию профессиональное самоопределение подростков, а также представлены результаты исследования социально психологических факторов, влияющих на профессиональное самоопределение суворовцев в процессе обучения.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, суворовское военное училище, военные профессии, профориентационная работа, подростки.

Abstract. The article discusses domestic and foreign approaches to the concept of professional self-determination of adolescents, and also presents the results of a study of socio-psychological factors influencing the professional self-determination of Suvorov students in the learning process.

Keywords: professional self-determination, Suvorov Military School, military professions, career guidance work, adolescents.

В последние годы отмечается «изменение шкалы жизненных ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных нравственных ценностей» [3], смещаются акценты в мировоззрении современных молодых людей в материальную сторону. В связи с этим подготовка высококвалифицированных, преданных избранной профессии специалистов, в том числе кадров силовых структур, становится важной задачей государства. Ее решение начинается с профессиональной ориентации в период получения среднего образования. Наряду с развитием общеобразовательных и профессионально ориентированных знаний особое значение имеет подготовка к выбору будущей профессии и развитие мотивации к ее освоению. В условиях постоянно существующей необходимости обеспечивать готовность к защите национальной безопасности следует обратить внимание на важнейшие мотивы предпочтения военно-профессиональной деятельности.

Профессиональное самоопределение – это процесс, который имеет собственную динамику и этапы развития. Развитию профессионального выбора способствуют такие факторы как: возраст обучающегося, уровень информированности личности и уровень притязаний [8].

Современные исследования профессионального самоопределения можно разделить на различные аспекты. Так, часть исследований посвящена изучению связи профессионального самоопределения и детско-родительских отношений [4]. В рамках данных работ изучались стиль родительского

воспитания, тип привязанности, сепарация и их влияние на профессиональный выбор. В ходе исследований было выявлено, что надежная привязанность к матери и средний уровень эмоциональной автономии положительно влияет на профессиональное самоопределение. Таким образом, подросток испытывает с одной стороны необходимость самостоятельно совершать свой выбор, с другой стороны, для него остается важным поддержка со стороны семьи. Получается, что для успешного самоопределения необходимо не только создавать развивающую среду для подростка, а также проводить просветительскую работу с членами семьи.

Зарубежные исследования акцентируют свое внимание скорее на профессиональной идентичности, что на наш взгляд, является логичным развитием профессионального самоопределения [7]. Обобщая теоретический аспект данной проблемы, можно сказать о том, что профессиональная идентичность выражается в следующих аспектах: поведение, речь, умение описать свой опыт профессиональной деятельности, принятие ценностей, характерных для данной профессии. Если человек соотносит себя с данными аспектами, то можно говорить о его профессиональной идентичности. Согласно работам западных коллег, человек обладающей высокой профессиональной идентичностью имеет высокий уровень стрессоустойчивости, высокий уровень уверенности в себе, обладают позитивным мышлением [7]. Аспекты профессиональной идентичности возможно перекладывать на развитие профессионального самоопределения обучающихся [6, 12 и др.]. Можно предположить, что формирование первичной профессиональной идентичности положительно влияет на профессиональный выбор.

Профессиональное самоопределение в подростковом возрасте имеет определенную специфику. В своей работе Л.И. Божович пишет: «Выбор профессии в подростковом возрасте может оказаться психологически даже и не выбором, а актом подражания товарищам, родителям или решением, принятым под непосредственным влиянием внешних обстоятельств или случайно возникшего интереса» [1]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что подросток хоть и способен совершать профессиональный выбор, он не всегда оказывается готов к нему.

Изучение подходов к процессу формирования профессиональной направленности отечественных и зарубежных исследователей и ориентация на специфику образовательного процесса в Суворовских Военных училищах, позволит совершенствовать формирование военно-профессиональной направленности личности суворовцев [2, 9, 11 и др.]. На каждом этапе нужно подбирать методы, соответствующие возрастным особенностям обучающихся, принимать во внимание важность гармоничного развития личности суворовца, что в дальнейшем поможет принять решение о выборе будущей профессии [10, 13 и др.].

В рамках изучения профессионального самоопределения суворовцев было проведено эмпирическое исследование на базе Московского

суворовского училища. В исследовании приняло участие 4 группы, состоящих из десяти человек в возрасте от 11 до 13 лет.

Согласно гипотезе исследования был определен социометрический статус суворовцев (методика социометрия Дж. Морено в адаптации Я.Л. Коломинского [5]). По результатам диагностики выборка было разделена на две группы по социометрическому статусу: звезды класса, предпочитаемые, принятые, пренебрегаемые (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение выборки по социометрическому статусу (по Дж. Морено)

Социометрический статус	Группа 1.1		Группа 1.2		Группа 2.1		Группа 2.2	
	Кол-во человек	%						
Звезды	1	10	1	10	1	10	2	20
Предпочитаемые	0	0	2	20	2	20	0	0
Принятые	9	90	6	60	4	40	7	70
Пренебрегаемые	0	0	1	10	3	30	1	10

В результате проведенного исследования наиболее благоприятная атмосфера наблюдается в группах 1. В остальных же группах часть воспитанников оказались пренебрегаемыми, что может свидетельствовать о том, что внутри группы присутствуют неразрешенные конфликтные ситуации.

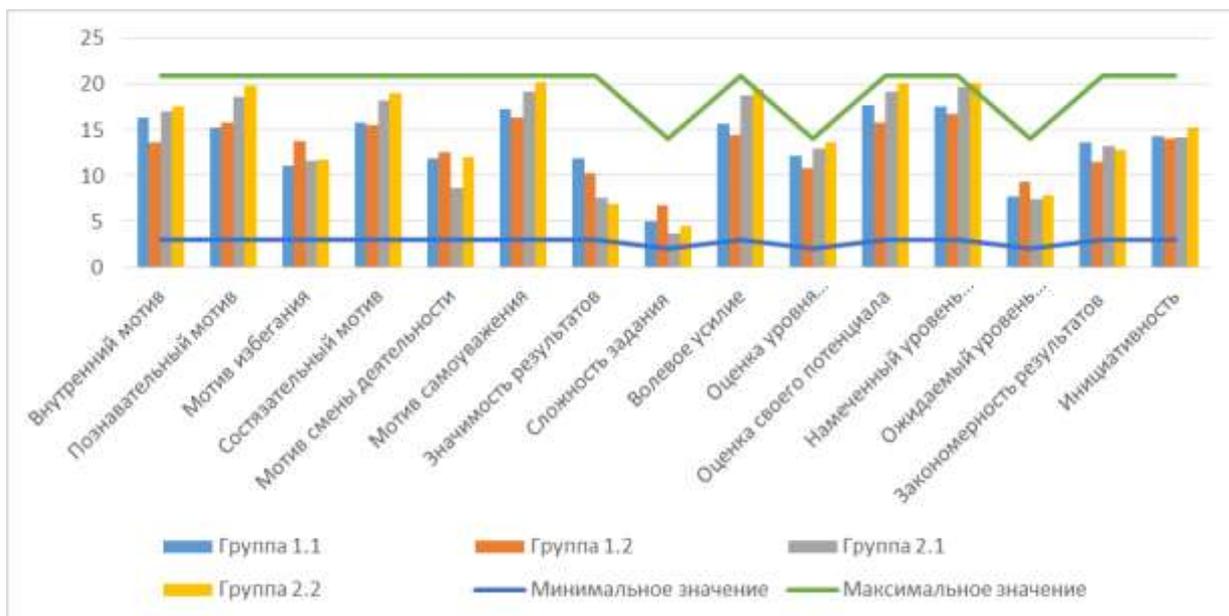

Рисунок 1 – Структура мотивации по группам (в баллах)

Для определения уровня притязаний была использована методика «Оценка уровня притязаний (структура мотивации)» В.К. Горбачевского (рис. 1).

Проверка статистических гипотез с использованием непараметрического статистического U-критерия Манна-Уитни не показал значимых различий между выборками.

В результате проведенного исследования было установлено, что среди всех воспитанников ведущими мотивами выступают познавательный,

состязательный, мотив самоуважения, волевое усилие, оценка своего потенциала, оценка уровня мобилизации усилий. Такие результаты могут свидетельствовать о том, что вне зависимости от курса обучения, у воспитанников сильно развиты личностные возможности.

Проверка статистических гипотез с использованием непараметрического статистического критерия U-критерий Манна-Уитни, который показал значимые различия по шкалам: познавательный мотив ($U=0,001$), состязательный мотив ($U=0,026$), мотив самоуважения ($U=0,021$), значимость результатов ($U=0,002$), сложность заданий ($U=0,043$), оценка уровня достигнутых результатов ($U=0,001$), оценка своего потенциала ($U=0,002$), намеченный уровень мобилизации усилий ($U=0,002$). Все показатели значимы на 5 % уровне.

Для изучения мотивации выпускников продолжить свой образовательный путь, использовалась анкета «Готовность к выбору военной специальности» (рис. 2).

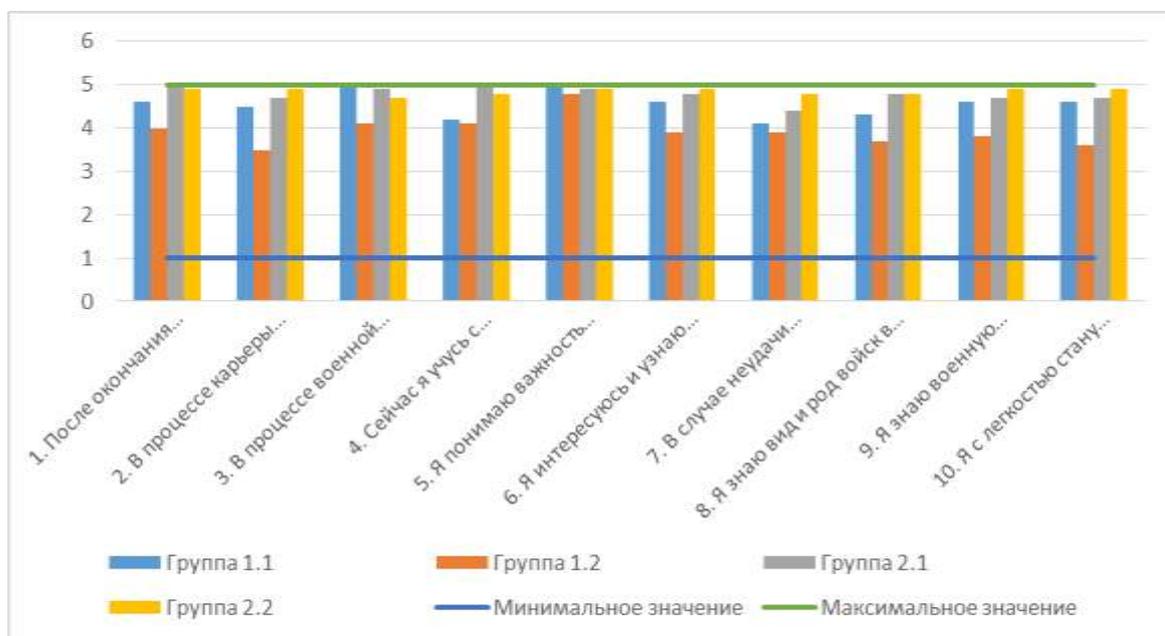

Рисунок 2 – «Готовность к выбору военной специальности»

На основании полученных результатов, наблюдается более высокий уровень мотивации у обучающихся более старших курсов по сравнению с младшими курсами. При проверке статистической гипотезы критерием U-Манна-Уитни, были установлены различия между группами, обучающихся на разных курсах, по 4 ($U=0,008$, значимо на 5% уровне), 8 ($U=0,043$, значимо на 5% уровне) и 10 ($U=0,024$, значимо на 5% уровне) показателям.

В результате проведенного исследования было установлено, что среди всех воспитанников ведущими мотивами выступают познавательный, состязательный, мотив самоуважения, волевое усилие, оценка своего потенциала, оценка уровня мобилизации усилий. Такие результаты могут свидетельствовать о том, что вне зависимости от курса обучения, у воспитанников сильно развиты личностные возможности.

Проверка статистических гипотез с использованием непараметрического статистического критерия U-Манна-Уитни, который показал значимые различия по шкалам: познавательный мотив ($U=0,001$), состязательный мотив ($U=0,026$), мотив самоуважения ($U=0,021$), значимость результатов ($U=0,002$), сложность заданий ($U=0,043$), оценка уровня достигнутых результатов ($U=0,001$), оценка своего потенциала ($U=0,002$), намеченный уровень мобилизации усилий ($U=0,002$). Все показатели значимы на 5 % уровне.

На основании полученных результатов, наблюдается более высокий уровень мотивации у обучающихся более старших курсов по сравнению с младшими курсами. При проверке статистической гипотезы критерием U-Манна-Уитни, были установлены различия между группами, обучающихся на разных курсах, по 4 ($U=0,008$, значимо на 5% уровне), 8 ($U=0,043$, значимо на 5% уровне) и 10 ($U=0,024$, значимо на 5% уровне) показателям.

Проверка статистических гипотез позволяет сделать вывод о частичном подтверждении гипотезы исследования: социально-психологическими факторами, влияющими на динамику профессионального самоопределения, являются: уровень притязаний суворовцев, внутренний мотив, оценка своего потенциала и инициативность.

В результате исследования было установлено, что социометрический статус не влияет на мотивационную структуру личности и профессиональную ориентацию. Мотивационная структура воспитанников Суворовского училища выглядит следующим образом: они стремятся к состязанию и к достижению поставленных целей, при этом стремятся адекватно оценить свои способности и возможности, чему способствует простота поставленной задачи. С другой стороны, частая смена видов деятельности снижает способность к адекватной оценке, но повышает значимость полученных результатов

Установлено, что профессиональная ориентация воспитанников Суворовского училища направлена на получение военной специализации, что свидетельствует о готовности совершать профессиональный выбор в пользу преемственного образования.

Таким образом, в результате исследования были установлены положительные достоверные связи между мотивацией и дальнейшим профессиональным развитием, что в свою очередь может свидетельствовать о доминировании мотивов: внутренний, оценка своего потенциала и инициативность, среди воспитанников Суворовского училища.

Список литературы:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
2. Гнездилов Г.В., Шевченко Н.В. Современные методы психологической работы с посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.
3. Гусев И.Т., Калашников Н.П., Качалов А.В. и др. Профессиональная ориентация молодежи и организация приема в высшие учебные заведения. М.: Высш. шк. 1982.

4. Диярова Р.Р. Обзор эмпирических исследований влияние детско-родительских отношений на личностное самоопределение старшеклассника // Научный потенциал молодежных исследований. 2021. С. 138-145.

5. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

6. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

7. Корчагин Е.Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 190-203.

8. Нехаева Т.А. Военно-профессиональное самоопределение суворовцев: психолого-педагогический аспект. 2020.

9. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

10. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

11. Сечко А.В. Методы формирования психологической готовности граждан к овладению военно-учетными специальностями // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса: сборник материалов международной конференции XI Левитовские чтения в МГОУ, Москва, 20-21 апреля 2016 года. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 232-235.

12. Сечко А.В., Орехова В.А. Модель личностного самоопределения младших школьников системе безопасности образовательной и общественной среды // Психологическая безопасность образовательной среды: подходы, модели, профилактика: коллективная монография. М.: Издательство «Авторская мастерская», 2016. С. 80-106.

13. Халимова А.Н. Профессиональное самоопределение будущих офицеров как форма организации внеурочной деятельности для формирования профессионального самоопределения учащихся // Вестник военного образования. 2020. № 2 (23). С. 107-109.

References:

1. Bozhovich L.I. Personality and its formation in childhood. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 464 p.

2. Gnezdilov G.V., Shevchenko N.V. Modern methods of psychological work with post-traumatic stress disorder in military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.

3. Gusev I.T., Kalashnikov N.P., Kachalov A.V. et al. Professional orientation of youth and the organization of admission to higher educational institutions. Moscow: Higher School. 1982.

4. Diyarova R.R. Review of empirical research on the influence of child-parent relations on the personal self-determination of a high school student // Scientific potential of youth research. 2021. P. 138-145.

5. Yelbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

6. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

7. Korchagin E.H. Professional identity: a review of foreign studies // Pedagogy and psychology of education. 2023. № 1. P. 190-203.

8. Nekhaeva T.A. Military-professional self-determination of Suvorov residents: psychological and pedagogical aspect. 2020.

9. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

10. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

11. Sechko A.V. Methods of forming the psychological readiness of citizens to master military accounting specialties // Socio-cultural determination of subjects of the educational process: Collection of materials of the XI Leviticus Readings International Conference at Moscow State University, Moscow, April 20-21, 2016. Moscow: Moscow State Regional University, 2016. P. 232-235.

12. Sechko A.V., Orekhova V.A. A model of personal self-determination of younger schoolchildren in the educational and social environment security system // Psychological safety of the educational environment: approaches, models, prevention: a collective monograph. Moscow: Publishing house «Author's Workshop», 2016. P. 80-106.

13. Halimova A.N. Professional self-determination of future officers as the form of organization of extracurricular activities for the formation of professional self-determination of students // Bulletin of Military Education. 2020. № 2 (23). P. 107-109.

Николаева Полина Александровна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант

e-mail: nik.polina.a@yandex.ru

Nikolaeva Polina Alexandrovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Master's student

Кокурин Алексей Владимирович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология», кандидат психологических наук, доцент

e-mail: KokurinAV@mgppu.ru

Kokurin Alexey Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia), Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПОЖАРНЫХ С ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ К СТРЕССУ

THE RELATIONSHIP BETWEEN FIREFIGHTERS' SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND THEIR LOCUS OF CONTROL AND STRESS RESILIENCE

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между социально-психологической адаптацией, локусом контроля и стрессоустойчивостью у пожарных. В эмпирическом исследовании 26 пожарных выявлены значимые положительные корреляции между уровнем адаптации, интернальностью и стрессоустойчивостью. Пожарные с высоким уровнем адаптации демонстрируют лучшее самопринятие, внутренний контроль и активные копинг-стратегии, что способствует эффективному реагированию на стресс. Полученные результаты полезны для разработки программ профессиональной подготовки и психологической поддержки.

Ключевые слова: локус контроля, стрессоустойчивость, социально-психологическая адаптация, копинг-поведение.

Abstract. The article examines the relationship between social-psychological adaptation, locus of control, and stress resilience among firefighters. In an empirical study involving 26 firefighters, significant positive correlations were found between the level of adaptation, internality, and stress resilience. Firefighters with a high level of adaptation demonstrate better self-acceptance, internal control, and active coping strategies, which contribute to effective stress response. The results are valuable for developing professional training and psychological support programs.

Keywords: locus of control, stress resilience, social-psychological adaptation, coping behavior.

Актуальность проблематики обусловлена высокими стрессовыми нагрузками в профессии пожарных, требующими особых личностных ресурсов, таких как локус контроля и стрессоустойчивость, способствующие успешной профессиональной адаптации. Пожарные часто сталкиваются с

физической и эмоциональной угрозой, что делает вопрос их адаптации и психологической устойчивости особенно важным. Цель исследования – выявить связи между социально-психологической адаптацией пожарных, локусом контроля и их стрессоустойчивостью.

Теоретико-методологические основы исследования. Адаптация – междисциплинарное понятие. В психологии социально-психологическая адаптация рассматривается как взаимодействие человека и общества, акцент делается на активности личности и взаимодействии с социальной средой, что важно для профессий высокого риска, где специалисты сталкиваются со стрессогенными факторами, требующими высокого уровня адаптивности [8].

Существуют три направления изучения адаптации: как процесса, как способности и как результата [1]. В отечественных исследованиях адаптация определяется через личностные характеристики, необходимые для работы в экстремальных условиях. Однако успешность адаптации также зависит от факторов среды: взаимоотношений в коллективе, поддержки семьи, условий труда. Эти и многие иные факторы могут как способствовать адаптации, так и затруднять адаптационный процесс [7, 9, 14 и др.]. Особенно это актуально для пожарных, чья работа в экстремальных условиях требует не только психологической подготовки, но и активного взаимодействия в коллективе.

Локус контроля – важный психологический конструкт, введенный Дж. Роттером. Он отражает, приписывает ли человек результаты своей деятельности внутренним или внешним факторам. Исследования показали, что специалисты профессий высокого риска, такие как пожарные, демонстрируют преимущественно интернальную направленность, что помогает им справляться со стрессом и эффективно реагировать в экстремальных ситуациях [3, 14, 15 и др.]. Однако в условиях стресса может происходить «экстернализация» – временное смещение локуса контроля в сторону экстернальности как адаптивный механизм [10, 11, 13 и др.].

Стрессоустойчивость остается одной из актуальных тем психологии. Для профессий высокого риска, таких как пожарные, важны высокие показатели стрессоустойчивости, позволяющие справляться с многочисленными объективными и субъективными стрессорами [2]. Также ключевую роль играют копинг-стратегии – когнитивные и поведенческие реакции на стресс. Существуют проблемно-ориентированные стратегии и эмоционально-ориентированные. У начинающих пожарных часто доминирует избегание, так как их копинг-стратегии формировались до реального опыта и требуют адаптации через практическую деятельность [6].

Процедура и результаты исследования. Объектом данного эмпирического исследования является социально-психологическая адаптация. Предмет исследования – связь социально-психологической адаптации пожарных с локусом контроля и стрессоустойчивостью. В исследовании участвовали 26 пожарных из Вязниковского района Владимирской области с опытом работы от 4 до 28 лет, все мужчины. В исследовании использовались методики: диагностика уровня субъективного контроля (Дж. Роттер, адаптация Бажина и др.), тест самооценки

стрессоустойчивости (С. Коухен, Г. Виллиансон, адаптация Воробейчик), методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман и др.), диагностика социально-психологической адаптации личности (К. Роджерс, адаптация Осницкого). При обработке полученных данных использовались следующие статистические методы: описательная статистика, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Пирсона, медиационный анализ [5].

В исследовании пожарные были разделены на группы с высоким (30 %) и средним (70 %) уровнями адаптации по шкале «Адаптация» (методика К. Роджерса). Пожарные с высоким уровнем адаптации демонстрируют лучшие показатели самопринятия, принятия других, эмоционального комфорта и внутреннего контроля, тогда как у средней группы эти черты проявлены умеренно. Для проверки достоверности различий показателей социально-психологической адаптации у пожарных с высоким и средним уровнями адаптации применялся U-критерий Манна-Уитни (табл. 1).

Таблица 1 – Достоверность различий между двумя группами по интегральным шкалам, отражающим особенности социально-психологической адаптации пожарных

Шкала	Высокий уровень адаптации		Средний уровень адаптации		p - value
	среднее значение	станд. откл.	среднее значение	станд. откл.	
Принятие других	68,7	6,1	58,5	7,31	0,053758
Эмоциональный комфорт	72,3	7,1	57,1	6,11	0,037243
Интернальность	78,3	5,75	62,5	6,61	0,006928
Стремление к доминированию	56,6	6,55	51,1	11,83	0,487454
Самопринятие	72,9	3,6	59,7	7,19	0,025261

Сотрудники противопожарной службы с высоким и средним уровнями адаптации статистически значимо различаются по ряду показателей социально-психологической адаптации. У пожарных с высоким уровнем адаптации более выражены самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт и интернальность. В стремлении к доминированию значимых различий между группами не обнаружено, и этот показатель находится на среднем уровне в обеих группах.

Таким образом, пожарные с высоким уровнем адаптации, несмотря на экстремальные условия работы, демонстрируют высокую самооценку, положительное отношение к коллегам, устойчивое внутреннее равновесие и берут на себя ответственность за происходящее в профессиональной и личной жизни. Пожарные со средним уровнем адаптации обладают схожими чертами, но выраженными в умеренной степени. Оба уровня адаптации объединяет сдержанное стремление влиять на коллег и близких.

Рассмотрим далее результаты, полученные при изучении особенностей локуса контроля у пожарных с различным уровнем адаптации. Для проверки достоверности различий в уровнях субъективного контроля между группами пожарных со средним и высоким показателями адаптации использовался U-

критерий Манна-Уитни. Показатели общего уровня субъективного контроля и контроля в различных ситуациях сравнивались попарно между этими группами (табл. 2).

Таблица 2 – Достоверность различий между двумя группами по средним показателям, отражающим уровень субъективного контроля у пожарных по группам

Шкала	Высокий уровень адаптации		Средний уровень адаптации		p - value
	среднее значение	станд. откл.	среднее значение	станд. откл.	
Шкала общей интернальности	5,5	1,12	4,7	1,12	0,315875
Шкала интернальности в области достижений	7	1,41	6,3	1,63	0,589155
Шкала интернальности в области неудач	4	1,41	5	1,56	0,354540
Шкала интернальности в семейных отношениях	5,25	0,43	5,7	1,15	0,589155
Шкала интернальности в области производственных отношений	4,25	0,43	4,6	1,89	0,537094
Шкала интернальности в области межличностных отношений	1,75	1,3	2,1	1,45	0,699676
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	7,25	1,48	3,8	1,23	0,013555

Сотрудники с высоким уровнем адаптации имеют статистически значимо более высокий уровень интернальности в отношении здоровья, что предполагает их склонность брать на себя ответственность за свое состояние и процесс выздоровления. Также на уровне тенденции (30%) выявлены различия по общей интернальности: пожарные с высоким уровнем адаптации чаще берут ответственность за контролируемые аспекты своей жизни, в отличие от коллег со средним уровнем адаптации, которые чаще связывают происходящее с внешними факторами, особенно в вопросах здоровья.

Таблица 3 – Достоверность различий между двумя группами по уровню стрессоустойчивости и частоте использования копинг – стратегий в стрессовых ситуациях в группах пожарных с высокой и средней адаптацией

Шкала	Высокий уровень адаптации		Средний уровень адаптации		p - value
	среднее значение	станд. откл.	среднее значение	станд. откл.	
Ориентация на решение	64,25	7,69	54,4	4,99	0,122824
Ориентация на эмоции	32	9,51	43	7,24	0,105193
Избегание	78,3	5,75	62,5	6,61	1,000000
Отвлечение	58,25	2,59	56,22	6,94	0,816961
Социальное отвлечение	19,75	2,86	18,9	3,54	0,699676
Стрессоустойчивость	22,5	5,85	21,6	2,87	0,938503

Изучение стрессоустойчивости и особенностей копинг-стратегий у сотрудников противопожарной службы с разными уровнями социальной адаптации проводилось с использованием «Теста самооценки

стрессоустойчивости» и методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (табл. 3).

Анализ показал, что значимые различия между группами пожарных с высоким и средним уровнями адаптации наблюдаются на уровне тенденции (10 %) в использовании копинг-стратегий, таких как ориентация на решение и действие. Различий в уровне стрессоустойчивости не выявлено, и у всех сотрудников была сниженная способность справляться со стрессом. Пожарные с высоким уровнем адаптации чаще ориентируются на решение проблемы, уделяя меньше внимания своим эмоциям, тогда как сотрудники со средним уровнем адаптации больше фокусируются на своих переживаниях, чем на решении ситуации.

Следующий этап исследования включал проверку гипотезы о связи между социальной адаптацией, локусом контроля и стрессоустойчивостью у сотрудников противопожарной службы. Для этого был проведен корреляционный анализ (табл. 4). Перед его выполнением нормальность распределения переменных была проверена с помощью критерия Шапиро-Уилка, показавшего, что распределения переменных Стрессоустойчивость, Адаптация и Общий интернальный локус контроля являются нормальными ($W > 0,85$; $p > 0,01$). Поэтому для анализа применялся коэффициент корреляции К. Пирсона.

Таблица 4 – Корреляционная матрица показателей стрессоустойчивости, адаптации и общей интернальности у пожарных

Шкала	Критерий	Стрессоустойчивость	Общая интернальность	Адаптация
Стрессоустойчивость	Pearson's r	-	-	-
	p-value	-	-	-
Общая интернальность	Pearson's r	0,047	-	-
	p-value	0,82	-	-
Адаптация	Pearson's r	0,41*	0,39*	-
	p-value	0,036	0,05	-

Обозначение: * $p < 0.05$.

Существует значимая положительная связь между общей интернальностью локуса контроля и адаптацией, а также между стрессоустойчивостью и адаптацией. Однако стрессоустойчивость и локус контроля статистически не связаны. Это означает, что пожарные, склонные считать свои достижения результатом собственных действий, лучше адаптируются в социальных ситуациях. Аналогично, более стрессоустойчивые сотрудники также легче приспосабливаются к жизненным обстоятельствам, но их способность справляться со стрессом не связана с готовностью брать ответственность за происходящее.

На основе гипотезы о связи между локусом контроля, адаптацией и стрессоустойчивостью была сформулирована эмпирическая модель, где социально-психологическая адаптация выступает медиатором между стрессоустойчивостью и локусом контроля (рис. 1). Модель была создана для уточнения этих связей.

Рисунок 1 – Модель связи показателей адаптации, стрессоустойчивости и локуса контроля

Для оценки достоверности модели был проведен медиационный анализ (табл. 5).

Таблица 5 – Показатели уровня работоспособности модели связи локуса контроля, стрессоустойчивости и адаптации

Показатели	Коэф. В	p-value
Стрессоустойчивость ⇒ Адаптивность ⇒ Общий локус контроля	0.2537	0.051
Стрессоустойчивость ⇒ Адаптивность	0.4497	0.010
Адаптивность ⇒ Общий локус контроля	0.5641	0.003
Стрессоустойчивость ⇒ Общий локус контроля	-0.3369	0.074

Эмпирическая модель достоверно объясняет только 25 % данных. Стрессоустойчивость предсказывает около 45 % адаптации, а адаптация – 56 % локуса контроля, но прямой связи между стрессоустойчивостью и локусом контроля нет. Это указывает на то, что адаптация зависит от стрессоустойчивости и влияет на локус контроля, но модель нельзя считать полностью достоверной.

Таким образом, сотрудники противопожарной службы, улучшая стрессоустойчивость, лучше адаптируются к экстремальным условиям, но это не увеличивает их ответственность за происходящее. Более высокая адаптация способствует социальной интеграции, позволяя им более ответственно подходить к различным жизненным ситуациям, включая рабочие. Можно резюмировать, что:

1. Пожарные с высоким уровнем адаптации демонстрируют высокую самооценку, хорошие отношения с коллегами, устойчивое внутреннее состояние и готовность брать на себя ответственность. У сотрудников со средним уровнем адаптации эти качества выражены умеренно; оба уровня адаптации включают стремление влиять на окружающих.

2. Независимо от уровня адаптации, все пожарные показали сниженные навыки стрессоустойчивости.

3. Пожарные с высоким уровнем адаптации склонны брать на себя ответственность за здоровье. Пожарные со средним уровнем адаптации чаще видят причины происходящего в случайностях или действиях других, особенно в вопросах здоровья.

4. Улучшение навыков справления со стрессом не усиливает у пожарных склонность к ответственности за жизненные события, но способствует лучшей адаптации к сложным условиям работы.

5. Уровень адаптации сотрудников противопожарной службы связан с локусом контроля и стрессоустойчивостью, при этом локус контроля и стрессоустойчивость не связаны между собой.

Результаты исследования актуальны для понимания адаптации пожарных, но исследование ограничено небольшим числом участников. Будущие исследования с расширенной выборкой и дополнительными переменными помогут глубже изучить связь между особенностями работы и адаптацией сотрудников противопожарной службы, а также оптимизировать меры психологического сопровождения служебной деятельности [12].

Список литературы:

1. Азбергенова Г.А. Социально-психологическая адаптация: подходы к изучению // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 12. С. 144-148.
2. Бодров В.Л. Психологический стресс: развитие и преодоление // Новости науки и техники. Серия: Медицина. Медицина катастроф. Служба медицины катастроф. 2007. № 1. С. 273.
3. Гвоздева А.А. Изменение склонности к девиантному поведению в процессе профессионального становления военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.
4. Гнездилов Г.В., Шевченко Н.В. Современные методы психологической работы с посттравматическим стрессовым расстройством у военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.
5. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.
6. Жогаль А.М. Стратегии копинг-поведения спасателей-пожарных как фактор психологической устойчивости к стрессу // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2015. № 1. С. 149-156.
7. Кокурин А.В., Петров В.Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.
8. Кряжева И.К. Социально-психологические факторы адаптированности личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1980. 24 с.
9. Латкова И.А. Педагогические вопросы успешной адаптации молодых сотрудников и создание условий для их закрепления в коллективе органов внутренних дел // Актуальные вопросы психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1985. С. 39-46.
10. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.
11. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
12. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.
13. Стрижицкая О.Ю. Воспринимаемый стресс, локус контроля и самопринятие: теоретические и эмпирический подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 1. С. 21-31.

14. Ушаков А.А. Социально-психологические аспекты адаптации сотрудников к условиям службы в системе лесных ИТУ // Актуальные проблемы морально-психологической подготовки личного состава органов внутренних дел (по материалам научно-практической конференции). М., 1992. С. 91-98.

15. Шимченко Д.В. Влияние локуса контроля сотрудников МЧС на оценку опасных ситуаций // Молодежная наука: тенденции развития. 2018. № 2. С. 45-51.

References:

1. Azbergenova G.A. Socio-psychological adaptation: approaches to study // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2016. Vol. 16. № 12. P. 144-148.

2. Bodrov V.L. Psychological stress: development and overcoming // News of Science and technology. Series: Medicine. Disaster medicine. Disaster Medicine Service. 2007. № 1. P. 273.

3. Gvozdeva A.A. A change in the tendency to deviant behavior in the process of professional development of military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 3. P. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.

4. Gnezdilov G.V., Shevchenko N.V. Modern methods of psychological work with post-traumatic stress disorder in military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 50-60. DOI: 10.17759/epps.2024010204.

5. Elbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

6. Zhogal A.M. Strategies of coping behavior of rescue firefighters as a factor of psychological resistance to stress // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology. 2015. № 1. P. 149-156.

7. Kokurin A.V., Petrov V.E. Personality traits of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms // Lex Russica. 2018. № 9 (142). P. 119-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.119-128.

8. Kryazheva I.K. Socio-psychological factors of personality adaptation: abstract. diss. ... kand. Psychological Sciences, Moscow, 1980. 24 p.

9. Latkova I.A. Pedagogical issues of successful adaptation of young employees and the creation of conditions for their consolidation in the staff of internal affairs bodies // Actual issues of psychology and pedagogy in the activities of internal affairs bodies. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1985. P. 39-46.

10. Petrov V.E., Filipenkova N.Y. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

11. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

12. Psychological support of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180p.

13. Strizhitskaya O.Y. Perceived stress, locus of control and self-acceptance: theoretical and empirical approaches // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2019. Vol. 9. № 1. P. 21-31.

14. Ushakov A.A. Socio-psychological aspects of staff adaptation to the conditions of service in the forest technical training system // Actual problems of moral and psychological training of personnel of internal affairs bodies (based on the materials of a scientific and practical conference). Moscow, 1992. P. 91-98.

15. Shimchenko D.V. Influence of the locus of control of EMERCOM staff on the assessment of dangerous Youth science: development trends. 2018. № 2. P. 45-51.

Петров Владислав Евгеньевич,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология»,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenevich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Associate Professor of the Department
of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty
of Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate
Professor

Мухина Елена Сергеевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: l.muhina1@yandex.ru

Mukhina Elena Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ КАНДИДАТОВ К ПРОХОЖДЕНИЮ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО КОНТРАКТУ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

FEATURES OF PROFESSIONAL MOTIVATION OF CANDIDATES FOR MILITARY SERVICE UNDER CONTRACT IN EXTREME CONDITIONS

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования особенностей мотивации кандидатов к прохождению военной службы в экстремальных условиях. Респондентами выступили 125 человек. Применялись следующие методики: иерархия жизненных ценностей (В.Е. Петров); профессионально-личностный опросник; методика «Профессиональная мотивация» в модификации Л.А. Верещагиной; методика «Направленность личности» (В. Смекал, М. Кучер); диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиан, адаптация М.Ш. Магомед-Эминова); опросник изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (В.Е. Петров). Установлено, что кандидаты на военную службу в экстремальных условиях отличаются стремлением к справедливости, обеспечению безопасности родных и близких, следованию национальным идеям, патриотизму, дружбе, товариществу. Они имеют выраженную мотивацию, интерес и активность к экстремальной деятельности. Материал направлен на поддержку профориентационной работы с кандидатами на военную службу, а также совершенствование психологического сопровождения деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, экстремальные условия, личностный выбор, психологическая готовность, психологический отбор.

Abstract. The article presents the results of a study of the motivation of candidates for military service in extreme conditions. 125 people acted as respondents. The following methods were used: hierarchy of life values (V.E. Petrov); professional and personal questionnaire; method of «Professional motivation» modified by L.A. Vereshchagina; method of «Personality orientation» (V. Smekal, M. Kucher); diagnostics of achievement motivation (A. Mehrabian, adaptation by M.Sh. Magomed-Eminov); questionnaire for the study of personality the choice of participation in extreme volunteerism (V.E. Petrov). It has been established that candidates for

military service in extreme conditions are distinguished by their desire for justice, ensuring the safety of relatives and friends, following national ideas, patriotism, friendship, and camaraderie. They have a pronounced motivation, interest and activity in extreme activities. The material is aimed at supporting career guidance with candidates for military service, as well as improving psychological support for activities in extreme conditions.

Keywords: professional motivation, extreme conditions, personal choice, psychological readiness, psychological selection.

Прохождение военной службы, в целом, и выполнение боевых задач в условиях проведения специальной военной операции, в частности, в решающей степени зависит от военно-профессиональной мотивации. Положительное отношение к службе во благо Отечества, намерение связать с ней свою жизнь обеспечиваются специфической иерархией мотивов и смыслов, среди которых материальные мотивы далеко не ведущие [1, 2 и др.]. Полимотивированность выбора военной службы – реалии наших дней, а значит, особое значение приобретает проблема исследования ведущих мотивов в процессе профориентации кандидатов на военную службу.

Согласно мнению ряда исследователей в области военно-профессиональной мотивации (А.Ю. Асриев, А.Ф. Иоаниди, А.А. Камышанов, А.Г. Караяни, А.В. Криворот, О.С. Михно, И.Б. Нагаев и др.), она предстаёт как действие конкретных побуждений, которые обуславливают выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой деятельностью. Несмотря на достаточно хорошую проработку вопросов мотивации личного состава, её феноменология применительно к выполнению задач в особых условиях остаётся недостаточно освящённой. Именно подобная ситуация послужила основанием для проведения нами самостоятельного научного исследования.

В исследовании, целью которого ставилось изучить особенности мотивации кандидатов к прохождению службы в экстремальных условиях, проведённом в 2024 году, приняло участие 125 человек (51 кандидат на военную службу по контракту, 74 студента и магистранта). Респонденты с учетом валидности протоколов обследования были разделены на две контрастные группы: 1) военнослужащие (n=49; 46 муж., 3 жен., возраст – $27,7 \pm 6,5$), 2) гражданские лица (n=70; 29 муж., 41 жен., возраст – $24,9 \pm 7,1$).

Исследования проводилось с помощью диагностического комплекса из шести методик [8, 9]: 1) иерархия жизненных ценностей (В.Е. Петров); 2) профессионально-личностный опросник (ПЛО-М); 3) методика «Профессиональная мотивация» в модификации Л.А. Верещагиной; 4) методика «Направленность личности» (В. Смекал, М. Кучер); 5) диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиан, адаптация М.Ш. Магомед-Эминова, форма А-32); 6) опросник изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (В.Е. Петров, форма А-228). Обработка эмпирических данных предусматривала оценки различий в группах по U-критерию Манна-Уитни, а также корреляционный анализ по Ч. Спирмену.

Таблица 1 – Сравнение ценностно-мотивационных характеристик в контрастных группах

Показатель	Военнослужащие	Гражданские лица	U
внутренняя гармония ⁰ , ранг	10,52±4,20	10,37±4,55	-
интересная работа (служба) ⁰ , ранг	12,67±5,07	11,55±4,88	-
материально обеспеченная жизнь ⁰ , ранг	7,44±5,67	7,93±4,94	-
общественное признание ⁰ , ранг	13,50±5,04	7,21±4,37	770**
жизнь ⁰ , ранг	9,98±4,30	10,07±4,97	-
саморазвитие, обучение ⁰ , ранг	9,00±2,98	6,20±6,03	1120*
свобода (самостоятельность) ⁰ , ранг	14,90±4,17	8,64±5,67	778**
счастливая семейная жизнь ⁰ , ранг	10,60±5,54	11,01±4,82	-
удовольствие от жизни ⁰ , ранг	10,97±4,75	7,09±4,19	901**
дружба, товарищество ⁰ , ранг	8,35±4,02	11,66±5,64	917**
национальная идея, патриотизм ⁰ , ранг	8,14±4,33	14,83±4,07	749**
самореализация ⁰ , ранг	8,74±4,97	9,11±5,38	-
высокий социальный статус, карьера ⁰ , ранг	9,66±4,42	8,22±4,37	-
безопасность родных (близких) ⁰ , ранг	7,05±5,20	12,01±4,86	863**
духовное развитие ⁰ , ранг	10,57±4,55	9,49±4,24	-
справедливость ⁰ , ранг	6,23±5,11	15,3±4,67	524**
здоровье (психическое и физическое) ⁰ , ранг	9,72±4,23	9,97±4,25	-
комфортные условия существования ⁰ , ранг	10,06±4,66	6,24±4,37	909**
идентичность со значимыми ⁰ , ранг	14,85±4,94	15,76±4,14	-
религия, вера ⁰ , ранг	17,05±4,67	17,34±5,00	-
мотив собственного труда ¹	5,34±2,07	5,19±2,32	-
мотив социальной значимости труда ¹	7,13±2,05	4,20±1,94	917**
мотив самоутверждения в труде ¹	6,34±2,00	5,97±2,37	-
мотив профессионального мастерства ¹	5,86±2,29	5,67±2,72	-
ориентация на задание ²	5,92±2,53	5,38±2,48	-
ориентация на отношения ²	4,67±2,20	5,73±2,02	-
ориентация на себя ²	4,96±2,17	5,24±3,01	-
мотивация достижения ³	6,88±2,37	4,53±2,30	884**
Просоциальные ценностные ориентации ⁴	6,84±2,15	3,72±2,37	571**
Идейность ⁴	7,85±2,01	4,06±2,99	407**
Целостность мировоззрения ⁴	6,60±2,67	3,59±1,95	611**
Добровольческая смыслоориентированность ⁴	6,51±2,95	3,87±3,57	793**
Мотивация к добровольчеству ⁴	7,37±2,54	3,66±3,05	394**
Интерес к добровольчеству ⁴	5,94±2,26	3,71±2,44	828**
Склонность к экстремальной деятельности ⁴	7,77±2,97	5,50±2,14	901**
Самоотверженность ⁴	5,92±2,29	3,19±2,75	765**
Критичность мышления ⁴	4,60±2,23	5,58±2,78	-
Экстремальная перцептивная конгруэнтность ⁴	6,68±2,10	4,63±2,87	994**
Эмоциональная стеничность ⁴	6,73±2,64	4,82±2,51	1098*
Самоконтроль ⁴	5,60±2,18	5,34±2,66	-
Активность в экстремальных условиях ⁴	6,15±2,22	3,94±2,81	886**
Экстремальная жизнеспособность ⁴	6,55±2,29	3,26±3,28	531**
Самоорганизованность ⁴	7,60±3,26	4,02±2,10	466**
Надёжность ⁴	7,64±2,40	5,53±2,33	968**

Условные обозначения: ⁰ методика «Иерархия жизненных ценностей»; ¹ методика «Профессиональная мотивация» в модификации; ² методика «Направленность личности»; ³ диагностика мотивации достижения; ⁴ опросник изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве.

Особенности мотивации кандидатов на военную службу установлены в ходе сравнения ценностно-мотивационных характеристик в контрастных группах (табл. 1). Статистически значимые различия проявились в приоритете ряда ценностей. Кандидатов на военную службу отличает ($p \leq 0,01$) стремление к справедливости, безопасности родных и близких, следование национальным идеям, патриотизму, дружбе, товариществу. Гражданские лица ориентированы ($p \leq 0,01$) на общественное признание, свободу (самостоятельность), удовольствие от жизни, комфортные условия существования; предпочитают саморазвитие и обучение ($p \leq 0,05$). Выраженность указанных выше ценностей применительно к представителям силовых ведомств отмечена Х.Х. Герейхановым, А.Г. Караяни [3], Ю.Н. Головановым [4].

Будущими военнослужащими движет мотив социальной значимости труда и мотив достижения ($p \leq 0,01$). Однако наиболее значимые различия установлены по характеристикам опросника изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве. Четырнадцать из шестнадцати предикторов личностного выбора демонстрируют статистически значимые различия (за исключением критичности мышления и самоконтроля) на уровне $p \leq 0,05..0,01$. В подобной ситуации нет ничего удивительного, поскольку методика априори была разработана и верифицирована для изучения личности в контексте её вовлечения в экстремальную деятельность.

Взаимосвязь мотивационных характеристик личности кандидатов на военную службу для выполнения задач в экстремальных условиях ($n=49$) изучена по результатам корреляционного анализа (табл. 2). Так, установлено, что мотивация к экстремальному добровольчеству (по сути, испытуемые – лица, которые добровольно изъявили желание участия в специальной военной операции) прямо коррелирует с мотивом самоутверждения в труде ($R_s=0.433$, $p \leq 0,01$) и мотивом профессионального мастерства ($R_s=0.335$, $p \leq 0,05$). Подобное обстоятельство можно объяснить тем, что будущие военнослужащие рассматривают военную службу по контракту как возможность самореализоваться как личности и профессионалу; в системе их жизненных ценностей служению Родине отводится особая роль, предполагая достижение профессионально-личностного акме.

В системе мотивации кандидатов на военную службу особое место отводится идейности / государственности, которая показала взаимосвязь с мотивом социальной значимости труда ($R_s=0.511$, $p \leq 0,01$) и мотивом самоутверждения в труде ($R_s=0.483$, $p \leq 0,01$). Действительно, выбор участия в мероприятиях по защите Отечества предполагает внутреннюю убежденность в правильности выбора и в деле, которому человек намерен посвятить жизнь, осознание важности реализуемого и готовности испытать себя. Кроме того, чем в большей степени выражены у индивида просоциальные ценностные ориентации, тем более актуален мотив социальной значимости труда ($R_s=0.427$, $p \leq 0,01$). Подобный частный вывод соответствует результатам научного исследования А.В. Осинцевой [7], в котором автор подчеркивает не

только личностную значимость мотивации, но и её социальную направленность.

Таблица 2 – Корреляционные связи в системе мотивации военнослужащих

Показатель	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	И
Просоциальные ценностные ориентации ⁴	-	0,427**	-	-	-	-	-	-
Идейность ⁴	-	0,511**	0,483**	-	-	-	-	-
Целостность мировоззрения ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Добровольческая смыслоориентированность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Мотивация к добровольчеству ⁴	-	-	0,433**	0,335*	-	-	-	-
Интерес к добровольчеству ⁴	0,306*	-	-	-	-	-	-	-
Склонность к экстремальной деятельности ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Самоотверженность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	0,321*
Критичность мышления ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Экстремальная перцептивная конгруэнтность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Эмоциональная стеничность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Самоконтроль ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Активность в экстремальных условиях ⁴	0,334*	-	-	-	-	-	-	-
Экстремальная жизнеспособность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	0,460**
Самоорганизованность ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-
Надёжность ⁴	-	-	-	-	0,419**	-	-	-

Условные обозначения: ¹ методика «Профессиональная мотивация» в модификации; ² методика «Направленность личности»; ³ диагностика мотивации достижения; ⁴ опросник изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве.

А – мотив собственного труда¹; Б – мотив социальной значимости труда¹;
В – мотив самоутверждения в труде¹; Г – мотив профессионального мастерства¹;
Д – ориентация на задание²; Е – ориентация на отношения²;
Ж – ориентация на себя²; И – мотивация достижения³.

Мотивация к труду как таковому коррелирует с интересом к добровольчеству ($R_s=0.306$, $p \leq 0,05$) и активностью в экстремальных условиях ($R_s=0.334$, $p \leq 0,05$). Можно предположить, что широко

осуществляемая в течение последних нескольких лет военно-профориентационная работа изменила отношение людей к военной службе, обуславливая рост внимания, любопытства, неравнодушия и даже энтузиазма.

Мотивация достижения продемонстрировала взаимосвязь с экстремальной жизнеспособностью ($R_s=0.460$, $p\leq 0,01$) и самоотверженностью ($R_s=0.321$, $p\leq 0,05$). Именно стремление индивида, во что бы то ни стало достигать намеченного, инициирует героические поступки, храбрость, мужество, бесстрашие.

Надёжность деятельности будущего военнослужащего во многом предопределена его направленностью на задание ($R_s=0.419$, $p\leq 0,01$). Установлено, что, чем в большей степени кандидат на военную службу ориентирован на чёткое и оперативное выполнение поставленных перед ним задач, тем выше его надёжность как субъекта деятельности. Тезис полностью подтверждается сведениями, содержащимися в публикациях В.Л. Кубышко, В.М. Крука, И.В. Гайдамашко и др. [6], Г.В. Гнездилова, В.М. Крука, В.Б. Ионкина и др. [10].

Проведенное исследование подтвердило хорошие психометрические параметры опросника изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве – критериальную и конструктивную валидность таких шкал как «Идейность», «Мотивация к экстремальному добровольчеству», «Интерес к добровольчеству», «Просоциальные ценностные ориентации», «Самоотверженность», «Активность в экстремальных условиях», «Экстремальная жизнеспособность», «Надёжность». Методику как оценочный инструмент готовности к экстремальной деятельности можно использовать в диагностической работе не только с добровольцами, но и военнослужащими, поступающими на военную службу для выполнения задач в особых условиях. Данные об особенностях личностного выбора участия в специальной военной операции целесообразно интегрировать в систему профессиональной подготовки и реабилитации личного состава [5, 11 и др.].

Таким образом, кандидаты к прохождению военной службы в экстремальных условиях отличаются стремлением к справедливости, обеспечению безопасности родных и близких, следованию национальным идеям, патриотизму, дружбе, товариществу. Они имеют выраженную мотивацию, интерес и активность к экстремальной деятельности. Подобную ситуацию во многом можно объяснить научно-обоснованной системой профориентации и профотбора, качественным комплектованием Вооруженных Сил Российской Федерации личным составом.

Список литературы:

1. Адаев А.И. Оценка и прогноз психологической готовности сотрудников органов внутренних дел МВД России к деятельности в экстремальных ситуациях: Автореф. дисс. канд. психол. наук. СПб., 2004. 21 с.

2. Артюхова Т.Ю., Артюхов А.Н., Шелкунова Т.В. Личностный выбор профессии как ресурс региональной системы профессиональной ориентации // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-4. С. 362-365.

3. Герейханов Х.Х., Караяни А.Г. Особенности ценностных ориентаций военнослужащих (сотрудников) национальной гвардии // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 1 (3). С. 146-153.

4. Голованов Ю.Н. Оценка и формирование психологической готовности сотрудников специальных подразделений МВД России к деятельности в экстремальных условиях (на примере ОМОН МВД России): Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 2001. 25 с.

5. Караяни А.Г. Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к выполнению служебно-боевых задач с учетом фактора внезапности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 98-108.

6. Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях / В.Л. Кубышко, В.М. Крук, И.В. Гайдамашко [и др.] // Психология и право. 2022. Т. 12. № 4. С. 66-82. DOI: 10.17759/psylaw.2022120406.

7. Осинцева А.В. Мотивация сотрудников органов внутренних дел в профессиональных ситуациях, связанных с личностным выбором // Концепт. 2014. № 15. С. 51-55.

8. Петров В.Е. Факторная модель личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве и его диагностика // Прикладная психология и педагогика. 2024. № 4. С. 75-94. DOI: 10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94.

9. Психодиагностика в военно-профориентационной работе: учебное пособие / В.Е. Петров, О.С. Михно, А.А. Камышанов [и др.]; под общ. ред. В.Е. Петрова. М.: ВУ, 2022. 152 с.

10. Психологическая готовность и надёжность личности военнослужащего в контексте профессионального психологического отбора как средства профессиональной и психологической подготовки / Г.В. Гнездилов, В.М. Крук, В.Б. Ионкин [и др.] // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 59-79.

11. Фомина Ю.И., Фельдман И.Л. Психологическая подготовка как способ повышения психической устойчивости военнослужащих-участников боевых действий // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. С. 69.

References:

1. Aдаев А.И. Assessment and prognosis of psychological readiness of employees of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia to work in extreme situations: Abstract. Dissertation of the candidate. psikhol. nauk. SPb., 2004. 21 p.

2. Artyukhova T.Yu., Artyukhov A.N., Shelkunova T.V. Personal choice of profession as a resource of the regional system of professional orientation // Problems of modern pedagogical education. 2022. № 76-4. P. 362-365.

3. Gereikhanov Kh.K., Karayani A.G. Features of the value orientations of military personnel (employees) of the National Guard // Russian Military Psychological Journal. 2024. № 1 (3). P. 146-153.

4. Golovanov Yu.N. Assessment and formation of psychological readiness of employees of special units of the Ministry of Internal Affairs of Russia for activities in extreme conditions (using the example of the OMON of the Ministry of Internal Affairs of Russia): The abstract. Dissertation of the candidate. psikhol. nauk. Moscow, 2001. 25 p.

5. Karayani A.G. Psychological training of military personnel (employees) to perform service and combat tasks, taking into account the surprise factor // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2024. № 1 (26). P. 98-108.

6. Motivation of a specialist in law enforcement agencies as the main component of professional and personal reliability in difficult situations / V.L. Kubyshko, V.M. Kruk, I.V. Gaidamashko [et al.] // Psychology and Law. 2022. Vol. 12. № 4. P. 66-82. DOI: 10.17759/psylaw.2022120406.

7. Osintseva A.V. Motivation of law enforcement officers in professional situations related to personal choice // Concept 2014. № 15. P. 51-55.

8. Petrov V.E. Factor model of personal choice of participation in extreme volunteerism and its diagnosis // Applied Psychology and Pedagogy. 2024. № 4. P. 75-94. DOI: 10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94.

9. Psychodiagnostics in military career guidance: a textbook / V.E. Petrov, O.S. Mikhno, A.A. Kamyshanov [et al.]; under the general editorship of V.E. Petrov. Moscow: WU, 2022. 152 p.

10. Psychological readiness and reliability of a serviceman's personality in the context of professional psychological selection as a means of professional and psychological training / G.V. Gnezdilov, V.M. Kruk, V.B. Ionkin [et al.] // Human capital. 2024. № 6 (186). P. 59-79.

11. Fomina Yu.I., Feldman I.L. Psychological training as a way to increase the mental stability of military personnel participating in combat operations // The world of science. Pedagogy and psychology. 2020. Vol. 8. № 6. P. 69.

Петровская Ирина Анатольевна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (МГППУ)
(г. Москва, Россия), магистрант;
ЗАО «Интерфакс», редактор
e-mail: irina-o@yandex.ru

Petrovskaya Irina Anatol'evna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(MGPPU) (Moscow, Russia), Master's student;
Interfax CJSC, Editor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF COMPUTER ADDICTION FORMATION

Аннотация. В статье приводятся основные направления исследования компьютерной зависимости, представленные в зарубежной и отечественной научной литературе. Рассматривается классификация интернет-зависимостей, выделяются определения «аддикция», «компьютерная зависимость», «веб-серфинг» и др. Отдельно отмечены особенности формирования компьютерной зависимости у детей и подростков.

Ключевые слова: компьютерная зависимость, аддикция, интернет-зависимость, социально-психологическая дезадаптация, зависимость, виртуальный мир, кибераддикция, аддиктивное поведение.

Abstract. The article presents the main research directions of computer addiction, presented in foreign and domestic scientific literature. The classification of Internet addictions is considered, the definitions of «addiction», «computer addiction», «web surfing», etc. are highlighted. The features of the formation of computer addiction in children and adolescents are separately noted.

Keywords: computer addiction, addiction, Internet addiction, socio-psychological maladaptation, addiction, virtual world, cyber addiction, addictive behaviour.

Повсеместное внедрение IT-технологий, цифровизация услуг, развитие интернет-сообществ, широкая сеть развлекательного интернет-контента, введение онлайн-формата работы и обучения с 2020 г. в период пандемии COVID-19, а также индивидуально-психологические характеристики все чаще в настоящее время приводят к прогрессирующей компьютерной аддикции среди взрослых и детей. Особенно формирование компьютерной зависимости прослеживается у подростков.

Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (www.wciom.ru), проведенному 14.05.2024, россияне активно пользуются цифровыми «благами»: с той или иной периодичностью к электронным услугам прибегают 8 из 10 наших сограждан (81%), в том числе каждый третий – ежедневно (35%), а каждый пятый — несколько раз в неделю (21%) [7]. По опросу ВЦИОМ от 6 августа 2020 г., у большинства россиян (78%) есть ноутбук или персональный компьютер, причем 34% сообщают о наличии нескольких устройств. Десять лет назад владели компьютерной техникой, независимо от количества устройств, 51% россиян, а в 2001 году об этом сообщали только 8%. Чаще всего россияне используют компьютер для выхода в Интернет – поиска

информации, онлайн-покупок, общения в социальных сетях (79 %, на 16 п.п. больше, чем 10 лет назад). Для просмотра фильмов, прослушивания музыки используют компьютерную технику 30%, для учебы – 22 % (+6 п.п. с 2010 г.) [3] Очевидно, что в настоящее время (по сравнению с опросом 2020 г.) эти показатели еще выше.

Таким образом, усиление цифровизации общества и рост зависимости от виртуального мира свидетельствует о необходимости анализа имеющегося опыта в данной области и определении дальнейших актуальных исследований в вопросе формирования компьютерной зависимости с точки зрения психологии.

К изучению вопросов компьютерной зависимости, а после массового распространения компьютерных игр и зависимости уже целенаправленно от них, приступили в Англии в 70-х гг. прошлого века. В 1989 г. концепция «аддикция: человек – компьютер» вводится в научный тезаурус английским психологом М. Шоттоном [11]. В 1995 г. И. Голдберг применяет термин «интернет-зависимость». Также исследователи выделяют зависимость от постоянного присутствия в Глобальной Сети. Часто это именуется, как заболевание / синдром Internet Addiction Disorder [1].

В отечественной и зарубежной литературе при анализе компьютерной зависимости выделяются факторы гендерных и возрастных предпочтений (дети и подростки более подвержены компьютерной аддикции, чем люди среднего возраста), социально-психологических предпосылок (например, социофобия, высокая тревожность, депрессивное или склонное к замкнутому и зависимому поведению, низкий уровень осознанности, нарушение коммуникативных навыков и т.п.). Онлайн-игры (как разновидность компьютерной зависимости) более подробно изучены в последние десятилетия из-за их доступности, визуальной и аудио привлекательности для потребителей, а также как элемент «дресс-кода» современных подростков. Раньше дети и подростки спрашивали друг друга: «А что ты слушаешь?» И подразумевали, кто и какими музыкальными группами увлекается. Сейчас чаще можно услышать: «Во что ты играешь?» И здесь уже имеется в виду, что в приоритете у ровесников из онлайн-игр. При первом рассмотрении компьютерные игры маркируются как разновидность массового веб-досуга. Однако именно бесконтрольное погружение в мир компьютерных игр может сформировать зависимость, аналогичную зависимости от азартных игр и наркотических средств. Лечение и выход из такой зависимости будут настолько же кропотливы и многоэтапны.

В трудах Дж. Гринфилда, М. Гриффитса, Дж. Сулера, К. Янг и других исследователей, относящихся к концу прошлого века, подчеркивается, что у многих интернет-зависимых людей отмечен высокий уровень абстрактного мышления. Такая особенность помогает этим интернет-аддиктам расширить границы привычных событий, установленного порядка, усредненных цветов, образов и звуков, а, следовательно, и мыслить они могут креативно, чем большинство людей. Такие люди воспринимаются социумом как индивидуалисты, в некоторых случаях социофобы, комфортно чувствующие

себя в полумифическом, искусственно созданном, виртуальном мире, зачастую проектируемом именно под конкретного человека. В качестве примера можно привести известную компьютерную игру Minecraft (от англ. *mine* – «шахта» и *craft* – «ремесло»), разработанную шведским программистом М. Перссоном. Суть игры – проектирование своего собственного мира, практически без ограничения фантазии игрока - сделала Minecraft с 2009 г. одной из самых популярных онлайн-игр.

Американский психолог, эксперт по интернет-зависимости К. Янг в 2000 г. составила модель интернет-зависимости из трех уровней (АСЕ). Интернет-аддикция, согласно разработанной модели К. Янг, возникает по нескольким причинам:

1. А (Accessibility) – общедоступность информации и простота в ее использовании;

2. С (Control) – отслеживание своих действий и транслируемой информации, а также анонимность и возможность обходиться без посредников;

3. Е (Excitement) – возбуждение, наслаждение, усиление эмоционального фона от собственной деятельности в Глобальной Сети.

В 1994 г. К. Янг был разработан 100-балльный тест для определения интернет-зависимости или тест на интернет-аддикцию («Internet Addiction Test»). В отечественных психологических исследованиях часто используют тест на интернет-зависимость С.А. Кулакова, который представляет собой модифицированный опросник теста К. Янга. Также применяют способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Большот. Данный способ базируется на диагностике интернет-зависимости И. Голдберга и М. Орзак.

В Восточной Азии компьютерная зависимость трансформировалась в проблему «сегодняшнего дня», так называемый «синдром Хикикомори» (*hikikomori*, японский термин, описывающий состояние людей, которое, чаще всего, затрагивает подростков или молодых людей, живущих обособленно от окружающего мира, но в домах/квартирах своих родителей, запертых там (добровольно) в течение нескольких дней, месяцев или даже лет и отказывающихся общаться даже с своими семьями, однако практически 24/7 проводящими время в сети Интернет). Японский психолог Т. Сайто отмечает, что о таких случаях было известно с конца 70-х годов XX в. Этот феномен получает регулярную огласку в СМИ и фильмах. Немецкий писатель-философ К. Кун выпустил роман «Хикикомори». Автор пытается понять мотивы Тиля – молодого человека, ставшего добровольным «затворником» [5].

Предполагается, что компьютерная зависимость, породившая «синдром Хикикомори» – результат технического прогресса, а также культурных и психологических особенностей народов Восточной Азии.

Психиатр и психотерапевт Ц.П. Короленко в начале 70-х гг. прошлого века вводит термин «аддиктивное поведение», что позволяет считать его одним из основателей современной российской (тогда еще советской)

аддиктологии: «Аддиктивное поведение – это одна из форм деструктивного поведения, выражающаяся в стремлении уйти от реальности, изменив свое психическое состояние посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности, что сопровождается развитием интенсивных эмоций» [4, С. 11].

Е.Е. Малкова трактует компьютерную зависимость как форму психологической зависимости, проявляющаяся в навязчивом увлечении компьютером, подчиненность своего выбора внешней ложной цели – достижению прогресса в виртуальной реальности [6]. Теме развития компьютерной зависимости посвящены работы А.Е. Войскуновского, В.А. Бурова, Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот и т.д. Все специалисты фиксируют серьезность последствий от компьютерной зависимости [2, 8, 9, 10 и др.].

Значительная часть исследований сетевой зависимости представлена в виде интервью или в формате массовых сетевых опросов (в частности, ВЦИОМ, если оперировать данными на русскоязычных ресурсах). Однако следует отметить, что зачастую респонденты не могут и/или не хотят признать факт компьютерной зависимости у себя и умышленно искажают ответы в предлагаемых опросниках.

Исследования компьютерной зависимости научным сообществом представлено прикладными и междисциплинарными исследованиями. Основную массу исследований составляют корреляционные и факторные.

Под термином «компьютерная зависимость» подразумевается, в первую очередь, игровая зависимость (или «кибераддикция»). Далее следует: онлайн-общение (социальные сети, чаты, форумы, сайты знакомств и т.д.); «веб-серфинг» или «скроллинг» (информационное «путешествие» по сети, когда с одной веб-страницы по перекрестным ссылкам пользователь переходит на все новые и новые сайты, посещение которых изначально им не планировалось); киберсексуальная зависимость (порносайты); излишние финансовые траты в интернет-пространстве (покупки в онлайн-магазинах, участие в интернет-аукционах, отслеживание скидок, промокодов и т.д.).

Кроме того, к признакам компьютерной зависимости, по мнению ряда авторов, относятся: изменение актуального психического состояния в сторону эйфории при контакте с компьютером или «предвкушение» контакта; исчезновение контроля времени, проводимого за компьютером; стремление к увеличению времени взаимодействия с компьютером; раздражение, угнетенность, ощущение «пустоты» при невозможности контактов с компьютером; использование компьютера или других гаджетов (телефонов, планшетов) для изменения актуального психического состояния со знака «-» на знак «+»; возникновение проблем во взаимоотношениях в микросоциальных группах и др.

Выделяют также основные черты компьютерной зависимости: добровольность, намеренность; неконтролируемое (или слабо контролируемое) время проведения в сети; замещение обычного общения и времяпрепровождения на киберобщение и онлайн-интересы; агрессия на

посторонние попытки в ограничении времени, проводимого в сетевом пространстве; появление и развитие аддикции как реакции на психотравмирующие ситуации в жизни; несогласие с утверждением о наличии компьютерной зависимости.

В ряде публикаций отмечается, что многие пользователи Интернета не являются интернет-аддиктами, а используют пространство интернета только для того, чтобы реализовать прочие аддикции. Например, покупательскую или сексуальную аддикцию.

В отечественной психологии предложена следующая классификация интернет-зависимостей и, соответственно, их приверженцев:

- интернет-гемблеры: пользователи, увлеченные разнообразными лотереями, азартными играми, аукционами и т.п.;

- интернет-трудоголики: пользователи, реализующие в интернете свое стремление к работе;

- интернет-сексоголики: посетители порносайтов и приверженцы виртуального секса;

- интернет-эротоголики: любовные аддикты, заводящие романы на просторах сети интернет;

- интернет-покупатели: пользователи, производящие множество онлайн-покупок, тем самым реализующие свою аддикцию к трате денег;

- интернет-аддикты отношений: зависимые от онлайн-общения посетители чатов, форумов.

Нелишним будет вспомнить, что компьютеры и Интернет изначально были созданы для исследовательских целей и по своей сути являются лишь «средствами». Однако с течением десятилетий стали приводить к аутоагрессии и смещению вектора от реального мира к погружению в мир виртуальный.

ИТ-технологии, цифровизация и увеличение развлекательного интернет-контента будет прогрессировать в ближайшие годы. Запреты и ограничения приводят всегда к поиску обходных путей. И если взрослый человек вправе сам решать, насколько критична его интернет-зависимость, то вопросы профилактики компьютерной зависимости и популяризации интересов в реальном, а не виртуальном мире – все это является новым вызовом современности для родителей, педагогов, психологов, социальных работников и пр. Психологи, ведущие частную практику, а также психологи в государственных психолого-социальных центрах регистрируют все большее число запросов от родителей, которые столкнулись с компьютерной зависимостью своих детей, а также от самих детей.

К примеру, заведующая отделением психологической помощи женщинам и детям ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям» (Москва) Л.Ю. Выжанова 18 октября 2024 г. на вебинаре «Интернет-зависимость у детей и подростков» привела случай из своей практики. К ней обратилась 8-летняя девочка, пришедшая на прием с мамой. Именно девочка обратилась к психологу с вопросом: «...Я много смотрю роликов в интернете. Они мне нравятся, но я боюсь попасть в зависимость...». Вероятно, подобных

обращений будет все больше, так как смоделировать картину развития компьютерной зависимости в ближайшие годы довольно проблематично.

Обобщая вышесказанное, выделим следующее:

1. Компьютерная зависимость является разновидностью аддикций наравне с алкогольной, игровой и наркотической зависимостями. Самые распространенные направления компьютерной зависимости: игровая и виртуальное общение.

2. Выделяются симптомы психологической зависимости от гаджетов: положительное самочувствие и/или эйфория от нахождения в сети; нежелание отвлекаться от компьютера / смартфона; раздражение и/или злость при необходимости прекратить сеанс; неспособность планировать окончание сеанса; снижение активности в домашних, рабочих, учебных делах, общении с близкими в обычной жизни; пренебрежение собственной гигиеной, состоянием своей комнаты/квартиры/дома и т.д.

3. К психологическим механизмам формирования компьютерной зависимости относятся: 1) желание ухода от реальности в иной, искусственно созданный мир; 2) принятие на себя другой роли.

4. Дети и подростки являются наиболее уязвимой категорией для формирования компьютерной зависимости, исходя из психологической незрелости, присущей их возрасту.

Определенные трудности вызывает получение достоверных данных о случаях компьютерной предрасположенности и/или сформированной зависимости из-за завуалированности, утаивания подобной личной информации респондентами. Следует предположить, что процент реальных случаев компьютерной зависимости в разы выше предполагаемых и зафиксированных показателей, и данное число растет и будет расти, согласно проводимым исследованиям как в России, так и за рубежом.

Список литературы:

1. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е. Теоретико-эмпирическое исследование становления психологии Интернета в Китае на материале проблемы зависимости от Интернета // Психолог. 2013. № 4. С. 155-237.

2. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

3. Жизнь без компьютера – уходящая натура? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura> (дата обращения: 04.11.2024).

4. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2013. 251 с.

5. Кун К. Хикикомори. М.: Like book, 2017. 624 с.

6. Малкова Е.Е., Калинин Н.И. Клинико-психологические феномены формирования компьютерной зависимости у современных подростков // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 07.11.2024).

7. Наша цифровая повседневность // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения: 06.11.2024).

8. Петров В.Е. Психологическая диагностика гэмблинг-зависимости у сотрудников правоохранительных органов // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2017. № 2. С. 43-48.

9. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

10. Семенова Л.О. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века // Японские исследования. 2022. № 2. С. 6-19.

11. Shotton M. Computer Addiction Pb. London: ImprintCRC Press, 1989. 342 p.

References:

1. Wang Sh.L., Voiskunsky A.E. Theoretical and empirical study of the formation of Internet psychology in China based on the problem of Internet addiction // Psychologist. 2013. № 4. P. 155-237.

2. Elbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

3. Is life without a computer a passing nature? // VTsIOM [Electronic resource]. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura> (accessed: 11/04/2024).

4. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Psychosocial addiction. Novosibirsk: Olsib, 2013. 251 p.

5. Kun K. Hikikomori. Moscow: Like book, 2017. 624 p.

6. Malkova E.E., Kalin N.I. Clinical and psychological phenomena of computer addiction formation in modern adolescents // Medical psychology in Russia: electron. scientific Journal 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (date of access: 11/07/2024).

7. Our digital daily life // VTsIOM [Electronic resource]. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (date of request: 11/06/2024).

8. Petrov V.E. Psychological diagnostics of gambling addiction among law enforcement officers // Issues of psychology of extreme situations. 2017. № 2. P. 43-48.

9. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model for information and psychological security // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

10. Semenova L.O. The problem of social exclusion in Japanese society of the 21st century // Japanese Studies. 2022. № 2. P. 6-19.

11. Shotton M. Computer Addiction Pb. London: ImprintCRC Press, 1989. 342 p.

Попель Нина Валерьевна,

Российский государственный социальный университет (г. Москва, Россия),
доцент кафедры психологии, конфликтологии
и бихевиористики, кандидат психологических
наук, доцент

e-mail: nine1@mail.ru

Popel Nina Valerevna

Russian State Social University (Moscow, Russia),
Associate Professor of the Department of Psychology,
Conflictology and Behavioristics, Candidate of
Psychological Sciences, Associate Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЦ ЛЕТНОГО СОСТАВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF STRESS RESISTANCE OF FLIGHT PERSONNEL OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы стрессоустойчивости лиц летного состава военнослужащих авиационного центра. Раскрывается и анализируется специфика профессиональной деятельности летчиков, а также требования к их личностным характеристикам. В ходе эмпирического исследования выявлены особенности личности летчиков, а также определены психологические детерминанты стрессоустойчивости, способствующие мобилизации внутренних ресурсов и использованию эффективных способов борьбы со стрессом.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, нервно-психическая устойчивость, копинг-стратегия, механизмы психологической защиты, профессиональные качества, эмоционально-волевые качества, личность, адаптивность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of stress resistance of flight personnel of the aviation center. The specifics of the professional activities of pilots, as well as the requirements for their personal characteristics, are revealed and analyzed. In the course of the empirical study, the personality traits of pilots were identified, and psychological determinants of stress resistance were determined, contributing to the mobilization of internal resources and the use of effective methods of dealing with stress.

Keywords: stress, stress resistance, neuropsychic stability, coping strategy, psychological defense mechanisms, professional qualities, emotional-volitional qualities, personality, adaptability.

Служба в Вооруженных Силах, в частности, летная деятельность, предъявляет особые требования к профессионально-важным качествам военнослужащих. Характерной особенностью деятельности летного состава является высокий уровень стрессогенности, профессия летчика занимает самое высокое место по данному фактору, поскольку связана с очень высоким риском для жизни. В жизни военнослужащих постоянно имеют место быть различные стрессовые ситуации, в частности, аварийные, когда внезапно возникают обстоятельства, угрожающие жизни людей, то есть безопасности полета. В данных обстоятельствах предъявляются высокие требования к психофизиологическим характеристикам летного состава. Они должны уметь быстро принимать правильные решения в экстремальной ситуации, принимать ответственность на себя, иметь высокий уровень

стрессоустойчивости, самоконтроля, эмоциональной устойчивости, дисциплинированности, сохранять на протяжении долгого времени высокую работоспособность, а также иметь хорошее здоровье, уметь быстро усваивать информацию, иметь быстрые двигательные реакции [1, 3, 6 и др.]. От уровня развития указанные и иных профессионально-важных качеств летчиков зависит успешное выполнение сложных и ответственных задач, стоящих перед военнослужащими.

В настоящее время данная проблема становится особенно актуальной в связи с техническим прогрессом, так как в военно-воздушные силы поступают самолеты новых поколений с учетом современных эргономических и инженерно-психологических разработок. Поэтому требования к личности военнослужащих возросли, особенно в отношении ответственности за многие профессиональные и, тем более, военно-профессиональные действия. В таких условиях, то есть в условиях повышенной стрессогенности, когда летчики взаимодействуют с различными сложными ситуациями, у них формируются разные стили реагирования на стрессовые ситуации, направленные на решение проблем, они проявляются либо в конструктивной, эффективной деятельности, либо в форме защитных механизмов, чтобы избавиться от неприятных переживаний.

Изучение феномена совладания связано с именем Ганса Гартмана, в своей книге «Эго-психология и проблемы адаптации» он описывает механизм функционирования «conflict-free ego sphere», или «свободной от конфликтов зоны Я» (эгосферы) [4].

Позже совладающее поведение стали изучать в рамках теории стресса, с целью устранения посттравматических состояний, вызываемых как неблагоприятными условиями жизни, так и различными экстремальными событиями, специалисты стали активно разрабатывать методы терапии и психокоррекции.

В настоящее время совладающее поведение рассматривают с различных позиций. Так, некоторые ученые, в частности, Т.Л. Крюкова, совладающее поведение связывают с активностью человека, так как человек сознательно использует копинг-стратегии, при этом либо приспосабливается к ситуации, либо изменяет ее [цит. по 7]. В то же время защитное поведение рассматривают как пассивное, трактуют его как неосознанное поведение. Л.И. Анцыферова [цит. по 1], Т.В. Корнилова [2], Р. Лазарус, С. Фолкман [8] рассматривая совладающее и защитное поведение, объединяют их. Е.Л. Малиновская рассматривает защитные механизмы как особые способы совладания [5].

Одной из проблем исследования стресс совладающего и защитного поведения является определение внешних и внутренних факторов, влияющих на выбор тех или иных копинг-стратегий и защитных механизмов. На основе результатов многочисленных исследований были выявлены такие индивидуально-типологические и личностные характеристики как креативность, тревожность, тип нервной системы, уровень интернальности, особенности мышления и др. Так, М.А. Холодная определила, что

совладающее поведение зависит от сложности критической ситуации, которая находится под контролем интеллектуальных ресурсов, в своих исследованиях она выявила психический механизм, лежащий в основе выбора испытуемыми способов совладания, основанный на одной из структур ментального опыта, то есть интеллектуального контроля [7].

В рамках проведенного исследования реализована попытка определить особенности совладающего поведения лиц летного состава и выявление их взаимосвязи с психологическими характеристиками личности.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что стрессоустойчивость летчиков детерминирована их эмоционально-волевыми и личностными особенностями.

Для решения исходных задач применялся комплекс диагностических методик: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин), методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге, методика определения доминирующего психического состояния (ДПС) (автор – Л.В. Куликов), методика определения волевого самоконтроля (ВСК) (А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман), 16-факторный личностный опросник Р. Кэттелла. В процессе математической обработки первичного материала использован метод корреляционного анализа, в ходе которого индивидуальные показатели стрессоустойчивости сопоставлялись с различными личностными характеристиками. Выборку исследования составили военнослужащие авиационного центра, в количестве 96 офицеров летного состава.

Результаты исследования стрессоустойчивости летчиков показали, что большинство имеет или очень высокую степень сопротивляемости стрессу (84,4 %) или высокую (13,5 %), эти военнослужащие практически не тратят свои силы на компенсацию негативных настроений и отрицательных психологических состояний, они более эффективны в деятельности, так как могут уделить больше времени непосредственно исполнению своих обязанностей и повышению своих компетенций.

Исследование адаптивности также выявило, что большинство (87,5%) военнослужащих имеют высокий уровень нервно-психической устойчивости. Такие испытуемые адекватно реагируют на экстремальные ситуации, адекватно воспринимают действительность, для них нарушение психической деятельности в стрессовой ситуации имеет низкую вероятность. У 12,5 % испытуемых был определен уровень нервно-психической устойчивости выше среднего, для данных военнослужащих при значительных эмоциональных и физических нагрузках в экстремальных условиях характерна низкая вероятность нервно-психических срывов, но возможны единичные кратковременные нарушения поведения. Военнослужащие с удовлетворительной и неудовлетворительной уровнями нервно-психической устойчивости не выявлены.

В ходе исследования доминирующего психического состояния летчиков выявлен высокий уровень эмоциональной устойчивости у 91,0 %

военнослужащих. Эти испытуемые в стрессовой ситуации имеют высокую эмоциональную устойчивость, они сохраняют адекватность в оценке окружающей действительности, у них обычно преобладает спокойное протекание эмоциональных процессов, высокий самоконтроль и эффективность психической саморегуляции, деятельности и поведения. Лишь у 3,0 % военнослужащих выявлен средний уровень эмоциональной устойчивости. У этих испытуемых адекватность поведения и деятельности обычно сохраняется только в умеренно-стрессовой ситуации. Военнослужащие летного состава с низким уровнем эмоциональной устойчивости не выявлены.

Результаты исследования волевого самоконтроля испытуемых показали, что большинство летчиков (86,0 %) имеют высокий уровень волевого самоконтроля, они характеризуется эмоциональной зрелостью, активностью, независимостью, уверенностью в себе, ответственностью, устойчивостью намерений, реалистичностью взглядов, развитым чувством долга. Лишь восьмая часть (12,5 %) военнослужащих показали уровень волевого самоконтроля выше среднего. Такие испытуемые также способны контролировать свои поступки и эффективно распределять собственные ресурсы.

Уровень волевого самоконтроля определен как средний у 1,5% испытуемых. Для данных военнослужащих характерен средний уровень эмоциональной зрелости, активности, самостоятельности, уверенности в себе. Данные военнослужащие способны контролировать свои поступки, характеризуются реалистичностью взглядов. Военнослужащие с низким уровнем волевого самоконтроля отсутствуют.

Исследовалось такое качество военнослужащих как «самообладание». Результаты показали:

- 88,5 % лиц летного состава имеют высокий уровень самообладания. Для данных военнослужащих характерно хорошее владение собой в стрессовых ситуациях, отсутствие страха перед неизвестностью;

- у 9,0 % наблюдается уровень самообладания выше среднего, эти испытуемые в стрессовой ситуации способны сохранять самообладание, но стресс должен быть умеренной интенсивности;

- 2,5 % военнослужащих показали средний уровень самообладания, для них характерны умеренная готовность к разумному риску и несклонность к скоропалительным решениям.

Военнослужащих с низким уровнем самообладания не выявлено.

Для изучения личностных характеристик летчиков использовался 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Были выявлены высокие показатели по таким шкалам как: интеллект, эмоциональная устойчивость, смелость, самоконтроль, добросовестность, напористость. Высокие показатели по данным шкалам (от 4,885 до 4,417) свидетельствуют о высоком уровне подготовки группы военнослужащих к решению сложных задач в любых условиях обстановки.

Одной из задач данного исследования являлось выявление взаимосвязи стрессоустойчивости с эмоционально-волевыми и личностными особенностями военнослужащих. В ходе корреляционного анализа обнаружена статистически значимая прямая связь между уровнем стрессоустойчивости и нервно-психической устойчивостью, волевым самоконтролем, самообладанием, эмоциональной устойчивостью, смелостью, самодостаточностью, напряженностью. Результаты исследования показали, что уровень стрессоустойчивости военнослужащих детерминирован такими личностными характеристиками как: эмоциональная устойчивость, самоконтроль, самообладания, нервно-психическая устойчивость, напористость (доминантность).

Результаты исследования позволяют совершенствовать психологическое обеспечение деятельности личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Список литературы:

1. Березенцева Е.А. Профессиональный стресс как источник профессионального выгорания // Управление образованием: теория и практика. 2014. № 4 (16). С. 162-170.
2. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». 2010. № 1. С. 46-57.
3. Круглова Е.А., Попель Н.В. Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 34-47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3.
4. Либина А.В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008. 450 с.
5. Малиновская Е.Л. Совладающее поведение как предмет исследования психологии личности // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 134-138.
6. Петров В.Е., Зинатуллина А.М. Стрессоустойчивость как протектор биопсихологического старения представителей профессий особого риска // Человеческий капитал, 2021. № 11 (155). С. 66-71. DOI: 10.25629 / НС.2021.11.06.
7. Холодная М.А. Интеллект как предпосылка эффективности совладающего поведения // Психология стресса и совладающего поведения. Материалы III Международной научно-практической конференции (26-28 сентября 2013): в 2-х тт. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. Т. 1. С. 281-283.
8. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984.

References:

1. Berezentseva E.A. Occupational stress as a source of professional burnout // Education management: theory and practice. 2014. № 4 (16). P. 162-170.
2. Kornilova T.V. Intellectual and personal potential of a person in coping strategies // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2010. № 1. P. 46-57.
3. Kruglova E.A., Popel N.V. A systematic approach to the study of professional destructions of teachers' personality // Systemic psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 34-47. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.3.
4. Libina A.B. Coping intelligence: a person in a difficult life situation. Moscow: Eksmo, 2008. 450 p.
5. Malinovskaya E.L. Coping behavior as a subject of personality psychology research // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2016. № 2. P. 134-138.

6. Petrov V.E., Zinatullina A.M. Stress resistance as a protector of biopsychological aging of representatives of professions of special risk // *Human Capital*, 2021. № 11 (155). P. 66-71. DOI: 10.25629 / NS.2021.11.06.

7. Kholodnaya M.A. Intelligence as a prerequisite for the effectiveness of coping behavior // *Psychology of stress and coping behavior. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (September 26-28, 2013): in 2 volumes.* Kostroma: N.A. Nekrasov Moscow State University, 2013. Vol. 1. P. 281-283.

8. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, appraisal, and coping.* New York: Springer, 1984.

Попова Ольга Борисовна,

ФГБУ Центр экстренной психологической помощи
МЧС России (г. Москва, Россия), старший научный
сотрудник, кандидат психологических наук
e-mail: popova_o.b@mail.ru

Popova Olga Borisovna,

The Center for Emergency Psychological Aid of the
EMERCOM of Russia (Moscow, Russia), senior
researcher, PhD of Psychology

Михайловский Михаил Николаевич,

ФГБУ Центр экстренной психологической помощи
МЧС России (г. Москва, Россия), старший научный
сотрудник, кандидат психологических наук
e-mail: minih200707@yandex.ru

Mikhailovskiy Mkihail Nikolaevich,

The Center for Emergency Psychological Aid of the
EMERCOM of Russia (Moscow, Russia), senior
researcher, PhD of Psychology

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ МЧС РОССИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИГОДНОСТИ

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF SPECIALISTS OF THE EMERCOM OF RUSSIA IN THE PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL SUITABILITY

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению эффективности профессиональной деятельности. Представлены ее основные показатели. Проанализированы подходы к определению успешности профессиональной деятельности. Описаны детерминанты эффективности и успешности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: эффективность профессиональной деятельности, успешность профессиональной деятельности, психологическая экспертиза, профессиональная психологическая пригодность, детерминанты эффективности.

Abstract. The article discusses the main approaches to determining the effectiveness of professional activities. Its main indicators at different stages. Approaches to determining the success of professional activity are analyzed. The determinants of the effectiveness and success of professional activity are described.

Key words: effectiveness of professional activity, success of professional activity, psychological examination, professional psychological suitability, determinants of effectiveness.

Современные угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера требуют нового взгляда на оценку специалистов, деятельность которых связана с предотвращением и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций. Особенности социальных условий влекут за собой необходимость принятия решений в изменяющейся среде, основными характеристиками которой являются неопределенность, информационная нестабильность и т.д. В таких условиях необходимо понимание насколько специалист может быть эффективен в том направлении деятельности, которое он реализует, и как эта деятельность влияет на его психическое здоровье и психологическое благополучие.

В соответствии с приказом МЧС России № 218 «О создании психологической службы МЧС России» одной из задач психологической службы является организация и осуществление мероприятий, направленных на проведение психологической экспертизы профессиональной пригодности специалистов МЧС России. Таким образом, перед специалистами психологической службы стоят вопросы не только комплектования коллективов кадровым составом, чьи психологические характеристики с одной стороны отвечали бы требованиям должности, а с другой имели бы потенциал для сохранения психического здоровья и психологического благополучия, но и изучение изменений психологических характеристик специалистов в условиях выполнения профессиональной деятельности. Это необходимо для оценки психологических характеристик, которые способствуют эффективному выполнению профессиональной деятельности и которые могут иметь негативное влияние.

Профессиональная деятельность специалистов МЧС России связана с экстремальными условиями, постоянной готовностью к выполнению разнообразных задач, ответственностью за жизнь других людей. Особенно это актуально для руководителей МЧС России различного уровня, поскольку их деятельность связана со своевременным выявлением проблем в подразделении, принятием сложных управленческих решений, что требует обязательного наличия необходимых психологических характеристик. При этом эффективность профессиональной деятельности руководителя зависит от многих факторов, включая специфику содержания задач, стоящих перед подразделением, которые обуславливают соответствующие трудности при объективной оценке эффективности деятельности руководителя.

В психологической литературе, как правило, понятие эффективность раскрывается либо через содержание самой деятельности, либо через ее структуру. Однако сегодня важно не просто оценить результат деятельности, но и оценить его с учетом реальных и потенциальных возможностей специалиста. В данном случае возможности специалиста можно определить, как необходимыми для выполнения задач психологическими и социально-психологическими особенностями личности, так и профессиональными знаниями, опытом. Так же важным фактором при оценке эффективности профессиональной деятельности является учет внешних факторов, оказывающих прямое или косвенное влияние на специалиста.

Характеристики эффективности профессиональной деятельности, следует оценивать в совокупности и взаимообусловленности. Только таким образом можно составить общую, полную оценку.

Выделяют объективные и субъективные показатели эффективности. К объективным можно отнести: количество выполняемых задач; соответствие результата профессиональной деятельности требованиям; сроки выполнения профессиональных задач; результативность, продуктивность деятельности; отсутствие ошибок. Субъективные показатели включают в себя: заинтересованность человека в профессиональной деятельности; психологическая цена результата относительно затраченных психических,

физиологических, временных ресурсов; работоспособность; возможность выбора необходимых целей, средств и орудий труда; социальный статус (формальный и неформальный в межличностных отношениях в профессиональной деятельности достигнутый человеком); оптимальное соотношение когнитивных, мотивационных, волевых, оценочных собственно исполнительских компонентов, удовлетворенность профессиональной деятельностью [7, 8, 9 и др.]. А.К. Маркова утверждает, что эффективность профессиональной деятельности обусловлена результативностью, продуктивностью и оптимальностью. Все эти понятия при определенных условиях могут рассматриваться как синонимы [6].

Несмотря на схожесть и близость по смыслу представленных понятий, в качестве характеристики понятия «эффективность профессиональной деятельности» мы останавливаемся на такой, при которой она определяется соответствием полученных в процессе деятельности результатов ее целям и задачам.

Анализ исследований показывает, что часто наряду с понятием «эффективность профессиональной деятельности» применяется понятие «успешность профессиональной деятельности». Следует определиться со значением и смыслом данных дефиниций.

В литературе под успешной профессиональной деятельностью характеризуется благоприятным исходом, выполнена без ошибок, а результат отмечается наличием высоких достижений [6, 10, 11 и др.]. Исследователями доказано, что успешность профессиональной деятельности во многом определяется удовлетворенностью профессией, дисциплинированностью, социальной активностью, а также направленностью на перспективу. По сути, эти характеристики определяют мотивационную сферу специалиста. При этом основными предпосылками успешности выполнения профессиональной деятельности считаются способности специалиста [2]. Тем не менее ряд исследователей как в отечественной, так и в зарубежной литературе склонны рассматривать успешность профессиональной деятельности, как сложное многомерное психическое образование [5].

В специальной литературе помимо способностей специалиста выделяются профессионально важные качества, которые наряду с мотивацией выбора профессиональной деятельности являются залогом успешности ее выполнения. Таким образом, успешность профессиональной деятельности определяется как совокупность психологических и психофизиологических особенностей специалиста, которые позволяют ему достигать эффективности в деятельности; связывается с уровнем его эмоциональной устойчивости; определяется свойствами нервной системы.

Немалое внимание уделяется профессиональной успешности как интегральной характеристике работника, которая проявляется в деятельности и в общении и рассматривается в тесном взаимодействии индивидуальных, личностных и субъективных качеств. При этом профессиональная успешность рассматривается, как основной критерий эффективности

профессиональной деятельности, которые складывается из внешней и внутренней ее оценки [11].

Ткаченко Е.М., Федоришин Б.А., Ящишин О.Е. определяющим в прогнозе успешности профессиональной деятельности считают личностный профиль, который исследуется при помощи психологической диагностики на предмет соответствия требованиям конкретной профессиональной деятельности [9]. Л.В. Карапетян среди детерминант профессиональной успешности выделяет самооценку спасателей, которая в свою очередь эмпирически значимо коррелирует с внешней оценкой профессиональной деятельности. Также существенное влияние на успешность профессиональной деятельности оказывает способность специалистов МЧС России к адаптации, в частности к социально-психологической адаптации. В качестве следующих детерминант профессиональной успешности выделяется профессиональное выгорание, готовность к риску, психологическое благополучие и жизнестойкость [4]. А.А. Камышанов, выделяя детерминанты эффективности профессиональной деятельности военнослужащих внутренних войск, говорит о психологической подготовленности к безошибочным действиям, инициативность, психологической устойчивости к воздействию факторов ситуаций при выполнении задач боевой службы и о высоком уровне мотивации [3].

Таким образом, несмотря на различные подходы к представлению успешности и эффективности профессиональной деятельности, на сегодняшний день отсутствует единая интерпретация этих понятий. Также отсутствует четкое их разграничение и часто исследователи употребляют данные понятия как синонимы.

В настоящей статье предлагаем придерживаться соотношения понятий «эффективность» и «успешность» профессиональной деятельности, которое можно представить следующим образом: *успешность* профессиональной деятельности специалиста определяется как психологическая категория, которая имеет свою структуру, показатели и уровни, а также предпосылки и факторы их формирования [1], в то время как *эффективность* профессиональной деятельности специалиста можно определить, как совокупность психологических субъективных и объективных условий.

В проведенном нами пилотном исследовании были проанализированы результаты психодиагностических обследований в рамках психологической экспертизы профессиональной психологической пригодности при назначении на вышестоящую должность или подтверждении соответствия занимаемой должности. Выборку составили 51 специалист из числа руководящего состава МЧС России. В процессе исследования комплексному анализу подвергались экспертные оценки эффективности профессиональной деятельности специалистов из числа руководящего состава, устойчивые индивидуально-личностные особенности и динамические психологические проявления, связанные с профессиональной деятельностью. В качестве экспертов выступали руководители кандидатов к назначению на

вышестоящую должность или кандидатов, в отношении которых решается вопрос соответствия занимаемой должности.

Под устойчивыми индивидуально-личностными характеристиками понимаются профессионально-важные качества, способствующие эффективному выполнению профессиональных задач руководителя. К ним можно отнести интеллектуально-мнестические способности (общий уровень интеллекта, память, внимание, стиль мышления), особенности эмоционально-личностной сферы (достаточный уровень стрессоустойчивости, эмоционально-личностной зрелости, которые позволяют эффективно справляться с высокими психоэмоциональными нагрузками), особенности мотивационно-волевой сферы (достаточный уровень волевого самоконтроля, интернальный локус контроля, оптимальный уровень притязаний, организаторские и лидерские качества). Изучение устойчивых индивидуально-личностных особенностей проводилось при помощи методик «Стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена (60 заданий)», «Интеллектуальная лабильность», «Запоминание 10 слов», «Числовой квадрат», «Индивидуальные стили мышления (в адаптации А. Алексеева, Л. Громовой)», «Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) по Ф.Б. Березину, «16 PF опросник Кеттелла (форма А)», «Лидерский потенциал, «Определение стиля управления с помощью самооценки», «Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей», «Моторная проба Шварцландера», «Ориентировочная анкета», «Определение уровня субъективного контроля».

В качестве динамических психологических характеристик выступают те приобретенные в процессе профессиональной деятельности психологические особенности, которые на определенном этапе выполняя функцию адаптации к профессиональной деятельности, приводят к профессиональной деформации личности. К таким психологическим особенностям у специалистов МЧС России в целом и у руководящего состава в частности можно отнести появление симптомов эмоционального выгорания, симптомов посттравматического стрессового расстройства, агрессивных проявлений, разного рода нервно-психические изменения, снижение уровня функционального состояния. Изучение динамических психологических характеристик проводилось при помощи методик «Оперативная память», «Установление закономерностей», «Диагностика эмоционального выгорания» (В.В. Бойко), «Опросник для диагностики симптомов ПТСР» (И.О. Котенева), «Диагностика показателей и форм агрессии» (А. Басса и А. Дарки), «Диагностика невротических состояний» (К.К. Яхин, Д.М. Менделеевич). Применялись методики «Вариационная кардиоинтервалометрия» и «Сложная зрительно-моторная реакция».

Для выявления взаимосвязей оценок эффективности профессиональной деятельности специалистов с устойчивыми индивидуально-личностными особенностями и динамическими психологическими проявлениями, связанными с профессиональной деятельностью, был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой

корреляции Спирмена, в результате которого были выявлены значимые взаимосвязи.

Оценка эффективности профессиональной деятельности положительно взаимосвязана с такими показателями интеллектуально-мнестической сферы, как эффективность запоминания ($r=0,295$, $p<0,05$), долгосрочная память ($r=0,367$, $p<0,01$), оперативная память ($r=0,329$, $p<0,05$), т.е. наиболее высокие оценки эффективности профессиональной деятельности сопряжены с высокими показателями памяти.

Среди показателей личностной сферы выявлена отрицательная взаимосвязь между оценкой эффективности профессиональной деятельности и показателями феминности ($r= -0,371$, $p<0,01$) и положительная взаимосвязь с организаторскими склонностями ($r=0,342$, $p<0,05$), т.е. наиболее высоко оценивается эффективность профессиональной деятельности руководителей с выраженными организаторскими склонностями и маскулинными чертами личности.

Анализ корреляций оценки эффективности профессиональной деятельности с динамическими психологическими проявлениями, связанными с профессиональной деятельностью, позволил выявить отрицательные взаимосвязи оценки эффективности с фазой резистентности эмоционального выгорания ($r= -0,379$, $p<0,01$), проявлениями негативизма ($r=0,306$, $p<0,05$), враждебностью ($r= -0,280$, $p<0,05$), т.е. оценка эффективности профессиональной деятельности специалиста является более низкой при симптомах эмоционального выгорания, негативизма и враждебности. Наиболее высоко оцениваются руководители, обладающие хорошей памятью, выраженными маскулинными чертами, организаторскими склонностями. При этом симптомы эмоционального выгорания, проявления негативизма и враждебности оказывают влияние на оценку эффективности руководителя в сторону ее снижения.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что эффективность профессиональной деятельности имеет взаимосвязь с устойчивыми индивидуально-личностными особенностями и динамическими психологическими последствиями профессиональной деятельности специалистов МЧС России из числа руководящего состава.

Таким образом, при проведении психологической экспертизы профессиональной психологической пригодности при назначении специалистов МЧС России на вышестоящую руководящую должность важно учитывать не только индивидуально-личностные особенности, способствующие успешному выполнению деятельности, но и степень выраженности динамических психологических характеристик, формирующихся в процессе профессиональной деятельности.

Представленные результаты определяют необходимость и перспективу для разработки комплексной двухкомпонентной модели оценки результатов психодиагностических обследований при проведении психологической экспертизы профессиональной психологической пригодности, с целью составления прогноза эффективности профессиональной деятельности

специалиста МЧС России, в случае его назначения на вышестоящую должность или решении вопроса о соответствии занимаемой должности.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2000. 272 с.
2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976. 220 с.
3. Камышанов А.А. Психологические условия повышения эффективности деятельности командира подразделения внутренних войск МВД России в экстремальных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1. С. 77-79.
4. Карапетян Л.В. Психологические детерминанты профессиональной успешности спасателей МЧС России // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2019. № 3. С. 106-115.
5. Кулагин Б.В. Основы профессиональной психодиагностики. Л.: Медицина, 1984. 225 с.
6. Маркова А.К. Психология специалиста. М.: Дело, 2007. 340 с.
7. Психодиагностика в прогнозировании успешности деятельности сотрудников правоохранительных органов / С.П. Поляков, В.Е. Петров // Психология служения: Мат. межрег. научно-практ. конф. психологов силовых структур / Ред. А.Г. Караяни, В.Я. Гожиков, С.И. Данилов, А.В. Мымрин. М.: Военный университет, 2017. С. 147-152.
8. Родина О.Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1996. № 3. С. 60-67.
9. Ткаченко Е.М., Федоришин Б.А., Ящишин О.Е. Психологическое изучение профессий с целью профконсультации // Психологические вопросы профессиональной пригодности. Вильнюс. 1981. С. 114-117.
10. Хаммер Я.С. Профессиональный успех и его детерминанты // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 147-153.
11. Чернышева О.В., Федотов С.Н. Теоретико-методологические основы исследования психологических факторов успешности профессиональной деятельности специалистов: монография. Тверь: Чудо, 2011. 192 с.

References:

1. Ananyev B.G. On the problems of modern human knowledge. St. Petersburg: Peter, 2000. 272 p.
2. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. Psychological problems of readiness for activity. Minsk, 1976. 220 p.
3. Kamyshanov A.A. Psychological conditions for increasing the effectiveness of the commander of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in extreme situations // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2002. № 1. P. 77-79.
4. Karapetyan L.V. Psychological determinants of professional success of rescuers of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Medical-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations. 2019. № 3. P. 106-115.
5. Kulagin B.V. Fundamentals of professional psychodiagnostics. L.: Medicine, 1984. 225 p.
6. Markova A.K. Psychology of a specialist. Moscow: Delo, 2007. 340 p.
7. Psychodiagnostics in predicting the success of law enforcement officers / S.P. Polyakov, V.E. Petrov // Psychology of service: Mat. inter-regional scientific and practical conference. A.G. Karayani, V.Ya. Gozhikov, S.I. Danilov, A.V. Mymrin. Moscow: Military University, 2017. P. 147-152.
8. Rodina O.N. On the concept of «success in labor activity» // Bulletin of the Moscow University. Ser. 14: Psychology. 1996. № 3. P. 60-67.

9. Tkachenko E.M., Fedorishin B.A., Yashishin O.E. Psychological study of professions for the purpose of professional counseling // Psychological issues of professional suitability. Vilnius, 1981. P. 114-117.

10. Hammer Ya.S. Professional success and its determinants // Questions of Psychology. 2008. № 4. P. 147-153.

11. Chernysheva O.V., Fedotov S.N. Theoretical and methodological foundations of the study of psychological factors of the success of professional activity of specialists: monograph. Tver: Chudo, 2011. 192 p.

Сечко Александр Владимирович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология»,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: setschko@yandex.ru

Sechko Alexander Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Associate Professor of the Department
of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty
of Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate
Professor

УСТАНОВКА И ПИЛОТИРОВАНИЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫМ АППАРАТОМ В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ

INSTALLATION AND PILOTING OF AN AIRCRAFT IN DIFFICULT CONDITIONS

Аннотация. Установка располагает к устойчивому стереотипу поведения человека, неспособность адаптироваться к новым условиям, является препятствием для адекватного поведения в новой ситуации. Это стало причиной ряда авиационных катастроф. В статье представлен анализ механизма внедрения установки в алгоритм деятельности экипажа, методы контроля опасных для исхода полета установок.

Ключевые слова: установка, полет, катастрофа, заражение, внушение, убеждение.

Abstract. The installation disposes to a stable stereotype of human behavior, the inability to adapt to new conditions is an obstacle to adequate behavior in a new situation. This has caused a number of aviation accidents. The article presents an analysis of the mechanism for introducing the installation into the algorithm of the crew's activities, methods for controlling installations that are dangerous to the outcome of the flight.

Keywords: Installation, flight, disaster, infection, suggestion, persuasion.

Установка – психологическое состояние предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации. Термин предложен Л. Ланге в конце XIX века и введено в отечественную психологию Д.Н. Узнадзе. Установка человека предшествует сознательным психическим процессам, и представляет собой факт из области той сферы человеческой активности, которую называют сферой бессознательной психики [9; 10]. Установка обеспечивает человека способность реагировать на складывающуюся ситуацию объекты окружающей действительности опираясь на прошлый опыт. Установка приводит в действие психические процессы и практические действия, адекватные ситуации и объектам, потому что в ней содержится предшествующая ситуации готовая «модель» этих процессов и действия.

В большинстве случаев установка позволяет решать проблемы, похожие на ранее решенные и на положительном опыте которых она сформировалась. Благодаря этому опыту вырабатывается установка, позволяющая быстро принимать решения на уровне автоматизмов без детального анализа актуальной обстановки. Но в том случае, когда человек решает задачи, осложняющиеся влиянием новых, ранее неизвестных

факторов плана, выработанные в прошлом стереотипы могут стать серьезным препятствием для ориентации человека в новых ситуациях. Рассмотрим несколько примеров из истории отечественной авиации, где установка пыталась или сыграла «злую шутку».

Официальной причиной катастрофы самолета Ту-154М RA-85185 авиакомпании «Пулково» 22.08.06 явился вывод самолета при полете в штурвальном режиме на закритические углы атаки и режим сваливания с последующим переходом в плоский штопор. Экипаж решил обходить грозу сверху, что разрешено руководящими документами, но обычно предпочитается обход в горизонтальной плоскости. В психологическом плане экипаж руководствовался установкой на одобряемый руководством результат – полет по кратчайшей траектории на аэродром посадки. Стенограмма переговоров экипажа за несколько минут до трагических событий содержит разговоры об экономии и премиях, сомнениях о возможности набрать необходимый эшелон и не одного слова о возможном уходе на аэродром взлета или запасной. В дальнейшем самолет потерял скорость при попытке набрать высоту выше практической. Это произошло по причине того, что летчики никогда не встречались с таким сочетанием показаний приборов и находились под доминированием сенсорной установки – запланированного прямолинейного полета. Примерно тоже самое происходило в авиакатастрофе рейса SU593 произошедшего 22 марта 1994 года под Междуреченском в Кемеровской области. Сын командира воздушного судна непроизвольно отключил канал управления по направлению и экипаж зафиксировал внимание на «странной» траектории маршрута, которую прокладывал на экране бортовой компьютер. Экипаж не сразу обратил внимание на авиагоризонты, критические показания которых были обнаружены одновременно с ощущениями полетной перегрузки. В дальнейшем оба экипажа находились под влиянием динамического стереотипа - годами выработанных программ действий, отклоняя штурвал самолета на себя с целью предотвращения снижения. Инструкция первого требовала максимального отклонения от себя, разгона самолета, а после этого, плавного вывода в горизонтальный полет. Инструкция по летной эксплуатации второго вообще не содержала описания действий выхода из складывающейся ситуации.

Социальные установки могут иметь разную степень осознанности и степень влияния на исход событий. Всем известно слово «приказ», который в определенных условиях превращается во внутреннюю программу действий, отклонение от выполнения которой экипажем не принимается в любых условиях. В 1985 году в составе группы из двух Ту-16 мы выполняли полет на радиотехническую разведку средств НАТО. Главной задачей экипажа являлся полет по заданному маршруту в заданное время. На пути стоял грозовой фронт, облет которого привел бы к срыву боевого задания. Командиром группы принял решение на проход через фронт, что всеми членами экипажа под воздействием установки-приказа воспринималось как

единственное и правильное решение. Но экипажи осознавали возможные последствия и были настроены действовать в нештатной ситуации.

Гораздо хуже, когда доминируют установки полностью неосознаваемые. Так 22.04.1986 года на полигоне Рудники под Вильнюсом потерпел катастрофу экипаж самолета Су-24 м. После ввода в пикирования с $H=2500$, летчик увеличил угол пикирования до -28° , создал крен 50° , не выключил форсажи, пуск произвел на недопустимо малой высоте. Вывод начал на $H=280$ м и $V=1200$ с перегрузкой 7,3, самолет столкнулся с землей в районе цели, отделился от земли и разрушился. Экипаж погиб. Оказывается, командир корабля накануне писал рапорт об отпуске на свадьбу к другу. Вышестоящее руководство в просьбе отказало и запланировало его на полеты. На записи магнитофонной ленты летчик всю дорогу до полигона пел песни, то есть находился под влиянием не нужной для выполнения полетного задания установки – торопился на свадьбу.

Каким же образом предотвратить подобные случаи? Конечно, динамический стереотип можно поломать, но это требует определенных волевых усилий, интеллектуальной деятельности. На выбор правильного алгоритма действий в критической ситуации обусловлен репертуаром возможных последствий типа «успех – неудача», «санкции - награда». Многие летчики фанатично любят свою профессию. Им необходимо постоянное свидетельство подтверждения своего летного мастерства не только внешнее, но и внутреннее, о котором знает только сам авиатор. Иногда верность решения, повлекшего отказ от планируемой, в первую очередь внутренней награды определить невозможно, и оно рассматривается как профессиональное поражение, которое настоящий летчик серьезно переживает. Летная работа противоречива. С одной стороны, в мировой культуре воспевается героический образ летного состава, готового рискнуть, наперекор всем обстоятельствам остаться победителем. С другой стороны, это строго регламентированная деятельность, выходы за пределы которой должна строго пресекаться.

Но, бывают случаи, когда в инструкции отсутствует информация о действиях в некоторых ситуациях. Поэтому летчик иногда вынужден принимать трудные решения, находясь в ситуации выбора между «опасностью-удовлетворенностью-почетом» и «безопасностью-неудовлетворенностью-позором».

Так известен случай, когда при полете на ЛТУ (опять атмосфера особой значимости и ответственности) произошло срабатывание датчика вибрации одного из двигателя. В ближайшей ретроспективе в этом полку, вооруженных самолетами Ту-22м3 произошло несколько ложных срабатываний датчиков вибраций при нормально работающих двигателях. Поэтому соблазн рискнуть был велик и на это намекал командир группы, но командир корабля принял единственное правильное решение, он последовал требованиям инструкции о переводе вибрирующего двигателя на малый газ, выхода из боевого порядка и возвращения на базу. Частично была снижена оценка боевой готовности. Первые дни после разбора полетов на него было

жалко смотреть, обычно веселый и общительный держался в стороне, был впервые замечен с сигаретой. На организованных спустя несколько дней испытаниях двигателя произошло разрушение турбины, детали которой пробили топливную систему, экипаж едва успел покинуть объятый пламенем самолет. Командир корабля оказался прав.

В основе системы установок лежат как когнитивные, так и эмоциональные связи. В многочисленных экспериментах была установлена зависимость между вероятностью изменения установки и количеством информации о ней: небольшой объем данных не приводит к изменению, но по мере ее накопления вероятность увеличивается. Но это происходит до определенного предела, после которого она резко падает, т. е. очень большой объем информации, наоборот, может вызвать отторжение, недоверие, сформировать потребность сделать вразрез с требованиями [3].

Кроме того, чем сильнее эмоциональная реакция после события, тем сильнее закрепляется установка. Поэтому в целях формирования необходимых для летной деятельности установок можно использовать следующие формы работы:

1. Психическое заражение, осуществляемое на подсознательном уровне.
2. Внушение реализуется на сознательном и подсознательных уровнях.
3. Убеждение, при котором психологическое воздействие осуществляется на сознательном уровне [6].

Психическое заражение осуществляется посредством передачи субъектом психического воздействия своего эмоционального состояния объекту. Особенностью психического заражения является практически мгновенное распространение от субъекта к объекту определенного эмоционально состояния, передаваемое объекту и влияющего на его поведение и деятельность.

Данный способ психологического воздействия не всегда эффективен и имеет определенные ограничения, состоящие в том, что эмоционально устойчивый, профессионально подготовленный человек нуждается в убеждении, а автоматическое заражение действует на него ослаблено или вовсе не действует. Однако когда это соответствует его убеждению, он может весьма охотно поддаваться заражающему действию [5, 6 и др.].

В отличие от заражения внушение представляет собой более сложную форму социально-психологического воздействия, связанную с развитием вербальной активности человека и является процессом одностороннего активного и персонифицированного воздействия одного индивида на другого или группу людей.

Эффективность использования внушения в большей степени зависит от степени внушаемости объекта воздействия, готовность принять чужие идеи как свои собственные. Экспериментальные исследования и социальная практика показывают, что повышенной внушаемостью отличаются робкие, доверчивые, впечатлительные, тревожные, неуверенные в себе люди. В числе других важных условий эффективности внушения как способа воздействия

следует назвать авторитетность источника информации, которая в свою очередь располагает к доверию и снимает сколько-нибудь значительное сопротивление внушающему воздействию.

Эти способы воздействия в некоторых случаях могут использоваться совместно, дополняя друг друга.

В 80-е годы в одном из полков ДА при полетах события начали развиваться по нежелательному сценарию. Из-за тумана произошло резкое снижение видимости на основном аэродроме. Условия оказались намного хуже, чем определенные допусками возможности экипажей. На запасных условия были на пределе этих возможностей. Но тенденции изменения погодных условий были непредсказуемы. Поэтому по прилету на один из запасных аэродромов можно было столкнуться с аналогичными условиями, меньшими возможностями для повторных заходов на посадку, техническими нюансами и особенностями взаимодействия с группой руководства полетов. Поэтому командир полка принял решение о посадке группы на своем аэродроме, руководя этим процессом в непосредственной близости от ВПП, используя переносную радиостанцию, доскональные знания психологических особенностей экипажей и применяя соответственные формы управления и воздействия на эмоциональную сферу летчиков. Последние маневры и выравнивание самолетов перед посадкой экипажи производили практически по команде командира, который имел возможность несколько раньше определять пространственное положение самолетов относительно полосы по навигационным огням и бортовым прожекторам заходящих на посадку самолетов. Успешное окончание летной смены стало возможным благодаря высокоэффективному профессиональному воздействию командира полка с использованием элементов эмоционального заражения уверенностью, установкой на благоприятный исход, внушению веры летному составу в свои профессиональные возможности и высокого авторитета командира.

Характерной чертой убеждения является то, что оно обращено к рациональной сфере сознания, к разуму человека и предусматривает активное участие в познании самой личности, в результате чего у него формируется система установок, принципов и ценностных ориентации.

В отличие от внушения убеждение основывается на системе логичных доказательств и предполагает критическое соотношение с устоявшейся картиной мира реципиента.

Результат убеждающего воздействия зависит от ряда социально-психологических факторов. Так, если ориентация слушателей совпадает с ориентацией оратора, то эффект убеждения возрастает. Чем выше степень сходства между ними, тем успешнее осуществляется процесс убеждения. Объясняется данная закономерность преодолением субъектом убеждающего воздействия «фильтра безопасности», социально-психологической защиты объекта воздействия. В этом случае эффективность воздействия резко возрастает. Кроме этого, как показывают исследования, степень эффективности убеждения в значительной мере зависит от

заинтересованности слушателей в получении той или иной информации, от потребности в ее осмыслении и последующем применении. Предрасположенность к восприятию информации определяется ее социальной ценностью.

Таким образом, формирование умственной, моторной и даже сенсорной установки в значительной степени зависит от способности к обучению. Именно благодаря этому качеству не погиб в своем первом бою легендарный ас, трижды герой Советского Союза, И.Н. Кожедуб. Увидев пару вражеских истребителей и находясь без прикрытия, он принял решение атаковать их. Уже находясь в зоне, позволяющей открыть эффективный огонь по противнику, он вспомнил заповедь истребителя - установки, которая требовала перед атакой противника убедиться в своей безопасности. И это было своевременно, оглянувшись назад, он увидел тянущиеся к его самолету огненные трассы очередей вражеского истребителя. На тысячные доли секунды он опередил смерть, рванув ручку управления самолетом. Каждый полет он глубоко анализировал, изучал сильные и слабые стороны противника, разрабатывал новые тактические приемы, что позволило ему стать одним из лучших истребителей второй Мировой войны и командиром самой результативной истребительной дивизии, воевавшей в 50-годы на Корейском полуострове [2].

Применительно к решению проблемы формирования адекватных психологических установок летного состава можно использовать дисторсионные – деформирующие (от лат. *distortio* – искривление, выворачивание) методы, применяемые для оказания психологического давления (нажима) на объект воздействия в целях управления его поведением и деятельностью. В их основе лежит процесс неудовлетворения (или угрозы неудовлетворения) актуальных потребностей объекта психического воздействия [1].

Хотя этот процесс и сопровождается эмоционально-негативной оценкой субъекта воздействия со стороны объекта и ростом недоверия к нему, однако деформация личностной (мотивационной) структуры объекта воздействия зачастую видоизменяет его поведение и деятельность в нужном для субъекта направлении.

Так известно, что молодые летчики, выполнив несколько самостоятельных вылетов начинают экспериментировать, пробовать свои силы в пилотаже повышенной сложности, что приводило к потерям личного состава как в мирное, так и военное время. Поэтому осознание неизбежности санкций за нарушение режима полета, техники пилотирования является важным условием формирования установки на безопасность.

Таким образом, установка является мощной движущей силой, способной коренным образом повлиять на исход полета. Она может быть сформированной как на сознательном уровне в виде убеждений, так и проявится на неосознаваемом уровне под влиянием ситуации, организовав деструктивную программу деятельности.

Поэтому представляется важной работа по психологическому просвещению летного состава, доведению до него закономерностей функционирования психики в экстремальной ситуации, разбор трудных ситуаций в летной деятельности, описание мотивов действий экипажа с последующим анализом и рассмотрением вероятности развития событий при других, более или менее рациональных решений.

Помимо вышеописанных методов формирования предпосылок безопасной летной работы должны регулярно практиковаться изучение авиационных происшествий, моделирование возможных ситуаций и разработка практических рекомендаций по выходу из них. Отработка на тренажерах и в кабинах летательных аппаратов действий в аварийных ситуациях, выработка действий, движений, доведенных до автоматизмов, что в значительной степени снижает внедрение деструктивной установки в организацию деятельности.

Список литературы:

1. Кириченко А.В. Современные психологические технологии влияния на личность профессиональных целях / А.В. Кириченко; науч. ред. А.А. Деркач. Минск.: Тисей, 2003.
2. Кожедуб И.Н. Верность отчизне. Ищущий боя. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 576 с.
3. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: дисс ... доктора психологических наук. Л., 1982.
4. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
5. Сечко А.В. Личностные детерминанты летного долголетия летного состава ВВС РФ // Личность в экстремальных условиях. Том Выпуск 2. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2012. С. 76-82.
6. Сечко А.В. Психологические аспекты профессиональной надежности летного состава // Психология личности и профессиональное развитие: проблемы, перспективы, технологии: материалы Международной научно-практической конференции IV Левитовские чтения в Московском государственном областном университете, Москва, 01 апреля 2009 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования Московской области, Московский государственный областной университет, Московское областное общество психологов. М.: Московский государственный областной университет, 2009. С. 25-28.
7. Сечко А.В. Роль авиационного психолога в профессионально-психологическом сопровождении процесса боевой подготовки в Военно-Воздушных Силах РФ // Психологическая наука и образование. www.psyedu.ru. 2013. № 2. С. 325-338.
8. Сечко А.В. Человеческий фактор и аварийность в современной авиации // Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2022 года / Под редакцией В.М. Позднякова, В.Е. Петрова. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. С. 93-98.
9. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
10. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Издательство АН Гр. ССР, 1961.

References:

1. Kirichenko A.V. Modern psychological technologies of influence on personality for professional purposes / A.V. Kirichenko; scientific ed. by A.A. Derkach. Minsk.: Tisei, 2003.
2. Kozhedub I.N. Loyalty to the motherland. Looking for a fight. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 576 p.

3. Marishchuk V.L. Psychological foundations of the formation of professionally significant qualities: diss... Doctors of Psychological Sciences. L., 1982.
4. Parygin B.D. Fundamentals of socio-psychological theory. Moscow: Mysl, 1971.
5. Sechko A.V. Personal determinants of flight longevity of the Russian Air Force flight personnel // Personality in extreme conditions. Volume Issue 2. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University named after Vitus Bering, 2012. P. 76-82.
6. Sechko A.V. Psychological aspects of professional reliability of flight personnel // Personality psychology and professional development: problems, prospects, technologies: materials of the International Scientific and Practical Conference IV Leviticus Readings at Moscow State Regional University, Moscow, April 01, 2009 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ministry of Education of the Moscow Region, Moscow State Regional University, Moscow Regional Society of Psychologists. Moscow: Moscow State Regional University, 2009. P. 25-28.
7. Sechko A.V. The role of an aviation psychologist in the professional and psychological support of the combat training process in the Russian Air Force // Psychological science and Education. www.psyedu.ru. 2013. № 2. P. 325-338.
8. Sechko A.V. The human factor and accident risk in modern aviation // Professionalism and safety: the state and prospects of relevance of achievements of psychology: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 25, 2022 / Edited by V.M. Pozdnyakov, V.E. Petrov. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2023. P. 93-98.
9. Uznadze D.N. Psychological research. Moscow: Nauka, 1966.
10. Uznadze D.N. Experimental foundations of psychological attitude. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Russian SSR, 1961.

Тарасова Анастасия Александровна,
ФГБУ «Центр экстренной психологической помощи
МЧС России» (г. Москва, Россия),
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
e-mail: tvsova80@mail.ru

Tarasova Anastasia Aleksandrovna,
Center for Emergency Psychological Aid of the
EMERCOM of Russia (Moscow, Russia),
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕГАТИВНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ У ЛИЧНОГО СОСТАВА МЧС РОССИИ, УЧАСТВУЮЩЕГО В ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

THE MANIFESTATION OF NEGATIVE PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES FOR THE PERSONNEL OF THE EMERCOM OF RUSSIA INVOLVED IN THE ELIMINATION OF THE CONSEQUENCES OF EMERGENCY SITUATIONS

Аннотация. С целью сохранения психического здоровья и психологического благополучия у специалистов МЧС России необходимо своевременно выявлять у них негативные психологические последствия, возникновение которых обусловлено выполнением профессиональной деятельности в зоне чрезвычайной ситуации. Выборку составили 2317 специалистов МЧС России, прошедших индивидуальную форму постэкспедиционного обследования. По результатам исследования можно сказать, что с увеличением срока пребывания в зоне чрезвычайной ситуации наиболее выражены поведенческие и эмоциональные нарушения, с увеличением возраста у специалистов МЧС России усиливаются вегетативные проявления, а с увеличением стажа работы наблюдаются когнитивные и социально-психологические изменения.

Ключевые слова: специалисты МЧС России, стресс-факторы, субсиндромы стресса, постэкспедиционное обследование, функциональное состояние

Abstract. In order to preserve mental health and psychological well-being of specialists of EMERCOM of Russia, it is necessary to timely identify negative psychological consequences in them, the occurrence of which is due to the performance of professional activities in the emergency zone. The sample consisted of 2,317 specialists of EMERCOM of Russia, who underwent an individual form of post-examination. According to the results of the study, it can be said that with an increase in the period of stay in the emergency zone, behavioral and emotional disorders are most pronounced, with an increase in age, vegetative manifestations increase among specialists of EMERCOM of Russia, and with an increase in work experience, cognitive and socio-psychological changes are observed.

Keywords: specialists of EMERCOM of Russia, stress factors, stress sub-syndromes, post-exposure examination, functional condition.

Специфика деятельности специалистов МЧС России заключается в том, что в своей работе они часто сталкиваются с негативными внешними факторами в процессе ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС): они могут быть в роли наблюдателя (например, видеть, как пострадавшие переживают острый стресс) или же сами испытывать отрицательные эмоции, так как влияние экстремальных факторов в ходе профессиональной деятельности чаще всего перегружают адаптационные механизмы личности, что ведет к возникновению негативных психологических последствий. В рамках адаптации организма к воздействию

стресс-факторов можно выделить этапы (субсиндромы стресса), которые могут протекать как в последовательном, так и в произвольном порядке в зависимости от длительности и интенсивности воздействия стресс-факторов [3]. К таким субсиндромам стресса относятся:

1. Эмоционально-поведенческий субсиндром: основная идея данного субсиндрома основывается на выделении двух групп людей, по-разному реагирующих на стресс. Первая группа отличается усилением эмоционально-поведенческой активности при воздействии фактора стресса (рефлекторные действия-вздрагивания; сложно организованные действия-бегство от горящего здания; социально-обусловленные действия-прыжок в воду ради спасения, тонущего). Вторая группа характеризуется уменьшением эмоционально-поведенческой активности в экстремальных условиях, попытка «переждать в роли пассивного наблюдателя» [4, С. 62].

2. Вегетативный субсиндром: вегетативные процессы протекают в организме человека неосознанно, соответственно можно выделить 3 случая взаимодействия психики и вегетативной регуляции. Это может быть «обслуживающая» психику вегетативная активность (с целью налаживания оптимального функционирования психики), «управляющая» вегетативная активность (в жару появляется апатия и пропадает желание двигаться – организм защищает себя от перегрева), «защитная» вегетативная функция (появление рвоты, холодного пота при виде человеческого трупа) [3, С. 135-150].

3. Когнитивный субсиндром: изменения мыслительной активности при стрессе. Под действием фактора стресса происходят некоторые изменения в познавательных процессах. При гиперактивизации мышления у человека могут появляться навязчивые мысли, повышенная настороженность, подозрительность. Активизация мышления характерна осмыслением стрессовой ситуации и относящейся к ней информации, которой располагает человек или возникновением инсайтных форм мышления (мыслительная растерянность, ощущение «замедления времени», безвыходности ситуации). В случае уменьшения активности мышления у человека может быть снижение умственной активности (ухудшение памяти, амнезии), потеря интереса к жизни и т.д. [4, С. 200-223].

4. Социально-психологический субсиндром: изменения общения при стрессе. В стрессовой ситуации вербальное общение может полностью прекратиться, человек как бы «замирает». После этого наступает момент «оптимизации своей социальной роли» в стрессовой ситуации. Человек может проявить заботу о находящемся рядом человеке (вынужденная помощь) чтобы ощутить собственную ценность. Кроме этого, у индивида может быть потребность поделиться с кем-либо переживаниями о ситуации, разделить горе [4, С. 272-280].

С целью своевременного выявления негативных психологических последствий экстремальных факторов, специалисты психологической службы МЧС России, в рамках психологического сопровождения профессиональной деятельности специалистов МЧС России, проводят

постэкспедиционное обследование (внеплановый скрининг). Данное обследование направлено на выявление состояний дезадаптации и их степень выраженности у специалистов МЧС России, возникающих вследствие ликвидации последствий ЧС. К таким состояниям можно отнести негативные изменения в когнитивной, эмоционально-волевой и поведенческой сферах, признаки наличия нервно-психической неустойчивости и ухудшение общего состояния в целом. Для людей с состояниями дезадаптации характерны переживания угрозы своему здоровью, плохое настроение и мрачные мысли, жалобы на общее самочувствие (потеря аппетита, бессонница, боли в грудной клетке), эмоциональная несдержанность, ухудшение самоорганизации и трудности в межличностных контактах (нарушение социальных отношений) [1]. Срок проведения постэкспедиционного обследования составляет от 2 до 7 дней после возвращения из зоны ЧС. Это связано с тем, что у человека «воспоминания еще остаются яркими, при этом он уже «вышел» и ситуации и находится в процессе реадaptации к обыденной жизни» [6].

При проведении постэкспедиционного обследования в индивидуальной форме с каждым специалистом МЧС России, участвующим в ликвидации последствий ЧС, проводят полуструктурированное интервью, в рамках которого уточняются следующие моменты: к какой именно ЧС он был привлечен, в чем заключалась деятельность при ликвидации ЧС, сколько дней длилась ЧС, сколько выездов на ЧС было у опрашиваемого специалиста МЧС России в текущем году, что было сложным и т.д. Полуструктурированное интервью содержит примерный перечень вопросов, которые могут несколько видоизменяться по усмотрению психолога, проводящего обследование, но сохраняя их суть и последовательность предъявления. Интервью носит демократичный и ненавязчивый характер без сосредоточенности психолога, проводящего данную процедуру, на фиксации каким-либо внешним образом (записи в бланке) ответов собеседника. Также, с целью выявления дезадаптации, в рамках интервью уточняются моменты, связанные с нарушением в когнитивной сфере (снижение памяти и свойств внимания, навязчивые воспоминания, скачки мыслей, повышенная отвлекаемость, замедленная речь и т.д.), с изменениями в эмоциональном фоне (лабильность настроения, апатия, беспокойство, страх, повышенная бдительность, признаки агрессии, раздражительность, конфликтность, чувство вины или обвинение окружающих и т.д.), с изменениями в поведенческой сфере (физическая истощаемость, утомление, слабость, двигательное возбуждение/торможение и т.д.), изменения со стороны общего состояния (комок в горле, боль в животе, сухость во рту, снижение веса, лабильное артериальное давление, зуд/кожные высыпания и т.д.), изменения со стороны сна (трудности с засыпанием, бессонница, поверхностный сон, частые пробуждения и т.д.). Помимо полуструктурированного интервью, в рамках проведения постэкспедиционного обследования, специалисты МЧС России проходят психофизиологическую методику «Вариационная кардиоинтервалометрия» по Р.М. Баевскому (далее – ВКМ). Данная методика

направлена на оценку функционального состояния, адаптационных возможностей и функциональных резервов организма по параметрам сердечной деятельности. Согласно А.Б. Леоновой, функциональное состояние можно определить, как относительно устойчивую, для определенного периода времени, структуру актуализируемых внутренних средств (внимание, память, мышление, чувства, мотивация и другие аспекты психической деятельности), характеризующуюся сложившимися в конкретной ситуации механизмами регуляции деятельности и обуславливающие эффективность решения задач [5].

ВКМ предполагает анализ временной последовательности интервалов между сердечными сокращениями и позволяет выявлять компоненты variability сердечного ритма, отражающие работу регуляторных механизмов (система физиологических процессов, отвечающих за поддержание равновесия и оптимального функционирования организма в различных условиях). Эти механизмы включают в себя различные системы регуляции (нервную, эндокринную, иммунную и др. системы), обеспечивающие поддержание внутренней среды организма в оптимальном состоянии [2]. По результатам ВКМ определение функционального состояния происходит по 5-бальной шкале (табл. 1).

Таблица 1 – Уровень функционального состояния (по Р.М. Баевскому, 2000)

Уровень	Название	Описание
5	Оптимальное состояние	Оптимальное напряжение регуляторных систем. Расходование функциональных ресурсов организма не выходит за пределы возможностей человека
4	Состояние, близкое к оптимальному	Умеренное напряжение регуляторных систем, для адаптации к условиям окружающей среды организму требуются дополнительные функциональные резервы
3	Допустимое состояние	Выраженное напряжение регуляторных систем
2	Предельно-допустимое состояние	Перенапряжение регуляторных систем, для которого характерна недостаточность защитно-приспособительных механизмов, их неспособность обеспечить адекватную реакцию организма на воздействие факторов окружающей среды
1	Негативное состояние	Истощение регуляторных систем, при котором активность управляющих механизмов снижается (недостаточность механизмов регуляции)
0	Критическое состояние	Проявляется в виде разнообразных функциональных нарушениях. От человека требуется очень напряженное волевое усилие, чтобы заставить себя продолжать определенную деятельность

В рамках проведения эмпирического исследования по определению негативных психологических последствий у специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий ЧС, общая выборка специалистов МЧС России, прошедших индивидуальную форму постэкспедиционного обследования, составила 2317 человек. В эмпирическую выборку вошли

специалисты различных областей профессиональной деятельности МЧС России (пожарные, водолазы, водители пожарного автомобиля, медицинские работники, инспекторы ГИМС, химики-дозиметристы, мастера ГДЗС, диспетчера и т.д.). Средний возраст участников исследования составил $33,3 \pm 7,4$ лет. Средний стаж специалистов, вошедших в эмпирическую выборку, составил $8,3 \pm 6,6$ лет, а среднее количество дней в зоне ЧС для выборки составило $10,9 \pm 7,9$ дней.

С целью определения специфики проявления негативных психологических проявлений у специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий ЧС, эмпирическая выборка разделена на группы по возрасту, стажу работы и сроку пребывания в зоне ЧС, где распределение по возрастным группам осуществлялось в соответствии с биологическими особенностями человеческого организма, включая особенности гормональных циклов (цикл секреции гормона роста, пролактина, кортизола, инсулина) и физиологических процессов (например, сокращение и расслабление мышц, работа иммунной, кровеносной и дыхательных систем), а по группам стажа и срока пребывания в зоне ЧС при помощи квартильного метода (нижняя, медианная и верхняя границы распределения значений для исследуемой эмпирической выборки) (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение эмпирической выборки на группы (n = 2 317)

Возраст (в годах)	Стаж работы (количество лет)	Срок пребывания в зоне ЧС (в днях)
28 лет и менее	менее 3 лет	менее 5 дней
29-35	3-7	5-7
36-43	8-12	8-14
44-49	более 12 лет	более 14 дней
50 лет и более	-	-

Для определения наличия взаимосвязи между негативными психологическими проявлениями (субсиндромами стресса) и параметрами возраст, стаж работы и срок пребывания в зоне ЧС был применен Хи-квадрат Пирсона (IBM SPSS Statistics 22) в результате чего полученные следующие результаты ($p \leq 0,05$):

1. С параметром «Возраст»:
 - 28 лет и менее (эмоциональный и поведенческий субсиндромы);
 - 29-35 лет (взаимосвязей нет);
 - 36-43 года (когнитивный субсиндром);
 - 44-49 лет (когнитивный субсиндром);
 - 50 лет и более (вегетативный субсиндром).
2. С параметром «Стаж работы»:
 - менее 3 лет (когнитивный, эмоциональный и поведенческий субсиндромы);
 - 3-7 лет (когнитивный субсиндром);
 - 8-12 лет (когнитивный и эмоциональный субсиндромы);
 - более 12 лет (когнитивный и социально-психологический субсиндромы).

3. С параметром «Срок пребывания в зоне ЧС»:

- менее 5 дней (когнитивный, эмоциональный, поведенческий и вегетативный субсиндромы);
- 5-7 дней (взаимосвязей нет);
- 8-14 дней (когнитивный, эмоциональный, поведенческий и вегетативный субсиндромы);
- более 14 дней (когнитивный, эмоциональный, поведенческий и вегетативный субсиндромы).

Для определения направленности взаимосвязи (положительная или отрицательная), был рассчитан точечно-биссерийный коэффициент корреляции (Microsoft Office Excel 2019). Использование данного коэффициента продиктовано тем, что он позволяет оценить взаимосвязь между двумя переменными, одна из которых измерена в дихотомической шкале (наличие/отсутствие признака) а другая – в интервальной (табл. 3).

Таблица 3 – Взаимосвязь между психологическими показателями и параметрами возраст, стаж работы и срок пребывания в зоне ЧС (точечно-биссерийный коэффициент корреляции), n = 2317

Субсиндром	Возраст	Стаж работы	Срок пребывания в зоне ЧС
Когнитивный	0,054	-0,025	-0,254
Эмоциональный	-0,043	-0,034	-0,426
Поведенческий	-0,422	-0,037	-0,142
Вегетативный	0,082	0,055	-0,028
Социально-психологический	0,051	0,027	-0,0161

Таким образом, можно сказать, что срок, который специалисты МЧС России провели на ЧС, сильнее всего влияет на проявление симптоматики поведенческих и эмоциональных нарушений (апатия, враждебность, агрессия, немотивированность, беспокойство, раздражительность); с увеличением возраста специалистов старше 50 лет, усиливаются вегетативные нарушения (физическая утомляемость, слабость, бессонница, головные боли) и негативная поведенческая симптоматика становится менее выраженной с увеличением возраста; по мере увеличения трудового стажа у специалистов МЧС России, сохраняются нарушения в когнитивной сфере (трудности с концентрацией внимания, отвлекаемость, навязчивые воспоминания) и начинает проявляться симптоматика социально-психологических нарушений.

Выявление различий на уровне выраженности негативных психологических проявлений (субсиндромов стресса) в зависимости от функционального состояния специалистов МЧС России проводилось при помощи критерия Крускала-Уоллиса (IBM SPSS Statistics Version 22) (табл. 4).

Опираясь на полученные результаты, мы можем сделать вывод о существовании различий в уровне негативных психологических проявлений (субсиндромов) в зависимости от уровня функционального состояния специалиста после прохождения постэкспедиционного обследования.

Значимые, на уровне $p \leq 0,05$, различия обнаружены для эмоционального, поведенческого и социально-психологического субсиндромов.

Таблица 4 – Различия между уровнем функционального состояния по изучаемым показателям (критерий Крускала-Уоллиса), $n = 2317$

Субсиндром	Уровень функционального состояния (ранги)					p
	1	2	3	4	5	
Когнитивный	1053,09	1055,17	1039,21	1057,47	1045,32	0,546
Эмоциональный	864,95	844,41	911,57	1200,21	1202,38	0,000*
Поведенческий	1019,86	976,59	1021,22	1082,69	1096,80	0,004*
Вегетативный	1060,62	1040,89	1018,78	1073,24	1060,93	0,144
Социально-психологический	1032,50	1039,21	1045,69	1048,40	1064,91	0,049*

* Различия значимы на уровне $p \leq 0,05$

Анализируя ранги, можно отметить, что наибольшая выраженность эмоционального субсиндрома связана с наивысшим уровнем функционального состояния (уровень «5»), при этом наименьшая выраженность наблюдается для уровня функционального состояния «2». Для поведенческого субсиндрома наибольшая выраженность изменений наблюдается при функциональном состоянии «5», а наименьшая – при функциональном состоянии «2». Наибольшая выраженность социально-психологического субсиндрома также характерна для уровня функционального состояния «5», а наименьшая – для уровня функционального состояния «1».

Таблица 5 – Выраженность психологических последствий у специалистов МЧС России

Уровень функционального состояния	Психологические последствия	
	Наиболее выраженные	Наименее выраженные
негативное состояние (1)	Ощущение страха, агрессия, уменьшение круга общения	Снижение волевой активности, беспокойство, волнение, ощущение страха
предельно-допустимое (2)	Ощущение физического напряжения, мышечные боли, тремор	Утомляемость, Истощаемость интеллекта, ночные кошмары
допустимое (3)	Ощущение физического напряжения, мышечные боли, тремор, снижение коммуникативной активности	Истощаемость интеллекта, апатия (снижение волевой активности)
близкое к оптимальному (4)	Враждебность, беспокойство, волнение, тревога, мышечные боли, тремор	Истощаемость интеллекта, ощущение страха, утомляемость, апатия (снижение волевой активности)
оптимальное (5)	Враждебность, беспокойство, повышенная конфликтность	Истощаемость интеллекта, Утомляемость, чувство вины

Чтобы объяснить эти результаты можно предположить, что при высоком (оптимальном) уровне функционального состояния специалисты

МЧС России менее устойчивы к воздействию негативных факторов. Это приводит к проявлению у них негативной симптоматики в эмоциональной, поведенческой и социально-психологической сфере, выражающихся в беспокойстве, волнении, тревоге, апатии, повышенной бдительности, агрессии, уменьшении круга общения, повышении конфликтности.

Особенности качественного анализа психологических последствий экстремальных факторов на специалистов МЧС России в зависимости от уровня функционального состояния (табл. 5). Согласно полученным результатам, у специалистов МЧС России с оптимальным функциональным состоянием (уровень 5) наиболее выражены проявления эмоциональных нарушений, а наименьшим образом выражены проявления когнитивных (истощаемость интеллекта) и эмоциональных (утомляемость, чувство вины) нарушений.

Таким образом, полученные результаты позволят специалистам психологической службы МЧС России своевременно проводить необходимые мероприятия по психологической профилактике и психологической коррекции, целенаправленно подбирая программы, учитывая особенности изученных параметров (возраст, стаж, срок пребывания в зоне ЧС), что, в свою очередь, поможет специалистам МЧС России овладеть навыками саморегуляции и позволит им эффективнее справиться с негативными факторами при выполнении профессиональной деятельности на ЧС и, как итог, позволит сохранить специалистам МЧС России профессиональное и психологическое здоровье, а также психологическое благополучие.

Список литературы:

1. Ашанина Е.Н., Кулаков Д.В. Теория и практика коррекции дезадаптивных нервно-психических состояний с помощью аудиовизуального воздействия и биологически обратной связи: Монография. Вып. 2. СПб.: Политехника-сервис, 2012. 101 с.

2. Баевский Р.М., Иванов Г.Г. Вариабельность сердечного ритма: теоретические аспекты и возможности клинического применения. М.: Институт медико-биологических проблем, ММА, 2000. С. 123-126.

3. Китаев-Смык Л.А. О соотношении вегетативных и психических проявлений в экстремальных условиях / В кн.: Системный анализ вегетативных функций. Вопросы кибернетики. М., 1978. Вып. 37. С. 68-72.

4. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Издательство «Наука», 1983. 368 с.

5. Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 1. С. 13-33.

6. Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации: сборник материалов / Под ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. С. 165-176.

References:

1. Ashanina E.N., Kulakov D.V. Theory and practice of correction of maladaptive neuropsychiatric states using audiovisual exposure and biofeedback: Monograph. Issue 2. St. Petersburg: Polytechnic-service, 2012. 101 p.

2. Baevsky R.M., Ivanov G.G. Heart rate variability: theoretical aspects and clinical application possibilities. Moscow: Institute of Biomedical Problems, MMA, 2000. P. 123-126.
3. Kitaev-Smyk L.A. On the correlation of vegetative and mental manifestations in extreme conditions / In: System analysis of vegetative functions. Questions of cybernetics. M., 1978. Issue 37. P. 68-72.
4. Kitaev-Smyk L.A. Psychology of stress. M.: Nauka Publishing House, 1983. 368 p.
5. Leonova A.B. Structural-integrative approach to the analysis of human functional states // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2007. № 1. P. 13-33.
6. Tarasova A.A., Kazakova I.A. The study of individual psychological and psychophysiological characteristics of personality within the framework of psychodiagnostic measures in the system of EMERCOM of Russia // Collection of the II All-Russian Congress of psychologists of law enforcement agencies of Russia Edited by Yu.P. Zinchenko, A.G. Karayani, Yu.S. Shoigu (August 29 – September 2, 2016). Moscow: FKU CEPP of EMERCOM of Russia, 2016. P. 165-176.

Секция 3. Теория и практика экстренной и кризисной психологической помощи

Голик Татьяна Юрьевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), методист факультета «Экстремальная психология»

Golik Tatiana Yurievna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), methodologist of the faculty of «Extreme Psychology»

Екимова Валентина Ивановна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), заведующий кафедрой научных основ экстремальной психологии, доктор психологических наук, профессор

Ekimova Valentina Ivanovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Head of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor

Левченко Анастасия Валерьевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), ассистент кафедры научных основ экстремальной психологии

Levchenko Anastasiya Valerjevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Assistant Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology

САМООТНОШЕНИЕ ПОДРОСТКА КАК ИНТЕРПСИХИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК

SELF-ATTITUDE OF A TEENAGER AS THE INTRAPSYCHIC REPRESENTATION OF PARENTAL ATTITUDES

Аннотация. В статье обсуждается влияния внутрисемейных отношений и родительских установок на структуру и характер самооотношения подростка. Подростковый возраст характеризуется как критический для личностного развития и формирования самооотношения и в целом самосознания личности. Утверждается, что семейный контекст межличностных отношений репрезентируется в интрапсихическом пространстве личности подростка, в структуре его самооотношения. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи родительского отношения и родительских установок с самооотношением подростков. В исследовании приняли участие 48 респондентов: 24 подростка в возрасте от 13 до 17 лет (13 девушек и 11 юношей) и их матери в возрасте от 37 до 51 года. Оценка параметров проводилась в трехфакторной структурной модели самооотношения (С.Р. Пантеев). В структуре самооотношения подростка – в самоуверенности и внутренней конфликтности, репрезентируется отстраненно-противоречивая позиция родителя: чрезмерная вовлеченность в жизнь ребенка и форсирование его развития при эмоциональном дистанцировании. Излишняя эмоциональная дистанция родителя трансформируется в самоунижающую

интрапсихическую позицию ребенка, а неуверенно-амбивалентная родительская позиция - в амбивалентное самоотношение подростка.

Ключевые слова: самоотношение, самосознание, семейные отношения, родительские установки, подросток, подростковый возраст.

Annotation. The article discusses the influence of intra-family relationships and parental attitudes on the structure and nature of a teenager's self-attitude. Adolescence is characterized as a critical period for personal development, for the formation of self-attitude and, in general, self-consciousness of the individual. It is argued that the family context of interpersonal relationships is represented in the intrapsychic space of the adolescent's personality, in the structure of his self-attitude. The results of an empirical study of the relationship between parental attitudes and the self-attitude of adolescents are presented. 48 respondents took part in the study: 24 teenagers aged from 13 to 17 years (13 girls and 11 boys) and their mothers aged from 37 to 51 years. The parameters were assessed in a three-factor structural model of self-attitude (S.R. Pantileev). In the structure of a teenager's self-attitude – self-confidence and internal conflict, the parent's detached and contradictory position is represented: excessive involvement in the child's life and forcing his development with emotional distancing. The excessive emotional distance of the parent is transformed into a self-deprecating intrapsychic position of the child, and the insecure-ambivalent parental position is transformed into the ambivalent self-attitude of the teenager.

Keywords: self-attitude, self-awareness, family relations, parental attitudes, teenager, adolescence.

Сложно переоценить ту роль, которую играет в жизни подростка семья, как место, где происходит второе рождение [4] и активное формирование личности. Многообразие отношений человека к людям, к себе, к окружающему миру, характеризующее его на протяжении всей жизни, зарождается именно в семье. Детско-родительские отношения являются одним из важнейших факторов в формировании индивидуально-личностных характеристик и паттернов поведения подростка, при том, что семья может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процесс и результат развития его личности.

Именно в подростковом возрасте происходит активное формирование личностных свойств растущего человека, расширяются и трансформируются его представления о себе и об окружающем мире, что сопровождается многочисленными межличностными и внутриличностными конфликтами, которые зачастую встречаются со стороны близких непонимание. В связи с интенсивным физиологическим созреванием, принятием новых социальных ролей, активным усвоением различных форм поведения, а также в силу импульсивности и склонности подростков к ситуативным поведенческим реакциям, этот период определяется как кризисный. Характерные для данного возраста реакции сепарации, негативизма, протеста, а также неустойчивость и противоречивость самоотношения и самовосприятия, в свою очередь, способствуют возникновению у подростков негативных эмоциональных переживаний и психологических проблем.

В то же время, подростковый возраст является наиболее пластичным и ресурсным периодом развития личности, а гибкость поведенческих реакций и готовность к изменениям помогают растущему человеку в разрешении возникающих у него в связи с недостаточной личностной зрелостью конфликтов и кризисных ситуаций [3].

Изменение ведущей деятельности, социальной ситуации развития и перестройка психофизиологических систем организма делает подростковый возраст промежуточным, переходным периодом от детства к взрослости. В свою очередь, индивидуальные особенности прохождения данного этапа во многом определяются психологическими новообразованиями предыдущих возрастных периодов и субъектно-личностной позицией самого подростка, обусловленной во многом его самооценкой и самоотношением как ключевыми структурами формирующего самосознания. Самосознание отражает весь комплекс психических процессов и состояний, посредством которых взрослеющий человек отделяет себя от окружающего мира, создает и изменяет видение прошлого, настоящего и будущего – свое представление о собственном «Я» во временном континууме жизни.

В свою очередь самоотношение, как процесс, представляет собой ряд последовательных этапов развития: от общего недифференцированного положительного отношения к себе дошкольника – к ситуативному, зависимому от оценок окружающих, характерного для младшего школьного возраста, а затем снова к общему самоотношению, теперь уже непосредственно связанному с оперативной самооценкой, у подростка. Отношение к самому себе, к своим поступкам, к собственной личности является результатом развития самосознания и одной из важнейших составляющих социальной и психологической жизни человека, его личностной зрелости [8].

По мнению С.Р. Пантилеева «самоотношение есть личностное образование, а потому его строение и содержание может быть раскрыто лишь в контексте реальных жизненных отношений субъекта, социальной ситуации развития и деятельности, за которыми стоят мотивы, связанные с самореализацией субъекта как личности» [9, С. 9]. Таким образом, отношение к себе включается в процесс деятельностной и личностной саморегуляции, стимулирует развитие познавательной и личностной субъектности человека. Отношение подростка к себе, как к личности, является важнейшим фактором, определяющим психологическое здоровье и оказывающим регулирующее воздействие на его деятельность и поведение. В то же время, для формирования у подростка устойчивого позитивного самоотношения требуются благоприятные социально-психологические условия личностного развития [2].

Одним из таких условий является сложившаяся в семье система межличностных отношений: родительские позиции и установки, тип воспитания, характер и эмоциональный климат внутрисемейного общения, которые непосредственно влияют на психологическое благополучие растущего человека [5]. Под влиянием внешней оценки значимых взрослых у подростка постепенно складываются представления о самом себе, на основе которых формируется его самоотношение, самооценка и самосознание в целом. Для развития позитивного самоотношения и устойчивой самооценки подростку необходима постоянная позитивная эмоциональная вовлеченность

родителей в его жизнь [7], которая, однако, предполагает достаточный уровень автономии и доверия.

В подростковом и юношеском возрасте ослабевает непосредственное влияние родителей на взрослеющего человека, однако, родительские установки, стили воспитания и общий модус внутрисемейных отношений сохраняют определяющее значение на протяжении всех этапов активного личностного развития, постепенно репрезентируясь в структуре самоотношения и самосознания личности. Таким образом, семейный контекст межличностных (интерпсихических) отношений интериоризуется во внутриличностном (интрапсихическом) пространстве подростка [2].

Деструктивные межличностные отношения в семье являются детерминантами развития у подростка негативного самоотношения и неадекватной самооценки. Напряженные, неблагоприятные отношения родителей между собой и с собственными детьми становятся в таком случае своеобразной «нормой жизни» для растущего человека. Постоянное нахождение в атмосфере непонимания, неуважения и неприятия способствует формированию у него не только негативного отношения к самому себе, но и убеждения в опасности и враждебности окружающего мира [1].

В то же время, коммуникативная и родительская компетентность, надежная привязанность и эмпатия, открытость в межличностном общении значительно повышают ключевые составляющие психологического благополучия подростка [5]. Теплые, доверительные отношения с родителями, сочетание требовательности с уважением и достаточной автономией способствуют формированию у него адекватной самооценки и позитивного самоотношения. Переживание собственной малоценности, изолированности и ненужности, неудовлетворенность в межличностных контактах и малая социальная активность, напротив, возникают при наличии негативного опыта семейных отношений, таких как преобладание «воспитательных» воздействий над позитивными эмоциональными контактами, наказание как основной способ контроля и непоследовательность родительских требований [7].

Таким образом, самоотношение подростка является интрапсихической репрезентацией семейной ситуации, стиля воспитания, родительского отношения и родительских установок, с которыми сталкивается взрослеющий человек. Становление человека как личности неразрывно связано с развитием его самоотношения и самосознания. Формирование самоотношения происходит в ходе включения в систему социальных взаимоотношений и деятельности подростка. Отношение подростка к самому себе непосредственно зависит от характера отношения к нему его ближайшего окружения, семьи и родителей. В процессе личностного развития в ходе расширения круга социального взаимодействия содержание самоотношения претерпевает изменения под действием внесемейных влияний. Однако система семейных отношений и родительские установки сохраняют решающее значение на протяжении всех этапов активного

формирования личности, а отдельные аспекты самоотношения человека остаются внутриличностной репрезентацией родительских позиций и установок в течение всей жизни.

Целью проведенного эмпирического исследования стало определение характера взаимосвязи родительских установок и самоотношения подростков, как интрапсихической репрезентации интерпсихического контекста детско-родительских отношений.

Всего в исследовании приняло участие 24 подростка ($N=24$), из них – девушек 13 (54 %), юношей – 11 (46 %), в возрасте от 13 до 17 лет ($M=14,6$), и 24 матери подростков ($N=24$) в возрасте от 37 до 51 года ($M=41,8$). Всего в исследовании приняло участие 48 человек.

Самоотношение подростков определялось с помощью методики исследования самоотношения С.Р. Пантилеева и понималось как представление личности о собственном «Я»: внутреннем переживании собственной ценности в диапазоне от самоуважения до самоунижения. Оценка параметров проводилась в трехфакторной структурной модели самоотношения, включающей фактор «Самоуважение» (саморуководство, самоуверенность, отраженное самоотношение), фактор «Аутосимпатия» (самопривязанность, самооценность, самопринятие) и фактор «Самоунижение» (внутренняя конфликтность, самообвинение) [6, 11].

Оказалось, что у трети подростков (29 %) в профиле самоотношения превалирует самоунижение, то есть они излишне самокритичны, склонны к рефлексии и самокопанию, им свойственно обвинять себя в неуспешности и неудачах. При этом у большинства подростков (71 %) в структуре самоотношения доминируют самоуважение и аутосимпатия.

Для оценки отношения родителя к подростку и к своей семейной роли применялась методика исследования родительских установок PARI (Е. Шаффер и Р. Белл в адаптации Т.В. Нещерет), которая позволяет оценить родительно-детские взаимоотношения с точки зрения их оптимальности по 23 параметрам и 4 шкалам: «Отношение к семейной роли», «Оптимальный эмоциональный контакт», «Излишняя концентрация на ребенке», «Излишняя эмоциональная дистанция» [10].

Для определения характера взаимосвязей детско-родительских отношений и самоотношения подростка использовался корреляционный анализ (табл. 1-3). Большое количество значимых связей было обнаружено между отдельными аспектами родительского отношения и такими показателями самоотношения подростка, как самоуверенность, отраженное самоотношение и внутренняя конфликтность. В частности, зависимость матери от семьи, ее чрезмерное вмешательство в жизнь ребенка, стремление к партнерству с ним и подавление сексуальности способствуют проявлению у подростка самоуверенности и мотивации к успеху. Кроме того, стремление родителей исключить внесемейные влияния и чрезмерное вмешательство в жизнь ребенка повышают его уверенность в позитивном отношении к нему других людей в то время, как неудовлетворенность матери семейной ролью негативно влияет на отраженное самоотношение подростка.

Родительское отношение в значительной степени репрезентировано во внутренней конфликтности подростка: в сочетании негативного самоотношения с высокой требовательностью к себе, чему способствуют стремление родителя исключать внесемейные влияния и ускорить развитие ребенка, но при этом уклонится от контактов с ним, а также опасение обидеть, подавление собственной агрессии и сексуальности.

Таблица 1 – Взаимосвязи родительского отношения и самоотношения подростка

Шкалы методик		Самоотношение		
		Самоуверенность	Отраженное самоотношение	Внутренняя конфликтность
Родительские установки	Зависимость от семьи	0,46*		
	Опасение обидеть			0,53**
	Исключение внесемейных влияний		0,41*	0,42*
	Подавление агрессии			0,41*
	Неудовлетворенность ролью хозяйки		-0,54**	
	Партнерские отношения	0,46*		
	Уклонение от контакта			0,46*
	Подавление сексуальности	0,41*		0,47*
	Чрезмерное вмешательство в мир ребенка	0,48*	0,43*	
	Стремление ускорить развитие ребенка			0,51*

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Таким образом, в структуре самоотношения подростка, в его самоуверенности и внутренней конфликтности репрезентируется отстраненно-противоречивая позиция родителя: чрезмерная вовлеченность в жизнь ребенка и форсирование его развития при эмоциональном дистанцировании и подавлении собственных чувств.

Результаты корреляционного анализа свидетельствовали также о наличии устойчивых связей между отдельными родительскими установками (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа родительских установок

Родительские установки	Отношение к семейной роли	Излишняя концентрация на ребенке	Излишняя эмоциональная дистанция
Отношение к семейной роли	1		
Излишняя концентрация на ребенке	0,757**	1	
Излишняя эмоциональная дистанция	0,839**	0,613**	1

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Сосредоточение родителя на своей семейной роли приводит, с одной стороны, к излишней концентрации на подростке, а с другой – к излишней эмоциональной дистанции с ним. В свою очередь, обе позиции тесно

взаимосвязаны: чем больше эмоциональная дистанция родителя от ребенка, тем выше концентрация на нем, что дает возможность интерпретировать данное противоречие как неуверенно-амбивалентную родительскую позицию.

Обе неоптимальные родительские установки репрезентируются в самоотношении подростка (табл. 3).

Таблица 3 – Взаимосвязи родительских установок и самоотношения подростка

Шкалы методик		Факторы самоотношения	
		Самоуважение	Самоунижение
Родительские установки	Излишняя эмоциональная дистанция		0,41*
	Излишняя концентрация на ребенке	0,47*	0,35

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Излишняя эмоциональная дистанция родителя коррелирует с отношением самоунижения, а излишняя концентрация на ребенке – с его самоуважением. Вместе с тем прослеживается прямая взаимосвязь излишней концентрации на ребенке с самоунижающим самоотношением.

Таким образом, родитель, озабоченный своей ролью в семье, стремится контролировать все сферы жизни подростка, но при этом эмоционально дистанцирован от него и склонен подавлять свои чувства. Чрезмерное вмешательство в мир ребенка, лишение его самостоятельности и достаточной автономии в сочетании с эмоциональной отстраненностью родителя репрезентируются в амбивалентном самоотношении подростка: с одной стороны, он достаточно уверен в себе и нацелен на успех, однако, при неудачах склонен к самопорицанию, осуждению себя, либо к самооправданию.

Излишняя эмоциональная дистанция в свою очередь репрезентируется в самоунижающем самоотношении подростка: он видит в себе прежде всего недостатки, ставит себе в вину все промахи и неудачи, отличается высокими требованиями к себе, что приводит к конфликту между уровнем притязаний и оценкой своих достижений, а также к признанию своей малоценности.

Выявленные в результате проведенного исследования факты трансформации интерпсихических феноменов детско-родительских отношений в их интрапсихическую репрезентацию в структуре самоотношения подростка позволяют предположить, что они являются частным случаем более общих психологических закономерностей интериоризации в процессе индивидуально-личностного развития подростка опыта его внутрисемейных и межличностных отношений.

Список литературы:

1. Авасева О.В., Холодов А.Ю. Влияние особенностей семейных отношений на формирование агрессивного поведения ребенка // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты. 2018. С. 180.
2. Андреева И.Г. Исследование особенностей самоотношения подростков // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус, 2016. Т. 15. № 2. С. 87-93.

3. Бакшиханова С.С., Ветошникова Д.С. Влияние самоотношения подростков на переживание психологических проблем // Инновационные научные исследования: сетевой журнал. 2021. № 5-3 (7). С. 118-127.

4. Выготский Л.С. Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка. СПб: Питер, 2023. 224 с.

5. Екимова В.И., Вецель А.Н., Розенова М.И. Влияние детско-родительских отношений на социометрический статус старшеклассника в группе сверстников // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 113-123. DOI: 10.17759/chp.2022180111.

6. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

7. Кузьмина К.Е. Детско-родительские отношения как фактор развития представлений подростка о самом себе // Концепт. 2015. № 11.

8. Пантлеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система // Психология самосознания. Хрестоматия. Самара: ИД «Бахрах-М», 2020. С. 208-242.

9. Пантлеев С.Р. Строение самоотношения как эмоционально-оценочной системы: Автореф. дисс...к. психол. наук, М., 1988.

10. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.

11. Романова Е.С. Психодиагностика. СПб: Питер, 2008.

References:

1. Avaseva O.V., Kholodov A.Yu. The influence of family relations on the formation of aggressive behavior of a child // Science today: theoretical and practical aspects. 2018. P. 180.

2. Andreeva I.G. Investigation of the peculiarities of adolescents' self-attitude // Psychological and pedagogical journal Gaudeamus, 2016. Vol. 15. № 2. P. 87-93.

3. Bakshikhanova S.S., Vetoshnikova D.S. The influence of adolescents' self-attitude on the experience of psychological problems // Innovative scientific research: an online journal. 2021. № 5-3 (7). P. 118-127.

4. Vygotsky L.S. Adolescent pedology. Psychological and social development of the child. St. Petersburg: Peter, 2023. 224 p.

5. Ekimova V.I., Vetsel A.N., Rozenova M.I. The influence of child-parent relations on the sociometric status of a high school student in a peer group // Cultural and historical psychology. 2022. Vol. 18. № 1. P. 113-123. DOI: 10.17759/chp.2022180111.

6. Elbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.

7. Kuzmina K.E. Child-parent relations as a factor in the development of a teenager's self-image // Concept 2015. № 11.

8. Pantileev S.R. Self-attitude as an emotional and evaluative system // Psychology of self-awareness. The textbook. Samara: Publishing house «Bakhrakh-M», 2020. P. 208-242.

9. Pantileev S.R. The structure of self-attitude as an emotional and evaluative system: Abstract. diss...K. Psychological Sciences, Moscow, 1988.

10. Raigorodskiy D.Ya. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. The training manual. Samara: Publishing House «BAKHRAKH», 1998. 672 p.

11. Romanova E.S. Psychodiagnostics. St. Petersburg: Peter, 2008.

Даниска Маргарита Витальевна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: diana12dum187@gmail.com
Daniska Margarita Vitalievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ

PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF EMOTIONALLY DEPENDENT RELATIONSHIPS IN ADOLESCENTS

Аннотация. В статье рассматриваются эмоционально зависимые отношения как обобщенная характеристика межличностной зависимости, привязанности к родителям и любовной зависимости, что позволяет раскрыть психологическую сущность проявлений эмоциональной зависимости от межличностных отношений у подростков. Обсуждаются причины эмоционально зависимого поведения, разводятся понятия «аддикция» и «зависимость». Приводятся результаты эмпирического исследования особенностей эмоционально зависимых отношений в разные периоды подросткового возраста.

Ключевые слова: эмоционально зависимые отношения, зависимое поведение, межличностная аддикция, подростковый возраст, процесс сепарации

Abstract. The article considers emotionally dependent relationships as a generalized characteristic of interpersonal dependence, attachment to parents and love dependence, which allows to reveal the psychological essence of manifestations of emotional dependence on interpersonal relationships in adolescents. The causes of emotionally dependent behavior are discussed, the concepts of «addiction» and «dependence» are divorced. The results of empirical study of the peculiarities of emotionally dependent relationships in different periods of adolescence are given.

Keywords: emotionally dependent relationships, addictive behavior, interpersonal addiction, adolescence, separation process

Формирование зависимого поведения происходит под влиянием бессознательных механизмов психики и, прежде всего, определяется опытом взаимодействия подростка с людьми, имеющими для него особую значимость. Ведущим видом деятельности в подростковом возрасте является интимно-личностное общение, а полученный в эти годы опыт отношений накладывает свой отпечаток на дальнейшее формирование личности. В процессе социализации у подростков могут проявиться такие проблемы межличностных отношений, как эмоциональная зависимость от другого человека [11].

Зависимые отношения зачастую квалифицируют как одно из проявлений аддиктивного поведения. Наиболее перспективным направлением его исследований является комплексная биопсихосоциальная модель, согласно которой значимую роль в становлении аддиктивного поведения играют биологические, социальные и психологические факторы в их взаимодействии.

Предполагается, что на начальной фазе развития эмоциональная зависимость ребенка формируется посредством актуализации ранних психологических травм матери. Иными словами, ее собственные зависимые отношения отражаются на личностном развитии ребенка. Происходить это может по двум причинам: 1) бессознательном стремлении допрожить имеющиеся дефициты во взаимоотношениях с собственной матерью, когда ребенок выступает в качестве материнского объекта; 2) компенсаторном удовлетворении у ребенка собственных детских неудовлетворенных потребностей.

В качестве причин проявления эмоционально зависимых отношений у подростков называют трудности прохождения сепарационного процесса и эмоциональную зависимость матери (и от матери). При таком подходе причинами зависимого поведения являются: неудовлетворенная потребность привязанности в первый год жизни; отсутствие поддержки независимых действий ребенка в течение второго и третьего года жизни; психологические травмы, перенесенные ребенком, связанные с игнорированием, пренебрежением или применением какого-либо вида насилия; последствия перенесенных психологических травм, оказавших негативное влияние на процесс прохождения ребенком этапов личностного развития [10].

Зависимые отношения являются следствием не завершенных в полной мере процессов личностного развития: привязанности и отдаления. Незавершение своевременно этих процессов приводит к тому, что человек переносит их во взрослую жизнь, что, в свою очередь, приводит к формированию зависимого поведения, к проблемам с близостью и интимностью [3, 7 и др.].

Ключевой характеристикой феномена зависимости является растворение границ: между реальностью и фантазией; между людьми, когда человек не осознает, где начинается и заканчивается его «Я». Подобное слитное существование называется симбиоз, причем такие отношения являются естественными только в младенческом возрасте в диаде «мать-дитя» [10].

При изучении характера взаимосвязи психологической безопасности личности с уровнем привязанности было обнаружено, что избегание привязанности имеет более негативный эффект, чем испытываемая по поводу привязанности тревога. Это можно объяснить тем, что люди с более высоким уровнем тревожности способны ценить и испытывать счастье от отношений, тогда как люди с высоким уровнем избегания не считают отношения важной частью своей жизни [2, 5, 8 и др.].

Нарушения привязанности, а также межличностную и любовную зависимости часто оценивают, как аддиктивные проявления. Можно встретить термин «межличностная аддикция», который тесно связан с эмоциональной зависимостью.

Межличностная аддикция – это специфическое состояние, в основе которого лежит сильная потребность в эмоциональной близости, любви, принятии со стороны значимых людей, ригидное стремление к получению

помощи и поддержки на фоне постоянного ощущения себя беспомощным и слабым, независимо от конкретной ситуации.

При клиническом подходе к пониманию межличностной аддикции в качестве основных критериев называют: наличие непреодолимого стремления к объекту зависимости; страстное влечение, когда человек затрачивает много времени и сил на то, чтобы получить объект зависимости или на то, чтобы прийти в себя после его воздействия; постоянное желание или безуспешные попытки прекратить или контролировать потребность в объекте зависимости; продолжение взаимодействия с объектом зависимости вопреки знанию о том, что имеется постоянная или периодически возникающая физическая или психологическая проблема, которая, вероятно, обусловлена или спровоцирована объектом зависимости; симптомы отмены – «ломка», которая возникает при невозможности получить объект зависимости [1, 6, 9 и др.].

Особую актуальность тема эмоционально зависимых отношений приобретает в подростковом возрасте, который является важным этапом личностного развития. В данный период онтогенеза эмоционально зависимые межличностные отношения рассматриваются преимущественно как трансформация ранее сформировавшихся детско-родительских отношений.

С целью определения особенностей проявления эмоционально зависимых отношений на разных этапах самого подросткового возраста нами было проведено поисковое эмпирическое исследование. В нем приняли участие 31 подросток, учащиеся 5-8-х классов ГБОУ Школы 1392 им. Д.В. Рябинкина г. Москвы в возрасте от 11 до 16 лет (средний возраст 13,2 года), из них 21 человек (67,7 %) – юноши и 10 (32,3 %) – девушки. Группу младших подростков составили 15 участников исследования (11 юношей и 4 девушки, а группу старших подростков – 16 человек, (10 юношей и 6 девушек).

Мы предположили, что у подростков разных возрастных групп эмоциональная зависимость в межличностных отношениях имеет различные проявления. Так, общая зависимость в межличностных отношениях у подростков с возрастом снижается, при этом у младших подростков она проявляется в большей степени по отношению к близким (родителям), а у старших, преимущественно, в любовной аддикции.

При проведении эмпирического исследования были использованы следующие методики [4]: тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда; тест на выявление любовной аддикции по А.Ю. Егорову; опросник привязанности к родителям и сверстникам Г. Армсдена и М. Гринберга.

При сравнительном анализе показателей межличностной зависимости у младших и старших подростков были получены следующие результаты (табл. 1).

Младшие подростки проявляли большую эмоциональную зависимость в межличностных отношениях и имели более выраженную потребность в эмоциональной близости и любви, а также нуждались в близких людях и

были ориентированы на эмоциональную поддержку с их стороны, чем старшие. Следует отметить, что различия не достигли уровня статистической значимости, но соответствовали уровню статистических тенденций. Старшие подростки, в свою очередь, в большей степени, чем младшие, стремились к автономии и независимости (на 5 % уровне значимости).

Таблица 1 – Межличностная зависимость

Шкала/ Показатель	Группы				Р
	Младшие подростки		Старше подростки		
Эмоциональная опора на других	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	0,071
	48,5	5,4	41,5	4,6	
Стремление к автономии	30,2	5,5	36,1	4,7	0,048
Межличностная зависимость	50,5	7,5	44,3	7,9	0,082

При оценке привязанности подростков к родителям было решено определить только показатель привязанности к матери (табл. 2), так как большинство респондентов воспитывались в неполных семьях или в семьях, где отца заменял другой мужчина (дедушка, отчим, дядя).

Таблица 2 – Привязанность к матери

Шкала/ Показатель	Группы				Р
	Младшие подростки		Старше подростки		
Доверие	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	0,814
	36,6	6,1	37,1	7,5	
Общение	22,4	4,9	29,2	2,4	0,724
Отчуждение	17,4	3,8	11,1	3,3	0,102
Привязанность	42,2	6,2	49,1	4,8	0,092

Важно отметить, что в обеих возрастных группах показатели доверия и интенсивности общения подростков с матерью значимо не различались и оказались достаточно высокими. Однако младшие подростки были более склонны к проявлению отчуждения по отношению к матерям, что указывало на их активное стремление к сепарации (на уровне статистических тенденций). В то же время, более высокий показатель по шкале «Привязанность» у старших подростков мог свидетельствовать об успешном завершении сепарационного процесса и желании сохранить теплые и доверительные отношения с матерью уже на равных позициях.

При оценке проявлений у подростков любовной зависимости были получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3 – Любовная зависимость

Шкала	Группы				Р
	Младшие подростки		Старше подростки		
Любовная зависимость	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	<i>Ср. знач.</i>	<i>Ст. откл.</i>	0,052
	4,9	2,1	11,4	3,3	

Следует отметить, что старшие подростки более подвержены любовной зависимости, чем младшие (на 5 % уровне значимости). У младших подростков средний уровень любовной зависимости определяется как низкий, при этом у старших – как средний.

Таким образом, старшие подростки склонны больше времени уделять любимому человеку, проявляя при этом навязчивость по отношению к объекту влюбленности и некритичность к своему поведению, что в целом характерно для данного возрастного периода.

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Младшие подростки по сравнению со старшими более склонны выстраивать эмоционально зависимые межличностные отношения, при этом они в большей степени нуждаются в эмоциональной опоре на других, в то время как старшие – в автономии.

2. В плане межличностных отношений с родителями младшие подростки проявляют меньшую привязанность к матери и более склонны к проявлению эмоционального отчуждения, что, очевидно, связано с сепарационными тенденциями.

3. Любовная зависимость более характерна для старших подростков и может проявляться в навязчивости по отношению к объекту влюбленности и некритичности к своему поведению, что повышает риск формирования любовной аддикции.

Полученные нами результаты и выявленные тенденции требуют дальнейших исследований, наиболее перспективным направлением которых может быть расширение предметного поля научного поиска с целью оценки влияния эмоциональной зависимости в межличностных отношениях на социально-психологическую адаптацию подростков. В свою очередь, расширение и углубление представлений о психологических механизмах формирования эмоционально зависимых отношений позволит наметить пути решения проблемы успешной социализации личности.

Список литературы:

1. Бердичевский А.А. Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 185-204.

2. Воробьева А.А. Психологические корреляты социальной тревоги в юношеском возрасте // Символ науки. 2020. № 11. С. 167-170.

3. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

4. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

5. Зотова Л.В. и др. Потребность в безопасности и опыт близких отношений в подростковом возрасте // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 4 (127). С. 117-129.

6. Новак Н.Г. Психология зависимого и созависимого поведения. Понятие и виды зависимого поведения: практическое руководство. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 45 с.

7. Полянская Т.В. Психологическая граница личности, склонной к эмоциональной зависимости // Кронос. 2022. Т. 6. № 10 (72). С. 66-70.
8. Сабельникова Н.В. и др. Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 89-104.
9. Сельская П.Д. Особенности различных видов зависимого поведения: теоретический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76 (3). С. 85-89.
10. Сорокина Е.Н. Проявление матерью черт эмоциональной зависимости в детско-родительских отношениях, как фактор нарушения сепарационного процесса в диаде мать-дети // Современная психология и педагогика: проблемы и решения. 2020. № 10. С. 55-60.
11. Шамардина М.В., Доровских О.А., Кожевникова А.А. Психологический портрет созависимого подростка // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 198-207.

References:

1. Berdichevsky A.A. Emotion regulation in persons in codependent relationships // Clinical and special psychology. 2021. Vol. 10. № 4. P. 185-204.
2. Vorobyeva A.A. Psychological correlates of social anxiety in adolescence // Symbol of Science. 2020. № 11. P. 167-170.
3. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.
4. Yelbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.
5. Zotova L.V. and others. The need for security and the experience of close relationships in adolescence // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2022. № 4 (127). P. 117-129.
6. Novak N.G. Psychology of dependent and codependent behavior. The concept and types of dependent behavior: a practical guide. Gomel: F. Skorina State State University, 2021. 45 p.
7. Polyanskaya T.V. The psychological boundary of a personality prone to emotional dependence // Kronos. 2022. Vol. 6. № 10 (72). P. 66-70.
8. Sabelnikova N.V. et al. The Russian-language version of the «Questionnaire of attachment to parents and peers» by G. Armsden and M. Grinberg // Psychological Journal. 2023. Vol. 44. № 2. P. 89-104.
9. Selskaya P.D. Features of various types of dependent behavior: a theoretical aspect // Problems of modern pedagogical education. 2022. № 76 (3). P. 85-89.
10. Sorokina E.N. The mother's manifestation of emotional dependence traits in child-parent relations as a factor in disrupting the separation process in the mother-child dyad. // Modern psychology and pedagogy: problems and solutions. 2020. № 10. P. 55-60.
11. Shamardina M.V., Dorovskikh O.A., Kozhevnikova A.A. Psychological portrait of a codependent teenager // Pedagogy and psychology of education. 2020. № 1. P. 198-207.

Ефремова Юлия Сергеевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: julyaeff@mail.ru
Efremova Yulia Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

РАЗВИТИЕ ЭМПАТИИ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПОДРОСТКАМ С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ СЕМЕЙНЫМ ОПЫТОМ

THE DEVELOPMENT OF EMPATHY AND AESTHETIC CONCEPTS AS A MEANS OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO ADOLESCENTS WITH ADVERSE FAMILY EXPERIENCES

Аннотация. В условиях современного общества, характеризующегося разными аспектами нестабильности, подростки, особенно из неблагополучных семей, сталкиваются с эмоциональными и психологическими трудностями, а иногда и травмами, вызванными семейными конфликтами, насилием или отсутствием поддержки. В качестве эффективных средств психологической помощи подросткам с неблагоприятным семейным опытом, могут выступать развитие эмпатии средствами формирования эстетических эталонов в системе приобщения к прекрасному (миру природы, искусства музыки). В статье рассматриваются психологические эффекты взаимообуславливающего развития эмпатии и эстетических представлений (эталонов) в системе коррективного взаимодействия с подростками, в целях формирования средств саморегуляции внутренних состояний и позитивной трансформации общения с окружающими.

Ключевые слова: эмпатия, коммуникация, восприятие, прекрасного, психологическая, помощь, эстетические, эталоны, подростки, неблагоприятный, опыт.

Abstract. In a modern society characterized by various aspects of instability, adolescents, especially from dysfunctional families, face emotional and psychological difficulties, and sometimes trauma caused by family conflicts, violence, or lack of support. Effective means of psychological assistance to adolescents with unfavorable family experiences can be the development of empathy by means of forming aesthetic standards in the system of familiarization with the beautiful (the world of nature, the art of music). The article examines the psychological effects of the interdependent development of empathy and aesthetic concepts (standards) in the system of corrective interaction with adolescents, in order to form means of self-regulation of internal states and positive transformation of communication with others.

Keywords: empathy, communication, perception, aesthetics, psychological, assistance, aesthetic, standards, teenagers, unfavorable, experience.

В современных условиях подростки, столкнувшиеся с неблагоприятным семейным опытом, испытывают значительные психологические трудности. Конфликты в семье, агрессия и насилие, а также недостаток поддержки, оказывают разрушительное воздействие на психику. Неблагоприятный семейный опыт может проявляться в виде вербального или физического насилия, игнорирования, пренебрежения, постоянной критики со стороны родителей или других членов семьи. Развод или смерть одного из родителей, например, могут вызывать чувства утраты и одиночества [6, С. 250].

При столкновении с неблагоприятной ситуацией у подростка возможно проявление краткосрочных психологических реакций, таких как тревога, депрессия, агрессия, апатия, замкнутость. Долгосрочные последствия включают в себя проблемы с самооценкой, сложности в межличностных отношениях и психические расстройства, в том числе, посттравматическое стрессовое расстройство и расстройства настроения [3, 8, 9 и др.].

В качестве инструментов реабилитации травмированных подростков используется широкий репертуар психологических средств. В настоящей статье рассматривается взаимообуславливающее развитие эмпатии и эстетических чувств-представлений (эстетических эталонов), как средства психологической помощи подросткам с неблагоприятным семейным опытом, за счет формирования специфических внутриличностных эффектов, позволяющих справляться с негативными состояниями и последствиями пережитого, и способных к последующей внешней трансляции в ходе социального взаимодействия.

Эмпатия представляет собой способность, позволяющую понимать и разделять чувства других людей, проявляя заботу и поддержку. Она делится на два вида: когнитивная эмпатия, которая подразумевает умение осознавать и интерпретировать чувства других, и эмоциональная эмпатия, позволяющая ощутить те же эмоции. Формирование эмпатии – сложный внутриличностный процесс, на который влияет ряд внутрисемейных факторов, главными из которых выступают детско-родительские отношения. Однако на формирование эмпатической развитости личности могут влиять и внешние факторы, например, связанные с возможностями приобщаться к миру культуры, искусства и музыки, несущие в себе механизмы глубокой трансляции общечеловеческого и социокультурного опыта, способствующие овладению человеком своей природой, а значит успешной саморегуляцией.

В контексте экстренной психологической помощи подросткам, имеющим неблагоприятный семейный опыт, эмпатия становится ключевым элементом в установлении доверительных отношений. Проявление эмпатии создает безопасное пространство, где подростки могут открыто делиться своими проблемами. Эмпатичные подростки, обладая жизнестойкостью, способны не только справляться с собственными эмоциями, но и поддерживать окружающих. Эта способность сопереживания позволяет им строить крепкие социальные связи, что в свою очередь укрепляет их внутреннюю устойчивость. Эффективная коммуникация, основанная на эмпатии, создает поддержку, где подростки могут чувствовать себя в безопасности и быть услышанными [10, С. 100].

Эмпатия не только способствует индивидуальному эмоциональному развитию подростков, но и укрепляет социальные связи внутри групп. Создавая атмосферу взаимопонимания и поддержки, эмпатичные подростки формируют сообщества, где каждый участник чувствует свою ценность. Эти социальные сети могут стать защитным механизмом против стресса и негативного влияния извне. Поддержка сверстников в трудные времена,

понимание и готовность помочь друг другу в решении проблем способствует созданию важного чувства принадлежности и участия.

Разнообразие интересов и увлечений служит важным ресурсом для подростков, помогая им справляться с трудностями. Участие в творческих проектах, спортивных мероприятиях или клубах по интересам не только обогащает их жизнь, но и предоставляет возможность для саморазвития и самовыражения. Эти активности помогают подросткам находить щелчки стресса и повседневной рутины, позволяя сосредоточиться на позитивном опыте и достижениях.

Обсуждение увлечений также создает пространство для обмена опытом, что может быть особенно полезным в трудноразрешимых ситуациях [1, 2 и др.]. Через совместные занятия и разговоры подростки могут осознавать, что они не одиноки в своих переживаниях. Это понимание, в свою очередь, способствует развитию гармонии между внутренним состоянием и внешним окружением.

В подростковой среде эмпатия способствует взаимопониманию и формированию чувства принадлежности, что снижает уровень стресса и тревожности. Эмпатия является не только основой для построения крепких социальных связей, но и важным элементом жизнестойкости. Эмпатичные подростки обычно лучше справляются с вызовами и трудностями, так как они могут осознать и обработать свои эмоции, а также эмоции других. Эта способность позволяет им находить конструктивные способы решения проблем и помогает окружающим справляться с трудностями.

Восприятие красивого и формирование эстетических представлений являются сложными психологическими феноменами, неразрывно связанными с общим личностным развитием. Ключевую роль в данном процессе играют эмоциональная отзывчивость, развитие образного мышления и воображения, а также, постепенная интериоризация культурных эталонов красоты.

В психологической науке разработан ряд концептуальных моделей, позволяющих изучить особенности восприятия и переживания красоты школьниками, имеющими неблагоприятный семейный опыт. Согласно концепции интериоризации, предложенной Л.С. Выготским и его последователями, восприятие и понимание красоты тесно связано с процессом присвоения личностью социокультурных норм, ценностей и смыслов. Ребенок, воспитывающийся в условиях неблагоприятной семейной среды, сталкивается с дефицитом позитивных образцов восприятия прекрасного, что приводит к затруднениям в интериоризации эстетических эталонов и, как следствие, в усвоении социально-культурных нормативов-ценностей.

П.А. Сабадош, развивая идеи интериоризации, отмечает, что в структуре эстетического отношения личности ключевую роль играют ценностно-смысловые компоненты. Именно они отвечают за придание воспринимаемому объекту личностной значимости и эмоциональной окрашенности. Дети и подростки из неблагополучных семей зачастую

испытывают трудности в присвоении социально одобряемых эстетических ценностей, что обуславливает фрагментарность и нецелостность их восприятия красоты. В качестве механизма, обеспечивающего интериоризацию эстетических эталонов, Сабадош рассматривает эстетическую эмпатию, предложенную в концепции П.М. Якобсона. Эмпатическое переживание красоты, основанное на слиянии субъекта и объекта восприятия, позволяет личности глубоко прочувствовать и присвоить культурно-исторический опыт эстетического отношения к миру.

Восприятие красоты позволяет отвлекаться от негативного опыта, восстанавливать психологическое равновесие, снижать стресс и формировать чувство гармонии. Например, эстетические ощущения от природных ландшафтов способствуют внутреннему покою и вдохновению, восприятие красоты искусства порождает глубокие эмоциональные реакции, давая подросткам возможность для самовыражения и отражения своих переживаний. Искусство, во всех его проявлениях, служит источником вдохновения и умиротворения, улучшая психоэмоциональное состояние. Совместное восприятие искусства и природы укрепляет социальные связи и способствует эмоциональной поддержке, позволяя подросткам чувствовать себя частью сообщества. Погружение в высокие идеи, связанные с философскими или эстетическими концепциями, также вдохновляют подростков на личностный рост и развитие. Восприятие красоты через искусство и природу способствует эмоциональному благополучию и гармоничному развитию личности [8, С. 376].

В моменты стресса или тревоги погружение в красоту – через музыку, искусство или природу – может служить мощным механизмом управления эмоциями. Например, прослушивание любимой музыки или наблюдение за живописным пейзажем вызывает положительные ассоциации и воспоминания, что помогает создать пространство для эмоционального восстановления. Для подростка, который испытывает давление в учебе или столкнулся с проблемами в отношениях, музыка может становиться не просто хобби, а полноценным способом самовыражения и эмоциональной поддержки. Аккорды и мелодии выражают внутренний мир и чувства растущей амбивалентной личности, позволяя ей придумывать альтернативную реальность, в которой появляется способность контролировать свои эмоции и найти выход из трудных ситуаций. Восприятие или опыт создания музыки помогает подростку наладить контакт с самими собой.

Эстетическая наполненность способствует развитию креативности: подросток может занять активную позицию, используя музыку как инструмент для обработки своих чувств, трансформируя боль и страдания в искусство. Поддержка, возникающая из этого процесса, может быть весьма мощной. Музыка становится средством не только для общения с окружающими, но и для того, чтобы вести диалог с самим собой, осмысливая и перерабатывая свои эмоции [1, 7].

Интуитивистский подход акцентирует внимание на том, что эстетические переживания открывают альтернативные пути познания, обогащая рациональное мышление интуитивными инсайтами. Психодинамический аспект связывает эстетические переживания с интеграцией конфликтующих психических импульсов, помогая достигать внутреннего баланса. Экзистенциальный подход подчеркивает, что эстетика способствует большему осознанию жизненной целостности и связи с миром, расширяя горизонты личностного роста и самовыражения. Таким образом, ресурсная функция эстетических переживаний является многогранной, обогащающей личную и социальную жизнь [7].

Искусство может служить не просто средством самовыражения, но и платформой для диалога. Вопросы, поднятые в произведениях искусства, часто отражают волнующие темы общества. Подростки, взаимодействуя с такими произведениями, получают возможность обсуждать важные социальные и этические проблемы – от идентичности до социальной справедливости. Общение о произведениях искусства может стать катализатором глубоких разговоров, способствуя эмоциональному развитию и социальному взаимодействию [5].

Восприятие красоты в подростковом возрасте вносит свой вклад в формирование идентичности. Это время усиленного самопознания, когда молодые люди начинают осознавать свои собственные предпочтения, вкусы и моральные ценности. Увлечение определенными видами искусства или стилями природы может стать отражением индивидуальности. Восприятие красоты в жизни подростков может стать не только укрытием, но и мощным источником силы и вдохновения в моменты кризиса. Красота, будь то в природе, искусстве или музыке, действует как своеобразный маяк, который ведет нас через бурные воды трудностей и проблем, напоминая о том, что жизнь полна возможностей и света, даже когда присутствуют темные облака.

Подростки, осознавая, что красота существует даже в самые тяжелые времена, начинают формировать более гибкое отношение к вызовам повседневности. Это привязывает их к естественному циклу жизни, где страдания и радость идут рука об руку. Открытость к эстетическому опыту помогает воспринимать свои собственные переживания не как абсолют, а как временные состояния, что облегчает их эмоциональное бремя.

Эстетические переживания играют ключевую роль в эмоциональной и психической жизни человека, выполняя важную ресурсную функцию. Они не только обогащают внутренний мир, но и способствуют адаптации к окружающей среде. В соответствии с эволюционным подходом, эстетические переживания могут рассматриваться как ресурс видовой адаптации, помогающий людям выживать и развиваться в сложных социальных условиях. Психофизический аспект подчеркивает, что эстетическое восприятие позволяет эффективно обрабатывать сенсорные стимулы, создавая гармонию между внутренним состоянием и внешним миром.

Эстетическое восприятие, усваиваемое через искусство и красоту окружающего мира, может служить мощным инструментом для расширения

эмоционального опыта и развития эмпатических способностей. Подростки, сталкивающиеся с трудностями в семье, могут чувствовать себя изолированными и непонятыми, поэтому важно создать пространство, где они смогут выразить свои чувства и переживания.

Эстетические переживания способны вызывать поток положительных эмоций, которые помогают не только отвлечься от негативных мыслей, но и способствуют более здоровому восприятию себя и своей ситуации. Когда подростки погружаются в красоту, они учатся находить смысл и вдохновение, что в свою очередь укрепляет их уверенность в себе и понимание, что трудности, которые они переживают, не определяют их как личностей.

Таким образом, эстетическое восприятие, основанное на способности человека чувствовать, переживать и оценивать прекрасное, выступает фактором, определяющим развитие эмпатических способностей личности. Данный феномен, стимулируя децентрацию и расширение эмоционального опыта, способствует формированию более глубокого и многогранного понимания внутренних состояний себя и других людей.

Теоретики коммуникативной эстетики, Г. Блумер, Б. Арнхейм, акцентируют внимание на роли социальной коммуникации в развитии восприятия и понимания прекрасного. Обмен эстетическими впечатлениями и суждениями, по их мнению, выступает важным условием интериоризации культурных кодов и визуальных метафор, определяющих эстетические эталоны личности [4, С. 15].

Помимо эстетических эталонов для развития эмпатических способностей личности имеют значение *этические* эталоны. Данное понятие относится к системе моральных ценностей, норм и принципов, определяющих оценку человеком собственных поступков, а также поведения и качеств окружающих. Этические нормы помогают подросткам оценивать собственные поступки и умозрительно относиться к действиям других. Этика и эстетика в данном контексте взаимодействуют, позволяя подросткам не только осознавать степень своей ответственности, но и учиться сопереживать. Современные концепции, такие как «эстетическая жизнь как этика» и «этика эстетического самоконструирования», подчеркивают, что этические аспекты восприятия искусства и красоты могут служить основой для формирования личности и построения социальных отношений.

Способность к открытой и поддерживающей коммуникации является важным механизмом для подростков в процессе преодоления трудностей. Обсуждение переживаний и обращение за поддержкой к сверстникам или взрослым способствует интеграции негативного опыта и укрепляет жизнестойкость.

Эстетическая развитость выступает одним из краеугольных оснований эмпатичности современной личности. С другой стороны, справедливо и обратное: высокая эмпатичность является основой легкого проникновения мира искусства в мир личности, создавая широкую палитру эстетических переживаний и формирования эстетическо-этических эталонов.

Эмпатия в межличностной коммуникации создает пространство, где подростки могут делиться своими чувствами и переживаниями без страха осуждения. Этот аспект играет ключевую роль в формировании жизнестойкости, так как выражение эмоций способствует их обработке и снижению внутреннего напряжения. Поддержка со стороны эмпатичных сверстников и взрослых позволяет подросткам осознать, что они не одиноки в своих переживаниях. Эмпатичные подростки лучше понимают, как их слова и действия влияют на эмоциональное состояние окружающих, что позволяет им стать моделями для сверстников. Эта динамика содействует формированию устойчивой социальной сети, где каждый участник ощущает свою значимость и ценность. Таким образом, эмпатия выступает мощным инструментом для развития жизнестойкости и взаимной поддержки среди подростков. Подростки с разнообразными интересами и увлечениями имеют дополнительные источники вдохновения и эмоциональной поддержки. Эффективное обсуждение таких интересов помогает осознать наличие возможностей для выхода из сложных ситуаций и ресурсы для восстановления. Обсуждение увлечений и хобби становится важным элементом в процессе поддержания и укрепления их внутренней устойчивости [8, С. 376].

Когда подросток осознает, что красота способна существовать даже в самых проблемных ситуациях, это открывает перед ним множество путей для преодоления трудностей. Эта осознанность служит мощным антикризисным ресурсом, позволяя молодым людям не только справляться с вызовами жизни, но и активно искать и создавать моменты красоты даже в самых, казалось бы, безнадежных условиях. Таким образом, восприятие красоты становится своего рода защитным механизмом, который помогает сохранить психологическое здоровье и устойчивость.

Искусство оказывает значительное влияние на управление стрессом и негативными эмоциями, предоставляя подросткам альтернативные способы выражения своих переживаний. Занятия живописью, скульптурой и творческим письмом, например, позволяют молодым людям выражать свои эмоции не словами, а в визуальных или текстовых формах. Этот процесс творческой деятельности несет в себе детоксикационное воздействие, способствуя освобождению от тяжелых эмоциональных состояний и снижению психического напряжения.

Наблюдение за результатами своего труда – производением искусства, созданным в условиях стресса, может вызвать у подростков чувство контроля и достижения. Создание чего-то красивого, даже в моменты страха или тревоги, помогает укрепить их уверенность в собственных силах и внушить надежду на лучшее. Это осознание того, что в условиях эмоционального дискомфорта возможно создавать что-то ценное и эстетически приятное, способствует формированию положительного самоощущения и повышению жизнестойкости [6].

Таким образом, эмпатия и восприятие красивого (прекрасного) выступают не только как средство выражения эмоций, но и как важный

ресурс для психологического благополучия подростков, позволяя им справляться с трудными эмоциональными состояниями и находить в себе силы для преодоления трудных жизненных ситуаций.

Список литературы:

1. Гареев Т.Д. Влияние стресса на организм человека // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 4. С. 1661-1664.

2. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Карпенюк К.В., Петров В.Е. Подростковая анорексия как маркер психологического неблагополучия в семье // Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы III научного форума с межд. участием / под ред. В.М. Позднякова, В.Е. Петрова. М.: ФГБОУ МГППУ, 2024. С. 84-89.

4. Кокуш М.Ю. Структурный анализ эстетико-политической коммуникации: дис. канд. философ. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011.

5. Корнилова Т.В. Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 57-68.

6. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

7. Танкаян А.А., Гвоздикова А.А. Природа как источник вдохновения: влияние природы на творческий потенциал человека // Вестник науки. 2024. Т. 5. № 3 (72). С. 428-433.

8. Тараскина А.С. Факторы, влияющие на формирование жизнестойкости в юношеском возрасте // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы V международной научной конференции. 2021. С. 375.

9. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

10. Янова Н., Першина М. Антибуллинговые компетенции подростка: асертивность и жизнестойкость // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2022. Т. 4. № 1. С. 91-107.

References:

1. Gareev T.D. The effect of stress on the human body // Issues of sustainable development of society. 2022. № 4. P. 1661-1664.

2. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Karpenyuk K.V., Petrov V.E. Adolescent anorexia as a marker of psychological distress in the family // Extreme psychology in an extreme world: Proceedings of the III Scientific forum with international relations. V.M. Pozdnyakov, V.E. Petrov. Moscow: FSBEI MGPPU, 2024. P. 84-89.

4. Kokush M.Yu. Structural analysis of aesthetic and political communication: PhD in Philosophy. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2011.

5. Kornilova T.V. Empathy in the structures of intellectual and personal potential: the unity of intelligence and affect // Psychological Journal. 2022. Vol. 43. № 3. P. 57-68.

6. Psychological support for the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.
7. Tankayan A.A., Gvozdikova A.A. Nature as a source of inspiration: the influence of nature on human creativity // Bulletin of Science. 2024. Vol. 5. № 3 (72). P. 428-433.
8. Taraskina A.S. Factors influencing the formation of resilience in adolescence // Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: proceedings of the V International Scientific Conference. 2021. P. 375.
9. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.
10. Yanova N., Pershina M. Anti-bullying competencies of a teenager: assertiveness and resilience // Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University. 2022. Vol. 4. № 1. P. 91-107.

Зинатуллина Азалия Маратовна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
старший преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология», кандидат психологических наук
e-mail: azaliazinatullina@mail.ru

Zinatullina Azalia Maratovna,
Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia), Senior Lecturer of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, PhD in Psychology

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ НА БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ВЗРОСЛЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

THE IMPACT OF STRESS RESISTANCE DEVELOPMENT ON THE HEALTH INDICATORS OF ADULT LEARNERS

Аннотация. В статье подчеркивается необходимость формирования и развития навыка стрессоустойчивости для любого взрослого человека, находящегося в постоянном профессиональном и личностном становлении. Были выделены контрольная (33 человека) и экспериментальная (30 человек) группы, в которых респондентами стали магистранты, совмещающие профессиональную и учебную деятельность. Экспериментальная группа приняла участие в полугодовой тренинговой программе развития стрессоустойчивости, результаты реализации которой более подробно рассмотрены в статье.

Ключевые слова: здоровье, стресс, стрессоустойчивость, взрослые обучающиеся, учебная деятельность, профессиональная деятельность, биологический возраст.

Abstract. The article highlights the need for the formation and development of stress tolerance skills for any adult who is in constant professional and personal development. The control (33 people) and experimental (30 people) groups were identified, in which the respondents were undergraduates combining professional and educational activities. The experimental group participated in a six-month stress tolerance training program, the results of which are discussed in more detail in the article..

Keywords: health, stress, stress tolerance, adult learners, educational activities, professional activities, biological age.

В современное время стресс является неотъемлемой частью жизни любого человека, что заставляет задуматься о высокой необходимости в поисках адаптивных копинг-стратегий, позволяющих нивелировать губительные последствия стрессовых реакций на здоровье. Так, мы понимаем, что развитие стрессоустойчивости, как способности справляться с негативными воздействующими факторами и сохранять при этом психологическое и физическое благополучие, будет важной задачей личности [2]. Более того, учитывая достаточно высокие требования работодателей на рынке труда, многие специалисты стремятся получать и второе, и третье высшее образование, чтобы быть конкурентноспособными, а это, в свою очередь, ведет к возникновению новых стрессовых ситуаций, когда уже взрослые люди должны совмещать профессиональную и учебную деятельность [1, 3 и др.]. В связи с этим в рамках высшей школы также

специальной компетенцией будет формирование у обучающихся стрессоустойчивости.

Исследования в области стрессоустойчивости проводились отечественными (П.К. Анохин, И.П. Павлов, С.В. Субботин, Б.Х. Варданян, В.М. Генковска, А.Н. Леонтьев, П.Б. Зильберман, Т.Г. Бохан, В.А. Бодров, Б.Б. Величковский и др.) и зарубежными (Г. Селье, Р. Лазарус, П.Р. Гринкер, А. Каган, Л. Леви, С. Фолкман, А. Антоновский и др.) учеными.

Вместе с тем влияние развития стрессоустойчивости у взрослых обучающихся на их показатели здоровья практически подробно не изучено на сегодняшний день, что подчеркивает необходимость исследования данного вопроса.

Материалы и методы.

1. Методика «Определение биологического возраста по В.П. Войтенко». Данная методика состоит из опросника «Определение самооценки здоровья (СОЗ)» и формулы определения биологического возраста. В формулу включены следующие показатели: пульсовое артериальное давление для женщин; статическое балансирование на левой ноге (в положении с руками вдоль туловища и с закрытыми глазами); масса тела для женщин. Интегральным показателем является БВ – биологический возраст.

2. Формула определения должного биологического возраста для разных возрастных групп – ДБВ. Показатель характеризует средний биологический возраст для конкретной возрастной группы в настоящее время в Российской Федерации.

3. Индекс БВ – ДБВ (биологический возраст – должный биологический возраст), как индекс индивидуального старения. Отрицательные значения говорят об индивидуальной молодости человека, а положительные – об индивидуальном старении относительно статистических норм.

4. Тест на стрессоустойчивость по методике К. Шрайнера (обратная шкала: чем выше балл, тем слабее уровень регуляции в стрессовых ситуациях).

5. Тест на стрессоустойчивость Холмса и Раге (обратная шкала: меньше 150 баллов - большая степень сопротивляемости стрессу; 150-199 баллов – высокая степень; 200-299 – пороговая (средняя) степень; 300 баллов и более – низкая (ранимая) степень).

6. Методика «Прогноз» для первоначального выделения лиц с признаками нервно-психической неустойчивости (прямая шкала: 13 баллов и менее – нервно-психические срывы маловероятны; 14-28 баллов – нервно-психические срывы вероятны, особенно в экстремальных ситуациях; 29 баллов и более – высокая вероятность нервно-психических срывов).

7. Тренинговая Программа развития стрессоустойчивости у взрослых, совмещающих профессиональную и учебную деятельность. Ее реализация происходила в течение 6 месяцев.

8. Методы математической статистики: U-критерий Манна-Уитни, непараметрический критерий знаков – G-критерий, однофакторный дисперсионный анализ Anova.

В исследовании приняли участие 63 магистранта (женщины, совмещающие профессиональную и учебную деятельность), которые были распределены в экспериментальную (30 человек, ср. возраст - 36,0 лет) и контрольную (33 человека, ср. возраст – 35,7 лет) группы посредством случайного отбора с целью повышения статистической достоверности.

Результаты. В рамках исследования стрессоустойчивости среди обучающихся в магистратуре (из экспериментальной группы) была разработана тренинговая программа ее развития, которая была реализована в течение 6 месяцев с частотой занятий по одному разу в неделю (смешанный формат: очный и дистанционный). Данная программа содержит в себе четыре тематических блока: информационная часть – о раскрытии понимания стресса и стрессоустойчивости; коммуникационная часть – о понимании личностных особенностей окружающих; субъектно-ориентировочная часть – о понимании собственных особенностей и характеристик; заключительная часть – о подведении итогов и закреплении нового положительного опыта.

До начала тренинговой программы был проведен сравнительный анализ показателей у участников ЭГ и КГ (биологический возраст, календарный возраст, стрессоустойчивость, работоспособность (табл. 1)).

Таблица 1 – Средние показатели календарного, биологического возраста и стрессоустойчивости

Показатели	ЭГ	КГ	U _{эмп}	p-уровень значимости
Календарный возраст	35,50	34,10	472,0	-
Пульсовое артериальное давление	70,30	70,50	93,0	-
Масса тела	67,10	62,90	397,0	-
Статическое балансирование на левой ноге	70,10	59,30	473,5	-
Определение самооценки здоровья	9,40	9,40	466,5	-
Биологический возраст	41,60	40,99	257,0	-
Индекс индивидуального старения	3,70	5,10	212,0	-
Стрессоустойчивость по методике К. Шрайнера ¹	4,23	3,520	322,5	-
Стрессоустойчивость по методике Холмса и Page ¹	587,40	605,20	424,0	-
Нервно-психическая неустойчивость по методике «Прогноз» ²	18,70	25,70	231,5	-

Примечание: 1 – обратная шкала. 2 – прямая шкала.

На основании полученных результатов мы видим, что статистически значимых различий между ЭГ и КГ не обнаружено, что указывает на эквивалентные данные в обеих группах, в связи с чем можно объективно оценивать воздействие тренинговой программы по развитию стрессоустойчивости на показатели биологического возраста.

После реализации тренинговой программы были повторно осуществлены замеры биологического возраста и стрессоустойчивости в 2

группах (с применением непараметрического критерия знаков – G-критерий) (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика изменения показателей биологического возраста и стрессоустойчивости при первом и втором замерах

Показатели	ЭГ (до тренинга)	ЭГ (после тренинга)	КГ (1 замер)	КГ (2 замер)
Календарный возраст	35,5	35,9	34,1**	34,8**
Пульсовое артериальное давление	70,3	70,1	70,5**	74,4**
Масса тела	67,1	66,2	62,9	63,3
Статическое балансирование на левой ноге	70,1**	88,0**	59,3	60,0
Определение самооценки здоровья	9,4*	8,5*	9,4	9,7
Биологический возраст	41,6**	38,2**	40,99**	44,0**
Индекс индивидуального старения	3,7**	-0,012**	5,1**	6,4**
Стрессоустойчивость по методике К. Шрайнера ¹	4,23*	3,37*	3,52	3,55
Стрессоустойчивость по методике Холмса и Раге ¹	587,4*	324,1*	605,2**	720,9**
Нервно-психическая неустойчивость по методике «Прогноз» ²	18,7	17,8	25,7	24,1

Примечание: 1 – обратная шкала; 2 – прямая шкала;

* – значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** – значимость на уровне $p \leq 0,01$.

За полгода в контрольной группе отмечаются достоверные ухудшения в показателях: пульсового артериального давления с 70,5 до 74,4; биологического возраста с 40,99 до 44,0; индекса индивидуального старения с 5,1 до 6,4. Такая отрицательная динамика демонстрирует ухудшение показателей, отражающих физиологическое состояние обучающихся. Что касается экспериментальной группы, то после реализации тренинговой программы наблюдается следующее: статическое балансирование на левой ноге увеличилось с 70,1 до 88,0; балл по самооценке проблем со здоровьем снизился с 9,4 до 8,5; биологический возраст снизился с 41,6 до 38,2; индекс индивидуального старения снизился с 3,7 до -0,012; согласно методике К. Шрайнера стрессоустойчивость повышается, так как баллы снизились с 4,23 до 3,37 (обратная шкала); также наблюдается снижение баллов с 587,4 до 324,1 по методике Холмса и Раге (обратная шкала), которое означает повышение стрессоустойчивости.

В целях проверки позитивного влияния развития стрессоустойчивости у взрослых обучающихся был проведен однофакторный дисперсионный анализ Anova (табл. 3).

На уровне статистических тенденций было обнаружено, что программа развития стрессоустойчивости оказала положительное влияние на ее показатели, так как повышение стрессоустойчивости исходя из имеющихся

данных привело к снижению биологического возраста и индекса индивидуального старения.

Таблица 3 – Влияние положительного изменения стрессоустойчивости по методике Холмса и Раге на биологический возраст и индекс индивидуального старения

Показатели	Среднее значение в ЭГ (до тренинга)	Среднее значение в ЭГ (после тренинга)	F	p	Размер эффекта
Биологический возраст	41,6	38,2	3,818	,061	Наблюдается тенденция к уменьшению
Индекс индивидуального старения	3,7	-0,012	3,518	,071	Наблюдается тенденция к уменьшению

Выводы. В XXI веке любой взрослый человек, стремящийся к постоянному профессиональному и личностному развитию, сталкивается с огромной нагрузкой в контексте работы с большими объемами информации как на работе, так и в процессе обучения в высшей школе. Также нужно понимать, что во взрослом периоде личности необходимо решать и ряд других жизненно важных задач, связанных с семейными и социальными, обязательствами, поэтому обладание навыком стрессоустойчивости является ключевым и важным в рамках формирования благополучия личности.

Более того, освещая вопросы переживания стресса, требуется учитывать не только понимание стрессовых ситуаций и событий, но и их влияние на показатели и психологического, и физического здоровья. В нашем исследовании последнее было отображено через интегральный показатель биологического здоровья, который, действительно, согласно данным, улучшается при повышении стрессоустойчивости.

Таким образом, стрессоустойчивость – это один из ключевых показателей психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям и грамотного и успешного преодоления трудных вызовов современности.

Список литературы:

1. Зинатуллина А.М. Развитие стрессоустойчивости как фактор замедления биологического возраста у взрослых людей, совмещающих учебу с работой // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 6.
2. Некрасова А.С., Лаврова И.А. Особенности стрессоустойчивости работающих и неработающих студентов как проблемный аспект формирования специальной компетенции учащихся // Научно-методологические основы формирования физического, психического здоровья и культуры безопасности детей и молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 ноября 2023 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 136-141.
3. Петров В.Е., Зинатуллина А.М. Стрессоустойчивость как протектор биопсихологического старения представителей профессий особого риска // Человеческий капитал, 2021. № 11 (155). С. 66-71. DOI: 10.25629 / HC.2021.11.06.

References:

1. Zinatullina A.M. Development of stress resistance as a factor in slowing down biological age in adults combining study with work // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11. № 6.

2. Nekrasova A.S., Lavrova I.A. Features of stress resistance of working and non-working students as a problematic aspect of the formation of special competence of students // Scientific and methodological foundations for the formation of physical, mental health and safety culture of children and youth: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Yekaterinburg, November 30, 2023. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2023. P. 136-141.

3. Petrov V.E., Zinnatullina A.M. Stress resistance as a protector of biopsychological aging is a profession of special risk. // Human Capital. 2021. № 11 (155). P. 66-71. DOI: 10.25629/NC.2021.11.06.

Иордан Арина Анатольевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент
e-mail: aatsua2006@mail.ru

Jordan Arina Anatolyevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

Остапенко Анна Олеговна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
студент
e-mail: annie.ost@mail.ru

Ostapenko Anna Olegovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), student

Петров Владислав Евгеньевич,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология»,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenevich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Associate Professor of the Department
of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty
of Extreme Psychology, PhD in Psychology, Associate
Professor

ВЛИЯНИЕ СКЛОННОСТИ К ЭЛИТАРНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ЖЕНЩИН НА БЛАПОПОЛУЧИЕ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

THE INFLUENCE OF WOMEN'S TENDENCY TO ELITIST BEHAVIOR ON WELL- BEING IN FAMILY RELATIONSHIPS

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследования феноменологии склонности женщин к элитарному поведению в связи с построением межличностных отношений в семьях. Применалось анкетирование на тему межличностных отношений и тестирование по методике оценки выраженности склонности к элитарному поведению В.Е. Петрова. В исследовании приняло участие 37 женщин. Установлено, что элитарное поведение женщин в форме высокомерия, эгоизма, неприступность, обесценивания создаёт напряженность в межличностных отношениях и проблемы для функционирования современной семьи. Выделено два психотипа поведения женщин с разной степенью элитарного поведения. Материал направлен на совершенствование мер психологической поддержки молодых семей.

Ключевые слова: элитарность, семейные отношения, высокомерие, эгоизм, неприступность, обесценивание.

Abstract. The article examines the results of a study of the phenomenology of women's tendency to elitist behavior in connection with building interpersonal relationships in families. We used a questionnaire on interpersonal relations and testing based on the methodology for assessing the severity of V.E. Petrov's propensity for elitist behavior. 37 women participated in the study. It has been established that the elitist behavior of women in the form of arrogance,

selfishness, inaccessibility, and devaluation creates tension in interpersonal relationships and problems for the functioning of the modern family. There are two psychotypes of women's behavior with different degrees of elite behavior. The material is aimed at improving psychological support measures for young families.

Keywords: elitism, family relations, arrogance, selfishness, inaccessibility, devaluation.

В последнее время во всем мире и в России активно рассматриваются вопросы построения семейных отношений. Акцент делается на различных аспектах – совместимости, конфликтности, ролевом взаимодействии, конкуренции и т.п. Рассматриваются защитные механизмы [2], самооценка и самореализация [1, 3 и др.], социальные установки и образы [9, 11 и др.], манипулятивное поведение [10], нарциссические тенденции [4, 6 и др.]. Исследователи не обходят вниманием проблемы борьбы и конкуренции между полами [5, 7 и др.].

В настоящей статье предпринята попытка исследования феноменологии женской элитарности и её влияние на отношения в семье.

Элитарность – это одна из ценностных характеристик личности женщины, проявляющаяся в постулате исключительности данного индивида, абсолютного превосходства над мужчинами, завышенной самооценке или собственной значимости, снисходительной манере общения, обесценивания представителей противоположного пола. При знакомстве с такой женщиной мужчина воспринимается как недостойный или недостаточно конкурентный персонаж. Чрезмерная гордость, самолюбие, высокомерие и не критичность ограничивают возможности женщины в знакомствах с противоположным полом, «отсеивают» потенциально выгодных партнёров.

Методы исследования: анкетирование на тему межличностных отношений и тестирование по методике оценки выраженности склонности к элитарному поведению В.Е. Петрова [8]. Обработка данных с применением пакета IBM Statistics v 27.0 предполагала описательную статистику, корреляционный и кластерный анализы. В исследовании приняло участие 37 женщин, возраст $28,3 \pm 6,1$ лет, продолжительность отношений $5,8 \pm 2,2$ лет.

Для оценки женской элитарности применялась четырёхвекторная модель, в составе которой:

1. Высокомерие (проявляется как безразличное и надменное отношение к чувствам других людей, стремление принижать мнение мужчин, превознося себя любыми способами). Женщины с выраженным высокомерием часто не воспринимают партнера всерьез и могут умалять его значимость. Это приводит к эмоциональной дистанции и недоверию в отношениях. Примеры таких проявлений могут включать язвительные комментарии, ироничное отношение к достижениям мужчины или постоянное подчеркивание своей значимости.

2. Эгоизм (стремление удовлетворять только свои собственные желания и потребности, ставя их выше интересов мужчин). В отношениях это выражается в неспособности учитывать чувства и потребности партнера. Женщины с выраженным эгоизмом могут проявлять это в требовательности, ожидании постоянного внимания и заботы, в отказе идти на компромисс.

Такое поведение может вызывать напряжение и разногласия в паре, ведя к разрыву или конфликтам.

3. Обесценивание мужчин (процесс недооценки, унижения или принижения мужчин и их качеств как индивидуумов). Может проявляться через стереотипы о слабости или негативные предположения о личных характеристиках мужчин. Такие установки могут корениться в прошлых разочарованиях или социальных установках и приводят к тому, что женщина сознательно или бессознательно воспринимает мужчину как менее значимого или способного. Подобное поведение может нарушить баланс в отношениях и снизить самооценку партнера.

4. Неприступность (проявляется в сдержанности, уверенности и недоступности для мужчин). Женщина с такой чертой демонстрирует холодность и неподдающийся характер, что создает впечатление недостижимости и загадочности. С одной стороны, это может быть привлекательно на начальном этапе отношений, создавая эффект таинственности. Однако в долгосрочной перспективе подобная дистанцированность мешает партнерам установить близкие эмоциональные связи, ведет к отчуждению и чувству непонимания. Это может проявляться в форме стереотипов о слабости или негативных предположений о мужчинах и их личных характеристиках.

Основные результаты исследования. Описательная статистика и визуализация распределений диагностируемых показателей (рис. 1) показали, что соответствующие графики близки, но не соответствуют нормальному распределению.

Для оценки влияния склонности к элитарному поведению на благополучие в семейных отношениях проведён корреляционный анализ по Спирмену между тестовыми и анкетными данными, приведёнными к 9-балльной шкале (табл. 1).

Наиболее неблагоприятное влияние на отношения с мужчиной оказывает обесценивающее поведение женщины. Увеличивается частота супружеских конфликтов ($R_s=0,610$; $p\leq 0,01$), снижаются удовлетворённость отношениями ($R_s=-0,452$; $p\leq 0,01$), понимания со стороны мужчины ($R_s=-0,527$; $p\leq 0,01$) и выраженность позитивных эмоций ($R_s=-0,355$; $p\leq 0,05$). Аналогичная взаимосвязь установлена для шкалы «эгоизм» – корреляция с частотой конфликтов ($R_s=0,438$; $p\leq 0,01$) и непониманием со стороны партнёра ($R_s=-0,325$; $p\leq 0,05$), а также для шкалы «неприступность» – корреляция с негативными эмоциями ($R_s=-0,362$; $p\leq 0,05$) и непониманием со стороны партнёра ($R_s=-0,348$; $p\leq 0,05$).

Интересная зависимость прослеживается для показателей «Высокомерие – Внимание со стороны мужчины»: чем в большей степени выражено высокомерие, тем больше в субъективной оценке женщина получает внимания со стороны мужчины ($R_s=0,317$; $p\leq 0,05$). Можно предположить, что именно ради этого женщины применяют подобную модель поведения. Более того, позитивные эмоции во взаимоотношениях женщинам доставляет демонстрация неприступности и обесценивания.

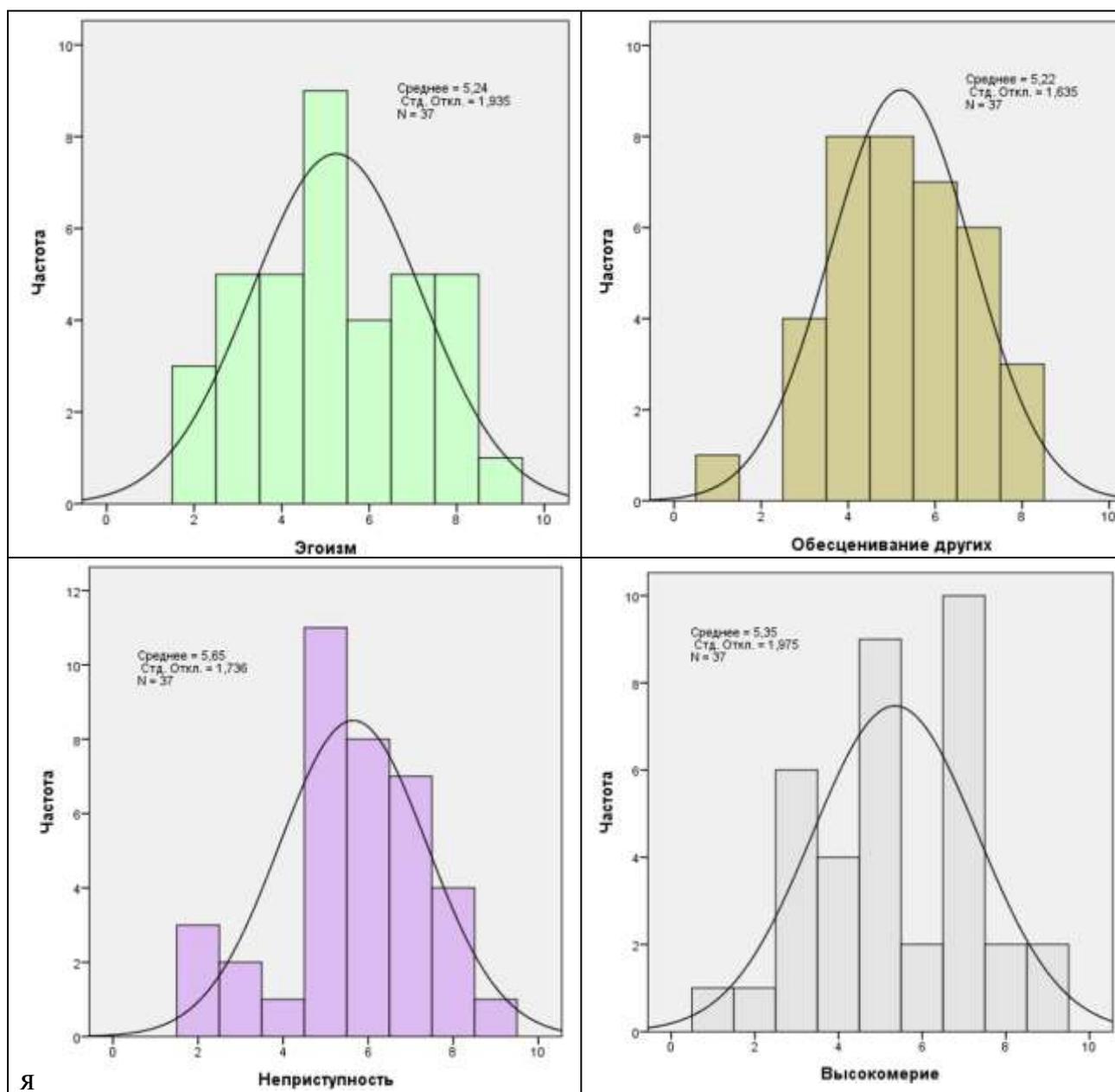

Рисунок 1 – График плотности вероятности нормального распределения показателей

Таблица 1 – Корреляционные связи показателей элитарного поведения и межличностных отношений в семье

Тест / анкета	Эгоизм	Обесценивание	Неприступность	Высокомерие
Частота конфликтов в месяц	0,438**	0,610**	-	-
Удовлетворенность отношениями	-	-0,452**	-	-
Позитивные эмоции	-	-0,355*	-0,362*	-
Внимание со стороны мужчины	-	-	-	0,317*
Понимание со стороны мужчины	-0,325*	-0,527**	-0,348*	-

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Для разработки типологии женского поведения был проведён двух этапный кластерный анализ (рис. 2).

Рисунок 2 – Сведения по моделям кластеризации

Конечные центры кластеров позволяют выделить типы поведения женщин: 1) женщины с ярко выраженным эгалитарным поведением; 2) женщины со сдержанным поведением. Если представители первого типа строят межличностные отношения с ориентацией на активное использование эгоизма, обесценивания, неприступности, высокомерия, то представители второго типа стараются избегать подобного манипулятивного поведения.

Таблица 2 – Параметры выделенных кластеров

Конечные центры кластеров		
Показатель	Кластер	
	1	2
Эгоизм	6	4
Обесценивание других	6	4
Неприступность	7	5
Высокомерие	7	4
Число наблюдений в каждом кластере, человек	20	17

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что элитарное поведение женщин (около 54 % респондентов) в некоторой степени создаёт напряженность в межличностных отношениях, создаёт проблемы для функционирования современной семьи. Подобное обстоятельство актуализирует необходимость оказания мер психологической поддержки семейных отношений, особенно, в молодых семьях.

Список литературы:

1. Александрова Е.А. Проблемы самореализации мужчин и женщин в контексте отношений в семейной жизни // Социология. 2023. № 2. С. 144-155.
2. Валиуллина М.Е. Образ мира и защитные механизмы Эго у девушек с различной эмоциональной устойчивостью // Вестник ТГГПУ. 2016. № 1 (43). С. 332-337.

3. Вараева Н.В. Феномен женственности и его взаимосвязь с женской самооценкой // Наука, образование, общество. 2016. № 1 (7). С. 269-280.
4. Жмурин И.Е., Корнейчик И.В. Особенности проявления негативного нарциссизма в семейных отношениях // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. № 1. С. 102-118.
5. Каликова Ю.В., Березина А.А. Женщина не против мужчин: проблемы гендерного равенства // Наукосфера. 2022. № 1-1. С. 143-145.
6. Калина Н.Ф. Нарциссический брак: микрофизика власти // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 124-129.
7. Кормилицин А.В., Рудин И.В., Кочурина Н.А. Выбор долговременного партнера: концепции биологического и психологического // Вестник ТГПУ. 2012. № 6 (121). С. 112-120.
8. Петров В.Е., Русина Е.О., Балабекян М.В. Психологическая оценка выраженности склонности к элитарному поведению у современных женщин // Модернизация России. Ключевые проблемы и пути их решения: Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам межд. научно-практ. конф. в апреле 2024 года. Часть 2. М.: Изд-во «Перо», 2024. С. 79-86.
9. Плешакова Е.В. Проблема особенности смыслового выбора супруга женщиной на этапе создания семьи // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2021. Т. 4. № 5. С. 79-86.
10. Танасов Г.Г., Сысоева О.А. Манипулирование в отношениях женщины с мужчиной // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 1. С. 152-157.
11. Швецова В.А. Психологические особенности образа «Идеального мужчины» в представлениях девушек // Достижения вузовской науки. 2013. № 7. С. 192-195.

References:

1. Alexandrova E.A. Problems of self-realization of men and women in the context of relationships in family life // Sociology. 2023. № 2. P. 144-155.
2. Valiullina M.E. The image of the world and the protective mechanisms of the Ego in girls with different emotional stability // Bulletin of the TGGPU. 2016. № 1 (43). P. 332-337.
3. Varaeva N.V. The phenomenon of femininity and its relationship with female self-esteem // Science, education, society. 2016. № 1 (7). P. 269-280.
4. Zhmurin I.E., Korneychik I.V. Features of the manifestation of negative narcissism in family relations // Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2022. № 1. P. 102-118.
5. Kalikova Yu.V., Berezina A.A. A woman is not against men: problems of gender equality // Naukosphere. 2022. № 1-1. P. 143-145.
6. Kalina N.F. Narcissistic marriage: the microphysics of power // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2020. Vol. 6 (72). № 4. P. 124-129.
7. Kormilitsin A.V., Rudin I.V., Kochurina N.A. Choosing a long-term partner: biological and psychological concepts // Bulletin of TSPU. 2012. № 6 (121). P. 112-120.
8. Petrov V.E., Rusina E.O., Balabekyan M.V. Psychological assessment of the severity of the tendency to elitist behavior in modern women // Modernization of Russia. Key problems and ways to solve them: A collection of publications by teachers and students based on the results of the international scientific and practical conference in April 2024. Part 2. Moscow: Publishing house «Pero», 2024. P. 79-86.
9. Pleshakova E.V. The problem of the peculiarities of the semantic choice of a spouse by a woman at the stage of creating a family // Innovative science: Psychology. Pedagogy. Defectology. 2021. Vol. 4. № 5. P. 79-86.

10. Tanasov G.G., Sysoeva O.A. Manipulation in the relationship of a woman with a man // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2011. № 1. P. 152-157.

11. Shvetsova V.A. Psychological features of the image of the «Ideal man» in the representations of girls // Achievements of university science. 2013. № 7. P. 192-195.

Лагунова Александра Сергеевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации,
психолог сектора экстренного реагирования и психологического консультирования отдела экстренной психологической помощи
e-mail: lagunovaas@mgppu.ru

Lagunova Alexandra Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), the Federal Coordination Center for Psychological Service in the Education System of the Russian Federation, Psychologist of the Emergency Response and Psychological Counseling Sector of the Department of Emergency Psychological Assistance

Аганина Мария Олеговна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации,
психолог сектора экстренного реагирования и психологического консультирования отдела экстренной психологической помощи
e-mail: aganinamo@mgppu.ru

Aganina Maria Olegovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), the Federal Coordination Center for Psychological Service in the Education System of the Russian Federation, Psychologist of the Emergency Response and Psychological Counseling Sector of the Department of Emergency Psychological Assistance

**ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПОСЛЕ ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ
ОРГАНИЗАЦИЮ
STUDY OF THE PSYCHOEMOTIONAL STATE OF STUDENTS AFTER AN ARMED
ATTACK ON AN EDUCATIONAL INSTITUTION**

Аннотация. Вооруженное нападение в образовательных организациях в последние годы становится острой социальной проблемой как для России, так и для мирового сообщества. Событие, угрожающее жизни и здоровью людей, несет в себе аспекты травматического влияния на личность. Целью исследования выступает изучение психоэмоционального состояния при пролонгированном психологическом сопровождении психологами Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации обучающихся образовательной организации г. Брянска с учетом непрерывного образовательного процесса организованного после вооруженного нападения на образовательную организацию.

Ключевые слова: вооруженное нападение, психоэмоциональное состояние обучающихся, образовательная среда, адаптация к образовательному процессу, участники образовательных отношений, психологическое сопровождение.

Abstract. In recent years, armed attacks in educational institutions have become an acute social problem for both Russia and the international community. An event that threatens people's lives and health carries aspects of a traumatic impact on a person. The purpose of the study is to study the psychoemotional state with prolonged psychological support by psychologists of the Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the education system of the Russian Federation for students of the Bryansk educational organization, taking into account the continuous educational process organized after an armed attack on an educational organization.

Keywords: armed attack, psychoemotional state of students, educational environment, adaptation to the educational process, participants in educational relationships, psychological support.

В настоящее время все больше уделяется внимания психологическому состоянию несовершеннолетних. Одной из ситуаций психотравмирующего воздействия может выступать вооруженное нападение на участников образовательной организации, которое является чрезвычайным в связи с фактором неожиданности, а также по своей интенсивности, длительности и тяжести последствий [4]. Подобная психическая травма подрывает личностную уверенность в защищенности и безопасности, поэтому все эмоциональные и поведенческие проявления являются нормальной реакцией на ненормальные условия. Сразу после вооруженного нападения обучающиеся испытывают шок, страх и высокую тревожность. Они стремятся избегать стимулов, возбуждающих воспоминания о травме и отличаются повышенным возбуждением.

В статье рассматривается опыт оказания экстренной и кризисной психологической помощи участникам образовательных отношений в связи с ситуацией вооруженного нападения на одну из образовательных организаций г. Брянска специалистами Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации (далее – ФКЦ). Основная работа мобильной антикризисной бригады психологов в данных ситуациях направлена на стабилизацию психоэмоционального состояния, оказание психологической поддержки и формирования оптимального взаимодействия между всеми участниками образовательных отношений [5, 6 и др.].

Рассматривая психологические последствия у обучающихся в первый месяц в результате вооруженного нападения, представляется важным проследить динамику психоэмоционального состояния в результате непрерывного образовательного процесса после вооруженного нападения, с целью определения мишеней для дальнейшего психологического сопровождения пострадавших и их успешной адаптации к образовательному процессу [1, 3 и др.].

В исследовании приняло участие 15 обучающихся в возрасте от 14 до 15 лет, пострадавших от вооруженного нападения (исследование проведено при помощи специалистов ГАУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» Брянской области).

В исследовании использовались методики: Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16PF), предназначена для написания широкой сферы индивидуально-

личностных отношений. WHO5 Well Being Index (Индекс хорошего самочувствия), методику можно использовать для первичной, предварительной диагностики депрессии у старших подростков. Цветовой тест диагностики нервно-психических состояний Люшера, проективная методика исследования личности. Восприятие цвета объективно и универсально, но цветовые предпочтения являются субъективными, и это различие позволяет измерить субъективные состояния с помощью цветового теста.

Исследование проводилась в три этапа:

1 этап: проведение групповой работы с несовершеннолетними с целью отреагирования эмоций, связанных с произошедшим событием, снятие острых стрессовых реакций, индивидуальная работа с обучающимися;

2 этап: проведение групповой работы с целью минимизации острых реакций, снятия эмоционального напряжения и стабилизации эмоционального состояния;

3 этап: психологическая диагностика, интерпретация данных, предоставление рекомендаций образовательной организации по взаимодействию с обучающимися, пролонгированное сопровождение образовательной организации, родителей пострадавших и обучающихся.

Психологическая диагностика испытуемых проводилась на третьем этапе работы, когда обучающие были относительно эмоционально стабильны и были доступны к контакту. На первом этапе работы обучающиеся испытывали острые стрессовые реакции, в этой связи диагностика была невозможна.

В ходе проведенного анализа, в рамках многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла, выявлены основные тенденции группы респондентов, основанные на ярко выраженных особенностях психологической картины и поведения каждого обучающегося. Методика позволяет оценить характерологические особенности личности, отражающие способы взаимодействия обучающегося с окружающим миром и самим собой, а также выявляет насколько личность способна адаптироваться к стрессу, какие стратегии совладания могут быть свойственны личности [2].

По результатам психологического обследования выявлено следующее:

- 13 % обучающихся имеют низкий уровень исполнительности и считают это вполне приемлемой формой поведения, могут никак не реагировать, когда их побуждают что-то делать. Они не испытывают дискомфорта, когда им делают замечания по поводу неисполнительности;

- 53 % обучающихся имеют низкий уровень честолюбия. Их полностью устраивает то, как у них складывается жизнь, какое положение они занимают в классе и компании. Если у них что-то не получается, это их не волнует. К учебной неуспеваемости могут относиться спокойно и не предпринимать никаких усилий по преодолению школьных проблем. Побудительные мотивы не выражены, о своем будущем еще не задумываются. Бывает, что ни к чему не проявляют самостоятельного интереса. Такое состояние может быть временным;

▪ 13 % обучающихся имеют высокий уровень тревожности, что свидетельствует о дезадаптации, постоянном ожидании неприятностей, они не верят в свои силы, жизнь представляется в виде сплошных неприятностей, которые они предотвратить не могут и ожидают их со страхом;

▪ 13 % обучающихся имеют низкий уровень безопасности, что свидетельствует о преобладании у подростков пессимистического отношения к жизни, ощущения ее бессмысленности, и собственной ненужности, что иногда сочетается с повышенной настороженностью, озабоченностью имеющимися или кажущимися проблемами;

▪ 20 % обучающихся имеют высокую эмоциональную реактивность. Такой подросток не может сдерживать своих реакций, ему характерны яркие внешние проявления: крики, слезы, истерики, он может наговорить грубостей, а потом жалеть об этом. Эмоциональная реактивность может усиливаться на начальной стадии подросткового кризиса;

▪ 27 % обучающихся имеют низкий уровень коммуникативной активности; эти подростки робкие, застенчивые, могут теряться в новой обстановке. Могут испытывать затруднения, когда приходится отвечать на уроках без подготовки;

▪ 13 % обучающихся имеют низкий уровень потребности в общении. Они хорошо чувствуют себя в одиночестве, обществу одноклассников предпочитают свои любимые занятия. Могут иметь одного друга, с которым тоже встречаются редко;

▪ 33 % обучающихся имеют низкий уровень психического напряжения, что говорит о невозмутимости, адекватном и реалистичном отношении к неудачам. Такие обучающиеся могут найти положительные стороны в любой ситуации, однако, могут демонстрировать отсутствие амбиций, не стремиться к достижениям в учебе. Психическое состояние детей расслабленное, снижена импульсивность.

Совокупность всех факторов по результатам личностного опросника Р. Кеттелла показывает, что 33 % обучающихся проявляют признаки неблагоприятных и деструктивных состояний, требующих дальнейшего психолого-педагогического сопровождения. Такие результаты могут говорить о том, что часть обучающихся испытывают трудности в саморегуляции поведения, коммуникативной активности, эмоциональной и мотивационной сфере. Следовательно, можно предположить, что такие результаты обоснованы недавней травматизацией, которая дезадаптирует обучающихся.

Для оценки психического состояния испытуемых использовалась методика «WHO5 Well Being Index», данная методика позволяет оценить степень депрессивного состояния после пережитого стрессового события. Депрессивное состояние является одним из симптомов ПТСР. По результатам диагностики «WHO5 Well Being Index» 27 % детей проявляют тенденции депрессивного состояния, у остальных обучающихся 73 % индекс хорошего самочувствия в последние две недели находится в норме. Таким

образом, можно говорить о застревании некоторых несовершеннолетних на травматической ситуации.

Чтобы оценить степень тревожности, раздражительности, эмоциональной удовлетворенности у испытуемых после пережитого стрессового события использовалась методика «Цветовой тест диагностики нервно-психических состояний Люшера». По результатам диагностики по методике «Цветовой тест диагностики нервно-психических состояний» у 40 % обучающихся на момент обследования проявляется высокий уровень тревожности, у остальных 60 % этот показатель в норме.

Высокий уровень раздражительности наблюдается у 40 %, средний – у 20 %, у 40% – низкий уровень. У большинства обучающихся (10 чел.) проявляется низкий уровень эмоциональной удовлетворенности, у остальных 5 человек – средний. Уровень психологической энергии находится в норме у 5 чел. из числа участвовавших в опросе. У 5 человек наблюдается психологическое истощение.

2/3 респондентов на момент обследования имеют хорошее и удовлетворительное нервно-психическое состояние, у пяти человек нервно-психическое состояние характеризуется как «весьма плохое» и «скорее плохое».

По результатам диагностики у 40 % обучающихся на момент обследования проявляется повышенный уровень тревожности при высоком уровне раздражительности и сниженной эмоциональной удовлетворенности. Кроме того, у данной категории детей наблюдается истощение психологической энергии и неудовлетворительное нервно-психическое состояние.

По результатам заполнения представленных выше опросников 40 % обучающихся демонстрировали повышенный уровень тревожности и раздражительности.

Симптомы депрессии (по формальным критериям индекса хорошего настроения) наблюдались у 40 % обучающихся. Учитывая, что депрессивное состояние является одним из важных факторов риска суицидального поведения, обучающиеся этой категории требуют дополнительного внимания и психолого-педагогического сопровождения.

Большая часть детей адаптировалась к сложившейся ситуации. Подростки, в основном, успешно справляются с эмоциональными переживаниями. Следовательно, можно предположить, что комплексная психологическая помощь обучающимся, пережившими стрессовое событие, позволяет снизить психическое напряжение, тревожность, депрессивные симптомы и в целом помогает в адаптации к выходу на очное обучение. Обучающимся оказывается пролонгированная психологическая помощь для снижения уровня тревожности в процессе обучения, преодоления негативных явлений и улучшения качества жизни. Пролонгированная психологическая помощь включает:

1. Групповые встречи с обучающимися (тренинги на темы: развитие перспективы будущего, развитие жизнестойкости, обучение эффективным копинг-стратегиям совладания со стрессом).

2. Индивидуальные психологические консультации (по запросу обучающихся). Основные запросы: как преодолеть воспоминания о произошедшей трагедии, страхи темноты, толп людей, громких звуков, снижение мотивации к учебной деятельности).

3. Организовывается совместный досуг обучающихся для сплочения класса (экскурсии, волонтерская школьная деятельность, коллективные конкурсы).

4. Лекционные психологические мероприятия на темы: как совладать со стрессом, как помочь себе, когда плохо, как преодолеть одиночество.

Проведенное исследование позволяет составить индивидуальную маршрутизацию пролонгированной психологической работы с каждым ребенком.

Также необходима работа с педагогическим составом. Работая учителями, сталкиваешься с проблемой отрицания собственных переживаний. Все внимание педагогов сосредоточено на эмоциональном состоянии детей. Во многом это обуславливается вовлеченностью их как родителей, ведь у большинства педагогического состава дети обучаются в данной образовательной организации. Необходимо донести до педагогов важность переключения фокуса внимания на собственное состояние и обращение за своевременной психологической помощью.

Практическая перспектива проведенного исследования состоит в дальнейшем совершенствовании рекомендаций и мер предупреждения и профилактики отложенных негативных психических проявлений у всех участников образовательных отношений посредством разработки программ психолого-педагогического сопровождения.

Список литературы:

1. Васильева А.В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2022. № 122 (10). С. 72-81.

2. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

3. Кекелидзе З.И., Портнова А.А. Посттравматическое стрессовое расстройство у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2002. Т. 102. №. 12. С. 56-62.

4. Кисляков П.А. Современные угрозы социальной безопасности образовательной среды и их профилактика // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 2 (22).

5. Рыбников В.Ю., Цуциева Ж.Ч. Психология посттравматического стрессового расстройства у детей, жертв терроризма: концепция формирования и коррекции; Всерос. центр экстр. и радиац. медицины им. А.М. Никифорова МЧС России. Санкт-Петербург: Ладога, 2010. 205 с.

6. Тарабрина Н.В., Хажуев И.С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 215-226.

References:

1. Vasilyeva A.V. Post-traumatic stress disorder at the Center for International Studies: from the «soldier's heart» to ICD-11. // Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. 2022. № 122 (10). P. 72-81.
2. Elbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.
3. Kekelidze Z.I., Portnova A.A. Post-traumatic stress disorder in children and adolescents // Journal of Neurology and Psychiatry named after C.C. Korsakov. 2002. Vol. 102. № 12. P. 56-62.
4. Kislyakov P.A. Modern threats to the social security of the educational environment and their prevention // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 2 (22).
5. Rybnikov V.Yu., Tsutsieva J.Ch. Psychology of post-traumatic stress disorder in children, victims of terrorism: the concept of education and correction; All Russian. the extra center. and the radiator. medicine named after A.M. Nikiforov of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Saint Petersburg: Ladoga Publ., 2010. 205 p.
6. Tarabrina N.V., Khazhuev I.S. Post-traumatic stress and protective coping behavior in the population living in a prolonged emergency situation // Experimental psychology. 2015. Vol. 8. № 3. P. 215-226.

Семиди Наталья Борисовна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: natalia.semida@gmail.com
Semida Natalia Borisovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ РЕГИОНОВ

FEATURES OF EMOTIONAL WELL-BEING OF YOUNGER ADOLESCENTS FROM DIFFERENT REGIONS

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей в эмоциональном благополучии младших подростков. В исследовании приняли участие 35 подростков 11-13 лет из г. Москвы и г. Уфы, 19 девочек (54,3%) и 16 мальчиков (45,7%). Были выявлены гендерные особенности, обнаружено достоверное различие между девочками и мальчиками по эмоциональному благополучию творческой среды школы. В региональном разрезе достоверных различий по эмоциональному благополучию образовательной среды не обнаружено.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, младшие подростки, гендерные особенности, эмпатия, эмоциональное неблагополучие на экзаменах, творческая среда школы.

Abstract. The article is devoted to identifying differences in the emotional well-being of younger adolescents. The study involved 35 adolescents aged 11-13 from Moscow and Ufa, 19 girls (54.3%) and 16 boys (45.7%). We identified gender characteristics and found significant difference between girls and boys in emotional well-being of the creative school environment. In the regional context, no reliable differences in the emotional well-being of the educational environment as a whole and by components were found.

Keywords: emotional well-being, younger adolescents, gender characteristics, empathy, emotional distress during exams, creative school environment.

В настоящее время эмоциональное благополучие младших подростков снижается из-за их ускоренного развития, завышенных требований со стороны родителей и социальных ожиданий образовательных учреждений. Глобализация угроз и вызовов при отсутствии качественной диагностики эмоционального благополучия младших подростков еще больше определяет актуальность данного исследования. Поддержание эмоционального благополучия необходимо для всестороннего развития в подростковом возрасте. Многие авторы, изучавшие эмоции, исследовали феномен эмоционального благополучия. Они показали, что эмоциональное благополучие является частью структуры психологического благополучия и структуры психологической безопасности личности [8, 11 и др.].

В отечественной психологии Т.Н. Березина, С.А. Водяха и другие авторы занимаются разработкой оригинальных и адаптированных зарубежных методов диагностики психологического благополучия [1, 3 и др.]. Современные отечественные и зарубежные исследования в области эмоционального благополучия в подростковом возрасте базируются на

возможностях самого подростка в контексте ситуации его социального развития – семьи, учебного заведения, досуговой деятельности, творческой деятельности [2, 4, 6, 9, 11, 12 и др.]. Подобные исследования проводились за рубежом, где было показано влияние региона проживания и пола на субъективное благополучие молодежи [13].

В рамках программы «Десятилетие детства в России» методология и инструментарий исследования субъективного благополучия детей и подростков в Российской Федерации обсуждались на международных научно-практических конференциях молодых исследователей образования, организованных МГППУ в 2023-2024 гг. В качестве неотъемлемой части конструкта субъективного благополучия предложен эмоциональный компонент как сумма положительного и отрицательного опыта подростка, что соответствует понятию эмоционального благополучия [10].

Стоит отметить, что многие современные исследования эмоционального благополучия проводились без учета гендерных различий. Мы считаем, что дальнейшее исследование особенностей развития подростков разного пола крайне важно для предотвращения эмоционального неблагополучия школьников и принятия профилактических мер по обеспечению безопасности образовательной среды по гендерным особенностям.

В нашем исследовании мы опирались на следующие концепции: Концепция эмоционального благополучия образовательной среды Т.Н. Березиной [1]; Теория психологического благополучия для детей и подростков С.А. Водяхи [3]; Модель аспектов гендерных различий в социокультурном разрезе В.И. Екимовой и ее школы [5].

Для эмпирического исследования были отобраны 2 естественные группы подростков 5-х классов из случайно выбранных общеобразовательных школ г. Москвы и г. Уфы. В процессе тестирования 8 подростков выбыли из участия при заполнении первой анкеты. Исследование было полностью анонимным и проводилось с использованием псевдонимов.

В исследовании приняли участие младшие подростки — девочки и мальчики 11-13 лет, учащиеся 5-х классов г. Москвы и г. Уфы. Всего в исследовании приняли участие 35 подростков, из них 19 девочек и 16 мальчиков (54,3% и 45,7% соответственно). Подростки были разделены на 2 группы по половому признаку (Ж – женский и М – мужской).

Для изучения гендерных различий в региональном разрезе были разделены на отдельные группы подростки г. Москвы (всего 12 человек, из них 5 девочек и 7 мальчиков) и подростки г. Уфы (всего 23 человека, всего 14 девочек и 9 мальчиков).

Методы эмпирического исследования: 1) опросник «Эмоциональная безопасность образовательной среды» (Березина Т.Н.); 2) анкета психологического благополучия (Водяха С.А.); 3) анкета для диагностики уровня эмпатических способностей Бойко В.В. (тест эмпатии Бойко).

Для систематизации полученных данных и использования их для научных и практических выводов использовались методы математической

статистики: показатели описательной статистики (среднее арифметическое и стандартное отклонение), U-критерий Манна-Уитни для оценки значимости различий.

Сравнительный анализ эмоционального благополучия образовательной среды с использованием методики Т.Н. Березиной показал следующие результаты: в целом образовательная среда оказалась эмоционально благополучной для подростков обоего пола. На объединенной выборке из г. Москвы и г. Уфы выявлена статистически значимая разница между девочками и мальчиками-подростками в оценке своего эмоционального благополучия в творческой среде школы (табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ эмоционального благополучия образовательной среды (объединенная выборка г. Москва и г. Уфа)

Шкалы	Группы				U	P
	Ж		М			
	X ср.	σ.	X ср.	σ.		
Эмоциональное благополучие образовательной среды	1,2	0,50	1,5	0,90	117,00	не достоверно
Учебное благополучие	1,0	0,40	1,1	0,80	132,00	не достоверно
Экзаменационное благополучие	0,7	0,04	1,0	1,00	121,50	не достоверно
Благополучие на переменах	1,6	0,90	1,9	1,10	127,50	не достоверно
Домашнее благополучие	1,2	0,90	1,6	0,90	131,50	не достоверно
Благополучие в общении с одноклассниками	2,1	1,20	2,6	1,20	121,50	не достоверно
Благополучие творческой среды	1,3	0,70	1,8	1,00	101,00	$p \leq 0.05$
<i>Примечание: 101 - $p \leq 0.05$; 82 - $p \leq 0.01$</i>						

Пречание: Xср – среднее арифметическое, σ – стандартное отклонение.

Однако сравнительный анализ эмоционального благополучия образовательной среды в региональном разрезе по отдельным городам показал противоречивые результаты.

В г. Москве между девочками-подростками и мальчиками-подростками по оценке ими эмоционального благополучия образовательной среды в целом и по ее компонентам статистически значимых различий обнаружено не было.

Между девочками-подростками и мальчиками-подростками г. Уфы обнаружено статистически значимое различие в оценке ими своего эмоционального благополучия образовательной среды в целом, а также по компонентам экзаменационного благополучия и благополучия в творческой среде школы.

Сравнительный анализ психологического благополучия по методике С.А Водяхи не выявил достоверных результатов. По объединенной выборке г. Москва и г. Уфа по психологическому благополучию в целом и по

отдельным его элементам, в частности по позитивным эмоциям и позитивным межличностным отношениям, статистически значимых различий между девочками-подростками и мальчиками-подростками не было обнаружено.

Таблица 2 – Сравнительный анализ эмоционального благополучия образовательной среды в региональном разрезе (г. Москва)

Шкалы	Группы				U	P
	Ж		М			
	X ср.	σ.	X ср.	σ.		
Эмоциональное благополучие образовательной среды	1,3	0,60	1,1	0,40	11,50	не достоверно
Учебное благополучие	1,0	0,70	0,8	0,60	13,00	не достоверно
Экзаменационное благополучие	0,9	0,50	0,7	0,40	12,50	не достоверно
Благополучие на переменах	1,6	0,90	1,5	1,00	16,50	не достоверно
Домашнее благополучие	1,0	0,50	1,3	0,70	15,50	не достоверно
Благополучие в общении с одноклассниками	2,3	1,20	2,4	1,20	16,00	не достоверно
Благополучие творческой среды	1,8	0,80	1,4	0,50	24,00	не достоверно
<i>Примечание: 6 - $p \leq 0.05$; 3 - $p \leq 0.01$</i>						

Таблица 3 – Сравнительный анализ эмоционального благополучия образовательной среды в региональном разрезе (г. Уфа)

Шкалы	Группы				U	P
	Ж		М			
	X ср.	σ.	X ср.	σ.		
Эмоциональное благополучие образовательной среды	1,1	0,50	1,8	1,00	27,00	$p \leq 0,05$
Учебное благополучие	1,0	0,30	1,4	0,90	42,50	не достоверно
Экзаменационное благополучие	0,6	0,30	1,3	1,20	26,00	$p \leq 0,01$
Благополучие на переменах	1,6	0,90	2,2	1,20	43,00	не достоверно
Домашнее благополучие	1,3	0,90	1,8	1,10	47,50	не достоверно
Благополучие в общении с одноклассниками	2,0	1,20 0	2,7	1,20	45,50	не достоверно
Благополучие творческой среды	1,2	0,70	2,2	1,10	24,50	$p \leq 0,01$
<i>Примечание: 36 - $p \leq 0.05$; 26 - $p \leq 0.01$</i>						

Сравнительный анализ эмпатических способностей по методике В.В. Бойко показал, что по общей эмпатии в целом, так и в разрезе ее структурных компонентов эмпатия выше у девочек-подростков. По объединенной выборке г. Москва и г. Уфа в целом и по таким компонентам

эмпатии как интуитивный канал эмпатии, идентификация, установки к эмпатии, статистические различия между девочками-подростками и мальчиками-подростками оказались статистически значимыми.

Таблица 4 – Сравнительный анализ уровня эмпатии по структурным компонентам (объединенная выборка г. Москва и г. Уфа)

Шкалы	Группы				U	P
	Ж		М			
	X ср.	σ.	X ср.	σ.		
эмпатия общая	21,2	5,4	16,4	5,40	87,50	$p \leq 0,05$
эмоциональный канал	3,0	1,20	2,90	2,00	145,50	не достоверно
рациональный канал	3,1	1,50	2,50	1,40	126,50	не достоверно
интуитивный канал	3,8	1,70	2,30	1,40	73,00	$p < 0,01$
проникающая способность к эмпатии	3,9	1,50	3,80	1,50	145,50	не достоверно
установки	3,5,	1,50	2,6	1,20	96,50	$p \leq 0,05$
идентификация	3,9	1,20	2,4	1,50	70,00	$p < 0,01$
<i>Примечание: 101 - $p \leq 0,05$; 82 - $p \leq 0,01$</i>						

При помощи семантического анализа псевдонимов было выявлено, что у девочек-подростков наблюдается более широкий разброс от стандартных до деструктивных и инфантильных смыслов. Мальчики-подростки в целом использовали стандартные псевдонимы, в основном связанные с именами и увлечениями, деструктивных псевдонимов выявлено не было,

Таблица 5 – Семантический анализ псевдонимов в региональном разрезе

Псевдонимы	Группы			
	г. Москва		г. Уфа	
	Ж	М	Ж	М
ВСЕ, из них:	5	7	14	9
деструктивные	0	0	4	0
инфантильные	1	1	4	1

В ходе проведенного нами статистического анализа результатов полученных данных было выявлено:

1) половыми особенностями девочек-подростков являются эмоциональное напряжение во время зачетов и экзаменов (экзаменационный стресс), а также высокая способность к сопереживанию, особенно развитый интуитивный канал, идентификация и установки, способствующие сопереживанию;

2) половые особенности мальчиков-подростков – достаточно высокий уровень эмоционального благополучия в образовательной среде, а также сниженная способность к сопереживанию;

3) в целом образовательная среда эмоционально безопасна для подростков обоих полов в объединенной выборке г. Москвы и г. Уфы;

4) между девочками-подростками и мальчиками в объединенной выборке г. Москвы и г. Уфы выявлена достоверная разница в оценке своего эмоционального благополучия в творческой среде школы;

5) в региональном разрезе статистически значимые различия выявлены в эмоциональном благополучии образовательной среды в целом, а также в компонентах экзаменационного благополучия и благополучия в творческой среде школы только в г. Уфа; в г. Москве статистически значимых различий обнаружено не было.

Результаты данного исследования могут быть использованы практикующими психологами в индивидуальной и групповой работе с подростками разного пола [7], а также психологами образовательных учреждений с целью выявления, разработки практических рекомендаций, программ диагностики и профилактики эмоционального стресса с учетом гендерных особенностей младших подростков.

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Анализ эмоциональной безопасности образовательной среды в учебных заведениях разного уровня // Психология обучения. 2017. № 1. С. 124-137.

2. Березина Т.Н. Ценностно-смысловые факторы ожидаемого профессионального долголетия магистрантов программы «Психология профессий особого риска» // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 5-21. DOI: 10.17759/epps.2024010201.

3. Водяха С.А., Водяха Ю.Е. Динамика эмоционального благополучия младших подростков при переходе из младшей школы в среднюю // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. № 5. С. 440-443.

4. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

5. Екимова В.И., Филиппова А.С. Гендерные различия: социокультурный аспект // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 64-66.

6. Карабанова О.А. Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 16-26. DOI: 10.17759/pse.2019240502.

7. Петров В.Е., Филиппенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

8. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

9. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.

10. Семья Г.В. О результатах апробации инструментария оценки субъективного благополучия подростков // Социальные науки и детство. 2024. Т. 5. № 1. С. 59-71. DOI: 10.17759/ssc.2024050105.

11. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

12. Шатковская У.П. Формирование эмоционального благополучия младших школьников во внеурочной деятельности // Материалы Ивановских чтений. 2023. № 2 (41). С. 105-109.

13. Dachev B.A., Heron J.E., Alati R. Parental depressive symptoms across the first three years of a child's life and emotional and behavioural problem trajectories in children and adolescents // *Journal of Psychiatric Research*. 2023. Vol. 159. P. 135-144. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2023.01.019.

References:

1. Berezina T.N. Analysis of the emotional safety of the educational environment in educational institutions of different levels // *Psychology of learning*. 2017. № 1. P. 124-137.

2. Berezina T.N. Value-semantic factors of expected professional longevity of undergraduates of the program «Psychology of professions of special risk» // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 2. P. 5-21. DOI: 10.17759/epps.2024010201.

3. Vodyakha S.A., Vodyakha Yu.E. Dynamics of emotional well-being of younger adolescents during the transition from primary school to secondary school // *Personality in culture and education: psychological support, development, socialization: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. 2017. № 5. P. 440-443.

4. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

5. Ekimova V.I., Filippova A.S. Gender differences: a sociocultural aspect // *Siberian Psychological Journal*. 2008. № 27. P. 64-66.

6. Karabanova O.A. The role of family and school in ensuring the psychological well-being of younger schoolchildren // *Psychological science and education*. 2019. Vol. 24. № 5. P. 16-26. DOI: 10.17759/pse.2019240502.

7. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

8. Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model of information and psychological security // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 1. P. 44-58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.

9. Psychological support of employees requiring increased attention: a methodological guide / M.I. Maryin [et al.]. Moscow: Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

10. Semya G.V. On the results of testing tools for assessing the subjective well-being of adolescents // *Social sciences and childhood*. 2024. Vol. 5. № 1. P. 59-71. DOI: 10.17759/ssc.2024050105.

11. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // *Extreme psychology and personal security*. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

12. Shatkovskaya U.P. Formation of emotional well-being of younger schoolchildren in extracurricular activities // *Materials of the Ivanovo readings*. 2023. № 2 (41). P. 105-109.

13. Dachev B.A., Heron J.E., Alati R. Symptoms of depression in parents during the first three years of a child's life and trajectories of emotional and behavioral problems in children and adolescents // *Journal of Psychiatric Research*. 2023. Vol. 159. P. 135-144. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2023.01.019.

Степанова Анастасия Вадимовна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: lonelytruth@mail.ru
Stepanova Anastasia Vadimovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

VALUE ATTITUDES OF ADOLESCENTS PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

Аннотация. Статья посвящена исследованию ценностных установок подростков с девиантными формами поведения. Установлено, что чем ниже уровень отношения к жизненным ценностям (любовь к родителям, желание иметь верных друзей, сочувствие и доброта к окружающим, желание помогать, забота о близких), тем выше вероятность возникновения развития девиантного поведения. Материал направлен на совершенствование психологической помощи подросткам.

Ключевые слова: ценностные установки, жизненные ценности, девиантное поведение, нравственное воспитание.

Abstract. The article is devoted to the study of the value attitudes of adolescents with deviant behaviors. It has been established that the lower the level of attitude towards life values (love for parents, the desire to have loyal friends, empathy and kindness to others, the desire to help, caring for loved ones), the higher the likelihood of deviant behavior. The material is aimed at improving psychological assistance to adolescents.

Keywords: values, life values, deviant behavior, moral education.

Ценностные установки являются одними из важнейших составляющих личности. Они формируются на протяжении жизни и формируют мотивационную сферу человека. Ценностные ориентации имеют свою систему, которая в свою очередь входит в структуру личности человека, влияет на выбор его действия, способствует удовлетворению потребностей, регулирует поведение. Поиск смысла жизни, самоопределение, жизненные цели также зависят от того, как складываются ценностные установки в развитии личности.

В отечественной психологии существовали различные подходы к изучению ценностей. Некоторые ученые рассматривали ценностную структуру во взаимосвязи с деятельностью человека (С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев и др.), в то время как другие ученые связывали понятие «ценность» с установками человека. В.Н. Мясищев связывал ценностные установки с отношениями. В то же время большинство отечественных психологов были едины во мнении, что основным свойством личности человека является ее направленность [3, 4, 5 и др.].

Рассматривая различные точки зрения, можно сделать вывод, что система ценностных установок личности имеет свою структуру и направленность. Эта система регулирует поведение человека, а также формирует мотивационную и нравственную основу личности. Таким образом, можно сказать, что ценностные установки и ориентации являются

одними из главных элементов структуры личности. Они влияют на жизнедеятельность человека, формируют цель, смысл жизни и оказывают огромное влияние на его отношение к жизни, обществу и деятельности.

Наиболее стремительное формирование ценностных ориентаций проходит в подростковом возрасте, когда ребенок начинает активно накапливать социальный и жизненный опыт, развивать отношения с обществом, контролировать и регулировать свое поведение самостоятельно, заниматься рефлексией, саморазвитием. Также на формирование его ценностной структуры влияет и его окружение, обилие различных форм поведения, стилей жизни, мнений и взглядов [7].

Изучая особенности жизненных ценностей подростков, можно сделать вывод, что подростковый возраст является самым главным и решающим в развитии личностных ценностей и установок период. Бурное физическое и психическое развитие, перестройка всех ценностных структур, мотивационной сферы влияют как на характер и поведение самого подростка, так и на взаимоотношения подростка с окружающим его миром. В таких обстоятельствах подросток как никогда подвержен влиянию извне. Такие внешние факторы, как семья, школа, друзья, группы по интересам несут колоссальное воздействие на формирование и развитие системы жизненных ценностей. В данный момент близкому окружению очень важно помочь подростку дополнить структуру своих личностных ценностей теми установками и ориентациями, с которыми ему будет легко, а главное безопасно войти во взрослую жизнь [1, 2, 6 и др.].

Именно поэтому проблема изучения ценностных установок подростков является одной из актуальных проблем в современном обществе и имеет значимое место в становлении молодой личности. В последнее время перед психологами и педагогами все чаще встает еще одна проблема – изучение ценностных установок подростков с девиантным поведением.

Проблема исследования такой проблемы, как изучение ценностных установок подростков, склонных к девиантному поведению заключается в том, что, несмотря на то, что на данный момент существует много трудов и исследований, которые рассматривают феномен ценностных установок подростков с девиантным поведением, до сих пор встает вопрос нехватки специальных программ, направленных на формирование системы ценностных установок у детей. Для этого необходимо осознавать, что лишь устранив противоречия в существующих ценностях, возможно сформировать правильную систему ценностных установок и ориентаций.

На основании вышеизложенного было решено провести исследование с целью изучения особенностей структуры ценностных установок подростков, склонных к девиантному поведению.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что формирование правильной, социально одобряемой и социально приемлемой системы жизненных ценностей влияет не только на саму личность, но и на общество в целом. Поэтому очень важно не дать развивающейся личности

пойти по деструктивному пути, помочь определиться со своими установками и ценностями.

В ходе исследования проверялась гипотеза, которая заключалась в предположении, что искажение ценностных установок является предпосылкой проявления девиантного поведения у подростков.

Методики исследования: диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения «ДАП-П» (для учащихся общеобразовательных учреждений); диагностика нравственной воспитанности 8-9 класса. Выборку исследования составляли обучающиеся 9 класса в возрасте от 15 до 16 лет в количестве 15 человек. Из них: 9 респондентов мужского пола и 6 респондентов женского пола.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между личностными особенностями ценностных установок подростков и склонностью к девиантному поведению.

По результатам проведенного исследования были получены следующие результаты:

1) 53 % обучающихся 9 класса данной выборки имеют склонность к разным типам девиантного поведения: 47% имеют склонность к делинквентному поведению, 33% обучающихся – склонность к аддиктивному поведению, 13 % – склонность к суицидальному поведению.

2) Низким уровнем нравственной воспитанности в данной выборке обладают только подростки, склонные к различным типам девиантного поведения (делинквентное, аддиктивное, суицидальное поведение) – 53%. Низкий уровень воспитанности в данном исследовании подразумевает нравственную мотивацию, нравственную самооценку и отношение к жизненным ценностям. Это может свидетельствовать о недостаточно грамотно выстроенной системе нравственного воспитания, низкой правовой культуре у обучающихся, отсутствии конкретных профилактических программ для девиантных подростков, нерегулярного контроля со стороны родителей.

3) Обучающиеся, не имеющие склонности к девиантному поведению (47 %), обладают средним или высоким уровнем отношения к жизненным ценностям, нравственной самооценки, нравственной мотивации и нравственной воспитанности. Это говорит о том, что правильно сформированная ценностно-нравственная сфера личности способствует нормальному и гармоничному развитию личности, и наоборот, нарушения в системе ценностных установок влияют на возникновение склонности к какой-либо девиации личности.

4) Анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявил статистически значимую обратную корреляционную связь между уровнем нравственной воспитанности (отношение к жизненным ценностям, нравственная самооценка, нравственная мотивация) и возникновением склонности к девиантному поведению (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты статистической обработки корреляционных связей между общей склонностью к девиантному поведению и показателями нравственной воспитанности

Показатель	Отношение к жизненным ценностям	Нравственная самооценка	Нравственная мотивация
Общая склонность к девиантному поведению	-0,832	-0,843	-0,713

Таким образом, можно сказать, что критические значения для $N = 15$ составляют 0,52 при уровне значимости $p = 0,05$ и 0,66 при уровне значимости $p = 0,01$. Значения r_s по каждому показателю попадают в зону значимости. Следовательно, гипотеза о наличии статистической значимости обратной корреляционной связи между значениями «Склонность к девиантному поведению» и «Отношение к жизненным ценностям», «Нравственная самооценка», «Нравственная мотивация» подтверждена.

Это позволяет сделать вывод о том, что:

- чем ниже уровень отношения к жизненным ценностям (любовь к родителям, желание иметь верных друзей, сочувствие и доброта к окружающим, желание помогать, забота о близких), тем выше вероятность возникновения развития девиантного поведения;

- подростки, считающие приемлемым грубое отношение к окружающим (взрослым или сверстникам), несдержанные, нетерпимые, несочувствующие могут быть более склонны к возникновению девиантного поведения;

- у тех подростков, у которых нет желания помогать близким, друзьям, не сформировано чувство эмпатии, сочувствия, риск возникновения девиантного поведения выше.

Важно отметить, что формирование правильных ценностных установок является очень важным фактором для полноценного развития личности.

Система формирования ценностной структуры должна включать нравственное воспитание, помощь в самоопределении, самоориентации, правовую культуру, нравственное развитие, развитие духовных и социоморальных качеств личности обучающихся и пр.

Своевременное выявление внутренних личностных противоречий в системе ценностей дает возможность вовремя среагировать, разработать систему мероприятий, направленных на снижение риска возникновения девиантного поведения.

Для коррекции существующих девиантных форм поведения необходимо проводить комплекс мероприятий, которые будут направлены на: снижение негативного влияния внешних факторов, повышение правовой культуры подростков, профилактику правонарушений и преступлений несовершеннолетних, пропаганду здорового образа жизни, а также на коррекцию внутренней ценностной структуры личности.

Следовательно, профилактика девиантного поведения, психолого-педагогическая коррекция, психологическая профилактика, социально-психологическая поддержка, правовое воспитание, духовно-нравственное воспитание обеспечат необходимые условия, которые помогут подростку в

формировании и развитии правильной духовно-нравственной ценностной системы, способствующей гармонизации отношений подростка как с самим собой, так и с социумом.

Также необходимо отметить, что профилактика девиантного поведения должна включать в себя не только предупредительно-профилактическую, но и коррекционную работу, а также просветительскую деятельность с родителями, педагогическим составом.

Основой профилактики девиантного поведения может служить ряд профилактических психолого-педагогических программ (профилактика злоупотребления ПАВ, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, профилактика делинквентного поведения и коррекционная работа с ними, профилактика суицидального поведения и вторичная профилактика, программы для подростков группы риска).

Стоит также отметить, что подростков, склонных к девиантному поведению, необходимо привлекать к досуговой, кружковой, внеурочной и волонтерской деятельности, спортивной и творческой жизни школы. Для повышения правовой грамотности подростков, предупреждения совершения ими правонарушений следует привлекать сотрудников полиции, отдела ПДН, КДНиЗП.

Список литературы:

1. Варгасова Н.Ю. Нарушения нравственных принципов как условие формирования девиантного поведения подростков // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 1 (42). С. 106-108.

2. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Джуплина К.А. Девиантное поведение современных подростков // Материалы XXIII региональной научно-практической конференции «Молодежь XXI века. Шаг в будущее» в 4-х томах. Т. 1. Исторические науки. Филологические науки. Педагогические науки, 2022. С. 193-194.

4. Клейберг Ю.А., Жильцов С.А. Актуальная ситуация как предиктор девиантного поведения подростков и молодежи // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 3 (47). С. 179-189.

5. Лукьяненко А.А. Социальная среда как фактор профилактики девиантного поведения подростков // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 61-64.

6. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы: учебное пособие для вузов для вузов / В.М. Поздняков [и др.]; под общей ред. В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 222 с.

7. Фокина И.В. Специфика ценностных ориентаций подростков с девиантным поведением // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 61.

References:

1. Vargasova N.Y. Violations of moral principles as a condition for the formation of deviant behavior in adolescents // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (42). P. 106-108.

2. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Dzhuplina K.A. Deviant behavior of modern adolescents // Proceedings of the XXIII regional scientific and practical conference «Youth of the XXI century. Step into the future» in 4 volumes. Vol. 1. Historical Sciences. Philological sciences. Pedagogical Sciences, 2022. P. 193-194.

4. Kleiberg Yu.A., Zhiltsov S.A. The current situation as a predictor of deviant behavior of adolescents and youth // Human factor: Social psychologist. 2023. № 3 (47). P. 179-189.

5. Lukyanenko A.A. Social environment as a factor of prevention of deviant behavior of adolescents // Collection of articles of the International scientific and practical conference. Ufa, 2020. P. 61-64.

6. Penitentiary psychology: psychological work with convicts serving sentences of imprisonment: a textbook for universities for universities / V.M. Pozdnyakov [et al.]; under the general editorship of V.M. Pozdnyakov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 222 p.

7. Fokina I.V. Specificity of value orientations of adolescents with deviant behavior // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2010. № 9. P. 61.

Степанова Олеся Сергеевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: palmara@rambler.ru
Stepanova Olesya Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

FEATURES OF THE EMOTIONAL SPHERE OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эмоциональной сферы личности учащихся начальных классов первого и третьего классов. Субъекты: 20 человек. 1 группа – 10 учащихся первых классов, 2 группа – 10 учащихся 3 классов; 12 девочек и 8 мальчиков в возрасте от 7 до 9 лет. В ходе исследования установлено, что у первоклассников положительные эмоции связаны с процессом игровой деятельности, общением со значимыми взрослыми, отрицательные – с процессом адаптации, совладанием с поведенческими требованиями и повышенной нагрузкой. К середине начальной школы ребенок приобретает большую субъектность, адаптируется к новым условиям и классному коллективу.

Ключевые слова: младшие школьники, эмоциональная сфера, начальная школа, эмоции, особенности эмоциональной сферы.

Abstract. The article studies the features of the emotional sphere of the personality of primary school children in the first and third grades. Subjects: 20 people. Group 1 - 10 students of the first grade, Group 2 – 10 students of the third grade; 12 girls and 8 boys aged 7 to 9 years. The study revealed that for first-graders, positive emotions are associated with the process of play activities, communication with significant adults, negative ones – with the process of adaptation, withstanding behavioral requirements, increased workload. By the middle of primary school, the child acquires greater subjectivity, adapts to new conditions and the class team.

Keywords: primary school children, emotional sphere, elementary school, emotions, features of the emotional sphere.

Роль эмоциональной сферы личности ребенка очень велика. В младшем школьном возрасте эмоциональная сфера психики активно развивается и претерпевает существенные изменения, мониторинг которых является важной задачей психологической науки. Младшие школьники зачастую не имеют достаточного опыта и знаний о характере и проявлении своих эмоциональных состояний, поэтому их сложно распознать и пережить экологично. У детей младшего школьного возраста, у которых ослаблена способность к эффективной саморегуляции, эмоциональные проблемы проявляются особенно ярко и отчетливо. Поэтому остается необходимым целенаправленное развитие эмоциональной сферы в рамках кураторства младших школьников психологами образовательного учреждения. По этой причине изучение особенностей эмоциональной сферы личности младших школьников представляется особенно актуальным и востребованным для современной отечественной психологии.

Эмоциональная сфера ребенка – одна из важнейших составляющих его личности, показатель психического здоровья и гармоничного развития.

Развитие эмоциональной сферы влияет на процесс построения межличностных отношений, его отношение к жизненным событиям и его внутреннее состояние [10]. Эмоции могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на личность и физическое состояние человека. К отрицательным эмоциям относятся такие эмоции, как гнев, страх, отвращение, печаль; к позитивным относятся удовольствие и радость [7]. Младший школьный возраст имеет большое значение в формировании интеллектуально-личностной сферы ребенка. В это время происходят важные новые образования. Возраст начальной школы составляет от 7 до 11 лет [5].

К началу школьного обучения у ребенка должна развиться не только личностная и интеллектуальная готовность, но и эмоциональная зрелость на уровне, необходимом для младшего школьника [7]. Н.Г. Рукавишникова связывает эмоциональную готовность со способностью эмоционально переносить длительные периоды концентрации, не проявляя импульсивных реакций. При этом автор отмечает, что период адаптации младшего школьника в первом классе сопровождается интенсивными переживаниями страха и тревоги. А.Ф. Филатова отмечает, что в возрастной период от 8 до 9 лет, когда ребенок предположительно обучается во втором классе, завершается процесс адаптации к новым учебным условиям и требованиям, эмоциональный фон выравнивается и развитие эмоциональной сферы происходит через формирование внутренней позиции ребенка [9].

Начиная с третьего класса у учащихся развивается нравственная сфера. Когда ребенку приходится принимать моральное решение, он может полагаться на свои собственные убеждения. Изменения происходят и в общественной жизни – она становится богаче и разнообразнее. Внутри класса формируется круг общения, в котором ребенок может более свободно выражать свои чувства. Третьеклассникам свойственны более непринужденные отношения с одноклассниками: они проявляют инициативу, смело идут на контакты и любят делиться важными событиями, которые их интересуют [3].

В.В. Гагай и К.Ю. Гринева подчеркивают, что эмоциональная сфера играет ключевую роль для младшего школьника. Они отмечают, что негативная реакция учащихся часто возникает из-за плохих оценок, конфликтов с одноклассниками, различных страхов. Проблемы с адаптацией могут спровоцировать агрессивное поведение ребенка из-за неудач, что, в свою очередь, может привести к стойкому нежеланию посещать школу [4].

Т.Н. Березина к числу негативных факторов, влияющих на эмоциональную безопасность в школе, относит: страхи учащихся, связанные с учебным процессом, например страх оценок; страх неудачи и переживание неудачи в учебной деятельности, например неуспеха на уроках физкультуры; особенности взаимодействия участников учебных отношений, например, конфликты с одноклассниками, учителями. В связи с этим Т.Н. Березина отмечает, что в образовательном учреждении должна быть создана безопасная среда обучения, обеспечивающая психическое здоровье и гармоничное развитие ребенка [2].

В младшем школьном возрасте эмоциональная сфера ребенка претерпевает изменения, наблюдается динамика его развития от первого до четвертого класса. У первоклассников положительные эмоции связаны с процессом игровой деятельности, общением с важными взрослыми, отрицательные – с процессом адаптации, постоянными требованиями поведения и повышенной нагрузкой. К середине начальной школы ребенок приобретает большую субъектность, адаптируется к новым условиям и классному коллективу. Его положительные эмоции больше связаны с общением со сверстниками и самим познавательным процессом, отрицательные – с оценкой.

Цель исследования – выявить и описать особенности эмоциональной сферы личности младших школьников в первом и в третьем классах. Гипотеза исследования: эмоциональная сфера личности младших школьников имеет ряд специфических особенностей, детерминированных возрастом, так в первом классе у школьников преобладает эмоциональное напряжение и тревога, а в третьем классе они снижаются и у детей чаще выражен нормальный уровень эмоционального состояния. Методы исследования [6]: 1) методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса направлена на оценку уровня тревожности и характера ее происхождения в рамках образовательной среды у обучающихся младшего и среднего школьного возраста; 2) опросник детской депрессии М. Ковач (адаптация лаборатории клинической психологии и психиатрии НИИ психологии); 3) методика «Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан). 4) вычисление статистического U-критерия Манна-Уитни для двух групп. Эмпирическая база. Исследование проходило на базе общества с ограниченной ответственностью «Школа будущего». Испытуемые. В исследовании приняли участие 20 испытуемых (10 учеников 1 класса и 10 учеников 3 класса, 12 девочек и 8 мальчиков) в возрасте от 7 до 9 лет.

Результаты исследования. Провели сравнительный анализ факторов тревожности по методике школьной тревожности Филлипса обучающихся двух групп.

Были выявлены значимые различия по следующим переменным: «Общая тревожность»; «Переживание социального стресса»; «Страх самовыражения»; «Проблемы и страхи в отношениях с учителями» (табл. 1). По остальным компонентам различий не обнаружено.

Представили сравнительный анализ показателей уровня детской депрессии в двух группах испытуемых по опроснику детской депрессии М. Ковач (адаптация лаборатории клинической психологии и психиатрии НИИ психологии) (табл. 2). Были выявлены значимые различия только по одной переменной: «А – негативное настроение». По остальным компонентам различий не обнаружено.

Проведен сравнительный анализ средних показателей уровня самооценки в двух группах испытуемых по методике «Исследование

самооценки по методике Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан) (табл. 3).

Таблица 1 – Сравнительный анализ средних показателей уровня школьной тревожности в двух группах испытуемых

Переменные	Среднее значение		U-критерий	Общий уровень значимости (p)
	Обучающиеся 1 класса	Обучающиеся 3 класса		
Общая тревожность	16,8±2,89	13,4±2,83	21,000	,027
Переживание социального стресса	8,1±1,19	5,6±1,57	11,500	,003
Фрустрация потребности в достижении успеха	9,0±2,26	8,9±2,28	48,000	,879
Страх самовыражения	4,8±0,91	3,5±0,97	17,500	,011
Страх ситуации проверки	3,8±1,39	3,0±1,69	33,000	,184
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	2,9±1,72	2,7±1,49	49,000	,938
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	2,5±1,35	3,2±1,39	35,500	,263
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	5,9±1,28	4,3±1,33	19,500	,018

Таблица 2 – Сравнительный анализ средних показателей уровня детской депрессии в двух группах испытуемых

Переменные	Среднее значение		U-критерий	Общий уровень значимости (p)
	Обучающиеся 1 класса	Обучающиеся 3 класса		
А – негативное	46,4±8,14	38,5±5,56	20,500	,026
В – межличностные	41,7±7,45	38,3±6,79	36,000	,288
С – неэффективность	45,8±10,08	49,0±6,28	41,500	,518
Д – ангедония	46,8±8,79	41,0±9,86	33,000	,198
Е – негативная самооценка	45,6±8,28	46,8±9,48	44,500	,677

Таблица 3 – Сравнительный анализ средних показателей уровня самооценки в двух группах испытуемых

Переменные	Среднее значение		U-критерий	Общий уровень значимости (p)
	Обучающиеся 1 класса	Обучающиеся 3 класса		
Ум, способности	58,3±	69,3±	20,500	,026
Характер	59,6±	65,4±	33,000	,198
Авторитет у сверстников	60,5±	69,5±	17,500	,014
Умение многое делать своими руками	56,2±	63,1±	35,500	,272
Внешность	59,8±	51,9±	30,500	,140
Уверенность в себе	48,4±	56,3±	22,500	,037

Были выявлены значимые различия по уровню самооценки по некоторым показателям: «Ум, способности», «Авторитет у сверстников», «Уверенность в себе».

Сравнительный анализ показателей тревожности по методике школьной тревожности Филлипса обучающихся двух групп указывает на то, что существует достоверное различие по показателю «Общая тревожность». Это указывает на то, что обучающиеся 1 класса переживают более высокий уровень общей тревожности, чем обучающиеся 3 класса. Для учащихся первого класса свойственно общее увеличение эмоционального напряжения, обусловленное их вовлечением в новые виды школьной деятельности. Значимое различие по переменной «Переживание социального стресса» свидетельствует о том, что обучающиеся 1 класса переживают более высокий уровень эмоционального напряжения, чем обучающиеся 3 класса. Скорее всего, для учащихся первого класса переход от группы детского сада к новому классу вызывает определенные эмоциональные переживания. В то время как третьеклассники уже успешно адаптировались к своему новому коллективу. Значимое различие по переменной «Страх самовыражения» указывает на то, что обучающиеся 1 класса переживают более сильные негативные эмоции, связанные с необходимостью публичных выступлений, а также самораскрытием перед учителем и своими одноклассниками, чем обучающиеся 3 класса. Значимое различие по переменной «Проблемы и страхи в отношениях с учителями» указывает на то, что обучающиеся 1 класса, в отличие от учеников третьего класса сталкиваются с определенными трудностями в общении и взаимодействии со своим классным руководителем, что сказывается на их эмоциональном состоянии и может негативно влиять как на успеваемость, так и на общее самочувствие.

Сравнительный анализ средних показателей уровня детской депрессии М. Ковач (адаптация лаборатории клинической психологии и психиатрии НИИ психологии) показал, что обучающиеся 1 класса переживают более высокий уровень негативного настроения, а также своей эффективности, чем обучающиеся 3 класса. Для обучающихся 1 класса характерна общая плаксивость и повышенный уровень тревожности в отличие от обучающихся 3 класса.

Сравнительный анализ средних показателей уровня самооценки по методике «Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан) показал 4 значимых различий по переменным: «Ум, способности», что указывает на то, что обучающиеся 1 класса в среднем оценивают свои способности ниже, чем обучающиеся 3 класса. Значимое различие по переменной «Авторитет у сверстников» указывает на то, что обучающиеся 1 класса в среднем оценивают себя ниже в глазах своих ровесников, чем обучающиеся 3 класса. Можно предположить, что обучающиеся 3 класса за время обучения уже добились определенных успехов в учебе, в связи с чем обладают определенным авторитетом среди своих одноклассников. Значимое различие по переменной «Уверенность в себе» указывает на то, что обучающиеся 1 класса в среднем оценивают свою

уверенность в себе и своих силах, способностях ниже, чем обучающиеся 3 класса. Обучающиеся 3 класса за время обучения овладели знаниями, которые позволяют им ощущать себя уверенно на занятиях, тогда как первоклассники, в связи с недостаточным уровнем усвоения учебных материалов, могут оценивать себя хуже, что проявляется в более низких результатах.

В своем исследовании авторы А.Ф. Бахтеева и И.В. Бобрышева также приходят к выводу, что психологические особенности в данном возрасте динамичны, в связи с чем будут отличаться у детей младшего школьного возраста в первом классе и в третьем классе [1].

А.С. Богатырева и С.Н. Бостанова определили различия в особенностях эмоциональной сферы при выстраивании межличностных отношений у обучающихся первого класса. Внутренняя позиция ребенка еще недостаточно сформирована, в новой для него ситуации обучения ребенок опирается на позицию учителя, он ведом, при этом контакты со сверстниками ограничены и избирательны [3].

Теоретический анализ литературы показал, что младший школьный возраст приходится на период с 7 до 11 лет и связан с началом обучения в школе. Ведущей деятельностью данного периода является учебная, а основным новообразованием является произвольность. В младшем школьном возрасте происходит активное развитие интеллектуальной сферы, включенность в новые социальные отношения.

Эмоциональная сфера ребенка в младшем школьном возрасте претерпевает изменения. Для обучающихся первых классов положительные эмоции связаны с процессом игровой деятельности, общения со значимыми взрослыми, негативные – с процессом адаптации, выдерживания требований к поведению, повышенной нагрузкой. К середине обучения в начальной школе ребенок обретает большую субъектность, адаптируется к новым условиям и коллективу класса. Положительные эмоции в большей степени связаны с общением со сверстниками и непосредственно познавательным процессом, негативные – с оцениванием.

Основными факторами негативного состояния эмоциональной сферы младшего школьника, отрицательно влияющими на эмоциональную безопасность образовательной среды, являются страх оценивания, страх неудачи, боязнь установления социальных контактов. Было выявлено, что обучающиеся 1 класса в процессе обучения переживают более высокий уровень общей тревожности [5, 7 и др.]. Они чаще испытывают стресс и эмоциональное напряжение при ответе у доски и общении с классным руководителем. В отличие от них, учащиеся 3 класса не склонны к тому, чтобы переживать стресс и напряжение, это связано с их адаптацией к новым условиям среды, наличием друзей среди одноклассников и выстроенными межличностными отношениями с классным руководителем.

Высокий уровень негативного настроения, характерный для учащихся 1 класса и осознание ими своей низкой эффективности в процессе обучения, что отражено и в результатах их самооценки. Ученики 3 класса считают себя

более способными интеллектуально и демонстрируют более высокий уровень уверенности в себе и своих силах, в сравнении с учениками певого класса.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о том, что эмоциональная сфера личности младших школьников имеет ряд специфических особенностей, детерминированных возрастом, подтвердилась: в первом классе у школьников преобладает эмоциональное напряжение и тревога, а в третьем классе они снижаются, у детей чаще выражен нормальный уровень эмоционального состояния.

Список литературы:

1. Бахтеева А.Ф. Эмоциональная сфера младших школьников // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Молодежь и системная модернизация страны» (г. Курск, 19-20 мая 2022). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 22-25.

2. Березина Т.Н. Анализ эмоциональной безопасности образовательной среды в учебных заведениях разного уровня // Психологическая безопасность образовательной среды: подходы, модели, профилактика. 2016. С. 164-190.

3. Богатырева А.С. Психологические особенности межличностного взаимодействия детей младшего школьного возраста (на примере школьников 1 и 3 классов) // Ученые записки университета Лесгафта. 2023. № 5 (219).

4. Гагай В.В. Особенности школьной адаптации первоклассников как трудной жизненной ситуации для детей и родителей // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 33-43.

5. Гамезо М.В. Возрастная и педагогическая психология: учебник для студентов всех специальностей педагогических вузов. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512 с.

6. Елбаев Ю.А., Петров В.Е. Психологическая диагностика в силовых структурах: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 330 с.

7. Рукавишникова Н.Г. Тревожность детей дошкольного возраста в контексте психологической готовности к школе // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4 (121).

8. Тарасенко Т.А. Эмоциональные свойства личности подростков, воспитывающихся в школе-интернате // Психология обучения. 2018. № 8. С. 135-144.

9. Филатова А.Ф. Эмоциональная сфера второклассника // Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Детство, открытое миру» (г. Омск, 21 марта 2023 г.). Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2023. С. 168-170.

10. Шаршов И.А. Возрастные особенности младшего школьника в контексте формирования универсальных учебных действий // Вестник ТГУ. 2012. № 12.

11. Fredrickson B.L. The role of positive emotions in Positive Psychology: The Broaden-and-Built Theory of Positive Emotions // American Psychologist. 2001. Vol. 56. № 3. P. 218-226.

References:

1. Bakhteeva A.F. The emotional sphere of younger schoolchildren // Proceedings of the international scientific conference of students and young scientists «Youth and systemic modernization of the country» (Kursk, May 19-20, 2022). Kursk: Southwestern State University, 2022. P. 22-25.

2. Berezina T.N. Analysis of the emotional safety of the educational environment in educational institutions of different levels // Psychological safety of the educational environment: approaches, models, prevention. 2016. P. 164-190.

3. Bogatyreva A.S. Psychological features of interpersonal interaction of children of primary school age (on the example of schoolchildren in grades 1 and 3) // Scientific notes of Lesgaft University. 2023. № 5 (219).
4. Gagai V.V. Features of school adaptation of first graders as a difficult life situation for children and parents // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2013. № 2. P. 33-43.
5. Gamezo M.V. Age and pedagogical psychology: a textbook for students of all specialties of pedagogical universities. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2003. 512 p.
6. Yelbaev Yu.A., Petrov V.E. Psychological diagnostics in law enforcement agencies: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 330 p.
7. Rukavishnikova N.G. Anxiety of preschool children in the context of psychological readiness for school // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2021. № 4 (121).
8. Tarasenko T.A. Emotional personality traits of teenagers brought up in boarding schools // Psychology of education. 2018. № 8. P. 135-144.
9. Filatova A.F. The emotional sphere of the second grader // Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation «Childhood, open to the world» (Omsk, March 21, 2023). Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University, 2023. P. 168-170.
10. Sharshov I.A. Age characteristics of a primary school student in the context of the formation of universal educational actions // Bulletin of TSU. 2012. № 12.
11. Fredrickson B.L. The role of positive emotions in Positive Psychology: The Broaden-and-Built Theory of Positive Emotions // American Psychologist. 2001. Vol. 56. № 3. P. 218-226.

Финогенова Татьяна Александровна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), аспирант, преподаватель
e-mail: tatiana07finogenova@gmail.com

Finogenova Tatiana Alexandrovna,
Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia), PhD Student, lecturer

Берко Алексей Андреевич, ОГАПОУ «Валуйский колледж» (г. Валуйки, Россия), педагог-психолог
e-mail: berko.aleksei@mail.ru

Berko Alexey Andreevich,
OGAPOU «Valuysky College» (Valuyki, Russia), educational psychologist

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

PSYCHOLOGICAL SAFETY AND THE EXPERIENCE OF THE TERRORIST THREAT: RESEARCH AMONG COLLEGE STUDENTS

Аннотация. В статье освещается проблема взаимосвязи психологической безопасности студентов и переживания ими террористической угрозы. Выявлено, что наиболее сильный негативный ущерб террористическая угроза наносит на эмоциональное благополучие образовательной среды, а также она способствует ослаблению доверия обучающихся к окружающим и снижает их способность к эффективному совладанию в стрессовых ситуациях. Террористическая угроза оказывает воздействие даже на тех студентов, у которых диагностируются нормативные показатели психологической безопасности.

Ключевые слова: студенты, психологическая безопасность, благополучие, эмоциональная безопасность, террористическая угроза.

Abstract. The article highlights the problem of the relationship between the psychological safety of students and their experience of the terrorist threat. It has been revealed that the terrorist threat causes the most severe negative damage to the emotional well-being of the educational environment, as well as it contributes to the weakening of students' trust in others and worsens their ability to effectively cope in stressful situations. The terrorist threat has an impact even on those students who are diagnosed with normative indicators of psychological safety.

Keywords: students, psychological safety, well-being, emotional safety, terrorist threat.

Психологическая безопасность – важное условие для полноценного формирования и развития личности в различных сферах жизни: личностной, образовательной, социальной, профессиональной [8]. Она обеспечивает психологическую устойчивость и чувство защищенности в стрессовых и угрожающих ситуациях [1], способствует сохранению внутреннего равновесия [6] и поддержанию всех жизненно важных систем для отражения внутреннего и внешнего негативного воздействия [5].

Для студенческой молодежи психологическая безопасность особенно важна, так как они находятся на пути активного личностного и профессионального становления. В этот переломный период формируются

основные жизненные установки, ценности, перспективы, изменяется мировоззрение. В силу своего еще небольшого жизненного опыта студенты относятся к уязвимой социальной категории, подверженной воздействию различных стрессоров. Сохранить устойчивость к стрессорам, способность эффективно и без ущерба своему здоровью преодолевать трудности может обеспечить именно психологическая безопасность.

Однако современный мир становится все более непредсказуемым и нестабильным, а одной из основных угроз психологической безопасности выступает террористическая угроза [7, 9 и др.]. Постоянная трансляция информации о произошедших и возможных терактах, напряженная международная обстановка и возрастающая угроза экстремизма оказывают мощное психоэмоциональное давление, что может снизить чувство защищенности и безопасности у населения. Таким образом, можно говорить об актуальности и важности понимания особенностей взаимосвязи двух феноменов: психологической безопасности обучающихся колледжа и переживания ими угрозы терроризма.

Цель исследования: изучить особенности взаимосвязи психологической безопасности студентов колледжа и переживания ими террористической угрозы. Мы предположили, что террористическая угроза снижает уровень психологической безопасности личности студентов, нарушает качество межличностного взаимодействия в студенческой группе, а также негативно влияет на эмоциональное благополучие среды колледжа.

Испытуемыми выступили студенты из колледжа Белгородской области, в количестве 62 человека, средний возраст которых 16,9 лет.

Методики исследования: 1) методика И.И. Приходько «Экспресс-диагностика психологической безопасности личности» [5]; 2) опросник Т.Н. Березиной «Эмоциональная безопасность образовательной среды» [2]; 3) опросник Г.С. Кожухаря, В.В. Коврова «Качество межличностных отношений в образовательной среде (КМЛО в ОС)» [4]; 4) опросник Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабриной «Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-21)» [3]. Методы математической обработки: коэффициент корреляции r -Спирмена, непараметрический критерий U Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. Для подтверждения нашей гипотезы и выявления взаимосвязи между психологической безопасностью и террористической угрозой, мы применили коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена (рис. 1).

Были выявлены лишь обратные корреляции между шкалами методики ОПТУ-21 и психологической безопасностью. Корреляционная плеяда свидетельствует о том, что больше всего переживание студентами террористической угрозы, в частности, выраженность симптомов ПТСР, воздействуют на эмоциональную составляющую – эмоциональную безопасность среды образовательного учреждения. Так, были выявлены обратные статистически значимые корреляции между шкалами ОПТУ-21 «Признаки ПТСР» и «Общий индекс переживания террористической угрозы» и показателями эмоционального благополучия среды колледжа: домашним (r

= -0,369; $r = -0,402$), учебным ($r = -0,363$), благополучием творческо-креативной среды ($r = -0,328$; $r = -0,344$), интегральным показателем «Общая эмоциональная безопасность образовательной среды» ($r = -0,373$; $r = -0,349$). Полученные данные свидетельствуют о том, что чем более выражены признаки ПТСР и интенсивнее переживания террористической угрозы, тем ниже показатели учебного, домашнего и творческо-креативного благополучия, а также общего уровня эмоциональной безопасности в образовательной среде. Итак, в условиях террористической угрозы среда оказывается неспособной обеспечить студентам положительное эмоциональное состояние. Это, как подчеркивает Т.Н. Березина, неблагоприятный фактор, который в будущем может отразиться на самочувствии и здоровье (соматическом и психологическом) обучающихся [2].

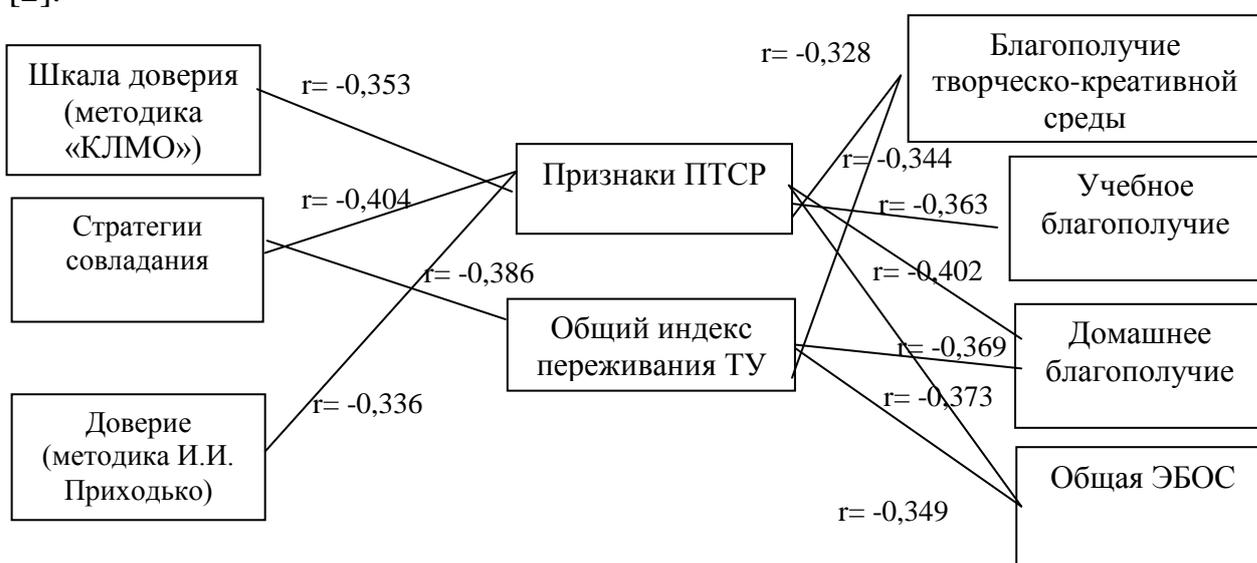

Рисунок 1 – Корреляционный анализ между показателями психологической безопасности и переживанием террористической угрозы (указаны только статистически значимые взаимосвязи на уровне значимости 0,01)

Плеяда также показывает, что «Общий индекс переживания террористической угрозы» и Шкала «Признаки ПТСР» отрицательно взаимосвязаны с действием механизма, свидетельствующего об умении быстро и эффективно справиться с ситуацией – стратегиями совладания ($r = -0,386$). Шкала «Признаки ПТСР» имеет обратные двухсторонние связи с показателем, отражающего степень открытости во взаимоотношениях: «Доверие» ($r = -0,336$) (по методике И.И. Приходько) и «Шкалой доверие» ($r = -0,353$) (по методике «КЛМО»). Это указывает на то, что чем сильнее студенты оценивают угрозу терроризма как вероятную, чем выше у них уровень выраженности посттравматических стрессовых реакций, тем реже в сложных и стрессовых ситуациях они применяют адаптивные стратегии совладания, тем менее выражено доверие к окружающим, в том числе и в студенческой группе.

Признаки ПТСР и высокий уровень переживания угрозы терроризма студенческой молодежью подрывают чувство эмоциональной безопасности и

благополучия в образовательной среде (во время занятий, во внеурочное время, в домашней обстановке), а также снижают функционирование таких механизмов психологической безопасности, как доверие в межличностных отношениях и способности эффективно справляться со стрессом.

На следующем этапе были изучены различия психологической безопасности у студентов с учетом того, насколько сильно они переживают террористическую угрозу.

Студенты были разделены на 2 группы: 1) с низким уровнем переживания террористической угрозы (ТУ) (38 человек); 2) с высоким уровнем переживания террористической угрозы (ТУ) (24 человека). Критерием для выделения групп стал средний балл по шкале «Общий индекс» (50,2).

Результаты сравнения двух групп (по критерию U Манна-Уитни) представлены в таблицах 1-3.

Таблица 1 – Сравнительный анализ психологической безопасности студентов в группах в зависимости от степени переживания террористической угрозы (значимые различия)

Показатели	Низкий уровень переживания ТУ	Высокий уровень переживания ТУ	U	p
Морально-волевая урегулированность	40,2	33,8	285,500	0,014
Доверие	23,9	19,6	263,500	0,005
Посттравматический рост	42	36,6	306,000	0,029
Стратегии совладания	37,9	28,7	236,000	0,001
Индекс психологической безопасности личности	159,4	133,9	272,000	0,008

Средние значения показателей в двух группах соответствуют нормативным [5]. Однако, сравнительный анализ указывает на статистически значимые различия (табл. 1). В группе обучающихся с высоким уровнем переживания ТУ наблюдается значимое снижение общего показателя психологической безопасности личности ($p \leq 0,01$), а также ее механизмов. Так, студенты с высоким уровнем переживания угрозы терроризма в сравнении с группой, у которой наблюдается низкий уровень, чаще испытывают трудности в установлении доверительных отношений («Морально-волевая урегулированность» ($p \leq 0,05$), «Доверие» ($p \leq 0,01$), в управлении собственными действиями и применения наиболее адаптивного поведения в трудных условиях («Стратегии совладания» ($p \leq 0,01$). У них статистически значимо снижена способность не только пережить ситуацию, но и вынести ценный опыт, способствующий личностному росту и развитию («Посттравматический рост» ($p \leq 0,05$).

В таблице 2 отражены результаты сравнительного анализа между показателями в двух группах по методикам «КЛМО» и «ОПТУ-21».

Обучающиеся с высоким уровнем переживания ТУ чаще демонстрируют негативные проявления в межличностных отношениях своего студенческого коллектива. В частности, они более склонны к манипулятивному поведению ($p \leq 0,05$), они чаще вступают в конфликты ($p \leq 0,05$) и проявляют враждебность по отношению к другим ($p \leq 0,05$), а также такие студенты более подозрительные и недоверчивые ($p \leq 0,05$). Кроме того, выявлены различия по индексам позитивного ($p \leq 0,05$) и негативного отношения ($p \leq 0,05$). Это подтверждает отрицательное влияние переживания террористической угрозы на качество межличностных отношений, что может ослаблять психологическую безопасность в образовательной среде.

Таблица 2 – Сравнительный анализ качества межличностных отношений студентов в группах в зависимости от степени переживания террористической угрозы

Шкалы	Низкий уровень переживания ТУ	Высокий уровень переживания ТУ	U	p
Враждебность	6,3	9,7	298,000	0,022
Манипулятивное отношение	8,5	11,2	305,500	0,028
Конфликтность	9,6	11,4	307,500	0,030
Доверие	17	14,2	282,000	0,012
Индекс негативного отношения	8,6	10,9	291,500	0,017
Индекс позитивного отношения	15,3	13,7	288,000	0,015

Результаты сравнительного анализа эмоциональной безопасности образовательной среды в группах в зависимости от степени переживания террористической угрозы (табл. 3).

Таблица 3 – Сравнительный анализ эмоциональной безопасности образовательной среды в группах в зависимости от степени переживания террористической угрозы

Показатели	Низкий уровень переживания ТУ	Высокий уровень переживания ТУ	U	p
Домашнее благополучие	3,4	2,4	264,000	0,005
Благополучие перемен	3,1	2,4	311,500	0,037
Благополучие творческо-креативной среды	3	2,1	260,500	0,005
Учебное благополучие	2,5	1,6	262,500	0,005
Общая эмоциональная безопасность образовательной среды	2,7	1,9	251,000	0,003

Несмотря на то, что показатели эмоциональной безопасности образовательной среды в обеих группах отражают нормативные значения (выше 1 балла), существуют статистически значимые различия между группами в переживании ими эмоционального благополучия среды колледжа. Обнаружено, что студенты, у которых диагностирована высокая степень переживания террористической угрозы, статистически значимо ниже оценивают эмоциональное благополучие дома ($p \leq 0,01$), на переменах ($p \leq 0,05$), во время уроков ($p \leq 0,01$) и творческо-креативных занятиях ($p \leq 0,01$). Это указывает на то, что у студентов с более высоким уровнем переживания террористической угрозы происходят относительно негативные изменения в их эмоциональном и психологическом состоянии по сравнению с теми, у кого уровень переживания угрозы ниже.

Таким образом, нами было установлено, что переживание террористической угрозы, а также сопровождающие его симптомы ПТСР, оказывают негативное влияние на психологическую безопасность студентов. Наиболее сильный ущерб террористическая угроза оказывает на эмоциональное благополучие среды образовательного учреждения, снижая способность обучающихся испытывать положительные эмоции, ощущение защищенности и благополучия. Вероятность угрозы терактов снижает доверие к другим, а также сказывается на их совладании в стрессовых ситуациях. Было выявлено, что переживание террористической угрозы способно подрывать психологическую безопасность личности, эмоциональное благополучие среды, нарушить качество межличностных отношений, даже у студентов с нормативными показателями психологической безопасности. Значит даже относительно стабильные личности уязвимы перед интенсивными стрессорами. Следует подчеркнуть, что особенно сильное воздействие террористическая угроза оказывает на тех обучающихся, которые имеют сниженную, хотя и в пределах нормы, психологическую безопасность.

Список литературы:

1. Баева И.А. Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 66-68.
2. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29-43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191.
3. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 85 с.
4. Кожухарь Г.С., Ковров В.В. Экспресс-диагностика безопасности образовательной среды детей, попавших в трудную жизненную ситуацию / в сборнике: Экспертиза психологической безопасности образовательной среды. Информационно-методический бюллетень. Городская экспериментальная площадка II уровень. М., 2008. С. 48-58.
5. Приходько И.И. Психодиагностический инструментарий определения психологической безопасности личности специалиста экстремального вида деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 28-31.

6. Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 159-173. DOI: 10.17759/sps.2022130110.

7. Финогенова Т.А. Влияние субъективного переживания террористической угрозы на психологическую безопасность личности обучающихся // Человеческий капитал. 2024. № 9 (189). С. 201-209. DOI: 10.25629/HC.2024.09.21.

8. Финогенова Т.А., Березина Т.Н., Литвинова А.В., Рыбцов С.А. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 41-51. DOI: 10.17759/jmfp.2023120304.

9. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

References:

1. Baeva I.A. Psychology of safety as a field of psychological science and practice // National Psychological Journal. 2006. № 1 (1). P. 66-68.

2. Berezina T.N. Emotional safety of the educational environment and cognitive processes // Modern education. 2019. № 3. P. 29-43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191.

3. Bykhovets Yu.V., Tarabrina N.V. Psychological assessment of experiencing a terrorist threat. Moscow: Publishing House «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2010. 85 p.

4. Kozhukhar G.S., Kovrov V.V. Express diagnostics of the safety of the educational environment of children in a difficult life situation / in the collection: Examination of the psychological safety of the educational environment. Information and methodological bulletin. Urban experimental site II level. Moscow, 2008. P. 48-58.

5. Prikhodko I.I. Psychodiagnostic tools for determining the psychological safety of a specialist in extreme activities // The world of science, culture, and education. 2013. № 3 (40). P. 28-31.

6. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Scenarios of personal security of a subject of conflict interaction // Social psychology and society. 2022. Vol. 13. № 1. P. 159-173. DOI: 10.17759/sps.2022130110.

7. Finogenova T.A. The influence of subjective experience of the terrorist threat on the psychological security of the personality of students // Human Capital. 2024. № 9 (189). P. 201-209. DOI: 10.25629/HC.2024.09.21.

8. Finogenova T.A., Berezina T.N., Litvinova A.V., Rybtsov S.A. The influence of different types of stress on biopsychological age // Modern foreign psychology. 2023. Vol. 12. № 3. P. 41-51. DOI: 10.17759/jmfp.2023120304.

9. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

Худякова Мария Григорьевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: h.macha@mail.ru

Khudiakova Maria Grigorievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

Деулин Дмитрий Владимирович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
декан факультета экстремальной психологии,
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: ddeulin@yandex.ru

Deulin Dmitry Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Dean of the Faculty of Extreme
Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНОЛОГИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ У ПОДРОСТКОВ

THEORETICAL APPROACHES TO THE PHENOMENOLOGY OF INTERPERSONAL CONFLICTS IN ADOLESCENTS

Аннотация. В статье рассмотрены результаты современных исследований феноменологии межличностных конфликтов у подростков. Исследования были разделены на три тематические подгруппы: влияние стилей общения, ролевое поведение в конфликте, профилактика межличностных конфликтов. В результате теоретического анализа современных исследований были выделены факторы-протекторы и факторы-предикторы межличностных конфликтов.

Ключевые слова: межличностные конфликты, конфликты в подростковом возрасте, межличностные отношения, стили общения, ролевое поведение, подростки.

Annotation. This article discusses the results of modern studies of the phenomenology of interpersonal conflicts in adolescents. The research was divided into three thematic subgroups: the influence of communication styles, role behavior in conflict, and the prevention of interpersonal conflicts. As a result of the theoretical analysis of modern research, the protective factors for overcoming interpersonal conflicts were identified.

Keywords: interpersonal conflicts, conflicts in adolescence, interpersonal relations, communication styles, role behavior.

В рамках теоретического анализа феноменологии межличностных конфликтов, необходимо уточнить, что наиболее всего нас интересуют межличностные конфликты в подростковом возрасте у воспитанников кадетского корпуса. На данный момент перед нами, как перед исследователями, не стоит задача охарактеризовать конкретную группу испытуемых, но важно обозначит общую специфику кадетского корпуса. Специфика может выражаться в жесткой иерархической структуре, во включении обучающихся в военное воспитание, неравномерное гендерное распределение. Данные факты необходимо учитывать при рассмотрении современных исследований.

Проблема межличностных конфликтов раскрывается в современных диссертационных исследованиях с различных точек зрения: влияние стилей общения [8], ролевое поведение в конфликте [2, 5, 8 и др.], профилактика межличностных конфликтов [3] и др.

В работе А.М. Танова проблема стилей общения рассматривается в системе отношений «руководитель-подчиненный»: «...стиль общения формируется во взаимопознании и взаимодействии руководителя и подчиненного, в процессе развития их межличностных отношений, где ведущая роль за направленностью личности в общении. Именно в ней проявляется отношение руководителя и к подчиненному, и к самому себе...» [8, С. 15]. Таким образом, стиль общения рассматривается как проявлением направленности личности. В результате исследования было установлено, что стиль общения руководителя оказывает влияние на эмоциональную сферу взаимодействия и реализацию стратегий поведения. Важно отметить, что обучение в кадетском корпусе предполагает иерархическое взаимодействие, схожее с взаимодействием в профессиональной среде. Система отношений «воспитатель-кадет» предполагает разграничение и дистанцирование. Из этого можно предположить, что, если воспитатель будет использовать определенный «специфический» стиль общения, этот же стиль станет «перенимать» кадет, что в свою очередь может выступить в качестве фактора риска для возникновения конфликтной ситуации.

Социальная ситуация развития также оказывает свое влияние на проявление межличностных конфликтов. Кадетский корпус представляет из себя довольно закрытое пространство, с ограничениями в виде дисциплины, военного воспитания, иерархического общества и так далее. Отмечают, что у подростков-кадетов, воспитывающихся в закрытом образовательном учреждении, преобладает враждебность, подозрительность и настороженность [7]. Такая атмосфера влияет на проявления агрессивности, что влечет за собой увеличение межличностных конфликтов среди подростков [1].

Специфика рассматриваемого типа образовательного учреждения предполагает, что воспитанники должны адаптироваться к новой ситуации развития. В рамках исследований было установлено, что в процессе обучения прослеживается положительная динамика адаптации [9]. Факторами, способствующими адаптироваться к специфической образовательной среде, являются: высокая учебная успеваемость, нормативность поведения, адекватная самооценка, низкая тревожность, высокий социальный статус, мотивация достижения. При этом способность адаптироваться к новой среде кадетского корпуса выше у мальчиков, чем у девочек. По мнению А.С. Тишковой это связано с тем, что мальчикам гораздо ближе специфика военного образования, по сравнению с девочками [9].

Существенное значение на возникновение межличностных конфликтов оказывают различные факторы риска. К ним могут относиться, например, культурные различия. Было установлено, что характерной стратегией поведения в конфликте для выборки из обучающихся национальных

образовательных систем является стратегия «доминирование», которая применяется в отношении своей этнической группы и в отношении представителей других групп [2]. С другой стороны, это могут быть отношения с семьей и со сверстниками. Неблагоприятная семейная ситуация и негативные отношения со сверстниками могут повлиять на возникновение ситуаций буллинга. По результатам исследования жертвами буллинга чаще становятся мальчики [5].

Специфика социальной ситуации развития может являться фактором риска для возникновения конфликтных ситуаций [6]. При этом, уделяя внимание адаптации обучающихся, поддержанию и развитию у них личностных качеств и умений, риск возникновения конфликтов снижается.

В связи с этим возникает задача развития навыков эмоционального интеллекта, создания учебных программ по разрешению конфликтов, поддержанию психологического здоровья, физической активности и социально-эмоционального развития.

Согласно исследованиям, профилактическая работа должна в себя включать: управление конфликтами и формирование у курсантов умений конструктивной психологической защиты, мониторинг социально-психологического климата в коллективе курсантов, введение элементов самоуправления во внеучебную деятельность [3].

Одним из вариантов снижения уровня конфликтности среди обучающихся выступает создание школьной службы примирения [10]. В результате применения данного метода происходит заметное снижение уровня конфликтности среди обучающихся. Главным требованием эффективному применению данного метода является доступность, понятность, простота работы школьной службы примирения [4]. Ведущую позицию занимает обучающийся, при кураторстве взрослого, поскольку подросткам гораздо проще открыться сверстникам, чем взрослым [10]. Работа школьной службы примирения нацелена на изменение стратегий поведения в конфликте, что в свою очередь способствует снижению конфликтов.

Таким образом, проблема межличностных конфликтов является многогранной. На данный феномен оказывают влияния стили общения, адаптированность к новой среде, ролевое поведение в конфликте. В результате теоретического анализа можно выделить факторы-протекторы преодоления межличностных конфликтов: адекватная самооценка, низкая тревожность, высокий социальный статус, мотивация достижения, эффективные стратегии поведения в конфликте. Факторами-предикторами могут выступать определенные индивидуально-психологические особенности личности подростка: агрессивность, низкий социометрический статус, тревожность, склонность к буллингу, подозрительность.

Список литературы:

1. Бармина А.Н., Сидорова Т.А. Проявление агрессивного поведения у подростков в конфликтной ситуации // Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи. 2022. С. 48-52.

2. Батхина А.А. Выбор стратегии поведения в межкультурном конфликте: роль ценностей и контекста взаимодействия: автореф. дис. канд. психологических наук. М., 2019. 36 с.

3. Безматерных А.Н. Подготовка курсантов военных вузов к социальному взаимодействию: автореф. дисс. канд. пед. наук. Челябинск, 2020. 25 с.

4. Гиваргизова Н.А., Минасян Л.А., Канеева А.В. Школьная служба примирения как регулятор развития отечественной медиации // Миссия конфессий. 2024. Т. 13. № 74. С. 80-90.

5. Гришина Т.Г. Социально-психологические факторы ролевого поведения подростков в ситуации буллинга: дисс. канд. псих. наук. М., 2021. 208 с.

6. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

7. Зыкин В.В. Агрессивное поведение старших школьников, обучающихся в кадетской школе МЧС // Передовое развитие современной науки: опыт, проблемы, прогнозы. 2021. С. 278-284.

8. Танов А.М. Влияние стиля общения руководителя на служебные конфликты в коллективе: автореф. дисс. канд. псих. наук. М., 2019. 28 с.

9. Тишкова А.С. Специфика ролевой структуры личности кадетов с разными уровнями социально-психологической адаптированности: автореф. дис. канд. псих. наук. Ярославль, 2021. 24 с.

10. Шалагинова К.С. Особенности подготовки подростков к работе в школьной службе медиации // Научный потенциал. 2019. № 2-3. С. 75-81.

References:

1. Barmina A.N., Sidorova T.A. The manifestation of aggressive behavior in adolescents in a conflict situation // Prevention of aggression and destructive behavior of youth. 2022. P. 48-52.

2. Batkhina A.A. Choosing a strategy of behavior in an intercultural conflict: the role of values and the context of interaction: abstract of the dissertation of the candidate. Psychological Sciences. Moscow, 2019. 36 p.

3. Bezmaternykh A.N. Preparation of military university cadets for social interaction: abstract of the dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences. Chelyabinsk, 2020. 25 p.

4. Givargizova N.A., Minasyan L.A., Kaneeva A.V. School reconciliation service as a regulator of domestic mediation development // The mission of the faiths. 2024. Vol. 13. № 74. P. 80-90.

5. Grishina T.G. Socio-psychological factors of adolescent role behavior in bullying situations: dissertation of the cand. psycho. nauk. Moscow, 2021. 208 p.

6. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

7. Zykin V.V. Aggressive behavior of senior schoolchildren studying at the cadet school of the Ministry of Emergency Situations // Advanced development of modern science: experience, problems, forecasts. 2021. P. 278-284.

8. Tanov A.M. The influence of the manager's communication style on office conflicts in the team: abstract of the dissertation of the candidate. psycho. nauk. M., 2019. 28 p.

9. Tishkova A.S. The specifics of the role structure of the personality of cadets with different levels of socio-psychological adaptation: abstract of the dissertation of the candidate. psycho. sciences of Sciences. Yaroslavl, 2021. 24 p.

10. Shalaginova K.S. Features of preparing teenagers for work in the school mediation service // Scientific potential. 2019. № 2-3. P. 75-81.

Шарпе Инесса Евгеньевна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: inessa.sharpe@mail.ru
Sharpe Inessa Evgenievna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

АДАПТАЦИЯ И ДЕЗАДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ: ГЕНДЕРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ADAPTATION AND MALADJUSTMENT OF ADOLESCENTS: GENDER AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Аннотация. В статье рассматривается проблема дезадаптации подростков как актуальная тема в области психологии. Основная мысль работы – влияние социальных и психологических факторов на процессы социализации подростков, а также гендерные различия в проявлении адаптивных способностей. Автор подчеркивает, что успешная социализация зависит от формирования гендерных норм и стереотипов, а также от ранних эмоционально-личностных отношений в семьях, что может в значительной степени определять уровень адаптации подростка.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, дезадаптация, подростки, гендерная самоидентификация, социализация.

Abstract. This article examines the problem of gender maladjustment of adolescents as an urgent topic in the field of psychology. The main idea of the article is the influence of social and psychological factors on the processes of socialization of adolescents, as well as gender differences in the manifestation of adaptive abilities. The author emphasizes that successful socialization depends on the formation of gender norms and stereotypes, as well as on early emotional and personal relationships in families, which can largely determine the level of adaptation of a teenager.

Keywords: adaptation, social adaptation, maladaptation, adolescents, gender self-identification, socialization.

Исследование психологических различий между мужчинами и женщинами является предметом широких научных дискуссий в психологии на протяжении многих лет, причем тематические исследования начали активно проводиться во второй половине XX века, как учеными из разных стран, так и специалистами из России, представляющими разнообразные психологические направления. Гендерная самоидентификация осуществляется на уровне самосознания личности, определяя направленность ее социализации в обществе. Ключевую роль в успешной социализации и адаптации человека, его принятии обществом как полноценного члена, играет формирование гендерных норм и стереотипов. Освоение гендерных ролей происходит через механизмы социального научения, такие как имитация и идентификация с родителями или другими значимыми взрослыми своего пола. Решающее влияние на формирование гендерных представлений у подростков оказывают семья, общение с ровесниками и образовательная система. Эти гендерные характеристики

становятся особенно заметны в подростковом возрасте, критическом для развития личности и ее взаимодействия с социальной средой.

Исследования, проведенные учеными из разных стран, указывают, что основные факторы, влияющие на трудности в адаптации в социальной и психологической сферах у подростков, часто происходят из раннего возраста. Как правило, они связаны с недостатком эмоционально-личностных отношений, в частности, с отсутствием материнского внимания.

Подростковая психогенная дезадаптация является серьезной проблемой современности, требующей всестороннего изучения и индивидуализированного подхода при необходимости интервенции. Эксперты в домене социологии и психологии поведения обнаружили, что примерно каждый пятый подросток в России испытывает проблемы, связанные с адаптацией. Это подчеркивает необходимость в интегрированной поддержке, включающей медицинские, образовательные и психотерапевтические методики [3].

Современные научные исследования свидетельствуют о том, что факторы социально-психологической дезадаптации среди подростков часто коррелируют с усилением девиантных проявлений и связаны со сложностями адаптации в семейной и образовательной среде. Это может иметь длительные последствия для личностного развития подростков [3].

Процесс социально-психологической адаптации является сложной и многоаспектной задачей, которая требует от индивида преодоления препятствий и разработки новых моделей поведенческих и когнитивных реакций. В рамках этого процесса М.В. Ромм акцентирует внимание на информационно-интеллектуальной составляющей адаптации, подчеркивая необходимость переосмысления текущих обстоятельств и активного поиска свежей информации для формулирования эффективной стратегии адаптации при столкновении с новыми изменениями в окружающей среде [5].

Социально-психологическая дезадаптация является процессом, отражающим расхождение между социально-психологическими компетенциями индивида и требованиями, предъявляемыми обществом, что проявляется в различных жизненных контекстах. Это расхождение приводит к тому, что человек испытывает затруднения с адаптацией в обстановке, где он живет и действует [4].

Б.Н. Алмазов утверждал, что дезадаптация возникает из-за дисбаланса между поставленными целями и фактически достигнутыми результатами в деятельности индивида. Он подчеркивал, что адаптивные способности человека подвержены изменениям, определяемым как внешними обстоятельствами, так и психологическим состоянием личности, что влияет на их уменьшение или усиление. Таким образом, дезадаптация отражает процесс сокращения адаптационных ресурсов индивида.

Дезадаптация является следствием разрушения гармонии между индивидом и социумом как на психологическом, так и на социальном уровне. Этот дисбаланс проявляется в виде внутреннего напряжения, нарушений в

поведенческих актах, в ошибках при выполнении деятельности и в конфликтных отношениях с другими.

Причинами дезадаптации могут быть разнообразные факторы. К примеру, внутренние конфликты, возникающие из-за расхождения личностных убеждений и социальных ожиданий, которые генерируют когнитивный диссонанс, способствующий дезадаптации и в утрате адаптивных стратегий поведения. Внешние факторы также способны инициировать этот процесс, воздействуя на человека и его взаимосвязь с окружающей средой [1].

Важно подчеркнуть, что дезадаптация – это не неизменно длительное состояние. Индивид обладает потенциалом адаптации и преодоления препятствий. Существуют многочисленные методы, способствующие восстановлению гармонии и достижению равновесия. К примеру, психологическое сопровождение, усвоение методик стресс-менеджмента и эксплорация новых сфер деятельности могут облегчить адаптивный процесс и преодоление дезадаптации. Так, дезадаптация является сложным явлением, порожденным различными причинами и выражающимся в дисбалансе между личной и социальной адаптацией. Тем не менее, применение адекватных стратегий и наличие поддержки позволяют индивиду преодолеть это состояние и вновь достичь адаптации [1].

Многообразие дефиниций дезадаптации указывает на сложность и амбивалентность его использования, особенно когда дело касается анализа влияния индивидуальных качеств и обстоятельств дезадаптации в контексте таких понятий, как «здоровье» и «болезнь». Следует также отметить, что в определении этого термина различные исследователи могут видеть «дезадаптацию» одновременно как динамический процесс, его проявления и последствия взаимодействия индивида с окружающей средой.

Основные признаки дезадаптивного поведения среди подростков проявляются через ряд негативных поведенческих признаков: эмоциональная лабильность, проявляющаяся в быстрых перепадах настроения, вспыльчивость, раздражительность, проблемах саморегуляции и агрессивных реакциях. Также к этим признакам относятся проблемы в общении, сниженная успеваемость в учебной среде, злоупотребление алкоголем и наркотиками, курение, а также преступные действия и тенденция к нарушению закона [8, С. 68].

В процессе перехода к взрослости юноши и девушки сталкиваются с необходимостью автономии и самоидентификации. Этот этап характеризуется стремлением к независимости от родителей и поиском собственного пути. Важную роль в данном контексте играют сверстники, которые оказывают значительное влияние на формирование личности. Взаимодействие с ними становится ведущим фактором социальной адаптации и психологической защиты в подростковом возрасте. Это время, когда влияние группы сверстников может превышать воздействие семьи, приводя подростков к активному процессу социализации. Тем не менее, важно учитывать, что группы сверстников бывают разноплановыми, включая

в себя представителей с различным социальным статусом и возрастом, что может иметь как положительное, так и отрицательное воздействие на развитие личности подростка [7].

Социальная деградация является глубокой формой социальной дезадаптации, когда человек теряет связь как с образовательной средой, так и с семейным окружением. Это приводит к эмоциональной и психологической изоляции, что делает подростка более подверженным воздействию групп с девиантным поведением [2, 7 и др.]. В таких коллективах молодой человек зачастую ассимилирует деструктивные ценности и поведенческие модели, приобретая негативный социальный опыт, снижающую адаптивность и личностное развитие [11].

В результате не только учебные показатели снижаются, проявляется отставание, но также увеличивается вероятность втягивания в рискованные сценарии, включая наркотическую зависимость, агрессивные действия или уголовные акты. Следует подчеркнуть, что дезадаптация в подростковом возрасте может привести к значимым негативным последствиям для их дальнейшего развития и социальной интеграции [11].

В исследовании Н.Н. Лупенко затрагивается проблема гендерных различий в характеристиках личности и уровне адаптации среди подростков [6]. Автор выявляет связь между уровнем тревоги и способностью подростков адаптироваться к социальной среде, акцентируя внимание на влиянии тревожности на процессы адаптации и дезадаптации. Она подчеркивает, что стрессовые факторы могут приводить к нарушениям в поведенческой адаптации, что видно по появлению проблем в поведении и социальном взаимодействии, а также могут отрицательно сказаться на состоянии психологического благополучия и в целом на психическом здоровье подростка.

В рамках эмпирического анализа индикаторов социально-психологической адаптации было установлено, что девушки демонстрируют более высокий уровень адаптивности в общении с ровесниками, а также более выраженный эмоциональный комфорт и степень самопринятия. Подростки, склонные к тревожности, испытывают значительные трудности в процессе интеграции с группой сверстников и более восприимчивы к социально-психологической дезадаптации. Особое внимание уделяется юношам, у которых выявлена взаимосвязь высокой тревожности и низкой эмоциональной удовлетворенности, усиливающая риск дезадаптации. Для девушек в большей мере коррелирует с уровнем самопринятия, и лишь у отдельных участниц с повышенной тревожностью [10].

Подростки обоих полов встречаются с многочисленными трудностями и вызовами на пути к достижению успешной социализации и психологического благополучия. Несмотря на большой объем научных исследований, посвященных этой теме, вопросы, связанные с гендерными аспектами адаптации в подростковом возрасте, по-прежнему требуют большего внимания и детализации [7].

Множество аспектов влияют на гендерную адаптацию в подростковом возрасте. Среди них выделяются гендерные стереотипы и социальные ожидания относительно поведения мужчин и женщин, оказывая влияние на интеграцию подростков в обществе. Взаимодействие биологических особенностей и гендерно-специфичных характеристик закладывает фундамент для их адаптации [3].

Исследования демонстрируют, что мальчики более склонны к проблемам адаптации, выражающимся в агрессии и конфликтах с одноклассниками, в то время как девочки часто сталкиваются с высоким уровнем тревожности и ищут социальное признание. Такие поведенческие и адаптационные различия могут быть обусловлены социокультурными гендерными ролями и ожиданиями, закрепленными в общественном сознании [9].

Таким образом, несмотря на разнообразные исследования, посвященные адаптационным процессам среди подростков, область гендерных аспектов адаптации все еще требует глубокого изучения. Дополнительные научные работы в этом направлении могут внести значительный вклад в создание более целенаправленных программ поддержки, которые будут учитывать гендерную специфику и нужды подрастающего поколения, облегчая их процесс социальной и психологической адаптации.

Список литературы:

1. Афанасьева С.А. Характеристика понятий «адаптация», «социально-психологическая адаптация» и «дезадаптация» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-2. С. 6-8.
2. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.
3. Дмитриева С.Н. Исследование факторов дезадаптации подростков посредством индивидуального консультирования: дисс. ...канд. психологических наук. Якутск, 2020. 129 с.
4. Клецина И.С. Гендерная проблематика в исследованиях // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 83-87.
5. Коротаева А.И., Кузьмин М.Ю. Особенности социально-психологической адаптации школьников с разной гендерной идентичностью // Педагогический имидж. 2020. Т. 14. № 4 (49). С. 729-742.
6. Лупенко Н.Н. Гендерные различия тревожности личности и адаптированности у подростков: дисс. канд. психологических наук. Краснодар, 2019. 165 с.
7. Лыков И.В., Федоткина И.В., Юсупов В.В. Социально-психологическая адаптация подростков в общеобразовательных учреждениях // Вестник психотерапии. 2010. № 34. С. 55-62.
8. Овчинникова Г.А. Социальная дезадаптация подростков «Группы риска» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 17. С. 161-170.
9. Рекунова Е.В. Гендерные особенности социально-психологической дезадаптации подростков // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. 2019. № 3. С. 303-304.
10. Хухлаева О.В. Психология подростка. М.: Издательство МПСИ, 2008. 160 с.

11. Шашуро А.Е. Критерии и показатели выявления уровня дезадаптации подростков в ОУ // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 7. С. 16-21.

References:

1. Afanasyeva S.A. Characteristics of the concepts of «adaptation», «socio-psychological adaptation» and «maladaptation» // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 11-2. P. 6-8.

2. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing creative work of students // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

3. Dmitrieva S.N. The study of the factors of maladaptation of adolescents through individual counseling: dis. ...kand. psychological sciences. Yakutsk, 2020. 129 p.

4. Kletsina I.S. Gender issues in research // Questions of psychology. 2012. № 1. P. 83-87.

5. Korotaeva A.I., Kuzmin M.Yu. Features of socio-psychological adaptation of schoolchildren with different gender identities // Pedagogical image. 2020. Vol. 14. № 4(49). P. 729-742.

6. Lupenko N.N. Gender differences in personality anxiety and adaptability in adolescents: dis. kand. psychological sciences. Krasnodar, 2019. 165 p.

7. Lykov I.V., Fedotkina I.V., Yusupov V.V. Socio-psychological adaptation of adolescents in educational institutions // Bulletin of Psychotherapy. 2010. № 34. P. 55-62.

8. Ovchinnikova G.A. Social maladaptation of adolescents of the «Risk group» // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. 2013. № 17. P. 161-170.

9. Rekunova E.V. Gender-specific features of socio-psychological maladaptation of adolescents // Youth of the XXI century: education, science, innovation. 2019. № 3. P. 303-304.

10. Khukhlaeva O.V. Psychology of a teenager. Moscow: MPSI Publishing House, 2008. 160 p.

11. Shashuro A.E. Criteria and indicators for identifying the level of maladaptation of adolescents in educational institutions // International scientific journal «Symbol of Science». 2017. № 7. P. 16-21.

Ширяшкина Светлана Сергеевна,
Московский государственный психолого-
педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант
e-mail: inessa.sharpe@mail.ru
Shiryashkina Svetlana Sergeevna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS PRONE TO DEVIANT BEHAVIOR

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей девиантного поведения подростков. Актуальность проблематики обусловлена спецификой психологической коррекционной и профилактической работы. Статья будет полезна специалистам, которые профессионально занимаются воспитательной и коррекционной работой с подростками, студентам психолого-педагогического направления.

Ключевые слова: девиантное поведение, возрастная психология, экстремальная психология, индивидуально-психологические особенности, асоциальное поведение.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of deviant behavior of adolescents. The relevance of the issue is determined by the specifics of psychological correctional and preventive work. The article will be useful to specialists who are professionally engaged in educational and correctional work with adolescents, students of the psychological and pedagogical field.

Keywords: deviant behavior, age psychology, extreme psychology, individual psychological features, antisocial behavior.

Девиантное поведение подростков представляет собой одну из ключевых социальных и психолого-педагогических проблем современного общества, развивающегося по средствам цифровых технологий, что влечет нахождение несовершеннолетних в виртуальном мире [1, 3, 5 и др.]. Подростковый возраст характеризуется значительными физическими, эмоциональными и социальными изменениями, в результате чего молодые люди нередко сталкиваются с различными стрессами и несоответствием требований окружающего мира их внутренним переживаниям. Это может приводить к отклонению от социально одобряемых норм поведения. Изучение индивидуально-психологических особенностей подростков с различными типами девиантного поведения актуализируется на фоне неблагоприятных последствий, как для самих подростков, так и для их семей и общества в целом [2, 4 и др.]. Понимание психологических факторов, способствующих формированию девиантного поведения, необходимо для разработки эффективных методов профилактики и коррекции, что имеет критическое значение для практики психологов, социальных работников и педагогов [6, 8 и др.].

По результатам исследования по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению» у подростков из экспериментальной группы,

проявляющих девиантное поведение, наблюдаются более высокие показатели по шкалам «Преодоления норм и правил», аддиктивного и саморазрушающего поведения, агрессии и насилия по сравнению с контрольной группой. В то же время подростки из экспериментальной группы демонстрируют более низкий волевой контроль по сравнению с контрольной группой. Анализ различий между контрольной и экспериментальной группами с помощью t-критерия Стьюдента показал статистически значимые различия по ряду шкал, что подтверждает ранее сделанные выводы. Действительно, подростки из экспериментальной группы с девиантным поведением демонстрируют более высокие показатели по таким шкалам, как «Преодоление норм и правил», «Аддиктивное поведение», «Саморазрушающее поведение», «Агрессия и насилие» в сравнении с контрольной группой. Эти результаты говорят о более выраженной склонности к нарушению социальных норм, аддиктивному и саморазрушающему поведению, а также агрессии у подростков из экспериментальной группы. В целом, представленные результаты анализа различий между группами с использованием t-критерия Стьюдента подтверждают выводы, сделанные ранее, и дополняют полученную картину особенностей девиантного поведения у подростков. Различия между группами по методике «Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения» (ДАП-П) также были статистически значимы по шкале "Делинквентное поведение". Подростки из экспериментальной группы показали более высокие баллы, что свидетельствует о более выраженной склонности к противоправному и криминальному поведению в данной группе. Подростки из экспериментальной группы, проявляющие девиантное поведение, демонстрируют более высокие показатели по ряду ключевых характеристик - преодоление норм и правил, аддиктивное, саморазрушающее и делинквентное поведение, агрессия и насилие. Эти различия в большинстве случаев достигают статистической значимости. Для подростков экспериментальной группы характерен более низкий уровень волевого контроля над своим поведением по сравнению с контрольной группой. Эти различия также являются статистически значимыми. Подростки из экспериментальной группы, проявляющие девиантное поведение, демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по шкалам склонности к преодолению норм и правил, аддиктивному, самоповреждающему и саморазрушающему, агрессивному и делинквентному поведению по сравнению с контрольной группой. Для подростков экспериментальной группы также характерен статистически значимо более низкий уровень волевого контроля эмоциональных реакций по сравнению с контрольной группой. В целом, полученные данные указывают на выраженные личностные особенности, отличающие подростков с девиантным поведением, проявляющиеся в более высокой склонности к нарушению социальных норм, аддиктивным, агрессивным и делинквентным формам поведения, при сниженных возможностях саморегуляции. Данные

индивидуально-типологического опросника (ИТДО) дополняют картину, полученную ранее с помощью других методик. Подростки из экспериментальной группы, проявляющие девиантное поведение, демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по шкалам экстраверсии, спонтанности, агрессивности и ригидности в сравнении с контрольной группой. В то же время, для подростков контрольной группы характерен статистически значимо более высокий уровень интроверсии и сензитивности по сравнению с экспериментальной группой. Подростки из экспериментальной группы также показывают статистически значимо более высокие баллы по шкале тревожности по сравнению с контрольной группой. Полученные данные указывают на выраженные личностные особенности, характерные для подростков с девиантным поведением, проявляющиеся в более высоких показателях экстраверсии, спонтанности, агрессивности, ригидности и тревожности. Данные с использованием методики «Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков» (МПДО) дополняют картину, сложившуюся на основании предыдущих методик. Подростки из экспериментальной группы, проявляющие девиантное поведение, демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по таким типам акцентуаций, как гипертимный, лабильный, астено-невротический, психастенический, шизоидный, эпилептоидный и истероидный, по сравнению с контрольной группой. В то же время, для подростков контрольной группы характерен статистически значимо более высокий уровень сензитивного типа акцентуации по сравнению с экспериментальной группой.

Таким образом, результаты, полученные с помощью методики МПДО, возможно выделить стремление подростков к асоциальному поведению – ускользающему поведению от существующих моральных и нравственных норм в социуме, склонность к экстремальным ситуациям [7, 9]. Известно, что экстремальная психология занимается изучением состояния психики человека, находящегося в иных условиях своего бытия, которые отличаются от привычных. Также подготовкой к ним и дальнейшей нормализации психологического состояния для возвращения к привычной деятельности.

Девиантное поведение подростков формируется в экстремальных условиях, происходящих внутренних процессах, физиологических, как следствие психологических. Что приводит к иному восприятию окружающего мира, экстремальным ситуациям [9]. Данную область исследования возможно отнести к экстремальной психологии. Действительно, профилактическая, коррекционно-психологическая работа с подростками направлена на нормализацию психологического состояния в их привычном реальном мире.

Список литературы:

1. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.
2. Душкин А.С., Гончарова Н.А. Индивидуально-психологические ресурсы

личности несовершеннолетних в профилактике их вовлечения в совершение антиобщественных действий // Прикладная юридическая психология. 2021.

3. Гвоздева А.А. Изменение склонности к девиантному поведению в процессе профессионального становления военнослужащих // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.

4. Клейберг Ю.А. Теоретико-методологические обоснования психологии девиантного поведения // Методология современной психологии. 2020.

5. Клемантович И.П., Белякова Т.С. Социально-педагогическая профилактика девиантного поведения у подростков: формирование, генезис, практики // Социальная педагогика в России. Научно- методический журнал. 2023. № 4. С. 5-12.

6. Клочков А.В., Пшеуч Б.Х. Девиантное поведение российской молодежи как социальная проблема // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11-1. С. 44-47.

7. Маметьева О.С. Профилактика девиантного поведения подростков: технологии творческой самореализации // Общество. 2021.

8. Носоченко Е.С., Иванова Н.Г. Теоретический обзор изучения личностных особенностей девиантных подростков в психологии // Наука в жизни человека. 2023.

9. Петров В.Е., Филипенкова Н.Ю. Психологическая помощь и самопомощь сотрудникам полиции в экстремальных ситуациях: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 118 с.

References:

1. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.

2. Dushkin A.S., Goncharova N.A. Individual psychological resources of the personality of minors in the prevention of their involvement in antisocial acts // Applied Legal Psychology. 2021.

3. Gvozdeva A.A. Changes in the tendency to deviant behavior in the process of professional development of military personnel // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 3. P. 68-84. DOI: 10.17759/epps.2024010305.

4. Kleiberg Yu.A. Theoretical and methodological foundations of the psychology of deviant behavior // Methodology of modern psychology. 2020.

5. Klemantovich I.P., Belyakova T.S. Socio-pedagogical prevention of deviant behavior in adolescents: formation, genesis, practices // Social pedagogy in Russia. Scientific and methodological journal. 2023. № 4. P. 5-12.

6. Klochkov A.V., Psheuch B.H. Deviant behavior of Russian youth as a social problem // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 11-1. P. 44-47.

7. Mametyeva O.S. Prevention of deviant behavior of adolescents: technologies of creative self-realization // Society. 2021.

8. Nosochenko E.S., Ivanova N.G. A theoretical review of the study of personal characteristics of deviant adolescents in psychology // Science in human life. 2023.

9. Petrov V.E., Filipenkova N.Yu. Psychological assistance and self-help to police officers in extreme situations: an educational and methodical manual. Domodedovo: VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 118 p.

Щёколова Наталья Степановна,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
магистрант

e-mail: nat.80@mail.ru

Shchekolova Natalia Stepanovna,
Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russia), Master's student

Деулин Дмитрий Владимирович,
Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия),
декан факультета экстремальной психологии,
кандидат психологических наук, доцент

e-mail: ddeulin@yandex.ru

Deulin Dmitry Vladimirovich,
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia), Dean of the Faculty of Extreme
Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor

ВЛИЯНИЕ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

INFLUENCE OF A DISFUNCTIONAL FAMILY ON THE MANIFESTATION OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Аннотация. Изучается влияние дисфункциональности семьи на психологическое благополучие воспитываемого в ней ребенка. Целью научного исследования является изучение особенностей психологического благополучия детей, воспитывающихся в дисфункциональных семьях. Основными методами исследования выступили: дедукции, экстраполяции, контент-анализа, тест «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса, методика «Паровозик» С.В. Велиевой, методика «Лесенка» В.Г. Щур. Определено, что дисфункциональная семья обуславливает низкий уровень психологического благополучия ребенка: чем выше уровень дисфункциональности семьи, тем ниже уровень проявляемого ребенком психологического благополучия. Полученные результаты исследования можно использовать при подготовке программ психопрофилактики и психокоррекции психологического неблагополучия детей.

Ключевые слова: психологическое благополучие; дисфункциональная семья; младший школьный возраст; влияние дисфункциональной семьи.

Abstract. The influence of family dysfunctionality on the psychological well-being of a child raised in it is studied. The purpose of the research is to study the psychological well-being of children raised in dysfunctional families. The main research methods were: deduction, extrapolation, content analysis, the «Kinetic family drawing» test by R. Burns, the «Locomotive» method by S.V. Veliyeva, the «Ladder» method by V.G. Shchur. It is determined that a dysfunctional family causes a low level of psychological well-being of a child: the higher the level of family dysfunctionality, the lower the level of psychological well-being shown by the child. The obtained research results can be used in the preparation of programs for psychoprophylaxis and psychocorrection of children's psychological distress..

Keywords: psychological well-being; dysfunctional family; primary school age; influence of dysfunctional family.

Жизнь современного общества переменчива и интенсивна, в ней происходят постоянные изменения, которые требуют от человека сохранения психологической устойчивости, равновесия, высокого уровня адаптивности.

Данные требования относятся как к взрослым, так и детям. Обобщенно эти характеристики выражают суть понятия «психологического благополучия». Данный феномен занимает важное место в психологических исследованиях, а также таких науках как социология, медицина, философия. Исследованием психологического благополучия занимались многие, например, Н. Брэдберн, Э. Динер, К.А. Абульханова-Славская, Е.Е. Бочарова, И.А. Джидарьян, Л.В. Куликов, Р.М. Шамионов, И.В. Дубровина и другие. Психологическое благополучие, является тем показателем, который мы можем наблюдать уже как результат воздействия многих факторов, которые в разной степени сказываются положительно или отрицательно на рассматриваемом феномене. Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование психологического благополучия, а точнее на продуктивность выполнения всех функций мы считаем семью.

Нестабильность в обществе, которую мы можем наблюдать в настоящее время, несомненно, повлияла на увеличение числа проблемных семей. Семья в жизни каждого человека может выступать в разных ипостасях: от источника стресса до социальной поддержки. Однако дисфункциональность семьи, в которой отсутствуют условия для нормального психофизиологического развития ребенка чаще всего негативно отражается на формирование «психологических новообразований» у ребенка [2]. Именно данная проблематика является ключевой в настоящей статье, а именно – изучение личности ребенка во взаимосвязи с изучением проблем взаимоотношений в семье и проживание семьей различных жизненных трудностей.

Одной из задач школьной психологической службы является содействие сохранению и развитию «психологического благополучия» обучающихся. Именно в младшем школьном возрасте, мы впервые обращаемся к ребенку как к школьнику, как личности выходящей за пределы семейной ситуации. Дети начальных классов вступают в возраст активного формирования межличностных отношений. Они приобретают и развивают практические навыки стратегий поведения в обществе, стиль общения и др. Эти обстоятельства обуславливают дальнейшее формирование ребенка, предъявляет к нему требования и при этом является фундаментом дальнейшего благополучия. Все это показывает важность всего, что проживается в младшем школьном возрасте, ведь он является важным на пути становления личности и ее психологического благополучия в дальнейшей жизни.

Если обобщить понятие «психологическое благополучие», то предлагается понимать его, как меру реализации личностного потенциала человека, развития его способностей и умений, которые осуществляются в результате эффективной защиты и поддержки со стороны семьи, местного сообщества, широкого социума и государства [3].

Интересующий нас младший школьный возраст был выбран не случайно, а по причине его важности в становлении психологического благополучия, а также по тому, что данный возраст наименее изучен в

интересующем нас вопросе благополучия. Акцент на проблематике позволит разработать коррекционные и профилактические программы, направленные на социально-психологическую адаптацию ребенка в таких семьях.

Семья, которая ответственно, регулярно и дифференцированно выполняет свои функции, вследствие чего удовлетворяется потребность в росте и изменениях как семьи в целом, так и каждого ее члена, безусловно, считается нормальной и полноценно функционирующей. Однако, как уже отмечалось, в настоящее время растет число семей, которые мы можем назвать дисфункциональными. Прежде всего, отличительными особенностями таких семей является отсутствие возможности удовлетворения даже базовых потребностей затруднениях в реализации основных задач, которые являются уникальными на каждой стадии жизненного цикла семьи [1].

Психологическая атмосфера семьи, эмоциональная насыщенность и социально-психологическая характеристика взаимоотношений детей и родителей, самостоятельная и совместная деятельность участников семейных отношений, воспитательная активность, воздействующая на ребенка, структура и состав семьи – все это факторы воспитания в семье, сказывающиеся на формировании личности, воспитываемого в ней ребенка [5]. Кроме того, школа, предъявляющая определенные требования к развитию ребенка, проявлению им общественных норм, соблюдение правил и при этом обеспечивающая постоянное включение в группу, где можно проследить все особенности развития и проявления благополучия обучающегося, стала хорошей платформой для изучения феномена «психологического благополучия» [6, 7 и др.]. Мы его рассматриваем в контексте сочетания проявлений психосоматического здоровья, социальной адаптации и психологического здоровья, которое изучалось нами в большей степени [4]. К психологическим критериям благополучия относим: активность ребенка, социальную адаптацию, адекватное восприятие себя и окружающей среды, установление близких контактов и адекватное отношение к себе. Для изучения выделены: уровень самооценки младших школьников, проявляемое ими эмоциональное состояние и индивидуальную оценку внутрисемейных отношений.

Организация и методология исследования. Объектом нашего исследования являлось психологическое благополучие младших школьников, а предметом, непосредственно психологическое благополучие младших школьников в дисфункциональной семье. Гипотеза исследования. Мы предполагаем, что дисфункциональная семья обуславливает низкий уровень психологического благополучия ребенка: чем выше уровень дисфункциональности семьи, тем ниже уровень проявляемого ребенком психологического благополучия. Исследование было построено на применении следующих методик: теста «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса, С. Кауфмана, который дал нам информацию о субъективно воспринимаемой семейной ситуации ребенка, а также помог выявить

взаимоотношения в семье, которые вызывают тревожные состояния у ребенка; методики «Паровозик» С.В. Велиевой, которая предназначена для определения особенностей эмоционального состояния ребенка, его нормального или пониженного настроения, присутствие состояния тревоги, страха, уровня адаптации в новой или привычной, социальной среде; методики «Лесенка» В.Г. Щур, с помощью которой выявляли особенности и уровень самооценки детей, а также метода экспертной оценки для определения группы дисфункциональных семей и их уровня дисфункциональности. Для определения тесноты (силы) и направления корреляционной связи между двумя признаками (дисфункциональностью семьи и уровнем психологического благополучия младших школьников) был применен метод ранговой корреляции Спирмена.

Согласно экспертной оценке, были выделены 35 семей, отнесенных к дисфункциональным. Основными характеристиками всех выделенных семей были наличие объективно определяемой социальной неблагополучности (употребление алкоголя, безработица хотя бы у одного из родителей, низкий социальный статус), а также частые конфликты в семье. Выборку в нашем исследовании составили 35 обучающихся вторых и третьих классов, воспитывающихся в выделенных семьях.

К исследованию были привлечены оценки работы с семьей как классного руководителя, так и социального педагога, и психолога. Для реализации поставленных задач были отобраны методики, направленные на исследование оценки ребенком ситуации в семье и восприятия ее взаимодействия, своего положения в семье и ее атмосферы; методики на выявление самооценки и эмоционального состояния детей младшего школьного возраста; а также составлена карта экспертной оценки, для выявления семей, относящихся к дисфункциональным.

Анализ результатов исследования. В результате проведения исследования нами были получены данные, подвергнутые дальнейшей аналитической обработке, в том числе с применением методов математической статистики (табл. 1).

Для определения тесноты (силы) и направления корреляционной связи между полученным уровнем проявляемого психологического благополучия и уровнем дисфункциональности семьи, нами был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена (табл. 2).

В результате произведенных расчетов, получены следующие данные: коэффициент корреляции ($\rho_{\text{набл}}$) равен 0.5. Таким образом, из проведенного анализа полученных данных с помощью расчета коэффициента корреляции следует, что установлена статистически значимая корреляция между уровнем дисфункциональности семьи и уровнем проявляемого психологического благополучия воспитываемого в ней ребенка младшего школьного возраста, это является основанием подтверждения выдвинутой нами в начале исследования гипотезы о наличии негативного влияния дисфункциональной семьи на уровень психологического благополучия воспитываемого в ней ребенка.

Таблица 1 – Результаты проведенного исследования.

Уровень дис- функцио- нальности семьи	Результат методики «лесенка»	Результат методики «паровозик»	Результат методики КРС	Присвоенный уровень проявляемого психологического благополучия
3	низкая	9	-	3
1	заниженная	2	+-	2
2	адекватная	8	+-	2
2	заниженная	6	+-	2
1	завышенная	3	+	1
3	заниженная	11	-	3
3	низкая	10	-	3
1	завышенная	2	+-	1
2	заниженная	9	-	3
2	адекватная	7	+-	2
2	заниженная	7	-	3
3	резко заниженная	10	-	3
1	низкая	9	+-	3
1	адекватная	3	+-	1
2	заниженная	6	+	2
3	низкая	6	-	3
3	завышенная	3	-	2
3	заниженная	7	+-	2
1	адекватная	3	+-	1
2	заниженная	9	+-	3
2	завышенная	2	+	2
1	заниженная	11	-	3
3	адекватная	6	-	3
3	заниженная	3	-	3
1	резко заниженная	8	-	3
2	низкая	10	-	3
2	адекватная	9	+	1
2	низкая	2	-	3
3	низкая	7	-	3
1	завышенная	7	+-	2
1	заниженная	10	+	3
2	адекватная	9	-	2
3	заниженная	8	-	3
1	резко заниженная	3	+-	2
2	заниженная	3	+	1

Подтвердив очень важную роль семьи в формировании и развитии благополучия ребенка, считаем важным проведение дальнейшей работы по профилактике дисфункциональности семей и коррекции уровня «психологического благополучия» ребенка для достижения оптимальности. Школа, может оказывать очень большое влияние на обучающихся, в ней дети проводят много времени, первый учитель является значимой фигурой в жизни ребенка и поэтому надо пробовать, и способствовать повышению проявляемого ребенком психологического благополучия.

Таблица 2 — Таблица расчета критических значений (критерий Спирмена)

n	Значения А	Ранг А	Значения В	Ранг В	d (ранг А - ранг В)	d ²
1	3	30	3	26.5	3.5	12.25
2	1	6	2	12	-6	36
3	2	18	2	12	6	36
4	2	18	2	12	6	36
5	1	6	1	3.5	2.5	6.25
6	3	30	3	26.5	3.5	12.25
7	3	30	3	26.5	3.5	12.25
8	1	6	1	3.5	2.5	6.25
9	2	18	3	26.5	-8.5	72.25
10	2	18	2	12	6	36
11	2	18	3	26.5	-8.5	72.25
12	3	30	3	26.5	3.5	12.25
13	1	6	3	26.5	-20.5	420.25
14	1	6	1	3.5	2.5	6.25
15	2	18	2	12	6	36
16	3	30	3	26.5	3.5	12.25
17	3	30	2	12	18	324
18	3	30	2	12	18	324
19	1	6	1	3.5	2.5	6.25
20	2	18	3	26.5	-8.5	72.25
21	2	18	2	12	6	36
22	1	6	3	26.5	-20.5	420.25
23	3	30	3	26.5	3.5	12.25
24	3	30	3	26.5	3.5	12.25
25	1	6	3	26.5	-20.5	420.25
26	2	18	3	26.5	-8.5	72.25
27	2	18	1	3.5	14.5	210.25
28	2	18	3	26.5	-8.5	72.25
29	3	30	3	26.5	3.5	12.25
30	1	6	2	12	-6	36
31	1	6	3	26.5	-20.5	420.25
32	2	18	2	12	6	36
33	3	30	3	26.5	3.5	12.25
34	1	6	2	12	-6	36
35	2	18	1	3.5	14.5	210.25
Суммы		630		630		3570

Конечно, уделять внимание работе по повышению психологического благополучия необходимо для всех школьников, но в особенности, для тех, кто воспитывается в дисфункциональных семьях. Такая работа должна быть направлена как на детей, так и их родителей, семью в целом. Психологическое благополучие, это такая характеристика, которая в конечном итоге определяет качество жизни каждого человека и поэтому рассмотрение и исследование данной проблемы можно и нужно углублять с различных сторон, по отдельным компонентам и в их взаимосвязи.

Список литературы:

1. Абдуллаева Х.Ш. Типы дисфункциональных семей // «Мировая наука». 2018. № 4 (13). С. 55-58.
2. Быстрова Н.В., Уракова Е.А., Слюзнева К.В. Семейное благополучие как фактор психологического развития школьника // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). С. 12-18.
3. Воронина А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дисс. на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Томск. 2002. 223 с.
4. Гуткевич Е.В. Психологические детерминанты сохранения психического здоровья семьи // Материалы съезда Российского психологического общества. Казань, 2017. Т. 2. С. 34-36.
5. Гузенко С.В. Дисфункциональная семья как формирующая основа патолого-психологических особенностей ребенка // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2017. № 13.
6. Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.
7. Финогенова Т.А., Берко А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

References:

1. Abdullayeva H.S. Types of dysfunctional families // «World Science». 2018. № 4 (13). P. 55-58.
2. Bystrova N.V., Urakova E.A., Slyuzneva K.V. Family well-being as a factor of a student's psychological development // Innovative economics: prospects for development and improvement. 2019. № 3 (37). P. 12-18.
3. Voronina A.V. Assessment of the psychological well-being of schoolchildren in the system of preventive and correctional work of the psychological service: dissertation. for the degree of Candidate of Psychological Sciences. Tomsk. 2002. 223 p.
4. Gutkevich E.V. Psychological determinants of maintaining the mental health of the family // Proceedings of the Congress of the Russian Psychological Society. Kazan, 2017. Vol. 2. P.34-36.
5. Guzenko S.V. A dysfunctional family as the formative basis of the pathological and psychological characteristics of a child // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. 2017. № 13.
6. Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 1. P. 26-33. DOI: 10.17759/epps.2024010103.
7. Finogenova T.A., Berko A.A. The impact of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of the terrorist threat // Extreme psychology and personal security. 2024. Vol. 1. № 2. P. 61-75. DOI: 10.17759/epps.2024010205.

Научное издание

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ И ПРАКТИКИ**
Сборник статей

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

19 декабря 2024 года

Компьютерная верстка *В.Е. Петров*

Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times»
Электронное издание. Печать по необходимости

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051 г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52
<http://мгппу.рф>